ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1955

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

2 (52)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Henker

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1955

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

7 мая 1955 г. исполнилось 200 лет со дня основания Московского ордена Ленина Государственного университета имени М. В. Ломоносова. Значение юбилея этого старейшего и крупнейшего университета Советского Союза выходит далеко за пределы местного, университетского праздника. Двухсотлетняя история Московского университета неразрывно связана со всей историей нашей страны. Она связана с историей формирования и развития передового направления в русской национальной культуре и науке, с историей освободительной мысли в России и русским революционным движением, со строительством социализма в нашей стране и с осуществленной в ней культурной революцией.

Московский университет был открыт 200 лет тому назад, 7 мая 1755 г., по инициативе великого сына русского народа, ученого, мыслителя и патриота Михаила Васильевича Ломоносова. Сам выйдя из народа, Ломоносов энергично поддерживал народные стремления к знанию. Добившись основания первого в стране университета, Ломоносов тем самым претворил в жизнь одно из важнейших требований в области культуры, науки и просвещения, выдвинутых всем ходом исторического развития страны. Отсутствие в России XVIII в. системы среднего образования и высших учебных заведений в условиях зарождения капиталистических отношений и развития в стране промышленности, в условиях формирования русской нации находилось в полном противоречии с национальными интересами русского народа. Основание Московского университета и большой гимназии при нем, созданной по требованию Ломоносова, способствовало развитию национальной культуры и науки, распространению просвещения и подготовке отечественных кадров в самых различных отраслях культуры.

Структура университета и основные принципы его деятельности, разработанные Ломоносовым, отличались своей демократической и

патриотической направленностью. Московский университет был в то время единственным университетом в мире, в котором не было богословского факультета, что, безусловно, способствовало развитию материалистического направления в науке и придавало русской высшей школе подчеркнуто светский характер. Наличие в университете при его открытии трех факультетов (философского, юридического и медицинского) и десяти кафедр вполне соответствовало уровню развития науки того времени и обеспечивало подготовку полноценных специалистов по различным отраслям знания. Большое значение в истории русского просвещения имело то, что Московский университет ввел вскоре после его основания преподавание всех наук не на латинском, как было повсеместно принято, а на русском языке. Преподавание на русском языке, несомненно, являлось важным условием распространения просвещения. Оно способствовало демократизации состава учащихся и ускоряло развитие национальной культуры. Демократическая направленность ломоносовского проекта университета видна, в частности, в открытии доступа в стены университета детям податных сословий. В силу этого, несмотря на все меры, предпринятые царским правительством, на протяжении всего дореволюционного периода в истории университета более половины его студентов составляли разночинцы.

С первых же дней существования университета для всей его деятельности было характерно стремление к популяризации и к пропаганде научных знаний. Вспомним хотя бы знаменитые публичные лекции Десницкого, Грановского, Рулье, Сеченова, Тимирязева и многих других передовых ученых университета. С популяризацией передовой науки была тесно связана и издательская деятельность Московского университета, имевшая большое просветительное и общественное значение. Огромное количество исследований, исторических, литературных памятников было, в частности, опубликовано в известных «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», издававшихся Московским университетом.

Тесная связь Московского университета с передовой частью русского общества, с развитием антикрепостнического движения, привела к тому, что в его аудиториях бился пульс передовой философской и общественно-политической мысли, искавшей путей борьбы против самодержавно-крепостнического строя. Просветителей, воспитанных в Московском университете в XVIII в.,—Новикова, Фонвизина, Аничкова, Десницкого — сменило в начале XIX в. поколение дворянских революционеров-декабристов, значительная часть которых была питомцами Московского университета. На расправу с декабристами Московский университет ответил вольнолюбивыми стихами Полежаева, тайными студенческими кружками, началом деятельности революционных демократов—Белинского, Герцена, Огарева, Налбандяна, выступление которых явилось новым этапом русского революционного движения.

В условиях краха крепостнического общества студенческое движение было ярким показателем наличия элементов революционной ситуации в России. В эти дни питомец университета Герцен писал на страницах своего «Колокола» о «третьей крови», которую пролил царизм, стараясь отбить революционный натиск народа. Он писал, что к крови расстреливаемых и терзаемых крестьян, к крови повстанцев, боровшихся против национального и социального гнета, прибавилась третья — студенческая кровь.

Когда, в середине 90-х годов, произошло соединение марксизма с рабочим движением и начался пролетарский этап развития революционного движения в России, в Московском университете были созданы марксистские

кружки, одни из первых в Москве. Первые шаги деятельности этих кружков были направлены на организацию пропаганды марксизма среди рабочих и установление связи с пролетарскими организациями. Лучшая часть студенчества университета шла за революционной социал-демократией и все прочнее связывала свою борьбу с борьбой пролетариата. Студенческая забастовка 1901 г. и первая массовая демонстрация в Москве, во время которой улицы Москвы впервые увидели баррикады и красные флаги,— яркое тому доказательство. В событиях февраля 1901 г. передовое студенчество выступило вместе с московским пролетариатом, и именно выступление московских рабочих придало событиям такой размах и политическое значение.

Своим активным участием в первой русской революции 1905 г. студенты Московского университета вписали славную страницу в его историю. Взяв в свои руки университет, они предоставили его аудитории в октябре 1905 г. московскому пролетариату. В аудиториях университета происходили массовые политические митинги под лозунгом подготовки к вооруженному восстанию, заседали партийные, профсоюзные, забастовочные комитеты, изготовлялось вооружение для дружинников, составлялись и распространялись революционные прокламации. Боевая дружина университета принимала активное участие в декабрьском вооруженном восстании. Московский университет гордится тем, что основатель и вождь Коммунистической партии великий Ленин назвал его в 1905 г. революционным университетом. В 1911 году в знак протеста против реакционной политики царского министра Кассо и массового исключения бастовавших студентов Московский университет покинули свыше 100 представителей передовой русской науки.

Но подлинно народным университетом, старый Московский университет стал только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в жизни всего человечества открылась новая эпоха. Московский университет превратился в советский университет, в высшую школу нового типа. Огромное значение в этом процессе имели пролетаризация состава студенчества и создание при университете одного из первых в стране рабфаков.

В советское время Московский университет получил невиданные условия для развертывания своей учебной и научной работы, для развития своих лучших материалистических, демократических и патриотических традиций. Лучший и крупнейший университет страны, он становится центром передовой советской науки, служащей народу. На каждом из этапов социалистического строительства Московский университет вносил свой вклад в общее дело советского народа, в строительство коммунизма в нашей стране, оказывал братскую помощь ученым и учебным учреждениям, родившимся после Октябрьской революции в союзных и автономных республиках и областях. Его коллектив вместе со всем народом отстаивал свободу и независимость нашей великой Родины в грозные дни Великой Отечественной войны. Вместе со всем советским народом коллектив Московского университета борется за мир во всем мире, за укрепление и расширение экономических и культурных связей между народами. Выражением этого является участие ученых университета в многочисленных международных научных съездах и конференциях; старейший университет нашей страны широко раскрывает двери своих аудиторий и лабораторий для студентов и аспирантов других стран, для многочисленных научных, молодежных, профсоюзных и других делегаций, посещающих нашу страну.

Неоценимы заслуги Московского университета в воспитании деятелей

русской науки и культуры, велики его заслуги в области гуманитарных наук.

Уже в XVIII в. ученики и последователи Ломоносова—Николай Поповский, Семен Десницкий, Иван Третьяков, Дмитрий Аничков и др. — превратили Московский университет в центр передового направления в науке. Вопреки реакционной политике самодержавия, демократическое, материалистическое направление получило свое дальнейшее развитие в XIX — начале XX в. Развиваясь в условиях ожесточенной борьбы против идеализма и политической реакции, передовая наука в университете опиралась на достижения русской материалистической философии, на идеи Ломоносова, Радищева, русских революционных демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

Материалистическая направленность, стремление к прочному «союзу науки и демократии» (Тимирязев) были характерны для ведущих научных школ и направлений, сформировавшихся в Московском университете в XIX— начале XX в.

На всем протяжении своей двухсотлетней истории Московский университет был и остается одним из важнейших в стране центров научной работы в области истории, центром исторического образования и подготовки высококвалифицированных кадров историков. Хотя на научной и учебной деятельности ученых университета, работавших в области гуманитарных наук и, в частности, в области истории в дореволюционный период,отрицательно сказывалась классовая ограниченность и идеалистическая методология буржуазной науки, историки университета внесли значительный вклад в развитие исторической науки.

При разработке проблем древней истории сохранялась та же идеологическая связь между развитием общественной жизни и науки и культуры, как это было прослежено для истории университета в целом.

Еще в XVIII в. в работах Десницкого, Третьякова, Аничкова был выдвинут ряд важнейших вопросов, связанных с историей Рима, с изучением римского права, с вопросами истории семьи, собственности и религии. В исследовании этих вопросов Десницкий, Аничков и Третьяков стояли на передовых научных позициях. В первые дни после открытия Московского университета интерес к античности можно проследить также по многочисленным переводам греческих и латинских авторов, осуществленных силами преподавателей XVIII в.

Интерес к древневосточному миру пробудился несколько позднее, в начале XIX в. Как на пример ранней и притом почти неизвестной работы укажем на магистерскую диссертацию Павла Васильевича Уланова «Рассуждение об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитейшие из новейших художников не берут их себе за образец», защищенную им в 1818 г. В этой диссертации чувствуется стремление автора объяснить художественное творчество древнеегипетского народа социальными условиями, сложившимися в древнем Египте. Уланов проводил сопоставление культуры азиатских и африканских народов с культурой греков. Сопоставление своеобразия античной и восточных культур подводило автора к мысли о противопоставлении античного полиса и восточной деспотии. Автор сделал попытку установить наличие закономерной связи между политической сферой и формами искусства.

Не останавливаясь более на ранних попытках развития самостоятельной мысли в области древней истории, укажем, что прочное основание для изучения древней истории в Московском университете создалось позднее,с 30-х годов прошлого столетия. Оно связано с именами блестящих исследователей всеобщей истории, проникнутых передовыми идеями своего

времени и открывших славную страницу историй Московского университета в области изучения гуманитарных наук.

Первым профессором Московского университета, читавшим в 1838 г. оригинальный курс истории древнего мира, был Д. Л. Крюков (1809—1845). Крюков положил конец порочной практике пересказа иностранных пособий по древней истории. Свой курс истории древнего мира он строил в значительной мере на собственных исследованиях.

По рукописному курсу лекций Д. Л. Крюкова, хранящемуся в Историческом музее, можно видеть, что общий курс древней истории он начинал с истории древней Индии и древнего Китая. Включив историю дальневосточных народов в рамки общего курса древности, он тем самым опередил многих историков, пренебрегавших историей этих народов.

В области своей узкой специальности — истории древнего Рима — Д. Л. Крюков создал фундаментальные работы, посвященные критическому анализу римских историков (Курция Руфа, Тацита), а также оригинальное исследование о различии религий патрициев и плебеев. В этом исследовании он проводил новую для своего времени мысль о лежащих в основе различия религий патрициев и плебеев социальных моментах. Преждевременная смерть Д. Л. Крюкова не позволила развернуться его таланту во всей силе.

Несравненно большей популярностью и заслуженной славой пользовалась деятельность блестящего представителя русской передовой науки Тимофея Николаевича Грановского и его непосредственных учеников и преемников—П. Н. Кудрявцева и С. В. Ешевского. Революционные демократы высоко ценили Грановского. Герцен восторженно отзывался о его лекциях. Современники именовали Московский университет 40-х годов «университетом Грановского». Отдельные положения Грановского по-новому разрешали проблемы древней истории. В частности, большой интерес представляет освещение Грановским эпохи эллинизма.

Преемник Грановского по кафедре всеобщей истории П. Н. Кудрявцев, опубликовавший несколько специальных работ по истории Греции и Рима, выступал также как талантливый популяризатор. Его перу принадлежат интересные очерки римской жизни —«Римские женщины по Тациту».

Преемник Кудрявцева С. В. Ешевский своими трудами о социальных движениях в Римской империи и о римских провинциях внес ценный вклад в русскую историческую науку. В своем курсе «Центр римского мира и его провинции» он преодолел широко распространенный в буржуазной науке романоцентризм. Как Кудрявцев, так и Ешевский были талантливыми представителями прогрессивного крыла буржуазной науки.

Для разработки проблем истории древнего мира имело большое значение издание в 1847—1855 гг. пяти томов журнала «Пропилеи», в котором участвовали Грановский, Кудрявцев, Куторга, Бабст и др.

Главное внимание московских историков древнего мира (не следует забывать, что в большинстве случаев для XIX в. это были ученые, почти равно владевшие всеми разделами всеобщей истории, и что название «историки древнего мира» по отношению к ним можно употреблять лишь условно) в XIX в. сосредоточено было на проблемах римской истории. Если не считать защищенной в 1854 г. магистерской диссертации ученика Грановского И. К. Бабста «Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распадения», разработка истории древней Греции представлена двумя именами — М. С. Куторгой (1809—1886) и В. А. Шеффером (1864—1900).

Наибольшее значение для развития научной мысли 60-х годов имели

труды Куторги, состоявшего профессором Московского университета в 1869—1874 гг. Представитель прогрессивных тенденций в русском либерализме, Куторга оригинально разрешал в своих трудах ряд сложных проблем античной истории — пути развития афинской демократии, взаимоотношение греческого и восточного мира и др. Большой заслугой Куторги было постоянное внимание к социально-экономическим проблемам, в частности, он подробно изучал положение непосредственных производителей в Афинах — рабов и вольноотпущенников. Подобно Грановскому, выступая противником крепостничества и самодержавия, он занимал в отдельных вопросах даже более радикальные позиции, чем Грановский. Интерес Куторги к истории афинской демократии был для него не случаен: этим он стремился указать на преимущества республиканского строя.

Меньшее значение имели труды Куторги по истории древнего Востока, хотя и здесь ему нельзя отказать в оригинальности.

В настоящее время труды Куторги значительно устарели. К тому же нельзя забывать, что на ряде из них сказался переход Куторги в конце его жизни на реакционные позиции.

Во второй половине XIX века длительная научно-педагогическая деятельность связывала с Московским университетом ученика Грановского и Кудрявцева — В. И. Герье.

Проф. В. И. Герье (1857—1919) в течение нескольких десятков лет читал общие курсы по всеобщей истории. После спада революционного движения В. И. Герье примкнул к правым течениям общественной мысли России. В методологическом отношении он был последовательным идеалистом, не пытаясь связать изучаемые им явления культуры с факторами социально-экономического развития. Однако умелое и тщательное изучение источников, особенно латинских, являлось несомненной заслугой Герье. Из его школы вышли многие выдающиеся специалисты по всеобщей истории.

В 80—90-х годах в Университете вел занятия по ассириологии и гебраистике один из крупнейших ассириологов того времени, основоположник русской ассириологии М. В. Никольский (1848—1917).

Большое значение для развития истории древнего мира, в частности истории древнего Востока, имели богатые по материалу общие курсы, читавшиеся в 90-х годах М. С. Корелиным (1855—1899).

При большой эрудиции и широком кругозоре Корелин обладал даром популяризации, умел возбудить интерес к античной истории у своих слушателей и читателей. Его перу принадлежат очерки по истории древневосточной и античной культур.

Значение трудов Корелина, специалиста по всеобщей истории, заключалось, однако, только в сообщаемом материале. В методологическом отношении Корелин чисто идеалистически исследует культурную историю, вне связи с социально-экономическим развитием и обстановкой.

Преемником Корелина был Роберт Юрьевич Виппер (1859—1954). Под влиянием революции 1905 г. и передовых идей марксизма его общие курсы по истории древнего Востока, Греции и Рима в первые десятилетия XX в. отличались для того времени большим радикализмом. На основе этих курсов им были созданы многочисленные учебные пособия, по которым изучал древнюю историю целый ряд поколений и которые пользовались широкой популярностью.

В «Очерках по истории Римской империи», написанных в 1908 г., Виппер опроверг ходячую в то время в западноевропейской науке теорию «демократической монархии», якобы созданной гением Юлия Цезаря и Августа. Оригинальные, хотя далеко не всегда убедительные концепции Виппера, созданные им за свою долгую жизнь, облекались в блестящую литера-

турную форму. В этом отношении особенно выделяется «История Греции в классическую эпоху», создававшаяся автором на протяжении более десятка лет.

Крупным достижением русской науки были публикации осских и италийских надписей, изданные в 70—80-х годах профессором Московского университета Иваном Владимировичем Цветаевым. Им же, под влиянием студенческого движения 1901 г., опубликована монография «Из жизни высших школ Римской империи».

В начале XX в. в Московском университете преподавал крупнейший эпиграфист Александр Васильевич Никитский (1859—1923), известный своими исследованиями греческих надписей. Преемником Никитского был Николай Иванович Новосадский — эпиграфист и филолог, автор курса греческой эпиграфики.

В начале XX в., по инициативе Московского университета и под руководством его профессоров, особенно И. В. Цветаева, был основан Музей изобразительных искусств с его замечательными отделами по истории и культуре древнего мира. Создание этого музея, включившего в свой состав ценнейшую коллекцию египетских древностей, собранную В. С. Голенищевым, и ряд других важнейших материалов по истории древнего мира, способствовало подъему научно-исследовательской и учебной работы в области древней истории. Над изучением и экспозицией коллекций Музея трудились такие выдающиеся ученые, как акад. Б. А. Тураев, М. В. Никольский и А. В. Орешников.

Важное место в развитии археологии и истории искусства древнего мира занимала деятельность профессоров университета, сначала К. К. Герца, а затем Д. Н. Анучина, В. А. Городцова, Ю. В. Готье, В. К. Мальмберга и И. В. Цветаева. В частности, Анучин первым показал на археологических материалах общность пути исторического развития различных народов.

Большой вклад в историю античной культуры внесла кафедра классической филологии. За ее многолетнее существование ученые кафедры выпустили многочисленные работы по греческому и латинскому языкам, текстологические исследования, работы по истории античных литератур. Вспомним труды профессоров Московского университета—крупнейшего филолога-лингвиста акад. Ф. Е. Корша и его учеников акад. М. М. Покровского, проф. А. А. Грушка и ныне здравствующего проф. С. И. Соболевского.

В советское время и особенно после исторического Постановления Центрального Комитета партии и Советского правительства о преподавании истории и восстановлении в университете исторического факультета, наблюдается подъем научной работы в области древней истории. Ученые Университета дали ряд обобщающих трудов, монографий по важнейшим проблемам древней истории. Крупным достижением историков древнего мира явилось изучение рабовладельческих производственных отношений и рабовладельческого государства на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Преодолевая влияние всякого рода буржуазных теорий в области древней истории, историки Университета в дальнейшем подвергли их острой критике и показали их антинаучный характер и несостоятельность. Они привлекли, ввели в научный оборот и по-новому осветили большое количество новых источников и материалов.

Подъем научной работы в области древней истории в советский период, в особенности за последние двадцать с лишним лет, в значительной мере связан с коренным изменением структуры Исторического факультета и организацией Филологического факультета. Каждая область исторического знания получила свою отдельную кафедру. Впервые в истории Университе-

тета кафедра древней истории была выделена в отдельную организационную единицу. Изучение и преподавание древней истории получило самостоятельную материальную базу в виде специального научного кабинета, собравшего за двадцать лет значительную подсобную библиотку источников, монографий, справочников и наглядных пособий. Такими же центрами преподавания и изучения проблем древней истории являются кафедры археологии, этнографии и классической филологии. Ряд вопросов по истории Древнего Востока изучается и на кафедрах Восточного отделения.

Первые шаги кафедры древней истории Московского университета связаны с именем выдающегося специалиста по истории древнего Рима и талантливого лектора—проф. Владимира Сергеевича Сергеева (1883—1941), возглавлявшего кафедру с конца 1934 г. до самой своей смерти. С большим энтузиазмом, в процессе повседневной учебной работы, привлекая к творческой работе весь коллектив кафедры, проф. Сергеев создавал первые марксистские руководства для высшей школы по истории древнего Рима и древней Греции, до сих пор, несмотря на отдельные устаревшие положения, сохранившие свое значение.

Преемником В. С. Сергеева по заведыванию кафедрой с 1942 по 1950 г. был видный специалист по истории Рима проф. Н. А. Машкин. В настоящее время кафедру возглавляет профессор В. И. Авдиев. Кафедрой археологии руководит проф. А. В. Арциховский, кафедру этнографии долгие годы возглавлял проф. С. П. Толстов. Кафедрой классической филологии руководит профессор Н. Ф. Дератани.

Перу членов кафедры древней истории принадлежат учебники по всем разделам древней истории.

В 1947 г. вышел учебник по истории древнего Рима проф. Н. А. Машкина (2-е изд.— 1949—1950), в 1948 г.— второе, посмертное, издание «Истории древней Греции» проф. Сергеева под редакцией и в переработке проф. Н. А. Машкина и А. В. Мишулина и «История древнего Востока» проф. В. И. Авдиева, удостоенная Сталинской премии. Значительно расширенное и переработанное издание этой книги вышло вторым изданием в 1953 г.

Учебники по древней истории, созданные профессорами Московского университета, отразили большую исследовательскую работу всего коллектива советских ученых, пересмотревших с позиций марксизма-ленинизма как фактический материал древней истории, так и наследие буржуазной историографии в этой области. Совершенно заново были исследованы основные проблемы социально-экономической истории рабовладельческих обществ, вопросы положения непосредственных производителей в древнем мире, истории классовой борьбы в древности, истории возникновения и развития рабовладельческих государств. По-новому была оценена политическая борьба в различные периоды истории древнего мира, процессы политических кризисов в период эллинизма и возникновения Римской империи. Большое внимание уделено разрешению спорных вопросов истории древневосточных обществ, периоду эллинизма и вопросам ранней истории Византии и славянства.

Крупный вклад в разработку этих проблем внесли многочисленные доклады, статьи и монографии профессоров, доцентов и аспирантов университета, выполненные на кафедрах древней истории, классической филологии, археологии, этнографии и на кафедрах Восточного отделения.

По истории древнего Востока опубликованы монография В. И. Авдиева «Военная история древнего Египта» (1948), ряд статей того же автора по истории древнего Египта, ряд работ доцента Д. Г. Редера, в том числе часть его диссертации «Рабы и подданные (семдет)

египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным большого папируса Гаррис».

По истории Греции были проведены две дискуссии по проблеме эгейской культуры и происхождению греческого государства в Афинах и Спарте, первая в 1940 г. (докладчик В. С. Сергеев), вторая в 1954 г. (докладчики О. И. Савостьянова и Н. Н. Пикус).

По истории эллинизма издана монография А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль» (1950). Большой интерес представляют статьи К. К. Зельина на эту же тему и по социально-экономической истории эллинистического Египта, а также статьи Н. Н. Пикуса по той же тематике.

Кроме того, по проблеме эллинизма кафедрой древней истории, совместно с кафедрой археологии и сектором древней истории Института истории АН СССР проведена была в 1953 г. широкая дискуссия по докладам К. К. Зельина и В. Д. Блаватского.

По истории Рима разрабатывалось наибольшое количество проблем и опубликовано наибольшое число трудов.

Восстания рабов, принципат, взаимоотношения Рима и его союзников, взаимоотношения римского центра и провинций, взаимоотношения Рима и Парфии, кризис III века, раннее христианство, колонат, социальные движения Поздней империи, переход от рабовладельческого строя к феодализму, идейно-политическая борьба Поздней империи — вот далеко не полный перечень проблем, отраженных в трудах и докладах преподавателей Университета за последние 20 лет.

Большую роль в советской историографии 30-х годов сыграла монография А. В. Мишулина «Спартаковское восстание» (1936) и «Очерки по истории древнего Рима» В. С. Сергеева (1938).

Проблема раннего принципата всесторонне исследована в монографии Н. А. Машкина «Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность» (1949), удостоенной Сталинской премии. Этой же проблеме были посвящены статьи Н. А. Машкина и В. С. Сергеева: «Принципат Августа» (1938), «Принципат Тиберия» (1940).

Взаимоотношения Рима и провинций анализированы в монографии А. Б. Рановича «Восточные провинции Римской империи в I—III вв.» (1949), А. В. Мишулина «Античная Испания до установления римской провинциальной системы» (1952), А. Г. Бокщанина «Социальный кризис Римской империи I в. н. э.» (1954) и в статьях Н. А. Машкина, в течение 1948—1950 гг. читавшего специальный курс по истории римских провинций.

Исследовательские статьи по проблемам колоната и социального движения в Поздней империи были опубликованы В. С. Сергеевым, Н. А. Машкиным и А. Б. Рановичем.

Члены кафедры классической филологии выпустили значительное число исследований, учебников и учебных пособий. Проф. С. И. Соболевский опубликовал учебники по латинскому и греческому языку, проф. С. И. Радциг — учебник по греческой литературе, проф. Н. Ф. Дератани — хрестоматию и пособия по античным литературам, а также новый учебник по римской литературе (в соавторстве с К. Н. Полонской, И. М. Наховым и М. Н. Чернявским).

На кафедре археологии широкая преподавательская работа ведется по проблемам, непосредственно связанным с древней историей (курсы каменного, бронзового и железного века, античной археологии, нумизматики, археологии Китая и т. д.). Здесь создан выдержавший ряд изданий учебник А. В. Арциховского по археологии и ряд монографий, опубликованных Московским университетом и ИИМК АН СССР: «Древне-русские миниатю-

ры, как исторический источник» — А. В. Арциховского, «История античной расписной керамики» — В. Д. Блаватского, «Краткий очерк истории Скифии по данным письменных источников» — Б. Н. Гракова, «Древняя история Южной Сибири» — С. В. Киселева, «Ремесло древней Руси» — Б. А. Рыбакова, «Древний Хорезм» — С. П. Толстова. Последние три книги были удостоены Сталинских премий.

На кафедре этнографии были созданы учебные пособия по истории первобытного общества и первобытной культуры профессоров В. К. Никольского и М. О. Косвена и ряд монографий профессоров Н. Н. Чебоксарова, С. А. Токарева и Шаревской — по вопросам этногенеза и этнографии народов СССР.

На кафедре истории искусства значительная работа ведется в области преподавания и исследования истории древне-восточного и античного искусства. Проф. В. В. Павловым написаны монографии по искусству древнего Египта, проф. М. М. Кобылиной издана книга «Аттическая скульптура VII—V в. до н. э.».

Научно-исследовательская работа в стенах университета неразрывно связана с учебно-педагогическим процессом. За последние годы значительно повысился уровень преподавания специальных и вспомогательных дисциплин, а также древневосточных яыков. Из числа студентов и аспирантов Московского университета выросло немало молодых исследователей в области древней истории, многие из которых уже составили себе имя в науке. Однако в этой области, равно как и в области исследовательской, нужно еще много работать, изживая имеющиеся недостатки, на которые и «Вестник древней истории» постоянно указывал в своих передовых, статьях и рецензиях.

Профессора Московского университета принимают участие в издании журнала «Вестник древней истории». До самой своей смерти руководили журналом профессора А. В. Мишулин и А. Б. Ранович, большое участие принимал в работе редакционной колегии журнала проф. Н. А. Машкин. В настоящее время в составе редакционной коллегии ВДИ также работают профессора и доценты Московского университета.

Отмечая 200-летний юбилей старейшего и крупнейшего Университета, партия, правительство, весь советский народ окружают его постоянной заботой и вниманием, создают для ученых и студентов Университета такие условия, о которых даже не могли мечтать ученые и студенты дореволюционной России. Наиболее ярким примером заботы о Московском университете является сооружение для Университета огромного комплекса зданий на Ленинских горах. 200 лет назад Московский университет размещался в небольшом двухэтажном доме на Красной площади и имел три факультета и десять кафедр, в нем училось всего 30 студентов. Тринадцать факультетов, более 200 кафедр имеет Московский университет сейчас. В нем работает свыше 2000 специалистов—академиков, профессоров, доцентов и преподавателей. В нем учится около 20 тысяч студентов и около полутора тысяч аспирантов. Его библиотека располагает 5 миллионами книг. Целый квартал занимают помещения университета на Моховой, где работают гуманитарные факультеты, и целый город раскинулся на Ленинских горах.

Поздравляя многотысячный коллектив Московского университета с его славным юбилеем, советский народ ждет от своего старейшего и крупнейшего в стране Университета новых творческих успехов в учебной и научной работе, ждет развертывания широких творческих обсуждений, научного исследования важнейших, коренных проблем современной науки, ждет новых молодых специалистов по различным отраслям научных знаний, подготовленных и воспитанных московским Университетом.

Присоединяя свои горячие поздравления Московскому университету

имени М. В. Ломоносова в день его двухсотлетия, «Вестник Древней Истории» твердо уверен, что историки МГУ, работающие над проблемами древней истории, воодушевленные великим творческим размахом советской науки, достигнут разрешения многих важнейших вопросов истории древнего мира и создадут труды, которые впишут новую страницу в историю Московского университета, в историю развития советской исторической науки.

И. Д. Амусин

«НАРОД ЗЕМЛИ»

(К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии)

Необходимость изучения положения свободных производителей материальных благ древних рабовладельческих обществ не нуждается в доказательствах. Однако до сих пор этим вопросам уделялось меньше внимания, нежели другим аспектам проблемы производителей материальных благ древности.

Ряд вопросов, касающихся производственной роли и социального положения отдельных конкретных групп свободного населения в различных странах древнего мира, остается пока не решенным. Большой интерес в этом отношении представляет анализ положения людей, именуемых в ассирийских документах I тысячелетия до н. э. nišê mâti *(нише мати)* «народ земли», «народ страны»[1], а в источниках по истории Сирии и Палестины — ʿam-hāʾārāṣ *(ам-хаарец)*, что также значит «народ земли», «народ страны»[2]. Разумеется, нельзя априорно утверждать, что положение *нише мати* resp. *ам-хаарец* было в различных областях Передней Азии и в различные периоды совершенно одинаковым. Необходимо, следовательно, изучать этот вопрос для каждой страны и каждого периода специально.

Что касается Сирии и Палестины, то скудость документального материала для I тысячелетия до н. э. вызывает необходимость обратиться в первую очередь к нарративным источникам, собранным в «Библии». Там же сохранились и некоторые относящиеся к исследуемому вопросу подлинные документы, например персидские правительственные акты в кн. Эзры. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос о «народе земли» прежде всего на библейском материале.

Еще В. Гезениус, который переводил термин *ам-хаарец* «жители страны» (die Einwohner des Landes, Landeskinder), отмечал, что «объем этого понятия не вполне ясен»[3]. Действительно, в исторической литературе существуют самые разноречивые и взаимоисключающие мнения

---

[1] См. И. М. Дьяконов, АВИИУ, ВДИ, 1951, № 2, док. 24,37 и 41. Ср. он же, РЗОА, passim.

[2] В LXX в подавляющем большинстве случаев этот термин переведен λαὸς τῆς, γῆς, но встречаются и другие переводы: τὸ ἔθνος τὸ ἐπὶ τῆς γῆς, οἱ αὐτόχθονες τῆς γῆς, λαοὶ τῶν ἐθνῶν, πᾶς ὁ λαός.

[3] M. Gesenius, Hebr. und aram. Handwörterbuch über A. T.[14], Lpz, 1905, стр. 543.

относительно социального положения *ам-хаарец*. Некоторые ученые относят к *ам-хаарец* только низшие или беднейшие слои народа[1], другие, напротив, понимают под *ам-хаарец* только зажиточных людей[2]. Одни считали *ам-хаарец* сельскими жителями (Landsvolk), в противоположность горожанам[3], другие полагали, что термин *ам-хаарец* подчеркивает противоположность селян не городскому населению в целом, а только аристократии[4]. Указанные противоречия в известной мере обусловлены скудостью источников и трудностью датировки ряда текстов. Однако основной причиной неверных толкований термина *ам-хаарец* является тенденциозное привлечение изолированных текстов вместо совокупного изучения всей дошедшей традиции во всей ее противоречивости. Первая попытка специального изучения этого вопроса принадлежит исследовательнице Еве Гиллишевской[5], рассматривающей *ам-хаарец* как имущих, полноправных граждан иудейского города-государства. В своем кратком исследовании Гиллишевская приходит к выводу, что скупой и случайный материал источников не позволяет дать более точного определения этого термина.

Нет общепризнанного взгляда на социальное положение *ам-хаарец* и в нашей литературе.

Н. М. Никольский в своей работе «Происхождение юбилейного года»[6] видел в *ам-хаарец* феодально зависимых крестьян. В более поздней своей работе, «Введении» к книге А. Рановича «Очерки истории древнееврейской религии» (1937), Н. М. Никольский называет *ам-хаарец* «земледельцами» (ст. LXI), однако поскольку на стр. L сл. той же работы Н. М. Никольский продолжает говорить о «зародышевых формах феодальной эксплуатации» в израильско-иудейском обществе, понятие «земледелец» оказывается еще более неопределенным.

А. Б. Ранович, говоря об *ам-хаарец* как о «непривилегированном населении», отмечает, что «это, несомненно, классовое обозначение не поддается точному определению, так как у библейских авторов нет единства в применении этого термина»[7]. По мнению А. Б. Рановича, «...„ам-хаарец“ обнимает недифференцированную группу, куда входят и земледельцы и ремесленники, и мелкие торговцы, и, должно быть, герим (поселенцы-чужестранцы)...»[8].

---

[1] См., например, K. Galling, Die israelitische Staatsverfassung in ihrer vorderasiatischen Umwelt, Lpz, 1929 (AO, т. 28, 3/4), стр. 32—33: «unterste Volksgruppe»; см. также A. Menes, Die vorexilischen Gesetze Israels, Beiheft zur ZAW, № 50 (1928), стр. 70: «die ärmeren Volksschichten».

[2] M. Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, III, Tübingen, 1920, стр. 31: человек из *ам-хаарец* значит, по мнению Вебера, «Ein Mann von sozialer Macht».

[3] См. J. Benzinger, Die Bücher der Könige, 1899, стр. 196.

[4] См. E. Klamroth, Die jüdischen Exulanten in Babylonien, BWAT, 1912, Heft 10, стр. 101. Ср. «Jüd. Lexikon», hrsg. von G. Herlitz und B. Kirschner, т. I, 1927, стр. 276.

[5] Eva Gillischewski, Der Ausdruck ʿm hʾrṣ im AT, ZAW, т. 40, Heft 1/2 (1922), стр. 137—142. К основному ее выводу присоединяется R. Kittel, GdVI, II[6] (1925), стр. 402. Другое специальное исследование, посвященное этому вопросу: E. Würtwein, Der ʿam haʾarez im Alten Testament, BWANT, 69 (1936), к сожалению, было мне недоступно.

[6] ИАН СССР, ООН, VII сер., 1931, № 9, стр. 1049—1050.

[7] А. Б. Ранович, Очерки истории древнееврейской религии, ГАИЗ, 1937, стр. 160.

[8] Там же, стр. 160. В более поздней работе А. Б. Ранович сопоставляет *ам-хаарец* с малоазийскими λαοί, понимая под ними «непосредственных производителей на земле». См. А. Б. Ранович, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2, стр. 36.

И. М. Дьяконов сопоставляет *ам-хаарец* с ассирийским термином nišê mâti, понимая под этим термином «рядовую массу населения», куда могут включаться также и рабы, посаженные на землю [1].

В. И. Авдиев, характеризуя *ам-хаарец*, говорит: «Средний свободный слой населения составлял так называемый „народ земли“ (ам-гаарец), главным образом земледельцы и ремесленники» [2].

Но даже и те исследователи, которые в определении термина *ам-хаарец*, по нашему мнению, приближаются к истине, не рассматривают положение *ам-хаарец* в развитии, хотя библейский материал и позволяет это сделать.

Термин *ам-хаарец* встречается в Библии около 80 раз [3]. К сожалению, лишь немногие из дошедших текстов содержат сведения, позволяющие выяснить социально-экономическое положение носителей этого термина.

Следует прежде всего отметить коренное различие, существующее между библейским и более поздним мишнаитским употреблением этого термина. В мишнаитской литературе [4] термин *ам-хаарец* применяли к отдельным людям, и в устах представителей господствующей рабовладельческой и жреческой аристократии *ам-хаарец* было бранным, презрительным обозначением простых людей (ср. русские выражения: мужлан, невежда, неотесанный или соответствующий оттенок греческого ἀγροῖκος и латинского rusticus). В мишнаитском и позднее в талмудическом словоупотреблении *ам-хаарец* не представляет собой определенного классового понятия, так как этот термин применялся и по отношению к рабовладельцам [5]. В Библии, напротив, этот коллективный термин по отношению к одному лицу никогда не применяется [6], не содержит в себе ничего оскорбительного и применяется только к определенным социальным группам, этническим и культовым общностям.

Интересующий нас термин встречается в двадцати одной книге [7] Библии, в подавляющем количестве случаев — допленного происхождения. Но и в текстах пленного периода, как, например, в кн. Иезекииля, словоупотребление *ам-хаарец* отражает отношения допленного периода. Ввиду плохого состояния традиции трудно установить более или менее точную хронологическую дифференциацию в употреблении этого термина по отдельным книгам и частям отдельных книг. Следует только отметить, что термин *ам-хаарец* прослеживается в текстах не ранее IX—VIII вв., когда процесс имущественной и политической дифференциации

---

[1] РЗОА, стр. 112: «сам термин „люди“ (niše) и „люди страны“ (niše: ma:ti, что полностью соответствует др. евр. ʿam ha:a:räc — „народ страны“), означающий рядовую массу населения, неоднократно применяется к этой категории, к рабам, сидящим на земле».

[2] В. И. Авдиев. История древнего Востока [2], 1953, стр. 397.

[3] В том числе во множ. числе 25 раз: «народы земли» *(амме-хаарец)* — 17 раз и «народы земель» *(амме-хааращот)* — 8 раз.

[4] См. A. Büchler, Der galiläische Am. haarez des II. Jahrhunderts, Wien, 1907.

[5] Ср., например, тексты Tos. Dammai II, 16—17 о купле—продаже рабов людьми из *ам-хаарец*: «... так и принадлежащий *ам-хаарец*'у раб, который продан *хавер*'у... так и раб *хавер*'а, который продан *ам-хаарец*'у ...».

[6] Для индивидуализации применяется партитивный оборот. Ср. Lv. IV, 27: «одна душа ... из *ам-хаарец* (näp̄äš ʾaḥaṯ...mēʿam hā ʾārāṣ)». Термин *ам-хаарец* употребляется в собирательном значении, о чем свидетельствует параллельное употребление форм ед. и множ. числа связанных с *ам-хаарец* глаголов. Встречается также чередование согласований в обоих числах в пределах одного и того же стиха. Например, в II R. XXI, 24: «и перебил *ам-хаарец*... и воцарили *ам-хаарец*»; во II R. XXIII, 30: «и взял *ам-хаарец*... и помазали... и воцарили».

[7] Gn., Ex., Lv., Nu., Dt., Jos., I R., II R, Jes., Jer., Ez., Zeph., Hagg., Zach., Hi., Esth., Dan., Esr., Neh., I Chr., II Chr. Термин *ам-хаарец* отсутствует в 18 книгах: Jdc., I S., II S. и др. Обращает на себя внимание отсутствие этого термина в книгах Hos., Am., Mich. (?)

былой родо-племенной общины привел к необходимости противопоставления социального слоя, обозначаемого термином *ам-хаарец*, другим прослойкам общества. Основная масса случаев употребления термина *ам-хаарец* в текстах с явно выраженным социальным содержанием падает на VIII—VI вв. В послепленной литературе этот термин встречается главным образом во множ. числе с резко изменившейся семантикой (иноплеменные народы, ритуально нечистые). В ед. числе в послепленной литературе *ам-хаарец* встречается только в единичных случаях в виде однократных упоминаний, истолкование которых весьма затруднено.

Как было отмечено, термин *ам-хаареи* встречается не только в социальном значении. В несоциальном значении этот термин употребляется: 1) во множественном числе — для обозначения иноплеменных народов вообще, без уточнения этноса[1]; 2) в ед. числе: а) для обозначения отдельных, совершенно определенных этнических групп, например: египтян (Gn. 42,6)[2], доизраильского населения Ханаана (Nu. 14,9), всех иудеев в Египте (Ex. 5,5); 3) для обозначения иудейской культовой общины (Lv. 20,2—4; Ez. 39,13 и др.). Этим термином обозначается также такое широкое понятие, как подданные царя[3]. Более узкое, социально-политическое значение термина *ам-хаарец* выясняется лучше всего из текстов, в которых *ам-хаарец* противопоставляется другим социальным группам населения. Так, например, в Lv. IV, тексте, относящемся, как известно, к жреческому кодексу, выступают следующие составные части иудейской общины: 1) жрецы, 2) вельможи-начальники (*наси* = LXX: ἄρχων); 3) *ам-хаарец* (LXX: λαὸς τῆς γῆς). Специальным термином ʿēdāh (*эда*)[4] (LXX: συναγωγή) обозначена вся община в целом. В указанном тексте говорится о различии в ритуале очищения для представителей каждой из четырех групп[5]. Противопоставление *ам-хаарец* другим слоям свободных встречается и в других текстах допленного происхождения. Так, например, в Jer. I, 18 *ам-хаарец* противопоставляется царям, сановникам, жрецам; в Jer. XXXIV,19 соответственно — сановникам Иуды, придворным, жрецам[6]. Наиболее показателен текст Ez. XXII, 23—29, отражающий отношения конца VII и начала VI века до н. э. В этом тексте выделяются следующие социальные группы и прослойки: вельможи, правители-начальники, жрецы, пророки, народ земли (*ам-хаарец*), бедняки и чужестранцы: (25) «клика предводителей ее[7] (οἱ ἀφ-

---

[1] Dt. XXVIII, 10; Jos. IV, 24; Esr. III, 3; IX, 1, 2, 11; X, 2, 11; Neh. IX. 24, 30; X, 29, 31—32 и др.

[2] Это место, как и гл. 47 кн. «Бытия», нуждается впрочем в специальном истолковании в плане истории Египта: «Иосиф же был начальником над этой землей (LXX: ὁ ἄρχων τῆς γῆς), он продавал зерно всему народу земли (οὗτος ἐπώλει παντὶ τῷ λαῷ τῆς γῆς)».

[3] См., например, II R. XV,5 = II Chr. XXVI,21; II Chr. XXIII,20.

[4] В значении культовой общины, включающей и пришельцев (*гер*) и граждан (*эзрах*), см., например, Ex. XII,19.

[5] За вину жреца предусмотрено жертвоприношение бычка без порока (Lv. IV, 3—12); за вину *наси* — козла без порока (IV, 22—26); за вину *ам-хаарец* — козы без порока (IV, 28) или овцы без порока (IV, 32); за вину всей *эда* — сокращенный ритуал жертвоприношения бычка, но без указания на его непорочность (IV, 13—21). Это не дает, однако, материала для суждения о различиях в имущественном положении этих четырех групп, так как вряд ли можно говорить о значительной разнице в цене упомянутых животных. Ср. С. А. Данге, Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя, М., 1950, стр. 124, о характерных для каждой варны животных — козле, овце, корове, лошади, причем привилегированную варну брахманов характеризует козел, а низшую варну шудр — лошадь.

[6] Ср. также Jer. XXXVII,2, и XLIV, 21; Ez. VII, 27; XLIV, 22, XLVI, 3 и др.

[7] В тексте подлинника — «клика ее пророков» (qäšär nəḇîʾāhā). Необходимость изменения традиционного чтения вызвана следующим: содержание ст. 25 указывает

ηγούμενοι), как рычащий лев, терзающий добычу, людоедствуют, грабят сокровища и драгоценности, умножают число вдов страны; (26) жрецы ее нарушают закон мой, оскверняют мои святыни, не отличают священного от обычного (ḥol), о различии между нечистым и чистым они не поучают, от суббот моих отвели глаза свои, и я осквернен среди них; (27) начальники ее (śārēhā = LXX: οἱ ἄρχοντες), как волки, терзающие добычу, [думают только о том], чтобы проливать кровь [и] уничтожать человеческие жизни, чтобы грабить; (28) и пророки ее замазывают [глаза] нелепостями, изрекают ложные видения, предсказывают ложное и говорят: „так говорит господин мой Яхве", а Яхве [этого] не говорил; (29) *ам-хаарец* притесняют, грабят, жестоко обращаются с бедняками, творят произвол над пришельцами». Следует отметить, что грамматическая конструкция подлинника[1] позволяет двоякое толкование ст. 29: *ам-хаарец* можно понимать и в качестве объекта и в качестве субъекта злых дел, указанных в Ez. XXII, 29. В LXX, правда, *ам-хаарец* выступает объектом притеснений и грабежа (λαὸν τῆς γῆς ἐκπιεζοῦντες ἀδικίᾳ καὶ διαρπάζοντες ἁρπάγματα). Однако весь контекст подлинника приведенного места, а также другие тексты, приводимые ниже, свидетельствуют в пользу необходимости считать *ам-хаарец* данного текста субъектом, а не объектом.

Согласно приведенному тексту Ez. XXII, 25—29, структура дополненной иудейской общины предстагляется в следующем виде: «народу земли» противостоит, с одной стороны, привилегированная верхушка (ʾaddīrīm «могучие», по выражению II Chr. 23,20), в которую входят предводители (οἱ ἀφηγούμενοι), жрецы (οἱ ἱερεῖς), начальники (οἱ ἄρχοντες), пророки (οἱ προφῆται); возможно, что именно эту группу Jes. XXIV, 4 называет mərōm[2] *ам-хаарец* (LXX: οἱ ὑψηλοὶ τῆς γῆς)[3]. С другой стороны, «народ земли» resp. *ам-хаарец* возвышается над социальными низами свободных — беднотой и ксенами. Вопроса о метеках и рабах мы здесь не касаемся.

Представители упомянутой привилегированной верхушки обладали и богатством[4] и политической властью[5]. Экономической основой их богатства были земля, недвижимость, скот, рабы. В известных текстах Mich. II, 2 и Jes. V, 8 ярко рисуется начавшийся в VIII в. процесс концентрации земельной собственности и обезземеливания средних и мелких землевладельцев-крестьян. Так, у Mich. II, 2 читаем: «Захотят ли они полей — грабят, захотят домов — отнимают их, произвол творят над мужем (*гебер*) и его добром, над человеком (*иш*) и его владением»[6]. В знаменитом месте Jes. V, 8 читаем: «Горе тем, кто присоединяет дом к дому, приближает (прибавляет) поле к полю, пока уже места не останется; вы хотите од-

---

на то, что речь идет о предводителях, а не о пророках, которым посвящен ст. 28. в котором термин «пророки» переводится в LXX обычным οἱ προφῆται; в рассматриваемом ст. 25 в LXX читается οἱ ἀφηγούμενοι, т. е. слово, которым в LXX передается *наси*. Ср., например, в той же кн. Иезекииля 45, 22. R. Kittel, Biblia Hebraica, 1937, стр. 845, предлагает читать вместо qāšār nəḇīʾāhā — ʾāšār nəśīʾhā.

[1] Ez. XXII, 29: ʿam-hāʾārāṣ ʿašəqū ʿōšāq wəgāzəlū gāzēl wəʿānī wəʾāḇjōn hōnū wəʾēṯ haggēr ʿāšəqū bəlōʾ mišpāṭ.

[2] Букв. «вершина», «высота», «возвышенность».

[3] Ср. Hi. XII, 24, термин *роше ам-хаарец* (LXX: ἀρχόντων γῆς). Согласно Gillischewski, ук. соч., стр. 138, ʿam в этих местах — позднейшая вставка.

[4] См. Hos. XII, 8; Jes. II, 7; III, 18 сл.; V, 11; XXII, 18; Am. II, 6 слл.; III, 15; IV, 1 сл.; VI, 4 сл.

[5] Am. V, 10; Hos. VII, 3; XIII, 10 сл.; Mich. III, 1 сл.; VI, 10; Jes. III, 15; 1,17; Jer. VI, 6; XXII, 3; Zeph. III, 2.

[6] Mich. II, 2: wəḥāməḏu śāḏōṯ wəgāzālū ūḇattīm wənāśāʾū wəʿāšəqū gäḇär ūḇēṯō wəʾīš wənaḥālāṯō.

ни быть поселенными (wəhūšaḇtäm) в стране?»[1]. Если правильно наше понимание значения Jes. V, 8: wəhūšaḇtäm etc., то за этим скрывается, повидимому, следующее: процесс концентрации земли (присоединение поля к полю) приводит к сокращению количества землевладельцев. Выражение Jes. V, 8 «вы хотите одни быть поселенными в стране», повидимому, означает, что часть членов общины, вытесненная богачами со своих наделов, оказалась ущемленной и в правах граждан. К этому вопросу мы вернемся ниже, а пока отметим лишь неизбежную эволюцию и разложение слоя средних и мелких собственников, ибо процесс концентрации земли естественно сопровождается разорением и обезземеливанием широких слоев свободного населения. Мы исходим из предположения, что *ам-хаарец* обозначает основную группу или прослойку землевладельцев, противостоящих землевладельческой аристократии и жреческой верхушке. Термином *ам-хаарец*, таким образом, обозначалась основная группа свободных производителей материальных благ, преимущественно средних и мелких землевладельцев, неоднородных, однако, по своему имущественному положению. В процессе разложения общинных форм землепользования эта группа претерпевала эволюцию. Часть *ам-хаарец* в результате процесса концентрации земли, развития товарноденежных отношений разорялась и опускалась в разряд низших слоев населения (так называемая «беднота из *ам-хаарец*», о которой речь будет ниже). Другая часть *ам-хаарец* сама участвует в эксплуатации низов, о чем свидетельствует, например, приведенный текст Ez. XXII, 29.

Обратимся теперь к рассмотрению тех текстов, в которых *ам-хаарец* выступает в качестве рабовладельцев и землевладельцев.

Наличие среди *ам-хаарец* рабовладельцев видно из очень важных для социальной истории допленного периода оракулов Jer. XXXIV, 8—22[2]. В этих оракулах Иеремия обрушивается против нарушений обычая отпуска на волю (dərōr) кабальных рабов после шестилетней кабалы. В числе нарушителей «завета», снова закабаливших только что отпущенных рабов-должников, Иеремия называет, во-первых, иудейско-иерусалимскую верхушку, во-вторых — «весь *ам-хаарец*». В Jer. XXXIV, 18—19 читаем: «(18) и отдам (в руки врагов их) мужей, преступивших завет со мной, не сдержавших слов договора, который заключили они перед лицом моим, [осквернивших] тельца, которого рассекли надвое и между частями которого прошли, (19) сановников Иуды и сановников Иерусалима, евнухов (= придворных?[3] — *И. А.*) и жрецов и весь народ земли (wəḵol

---

[1] Jes. V, 8: hōj maggī ʿē ḇaiṯ bəḇait śāḏäh ḇəśāḏäh jaqrīḇū ʿaḏ ʾäp̄äs māqōm wəhūšaḇtäm ləḇaddəḵäm bəqäräḇ hāʾāräṣ. Трудность для истолкования этого места представляет форма wəhūšaḇtäm «вы будете поселены». Повидимому, более правильным чтением является сохранившийся вариант wīšaḇtäm «вы будете сидящими или обитающими», что более соответствует переводу LXX: μὴ οἰκήσετε μόνοι ἐπὶ τῆς γῆς?— и Вульгаты: numquid habitabitis vos soli in medio terrae, а также хорошо согласуется с формой jōšəḇīm «граждане». Так, например, граждане Гибеона называются термином jōšəḇīm (Jos. IX, 3; X, 1). E. Kautzsch, Die heilige Schrift des Alten Testaments[3], 1909, стр. 558, переводит наше место: «... und ihr allein die Besitzer im Lande geworden seid» (во втором издании Кауч переводил буквально: «und es dahin gebracht ist, dass ihr allein im Lande wohnt»). Такой же перевод по смыслу дает и М. Мауренбрехер, Пророки. Очерки развития израильской религии, перев. с нем., Пг., 1919, стр. 84: «И они одни в стране останутся полноправными собственниками». Акад. Н. М. Никольский, Мотивы крестьянского мессианизма в пророчествах VIII в., УЗРАНИОН, т. VII (1928), стр. 19, переводит: «точно одни вы — жители земли».

[2] О значении этих оракулов и датировке их первыми годами правления Цидкии см. Н. М. Никольский, Происхождение юбилейного года, стр. 1047 слл.

[3] См. И. Д. Амусин, ВДИ, 1952, № 3, стр. 61, прим. 6.

ʿam-hā'āräṣ), прошедших между частями тельца»[1]. Отсюда с несомненностью вытекает, что среди *ам-хаарец* были люди, выступавшие в роли кредиторов-ростовщиков и закабалявшие своих должников.

Наиболее важным является вопрос об отношении *ам-хаарец* к земельной собственности. Нам представляется, что именно владение землей было определяющим признаком принадлежности к *ам-хаарец*. Это нашло свое отражение и в самом термине «народ земли» и в ряде контекстов, в которых этот термин встречается. Большой интерес в этой связи представляет известный текст Gn. XXIII, относящийся, правда, по общему мнению, к жреческому кодексу, следовательно — к периоду так называемого вавилонского пленения, но отражающий земельные отношения, существовавшие в допленный период. Как указал мне И. М. Дьяконов, земельные отношения, о которых идет речь в Gn. XXIII, немыслимы для Вавилонии VI — V вв. до н. э.

В Gn. XXIII рассказывается, что Авраам после смерти своей жены обратился к жителям Хеврона — «хеттам»[2] с просьбой продать ему в собственность участок земли[3] для погребения его покойницы. Авраам называет себя при этом характерными терминами *гер* и *тошаб* (т. е. «чужеземцем», «приселенцем»), в то время как «хетты», жители Хеврона, владельцы земельных участков, названы в тексте термином *ам-хаарец*. Остановимся на сохранившейся в тексте показательной процедуре купли—продажи земли. Авраам говорит: «(4) *гер* („чужеземец", „пришелец"; LXX: πάροικος) и *тошаб* («приселенец»; LXX: παρεπίδημος) я среди вас; дайте мне в собственность место для могилы среди вас (подчеркнуто мной.— *И. А.*; ʿimmāḵäm; LXX: μεθ'ὑμῶν), и я похороню своего покойника». Несмотря на то, что «хетты» предложили Аврааму лучшее погребальное место и заверили его, что никто из них не откажет ему в участке для погребения, Авраам продолжал настаивать на приобретении этого участка в собственность: «(7) и встал Авраам и поклонился *ам-хаарец*'у, „хеттам"; (8) и он говорил с ними так: если вы склонны позволить мне похоронить моего покойника, слушайте меня и исходатайствуйте за меня (ūp̄iḡə ʾū lī) у Эфрона, сына Цохара, (9) чтобы он отдал мне находящуюся в конце его поля пещеру Махпелу, и пусть за полное серебро отдаст ее мне среди вас (bəṯōḵakäm; LXX: ἐν ὑμῖν) в собственность в качестве погребального участка». Когда Эфрон, сидевший «среди „хеттов"», ответил, что согласен дать Аврааму это место для погребения, а последний, снова поклонившись *ам-хаарец*'у (12), продолжал настаивать на своем предложении, Эфрон принял, наконец, предложение Авраама и назначил стоимость участка в 400 сиклей серебра (15)[4]. После того, как Авраам отвесил Эфрону истребованную им «перед лицом „хеттов"» сумму в 400 сиклей серебра, обращающегося у купцов (16), поле Эфрона, пещера и все

---

[1] Перевод Н. М. Никольского, ук. соч., стр. 1044 (с моими исправлениями.— *И. А.*).

[2] Этот термин надо понимать, повидимому, как общее обозначение доизраильского населения — см. M. R. Lehman, BASOR, № 129 (1953), стр. 15.

[3] О практике купли—продажи земли свидетельствуют и другие тексты, например связанные с юбилейным годом (см. Lv. XXVII, 22—24). Мы ничего определенного не знаем относительно того, соблюдались ли правила о юбилейном годе, но здесь важен сам факт купли—продажи земли. О свободной купле—продаже земли в VII—VI вв. см. Jer. XXXII, 7—15 (особенно 15).

[4] Любопытную параллель к этой цене содержит угаритский текст PIII 8213, на который указывает М. Л. Гельцер, Материалы к изучению социальной структуры Угарита, ВДИ, 1952, 4, стр. 30—31: «Здесь речь идет о покупке dimtu, очевидно, „сельского дома", с оливковыми рощами, виноградниками и садом за 400 сиклей серебра». Согласно Gn. XXIII, 17, Авраам купил у Эфрона за 400 сиклей поле и пещеру, которые на нем «и все деревья, которые на поле, во всех пределах его вокруг».

насаждения, которые на поле, «стали (wajjāqŏm) . . .собственностью (ləmiqnah; LXX: εἰς κτῆσιν) Авраама перед очами „хеттов", всех входящих во врата города» (ст. 17 — 18). Обращает на себя внимание и последний, 20-й стих рассматриваемой гл. XXIII. В качестве заключения подробного рассказа о покупке земельного участка в этом стихе говорится следующее: «Так „хеттами" было у т в е р ж д е н о (wajjāqŏm) за Авраамом в собственность для погребения поле и пещера, которая на нем». Такое понимание выражения wajjāqŏm «утверждено» подтверждается переводом LXX: καὶ ἐκυρώθη ὁ ἄγρος καὶ τὸ σπήλαιον ὃ ἦν ἐν αὐτῷ τῷ Ἀβραὰμ εἰς κτῆσιν τάφον παρὰ τῶν υἱῶν Χέτ. Показательно, что тот же глагол wajjāqŏm, употребленный в ст. 17, переведен в LXX: καὶ ἔστη κτλ., т. е. «и стало» поле собственностью Авраама, в то время как в цитированном ст. 20 в LXX употреблен глагол κυρόω «решать», «постановлять»; следовательно, ἐκυρώθη ὁ ἄγρος. . . εἰς κτῆσιν κτλ. означает, что купленный у Эфрона участок поля был утвержден за Авраамом в собственность санкцией *ам-хаарец* Хевронского «полиса», т. е. гражданской общины Хеврона.

Интересную параллель к процедуре купли—продажи земли с обязательной санкцией членов общины мы находим в среднеассирийском законодательстве. Из фрагментированного § 6 САЗ I видно, что в случае продажи общинной земли, глашатай предварительно в течение целого месяца оповещает жителей об этом факте; тем самым представляется возможность предъявления различного рода претензий к хозяину отчуждаемого участка. Оформление сделки происходит в присутствии как царских чиновников, так и представителей общины[1].

Независимо от тенденции Gn. XXIII обосновать исторические права Иуды на Хеврон, из рассмотренного текста вытекает, что «хетты», жители Хеврона, называемые в тексте термином *ам-хаарец*, представляли собой общину полноправных граждан, владеющих участками земли на правах частной собственности. То, что Эфрон мог продать свой участок Аврааму только с санкции других членов общины, еще не означает отсутствия у него права на самостоятельное распоряжение своей земельной собственностью. Внутри общины земля, возможно, отчуждалась и переходила из рук в руки беспрепятственно. Но здесь речь шла об особом случае — предоставлении пришельцу права на приобретение недвижимости и ео ipso — введении его в состав общины. Такое право в виде исключения могла даровать только община граждан в целом[2]. Здесь, таким образом, проявляется тот своеобразный характер земельной собственности в древности, которую Маркс определяет как совместную частную собственность активных граждан[3]. Тот факт, что Авраам, несмотря на полученное им разрешение похоронить свою жену на территории Хеврона, столь упорно добивается предоставления ему участка земли в собственность, может в некоторой степени быть объяснен и соображениями религиозного порядка, которые требовали, чтобы покойник был захоронен в своей земле с последующим выполнением потомками или родными соответствующих ре-

[1] См. И. М. Дьяконов, ЗВАХ, ВДИ, 1952, № 4, стр. 207—208 (САЗ, I, § 6) и комментарий к этому же месту, т а м ж е, стр 230. См. также РЗОА, стр. 44—48.

[2] Так, например, в Афинах метекам право приобретать недвижимости (γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησιν) могло даровать лишь народное собрание.

[3] См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12. Характеризуя античную форму собственности, Маркс говорит: «...Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но, как член общины, каждый отдельный человек является частным собственником. Относясь к своей частной собственности, как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности, как к основанию своего членства в общине, а сохранение его, как члена общины, есть точно так же сохранение существования и общины, и наоборот, и т. д.» (К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 12).

лигиозных обрядов. Однако столь подчеркиваемая в тексте настойчивость Авраама говорит о его стремлении во что бы то ни стало проникнуть в общину владельцев земельных участков Хеброна[1]. Это лишний раз подтверждает предположение, что владение земельным участком на территории общины было средством проникновения в общину полноправных граждан, так как владение земельным участком было одним из условий и признаков полноправного гражданина.

Конкретный исторический материал показывает, что источником и критерием гражданской полноправности в большинстве случаев было землевладение.

Если прав И. М. Дьяконов в своей трактовке социальной сущности категорий вавилонских awêlum и muškênum и причины гражданской неполноправности последних (ВДИ, 1952, № 3, стр 264 слл.), то и вавилонский материал являет собой пример того, что владение землей в той или иной общине «...было обязательным условием для полноправного гражданства в ней» (ук. соч., стр. 267). Об этом же свидетельствует и ассирийский материал, на основании которого И. М. Дьяконов считает, что «...членство в общине было связано с обладанием земельным наделом и с выполнением общинных повинностей ...» (РЗОА, стр. 69).

Аналогичное явление имело место и в греко-римском обществе. Так, эпиграфический материал и данные лексикографов (Свида, Гезихий) свидетельствуют о прямой связи между гражданскими правами и владением земельным участком в древней Греции[2]. Такая же связь существовала и в древнем Риме республиканского периода, на что обращал внимание еще Маркс: «...частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник»[3].

---

[1] Обращает на себя внимание, что в тексте неоднократно подчеркивается неуклюжее на первый взгляд выражение «с вами», «среди вас», т. е. «наравне с вами». 1) Авраам говорит *ам-хаарец* Хеброна: gēr wətōšaḇ ʾanoḵî ʿimmāḵäm (LXX: πάροικος καὶ παρεπίδημος ἐγώ εἰμι μεθ'ὑμῶν («чужеземец и переселенец я у вас (с вами), дайте мне участок в собственность... среди вас (с вами) (ʾaḥuzzaṯ... ʿimmāḵäm; LXX: δότε μοι οὖν κτῆσιν ... μεθ'ὑμῶν)» (ст. 4); 2) в ст. 9 Авраам говорит: «За полное серебро пусть (Эфрон) отдаст мне (участок) среди вас в собственность (bəṯōḵaḵäm laʾaḥuzzaṯ...; LXX: ἀργυρίου τοῦ ἀξίου δότω μοι αὐτὸ ἐν ὑμῖν εἰς κτῆσιν...)»; 3) вслед за этим, в ст. 10 подчеркивается снова, что владелец участка Эфрон сидел среди (bəṯōḵ) «хеттов» (LXX: Ἐφρων δὲ ἐκάθητο ἐν μέσῳ τῶν υἱῶν Χέτ). Мне представляется, что это выражение «среди вас» означает здесь «быть с вами на равных правах», т. е. прежде всего владеть землей на территории общины. Как справедливо отметил акад. Н. М. Никольский, Значение проблемы общинного быта в Ассирии для изучения социально-экономической истории народов древнего Востока, «УЗ Белорусского унта», вып. 16 (1953), стр. 389, «...купленная земля не выходила из общины, ее покупатель становился членом общины». Зависимость полноправности в общине от владения общинной землей засвидетельствована, как известно, в практике многих народов древности.

[2] Ср. С. Я. Лурье, История Греции, т. I, 1940, стр. 131—132. Проф. С. Я. Лурье обратил мое внимание на ряд важных эпиграфических данных по этому вопросу и на речь Демосфена «Против Леохара», из которой видно, что при голосовании в деме решающее значение имел, в сущности, не человек, а представляемый им земельный участок. Ср. также С. Я. Лурье, К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века, УЗЛГУ, 1939, № 39, стр. 84 (со ссылкой на Fr. Hiller v. Gaertringen, SBPAW, 1919, стр. 667—668): «...Еще в середине V в. беднота, не имевшая собственного участка земли, не вносилась в общегражданские списки (ληξιαρχικὸν γραμματεῖον)». Подробнее о ληξιαρχικὸν γραμματεῖον см. М. С. Куторга, Афинская гражданская община по известиям эллинских историков, Собр. соч., т. I, 1894, стр. 287—294.

[3] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 13. О связи между гражданским полноправием и землевладением в Риме см. С. И. Ковалев, История Рима, 1948, стр. 355; ср. также «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского, 1952, стр. 491.

Таким образом, рассмотренный нами текст Gn. XXIII позволяет придти к выводу, что поскольку *ам-хаарец* Хеврона выступали в роли полноправных членов общины, санкционирующих продажу пришельцу земельного участка, принадлежащего одному из граждан, можно предположить, что в данном случае *ам-хаарец* — это владельцы земли.

Предположение, что *ам-хаарец* были землевладельцами, подтверждается также текстами, относящимися непосредственно к дополненному периоду.

Во II R. XXIII, 33—35 (= LXX II Chr. XXXVI, 3—4) сообщается, что фараон Нехо (611—595), сместив иудейского царя Иоахаза, поставил вместо него царем Иоакима (607—597) и наложил на страну дань в сто талантов серебра и один талант золота[1]. Этот важный и вместе с тем весьма трудный для перевода текст II R. XXIII, 35 гласит: wəhakkäsäp wəhazzāhāb nātan Jəhōjāqīm ləparʿō ʾak hāʿärik ʾät hāʾäräṣ lātēt ʾät hakkäsäp ʿal pī parʿō ʾiš kəʿärkō; [wə]nāgaś ʾät hakkäsäp wəʾät hazzāhāb ʾät ʿam-hāʾäräṣ lātēt ləparʿō Nəkō «а серебро и золото отдал Иоаким фараону, но чтобы отдать деньги (серебро), по приказанию фараона, он произвел обложение земли[2], каждого [владельца] согласно его [норме] обложения (ʾak hāʿärik ʾät hāʾäräṣ... ʾīš kəʿärkō); [и] взыскал (nāgaś) серебро и золото у (ʾät)[3] *ам-хаарец*, чтобы отдать фараону Нехо». Из этого текста вытекает, что люди, обозначаемые термином *ам-хаарец*, были обладателями имущественного ценза, выражавшегося в земельных участках, причем имущественное положение этих лиц было различным (каждый облагался в соответствии с оценкой его имущества). Поскольку

---

[1] LXX II R. XXIII, 33: 100 талантов серебра и 100 талантов золота; LXX II Chr XXXVI, 3 совпадает с подлинником.

[2] LXX: ἐτιμογράφησε τὴν γῆν.

[3] Здесь соблазнительно было бы ожидать чтение [mē]ʾēt (такая форма mēʾet засвидетельствована, например, в Ex. V, 20), однако надобности в такой эмендации нет, так как ʾt имеет значение не только частицы прямого дополнения, но и предлога «от» и «из» (см., например, Gn. XLIV, 4: «... они вышли из города» hēm jāṣəʾū ʾät-hāʿīr). Такой перевод вполне согласуется с LXX (παρὰ τοῦ λαοῦ τῆς γῆς) и Вульгатой (de populo terrae). В научной литературе встречаются неверные переводы этой частицы. Так, например, J. Benzinger, Die Bücher der Könige, 1899, стр. 196, отметив, что конструкция II R. 23, 35 не ясна, писал: «Da ʾt ʿm h' nicht drittes Objekt zu ngś sein kann, lässt es sich nur übersetzen mit Hilfe des ʿh» (? — *И. А.*). Возможность такого перевода допускал и Kautzsch[2], стр. 423. В нашем переводе мы исходим из того, что единственным подлежащим всего текста является слово «Иоаким». Сложная грамматическая конструкция этого текста явилась причиной неправильного его понимания уже переводчиками Септуагинты. Исходя из понимания ʾiš kəʿärkō как второго подлежащего, помимо слова «Иоаким», переводчики оставили такие переводы параллельных текстов II R. XXIII, 35 и II Chr. XXXVI, 4:

II R. XXIII,35	II Chr. XXXVI,4 (отсутствует в подлиннике)
... ἀνὴρ κατὰ συντίμησιν αὐτοῦ ἔδωκαν τὸ ἀργύριον καὶ τὸ χρυσίον μετὰ τοῦ λαοῦ τῆς γῆς...	καὶ ἕκαστος κατὰ δύναμιν ἀπῄτει τὸ ἀργύριον καὶ τὸ χρυσίον παρὰ τοῦ λαοῦ τῆς γῆς.

Исходя из представлений о феодальной структуре древневосточных обществ, ряд библеистов пытался видеть в *ам-хаарец* рассматриваемого текста феодально зависимых крестьян. См., например, R. Kittel, Die Bücher der Könige, 1900, стр. 305. Опираясь на ошибочный перевод LXX II Chr. XXXVI, 4, акад. Н. М. Никольский Происхождение юбилейного года, стр. 1049—1050, понимает этот текст так, что дань фараона «царь разложил на землевладельцев», а землевладельцы переложили эту дань на зависимых от них крестьян: «и каждый выколачивал (? — *И. А.*) по оценке золото и серебро с народа земли для дани фараону». На грамматическую невозможность такого перевода указал еще А. Б. Рановичъ, Очерки..., стр. 154—155.

в начале данного текста говорилось об обложении земли[1], можно предположить, что различие имущественного положения *ам-хаарец* определялось различной величиной или качеством их земельных участков.

В этой связи представляет интерес текст II R. 15, 19—20, в котором также идет речь о раскладке дани, на этот раз наложенной ассирийским царем Тиглатпаласаром III (745—727). Здесь мы читаем: «(19) пришел Пул, царь Ассирии в страну, и Менахем дал Пулу тысячу талантов серебра, чтобы руки Пула были с ним, дабы удержать царство в своей руке, (20) и разложил (wajjōṣē')[2] Менахем серебро на Израиль, на *гибборе-хаил*, чтобы отдать царю Ассирии, по 50 сиклей серебра на каждого». В отличие от вышеприведенного текста II R. XXIII, 35, здесь вместо термина *ам-хаарец* употреблен термин gibbōrē haḥajil (LXX: ὁ ἀνὴρ δυνατὸς ἰσχύϊ). Этимология термина «*гиббор-хаил*» не представляет затруднений, он букв. означает «сильный войска»[3]. Трудность заключается в социальной характеристике носителей этого термина. Ф. Буль[4], например, считает *гибборе-хаил* «крупными землевладельцами» (Grossgrundbesitzer), М. Вебер[5] — «крупнейшими владельцами» (grössten Besitzer). А. Б. Ранович полагает, что *гибборе-хаил* — «мощные, могучие владельцы», «богатые собственники», та новая имущественная знать, которая, по его мнению, вытеснила старую родоплеменную аристократию и не входит в состав *ам-хаарец*[6]. И. М. Дьяконов (РЗОА, стр. 85) более осторожно называет *гибборе-хаил* «зажиточным населением страны».

Действительно, среди многочисленных упоминаний этого термина встречаются единичные тексты, которые дают как будто основание для такого осмысления *гибборе-хаил*. Так, например, термином *гибборе-хаил* названы Боаз, зажиточный родственник Ноэми, свекрови Руфи (Ruth II, 1), Киш, отец будущего царя Саула (I S. IX, 1), Гидеон (Jdc. VI, 12), Ифтах (Jdc. XI, 1) хотя мы и не знаем, в какой мере можно говорить о них, как о «могучих владельцах»[7].

Но, кроме этих единичных случаев, имеется множество текстов, в которых такое понимание *гибборе-хаил* абсолютно невозможно. Под названием *гибборе-хаил* в текстах выступают прежде всего воины, безотносительно к их этнической принадлежности, насчитывающие при этом сотни тысяч человек. Так, например, все ассирийское войско Санхериба, осаждавшее Иерусалим, состояло из *гибборе-хаил* (II Chr. XXXII, 21). Амация, иудейский царь, нанял в Израиле армию в 100 000 *гибборе-хаил* за 100 талантов серебра (II Chr. XXV, 6). Во время войны между

---

[1] Правда, слово hā'āräṣ можно перевести «страна» и, следовательно, hä'är̲k 'ät̲ hā'āräṣ «обложил страну»? Однако в данном контексте нам представляется более вероятным понимание hā'āräṣ в буквальном смысле, т. е. «земля», что соответствует также приведенному переводу LXX.

[2] LXX: καὶ ἐξήνεγκε. E. Kautzsch, ук. соч.[2], стр. 410, оставляет это слово без перевода, так как, по его мнению, тут «по смыслу требуется „auferlegt"». Вряд ли, однако, это сомнение оправдано, так как такое значение глагола jṣ', как «переносить», «распространять» хорошо засвидетельствовано. Ср., например, Dt. XXII, 19: hōṣi' šem rā' «распространил худую молву». «Накладывать» или «раскладывать» дань вполне соответствует одному из значений этого глагола. Во всяком случае наш контекст не оставляет в этом сомнения.

[3] W. Gesenius, ук. соч., стр. 113: tapferer, tüchtiger Krieger, tüchtiger Mann. Vulg: fortes exercitus.

[4] F. Buhl, Die sozialen Verhältnisse der Israeliten, B., 1899, стр. 52.

[5] M. Weber, ук. соч., стр. 20.

[6] А. Б. Ранович, Очерки..., стр. 159—160.

[7] Ср., впрочем, знатного (gāḏōl) военачальника Наамана, бывшего «прокаженным *гиббор-хаил*» (II R. VI, 1). В Jer. V, 4—5 gāḏōl противопоставляется dal — разновидность «бедняка». Но о богатстве Наамана нам ничего не известно.

Иеровоамом и Абией у Иеровоама было 800 000, а у его противника — 400 000 *гибборе-хаил*. Количество таких примеров можно умножить[1].

Несомненно, эти цифры крайне преувеличены, но тем не менее ясно, что речь идет о больших массах людей и что, таким образом, под *гибборе-хаил* никак нельзя понимать только «мощных владельцев». Свидетельствует об этом и рассматриваемый нами текст. Дань в тысячу талантов была разложена по 50 сиклей на каждого *гибборе-хаил*, следовательно, всего их было 60 000[2], а вместе с их семьями — около 300 000 человек, что несомненно составляло значительную часть населения страны[3]. Для решения вопроса о социальной характеристике *гибборе-хаил* следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В некоторых текстах термин *гибборе-хаил* совпадает с понятием «весь народ» (см. I Chr. XXVIII, 1—2, 8), в то время как *анше-милхама* (букв. «люди войны») противопоставлены *ам-хаарец* (Jer. LII, 25 и II R. XXV, 19). Весьма возможно, что если под *анше-милхама* следует понимать постоянное, регулярное войско, то *ам-хаарец* resp. *гибборе-хаил* входили в ополчение. О прямой связи, существовавшей между принадлежностью к *ам-хаарец* и военной службой, говорит текст II R. 25, 19 (= Jer. LII, 25): «писец главного начальника войска, записывающий (призывающий, мобилизующий) в войско *ам-хаарец*»[4]. Нам представляется поэтому, что Менахем разложил ассирийскую дань Пула (II R. 15, 19—20), так же как Иоахим дань фараона Нехо (II R. 23, 33—35), на граждан-землевладельцев, обозначенных в первом случае термином *гибборе-хаил*, во втором — *ам-хаарец*. Тождественность этих терминов[5] может быть объяснена тем, что для полноправных граждан-землевладельцев, какими были, по нашему мнению, люди из *ам-хаарец*, военная служба в ополчении была и гражданским правом и гражданской обязанностью, точно так же как и для крестьян — граждан римского civitas.

Помимо несения военной службы, в текстах засвидетельствовано активное участие *ам-хаарец* в политической жизни страны. Так, например, приход к власти известного реформатора Иосии (640—608) источник связывает с активным выступлением *ам-хаарец*. После того как «рабы Амона», т. е. сановники этого царя, устроили заговор и убили царя во дворце (II R. XXI, 23), «народ земли» захватил инициативу, расправился с заговорщиками и воцарил Иосию, сына Амона[6]. Во II R. XXIII, 29—

---

[1] См. II Chr. XVII, 14 (300 000 человек), 15 (280 000), 16 (200 000), 17 (200 000), 18 (180 000).

[2] В тысяче кикарах (талантах) — 3 миллиона сиклей.

[3] Если придерживаться общепринятой теперь цифры всего населения в 700—800 тыс. человек. О статистике населения см., например, Ed. M e y e r, Bevölkerung des Alterthums, в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», II, стр. 443 слл.

[4] Наряду с этим начальником войска, мобилизующим *ам-хаарец* (śar haṣṣābā᾽ hammaṣbī᾽ ᾽ăṯ-ᶜam-hā᾽ārāṣ), был еще «евнух... начальник над *анше-милхама* (pāqᵉḏ ᶜal-᾽anšē hammilḥāmā)».

[5] В II R. 24, 14 имеется любопытное противопоставление *гибборе-хаил — даллат ам-хаарец* «бедноте из *ам-хаарец*», о которой речь ниже. В этом тексте говорится, что «и выселил (sc. Навуходоносор) весь Иерусалим, и всех начальников и всех *гибборе-хаил*, десять тысяч было пленных, и всех ремесленников (плотников и кузнецов), никто не остался, кроме *даллат ам-хаарец*». Повидимому, *даллат ам-хаарец* не входили в ополчение и не являлись, таким образом, *гибборе-хаил*.

[6] II R. XXI, 24: «И перебил *ам-хаарец* заговорщиков (haqqōšᵉrīm) против царя Амона и воцарили *ам-хаарец* Иосию, сына его, вместо него». Ср. параллельный текст в II Chr. XXXIII, 24—25. Глубоко ошибочным является утверждение авторов учебника по истории древнего мира под ред. В. Н. Д ь я к о в а и Н. М. Н и к о л ь с к о г о, 1952, стр. 165, что «восставший народ свергнул царя Амона». Как видно из приведенного текста, «народ земли» жестоко расправился с убийцами Амона. Кросс и Фридман связывают убийство Амона с попыткой выступления радикальной антиас-

30 (= II Chr. XXXVI, 1) сообщается, что после гибели Иосии в битве при Мегиддо (608 г. до н. э.) «*ам-хаарец* взял Иоахаза, сына Иосии, и помазали его и воцарили его вместо отца его». Большой интерес представляет также сообщение II R. XI, 13—14, 18—20(=II Chr. XXIII, 13, 20—21) об активном участии *ам-хаарец* в заговоре Иоадая против царицы Аталии, дочери Ахава и Изебель (843—836 до н. э.), закончившемся свержением Аталии и воцарением Иоаша, сына Ахазия (ср. Ios., Antt., IX, 7, 1—5). Можно указать еще на заговор против царя Амациягу, бежавшего в Лахиш и убитого там (II R. XIV, 19). Правда, здесь не обозначены заговорщики (wajikšərū ʿālāw qäšär), но в ст. 21 сказано, что «взяли весь народ Иуды (wajjiqḥū ḵōl-ʿam Jəhūḏāh) Азарию, а было ему шестнадцать лет, и воцарили его вместо его отца Амациягу»[1]. А. Б. Ранович справедливо в общем отмечает, что «причины, обстоятельства и последствия этих мятежей неизвестны» (ук. соч. стр. 228)[2]. Этот интересный и важный вопрос нуждается, разумеется, в специальном исследовании. Однако можно полагать, что все эти движения *ам-хаарец* были направлены против расхищения земель и кабального рабства. Земельный переворот VIII—VII веков до н. э. можно охарактеризовать словами Энгельса: «Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти участки стали принадлежать им на правах наследственной собственности. К чему они за последнее время более всего стремились — так это именно к освобождению парцеллы от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами. Оковы эти исчезли, но вскоре после того исчезла также и новая земельная собственность»[3].

Совершенно невозможно, на мой взгляд, согласиться с мнением Н. М. Никольского, что в израильско-иудейском обществе «не имело места какое-либо массовое обезземеление общинников»[4]. Материал источников свидетельствует о значительности этого явления.

Процесс концентрации земли, протекавший в VIII—VII вв. до н. э. путем насильственных захватов земель и скота[5], скупки участков и ростовщической кабалы, необходимо влек за собой обезземеливание крестьян, лишение *ам-хаарец* их земельных участков — основы их хозяйственно-экономического и политического положения в обществе. С изменением ведущего элемента производственных отношений — формы собственности — изменяется и характер производственных отношений в целом, изменяется положение социальных групп. Прежде свободные производители, владельцы земельных участков превращаются в кабальных рабов, наемников

сирийской партии (Fr. Cross and N. Freedman, Josiah's revolt against Assyria, JNES, XII, 1953, 1, стр. 56). Надо полагать, что воцарение Иосии при активном участии *ам-хаарец* связано с победой партии социальных реформ против консервативно-аристократических заговорщиков.

[1] Отсюда видно, что А. Б. Ранович, Очерки..., стр. 228, ошибается, говоря, что приведенный текст II R. XIV, 19 сл. якобы «сообщает о мятеже против Азарии».

[2] Что касается заговора против Амациягу, то, судя по контексту II R. XIV, поводом для заговора послужило военное поражение в результате бездарного ведения войны с Иегоашем.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 172—173 (разрядка моя. — *И. А.*).

[4] Н. М. Никольский, Введение к А. Ранович, Очерки..., стр. LVII.

[5] Mich. II, 2 и Jes. V, 8. Ср. также известные примеры из истории Израиля о насильственном захвате поля Набота и убийстве его владельца, отказавшегося продать или подарить свой участок царю Ахаву (I R. XXI; отсюда видно, что здесь не существовало верховной собственности царя на всю землю), а также из истории Иуды рассказанный пророком Натаном (I S. XII) случай с человеком, владевшим множеством скота и отнявшим у бедняка его единственную овцу.

(*сахир*), выбитых из хозяйственной колеи, и бедняков — так называемых *даллим*.

Обезземеленная и обедневшая часть *ам-хаарец* обозначается характерным термином в status constructus partitivus: dallaṯ ʿam-hāʾāräṣ, букв. «беднота из *ам-хаарец*» (LXX: οἱ πτωχοὶ τῆς γῆς). Этот собирательный термин, повидимому, объединяет различные группы бедняков: *даллим*[1], *эбйоним*[2], *аним*[3], *рошим*[4], возможно также *реким* и *похазим* (Jdc. IX, 4) и др. Все указанные термины нуждаются в специальном и тщательном исследовании для выяснения различия между ними и социальной эволюции их носителей. Здесь же этот термин интересует нас в той связи, что, в противоположность *ам-хаарец*, *даллат ам-хаарец*, как мы попытаемся показать, лишены земельной собственности.

Термин *даллат ам-хаарец* (resp. *даллат-хаарец*, *даллот-хаарец*, *даллот* хāʿam) встречается в следующих текстах: II R. XXIV, 14 и XXV, 12; Jer. XXXIX, 10; XL, 7; LII, 15—16. Необходимо отметить, что все эти тексты отражают отношения начала VI века. В более же ранних текстах термин *даллат ам-хаарец* не встречается.

Во II R. 24, 14 сообщается, что в 597 г. Навуходоносор «выселил весь Иерусалим и всех начальников (śārīm) и всех *гибборе-хаил*, десять тысяч пленных и всех ремесленников и кузнецов; никто не остался, кроме *даллат ам-хаарец*». Далее в текстах II R. XXV, 9—12 (= Jer. LII, 15—16), где сообщается о событиях 586 года до н. э., мы читаем: «(11) а остальной народ, оставшийся в городе, перебежчиков, которые перебежали к царю Вавилонскому, и остальную толпу (wəʾēṯ jāṯär hähāmōn)[5] выселил Навузарадан, начальник палачей (телохранителей? raḇ-ṭabbāḥîm); (12) а (людей) из *даллат-хаарец* начальник палачей оставил в качестве виноградарей и земледельцев»[6]. Из этого текста устанавливается факт, что люди из *даллат ам-хаарец* были оставлены Навузараданом в качестве основных производителей материальных благ — виноградарей и земледельцев. При этом совершенно неясным остается вопрос о первоначальном имущественном положении этой социальной категории, до событий 586 г. Не вполне ясным представляется и имущественное положение *даллат* после их оставления. Ответы на эти вопросы позволяет

---

[1] dallīm; Jer. XXXIX, 10; Jes. X, 2; XI, 4; XIV, 30.

[2] ʾäbjōn m; Jes. XVI, 30; Am. II, 8; IV, 1; VIII, 4.

[3] ʿānī; Jes. III, 14; X, 2; XIV, 32.

[4] rōš; II S. XII, 1 слл.; Prv. X, 4 и XXII, 7.

[5] Помимо значения «толпа», hāmōn означает также «войско», «армия» (см. I R. XX, 13,28; Jes. XXIX, 5; Jdc. IV, 7 и др.). В параллельном тексте Jer. LII, 15 вместо hāmōn читается ʾāmōn. Этот термин также имеет двоякое значение: 1) «причастный к ремеслу, ремесленник», от ʾūmān, ʾūmānūṯ (см. «Thesaurus totius hebraitatis et veteris et recentioris» auctore E. Ben-Jehuda, I, 104); ср. аккад. ummânu (АВИИУ, ВДИ, 1951, № 2, 311—312) и сир. umānā (Н. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., 1940, стр. 41); 2) может означать также «войско» (см. J. Barth, Etymologische Studien zum Semitischen, insbesondere zum hebr. Lexikon, Lpz, 1893, стр. 60); как показал И. М. Дьяконов (loc. cit.), в анналах Тиглатпаласара III um-ma-ni может означать и «войско» и «ремесленников». Мне представляется, что в рассматриваемом нами тексте речь идет, вероятнее всего, о ремесленниках. Характерно, что в аналогичном тексте II R. XXIV, 14, относящемся к событиям 597 г., вместо hāmōn resp. ʾāmōn мы читаем: «и выселил... всех ремесленников и кузнецов (ḫārāš wəmasgēr)».

[6] LXX: καὶ ἀπὸ τῶν πτωχῶν τῆς γῆς ὑπέλιπεν ὁ ἀρχιμάγειρος εἰς ἀμπελουργοὺς καὶ εἰς γαβίν (?—*И. А.*). Испорченное в II R. XXV, 12 слово gbjm LXX оставляет в этом месте без перевода (γαβίν?). Зато в параллельном тексте Jer. LII, 15—16, где в подлиннике читается jōgəḇ m, LXX переводит это слово термином γεωργοί «земледельцы»: καὶ τοὺς καταλοίπους τοῦ λαοῦ κατέλιπεν ὁ ἀρχιμάγειρος εἰς ἀμπελουργοὺς καὶ εἰς γεωργούς.

дать параллельный текст Jer. XXXIX, 10[1], в котором мы читаем: «а из бедного народа (ūmin hāʿam haddallīm), у которых ничего нет (ʾašär ʾēn lāhäm məʾūmā), Навузарадан, начальник палачей (или телохранителей), оставил в стране Иуды и дал им в тот же день виноградники и поля (wajjittēn lāhäm kərāmīm wīgēbīm bajjōm hahūʾ)». Из этого текста можно сделать вывод, что до событий 586 г., когда Навузарадан снабдил бедноту земельными участками, *даллат ам-хаарец* были безземельными крестьянами. Как нам представляется, основной частью *даллат-хаарец* были обезземеленные люди из *ам-хаарец*[2]. О крайне тяжелом положении этой категории, о нещадном произволе, которому подвергались бедняки, говорят многочисленные и хорошо известные гневные обличения «пророков».

В какой мере формально менялось гражданское положение лиц, утративших земельные владения, сказать что-либо определенное не представляется возможным. В дошедших до нас текстах, если не считать рассмотренного выше намека, содержащегося в Jes. V, 8, нет никаких прямых указаний на изменение гражданского статуса обезземеленных крестьян. Однако, судя по аналогиям с другими обществами древнего мира, такое изменение в сторону лишения гражданской полноправности можно считать закономерным. Выше мы ссылались на интересную трактовку И. М. Дьяконова причины неполноправности *мушкенум* в Вавилонии. Укажем также на критских апетайров и спартанских гипомейонов, лишавшихся, как известно, гражданских прав ввиду их обезземеливания и связанного с этим выхода из общины полноправных граждан.

Из Jer. XXXIX, 10 вытекает, повидимому, также и то, что земля после завоевания стала собственностью вавилонского царя, а dallîm, бывшие ранее λαοὶ τῆς γῆς, сажались на нее уже в качестве λαοὶ βασιλικοί. То, что Навуходоносор, жестоко расправившись со всем населением завоеванной страны, не только пощадил *даллат ам-хаарец*, но и снабдил их земельными участками, можно, с одной стороны, рассматривать в плане обычной для восточных правителей политики заселения завоеванной страны и наделения населения землей и инвентарем[3] для укрепления своего владычества и получения доходов с заселенных земель; с другой стороны, это может служить также косвенным свидетельством в пользу того, что *даллат ам-хаарец* не принимали активного участия в борьбе против вавилонской армии. Будучи в оппозиции к правящей богатой верхушке, ориентировавшейся в это время на Египет, *даллат ам-хаарец* могли быть опорой провавилонских групп, например группы Иеремии. Таким образом, уже в допленный период *ам-хаарец* претерпел известную эво-

[1] Ср. Jer. LII, 16 и II R. XXV, 12.

[2] Встречающиеся в литературе толкования dallîm как «худых людишек» или «невежественных крестьян» (die unwissenden Bauern — M. Weber, ук. соч., стр. 31) не отражают социально-экономической специфики этой категории. Н. М. Никольский, Введение к А. Ранович, Очерки..., стр. LXX, прим. 2, исходя из значения ассиро-вавилонского глагола dalâlu «быть подвластным богу или царю» (точнее: «отправлять культ, нести повинности») и dallu «подвластный», «обязанный работой на царя», понимает под *даллат ам-хаарец* «свободную формально массу общинников, подвластную непосредственно царю». Однако об этой «подвластности» царю до завоевания Навуходоносора нам абсолютно ничего не известно.

[3] Ср. Харранский реестр Ашшурбанипала, табл. 5 («поселение берапшийцев» и др.) (см. РЗОА, стр. 97). О практике ассирийских переселений см. также АВИИУ, ВДИ, 1951, № 2, passim. О переселении жителей северной Сирии в Урарту см. Б. Б. Пиотровский, Раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур, ВАН, 1953, № 4, стр. 56. Г. Х. Саркисян, О городской земле в Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1, стр. 64 слл., показал, что Антиох, выселив в Селевкию жителей Вавилонии, снабдил их землями, скотом и инвентарем, что было обычным в практике эллинистических правителей Востока.

люцию. Отсутствие в текстах до VI в. термина *даллат ам-хаарец* не случайно. Его появление свидетельствует о далеко зашедшем процессе разорения свободных производителей, что нашло в конечном счете отражение и в терминологии и в правовом положении отдельных групп.

Вавилонское завоевание и угон в плен иудейского населения прервали естественный ход развития социальной жизни и борьбы в Иудее. В послепленный период значение термина *ам-хаарец*, насколько позволяют судить более чем скудные данные библейской литературы, резко меняется. В послепленной литературе этот термин встречается почти исключительно во множ. числе[1] и выражает понятие «иноплеменные народы» с обязательным оттенком ритуальной нечистоты. Совершенно особняком стоят однократные упоминания термина *ам-хаарец* в ед. числе в книгах Эзры (IV, 4)[2] и Аггея (II, 4), на которых следует специально остановиться.

В кн. Эзры сообщается, что после персидского завоевания Вавилона из вавилонского плена в Иудею вернулась первая партия изгнанников в количестве 42 360 человек (II, 64), «... не считая 7 337 рабов и рабынь их» (II, 65). В гл. II приводится детальный перечень вернувшихся по их родовой принадлежности. Из этого перечня видно, что в эту группу эксулантов входили главным образом лишь люди определенных родов, тщательно следившие за своей родословной и обязанные доказать свое привилегированное происхождение[3]. Уже в конце этой главы (II, 70) имеется указание на обособление вернувшихся из плена от остального иудейского населения страны: «и поселились жрецы и левиты, и из народа (ūmin hāʿam), и певцы, и привратники, и *нетинеи* („гиеродулы“) в их поселениях (bəʿārēhäm), а весь Израиль в своих поселениях». Значение этого противопоставления в данном тексте не выясняется. В гл. III сообщается, что вернувшиеся решили приступить к восстановлению разрушенного Навуходоносором храма, а из гл. IV узнаем, что иудеи, вернувшиеся из плена, не допустили *ам-хаарец* к участию в строительстве храма.

В IV главе кн. Эзры читаем: «(1) И услышали враги (ṣārē) Иуды и Вениамина, что возвратившиеся из плена (bənē haggōlā) строят храм Яхве, богу Израиля. (2) И пришли они к Зоровавелю и к главам родов (? — rōšē hāʾābōṯ) и сказали им: мы будем строить с вами, ибо, как и вы, мы [также] поклоняемся вашему богу и ему мы приносим жертвы со времен Асархаддона, царя Ашшура, который переселил (hammaʿăläh) нас сюда. (3) И сказал им Зоровавель, Иисус и остальные главы родов Израиля: не с вами нам строить дом богу нашему, ибо мы одни построим для Яхве, бога Израиля, как приказал нам царь Кир, царь Персии. (4) И стал *ам-хаарец* ослаблять руки народа Иуды и препятствовать (букв. «запугивать», «отпугивать») им в строительстве (wajəhî ʿam-hāʾārāṣ mərappîm jəḏē ʿam Jəhūḏāh ūməḇalahîm (Qərē: ūməḇahalîm) ʾōṯām liḇənōṯ)». Далее в гл. IV слл. приводится переписка с персидскими царями Артаксерксом и Дарием, возникшая по жалобе *ам-хаарец*.

Вопрос подлинности арамейских писем у Эзры, историчности традиции

---

[1] Dt. XXVIII, 10; Jos. IV, 24; I R. VIII, 43, 53, 60; I Chr. V, 25; II Chr. VI, 33; XIII, 9; XXII, 13, 19; Ez. XXXI, 12 и XXXIX, 13; Zeph. III, 20; Esr. III, 3; IX, 1, 2, 11; X, 2, 11; Neh. IX, 24, 30; X, 29, 31, 32; Est. VIII, 17.

[2] На значение этого места обратил мое внимание И. М. Дьяконов, которому я приношу глубокую благодарность за это и ряд других ценных указаний.

[3] В отношении потомков священнического рода Хабайи и других сказано, что «они искали своей записи родословной и не нашли ее и были [поэтому] исключены из священства» (II, 62).

Esr. IV, 1 слл., а также проблема хронологии у Эзры вызвали обширную полемику. Еще Клостерман[1] в 1896 г. и вслед за ним Киттель[2] наметили положительное решение этих вопросов. Эд. Мейер, признавая подлинность арамейских документов, отрицал в то же время историчность традиции Esr. IV, 1—4, назвав ее «выдумкой хрониста»[3]. При этом Эд. Мейер ссылается на то, что Аггей и Захария якобы ничего не говорят о столкновении между эксулантами и *ам-хаарец*. В последнее время Р. Прейфер[4], не приводя новой аргументации, снова подверг сомнению подлинность арамейских писем и историчность самого факта борьбы вокруг участия в строительстве храма. Однако, как нам представляется, после обстоятельного филологического исследования этого вопроса Шедером[5] нет никаких оснований сомневаться в подлинности арамейских документов, приводимых у Эзры IV—VI, а следовательно, и в историчности факта, вызвавшего эту переписку.

Нас в данном случае интересуют не детали этой переписки, а вопрос о социальной природе той группы, которая обозначена у Эзры IV, 4 термином *ам-хаарец*. Наиболее распространенным является восходящее к Иосифу Флавию (Antt., XI, 2, 1) мнение об этнической противоположности между *ам-хаарец* и bənē haggōlāh, т. е. вернувшимися из изгнания. Эд. Мейер (ук. соч., стр. 126—127), по аналогии с Esr. III, 3, предложил вместо *ам-хаарец* в ед. числе чтение ʿam⟨mē⟩ hāʾārāṣ[6] и понимает под ними непосредственных соседей иудеев, прежде всего самаритян[7].

С мнением Э. Мейера с полным основанием не согласился И. Ротштейн, который понимает *ам-хаарец* у Эзры гораздо шире, включая в эту категорию и эксулантов и северян, потомков переселенных ассирийскими царями, и остатки коренного иудейского населения[8]. Однако причину обострения отношений между эксулантами и местными жителями Ротштейн толкует в религиозно-идеалистическом духе. По мнению Ротштейна, новая община, стремившаяся стать подлинной общиной Яхве, должна была обособиться от находившегося в стране населения, опасаясь влияния языческих и богопротивных настроений. Отсюда, по мнению Ротштейна, и нежелание допустить местных жителей к строительству храма, что неизбежно повлекло бы за собой участие их в храмовом культе и осквернение его (ук. соч., стр. 30).

Для того чтобы понять, кто такие *ам-хаарец* у Эзры и почему «народ Иегуды» не допускал их к строительству храма, необходимо исходить прежде всего из целей строителей храма, которые объединялись в своеобразную гражданско-храмовую общину[9], и из социально-классовых различий представителей обеих групп. Во всяком случае, нельзя

---

[1] A. Klostermann, Geschichte des Volkes Israel, München, 1896, стр. 216 слл.

[2] R. Kittel, Geschichte des Volkes Israel, III, 2, 1926, 602 сл. Ср. также D. E. Sellin, Studien zur Entstehungsgeschichte der jüdischen Gemeinde nach dem babylonischen Exil, Lpz, 1901, стр. 13—25.

[3] См. E. Meyer, Die Entstehung des Judenthums, Halle, 1896, стр. 59 и 124—125.

[4] R. Pfeifer, Introduction to the Old Testament, N.Y., 1941, стр. 829—830.

[5] H. Schaeder, Iranische Beiträge, I, «Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft», Geistwissenschaftliche Klasse, 6. Jg. Heft 5,1930, стр. 199—296.

[6] E. Gillischewski, ук. соч., 142, подкрепляет это предположение ссылкой на то, что в сирийском тексте этого места читается ʿammē вместо ʿam. Однако, как нам представляется, только один этот факт (а других Гиллишевская не приводит), засвидетельствованный в таком сравнительно позднем памятнике, каким является *Пешитто*, не может служить достаточным основанием для изменения рукописной традиции.

[7] Ср. также Sellin, ук. соч., стр. 42.

[8] J. Rothstein, Juden und Samaritaner, 1908, стр. 27—30.

[9] Пользуюсь удачным выражением Г. Х. Саркисяна (см. Г. Х. Саркисян, Город Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83 и он же, О городской земле в Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1, стр. 59—73).

всю эту сложную социальную проблему сводить к одной лишь этнической и ритуально-культовой противоположности.

Рассматриваемое нами место из Эзры IV, 1 слл. следует сопоставить с данными книги Аггея, современника этих событий [1], у которого, как сказано выше, имеется также однократное упоминание термина *ам-хаарец* в связи со строительством храма. Это тем более важно, что в Esr. V, 1 имеется упоминание о пророчестве Аггея. Как уже показал Ротштейн (ук. соч., стр. 4—23), данные Аггея, II, 10—14 по своей тенденции сближаются с Esr. IV, 1 слл. Весь мессианистско-пророческий пафос Аггея направлен на создание храмовой общины, причем, обращаясь к эксулантам, Аггей убеждает их как можно скорее приступить к строительству храма, а другую часть населения отстранить от участия в строительстве. При этом у Аггея мы встречаемся со следующими терминами: šə'ērīṯ hā'am (I, 12 и II, 2; LXX: οἱ κατάλοιποι τοῦ λαοῦ) 'am-hā'ārāṣ (II, 4; LXX: λαὸς τῆς γῆς) и hā'am (II, 14; LXX: ὁ λαὸς οὗτος). Дважды встречающийся термин šə'ērīṯ hā'am (*шеерит-хаам* букв. «остаток народа») упоминается наряду с именами Зоровавеля и верховного жреца Иисуса: «(I, 12) И прислушались Зоровавель, сын Шалтиэля, и Иисус, сын Иоцадока, верховный жрец, и весь остаток народа к голосу Яхве, их бога, и к словам Аггея, пророка etc.»; «(II, 1) скажи Зоровавелю, сыну Шалтиэля, наместнику Иудеи (paḥaṯ Jəhūḏāh) и Иисусу, сыну Иоцадока, верховному жрецу и всему остатку народа...». Под «остатком народа» (*шеерит-хаам*) следует понимать вернувшихся из плена иудеев, официальным представителем которых был назначенный персидским царем окружной наместник Иудеи Зоровавель, а идеологами — верховный жрец Иоцадок и пророк Аггей. В греческой кн. Эзры (9,4) термину «остаток народа» соответствует характерное выражение: τὸ πλῆθος τῆς αἰχμαλωσίας, т. е. «народ [вернувшийся] из плена». «Остатку народа» у Аггея резко противостоит просто «народ» (*ам*). Людей из «остатка народа», живущих, согласно Аггею I, 4, в «богато разукрашенных (səp̄ūnīm) домах» [2], пророк убеждает приступить как можно скорее к строительству находящегося в руинах храма. В то же время в другом пророчестве (II, 10—14) Аггей риторическим приемом доказывает абсолютную невозможность участия в храмовом культе той группы, которая обозначена термином «народ» (*ам*). Этим двум текстам Аггея, совпадающим с рассказом Эзры, противоречит его призыв (Hag. II, 4) строить храм, обращенный к *ам-хаарец*. В указанном тексте Hag. II, 4 читаем: «А теперь крепись (ḥazaq), Зоровавель, слово Яхве, и крепись (waḥazaq), Иисус, сын Иоцадока, верховный жрец, и крепись (waḥazaq), весь *ам-хаарец*, слово Яхве, и действуйте (wa'ăśū, т. е. стройте храм. — *И. Л.*), ибо я с вами, слово Яхве воинств» [3]. При данном чтении получается, что *ам-хаарец* тождественны *шеерит-хаам* и противостоят просто *ам*. Однако если внимательно вчитаться в весь контекст книги Аггея, то здесь настоятельно напрашивается замена термина *ам-хаарец* другим. Так как Hag. II, 4 находится в неразрывной фактической и логической связи с Hag. I, 12 и II, 2, где употреблен термин *шеерит-хаам*, то не подлежит никакому сомнению, что и в Hag. II, 4 вместо *ам-хаарец* следует читать *шеерит-хаам*. Такое изменение этого чтения было уже предло-

[1] Для наших целей нам нет надобности входить в сложные вопросы точной и детальной датировки всех событий, которые происходили между 537 и 445 гг.

[2] Данные Neh. VII также не оставляют сомнения в том, что под *шеерит-хаам* (VII, 7) понимаются родовитые и зажиточные иудеи, вернувшиеся из вавилонского плена и группировавшиеся вокруг жречества.

[3] Ср. выше Hag. I,12, где, естественно, *шеерит-хаам*, а не *ам-хаарец* сопоставлен с Зоровавелем и Иисусом, сыном Иоцадока.

жено издателями текста [1]. В пользу этого можно привести еще следующее соображение. В приведенном выше тексте Esr. IV, 4 сказано, что *ам-хаарец* стал «ослаблять» руки «ам-Иегуды» и отпугивать их от строительства храма. Возникшее необъяснимое противоречие между Esr. IV, 4 и Hag. II, 4 может легко разрешиться, если мы в Hag. II, 4 примем чтение šəʾērīṯ hāʿam вместо простой, очевидно, описки ʿam-hāʾārāṣ. Тогда перед нами выступит примечательный параллелизм: если в Esr. IV, 4 *ам-хаарец*» «ослабляют (məʾarpīm) руки народа Иуды», то Аггей призывает «остаток народа» крепиться (трижды употребленное в II, 4 ḥazaq) и не бояться козней врагов (II, 5). Если это так, то «народ», который Аггей (II, 10—14) считает необходимым исключить из вновь созданной храмовой общины, следует отождествить с *ам-хаарец*, настойчиво добивавшимся участия в строительстве храма (Esr. IV, 1 слл).

Возникает вопрос, кто же были участники конфликта, о котором рассказывается в рассмотренных местах Эзры и Аггея? Разумеется, пока не будет основательно и по-новому изучена вся послепленная литература и история Палестины и Сирии в персидское время, это можно сделать лишь сугубо гипотетически.

Как известно, между 537 и 445 гг. формируется иудейская иерократическая община. Иосиф Флавий (Antt., XI, 4, 8) сообщает по этому поводу, что иудеи ввели у себя «полуаристократический строй. Дело в том, что во главе их вплоть до воцарения потомков Асмонея стояли первосвященники». По данным Эзры и Неемии, вся община эксулантов насчитывала 42 360 человек, помимо 7397 рабов и рабынь (Esr. II, 64—65 = Neh. VII, 66—67), и состояла из жрецов, храмового персонала и перечисленных по родам [2] в основном зажиточных людей. Судя по определенным указаниям Neh. VII, 61—65, исключение из общины лиц, не могущих подтвердить своей родословной, распространялось не только на жречество (ср. Esr. II, 59). Вернувшиеся из плена обосновались в опустевшем и разрушенном Иерусалиме и постепенно начали включать в свой состав людей, которых Esr. VI, 21 называет «отделившимися от нечистоты народов земли». Надо полагать, что религиозно-культовой момент был только формальным критерием включения в общину, основой же было социальное положение вновь принимаемых в общину. Новая городская община пользовалась особым покровительством персидского царя, что находилось в полном соответствии с его планами создания политической опоры в виде городов. Такая политика опиралась, повидимому, на имевшую уже место традицию доперсидского времени [3] и особенно широко будет продолжена в селевкидское время [4]. Покровительство персидского правительства выразилось в данном случае в том, что новая храмовая община была освобождена от царских налогов, податей и повинностей (Esr. VII, 21—24). В арамейском письме Артаксеркса (Esr. VII, 12—28) сказано: «Уведомляем вас, чтобы на священников, левитов, певцов, привратников, „гиеродулов“ (nəṯīnajjā) и прислужников (ʾāpāləḥē) храма подати, налоги и пошлины не налагали (dənā mindā bəlō wahalāk lāʾ šallīṭ ləmirmēʾ ʿālēhōm — Esr. VII, 24)» [5]. Храм оказался средоточием всей общины, не

[1] «Biblia Hebraica», ed. R. Kittel, P. Kahle, A. Alt, O. Eissfeldt, Stuttgartiae, 1937. Ср. J. Rothstein, ук. соч., стр. 27—28.

[2] Ср. о родословных Селевкидского Вавилона Г. Х. Саркисян, ук. соч.

[3] См. И. М. Дьяконов, Вавилонское политическое сочинение VIII—VII в. до н. э., ВДИ, 1946, № 4, стр. 41 слл.

[4] См. Г. Х. Саркисян, ук. соч.

[5] Ср. Jos., Antt., XI, 5, 1 из письма Ксеркса на имя сирийского сатрапа: «Вам же еще раз настоятельно напоминаю освободить от всяких налогов, поборов или

только культовым и политическим, но, повидимому, и хозяйственным центром. Скудные данные источников не позволяют пока установить с достаточной ясностью все подробности, но отдельные намеки свидетельствуют, что члены общины были связаны с храмом различными и весьма тесными нитями также в области имущественных отношений. Так, например, в Esr. X, 8 сообщается, что в приказе о явке членов общины на собрание в Иерусалим содержалась угроза конфискации всего имущества не явившихся и исключения их из состава общины переселенцев [1].

Содержание храма и храмового персонала было возложено на земледельцев. Различные виды «приношений» указаны у Neh. X, 32—38 (ср. Mal., III, 10). Глухо упомянутая у Neh. X, 38 «десятина» уточняется у Флавия (Antt., XI, 5, 8) следующим образом: «народу же, занимавшемуся земледелием, он (т. е. Неемия.— *И. А.*) повелел доставлять в Иерусалим десятину от плодов своих, чтобы священники и левиты имели достаточно средств к жизни и не пренебрегали богопочитанием» [2]. Интересный материал по этому вопросу содержится в греческой кн. Эзры. В гл. VI этой книги (28—29) сообщается, что Дарий подтвердил распоряжение Кира о содействии эксулантам в строительстве храма и о выделении наместнику Зоровавелю и жрецам Иерусалима из подати, вносимой Келесирией и Финикией, средств (в виде налога — σύνταξιν) для жертвоприношений (быки, овцы, бараны, пшеница, соль, вино, масло). Отдельные, правда, очень глухие, намеки в Neh. XII, 44 и XIII, 13 дают как будто основание предполагать, что частью храмового дохода могли в какой-то мере пользоваться не только жречество и храмовый персонал, но и другие члены общины [3]. Зато с большей уверенностью можно говорить об освобождении всех членов этой гражданско-храмовой общины от царских налогов и податей. Это видно из того, что в арамейской жалобе Артаксерксу *ам-хаарец*, противившийся строительству храма и стен вокруг Иерусалима, или, вернее, чиновники, писавшие от их имени, предупреждали царя: «Пусть теперь будет известно царю, что если этот город будет отстроен и стены достроены, то (жители) не будут платить ни податей, ни налогов, а казне царской он (т. е. город) принесет убыток» (Esr. IV, 13) [4]. В данном случае персидские чиновники не поняли политики царя, стремившегося создать себе более прочную опору в виде привилегированных городов в противовес χώρα. Судя по данным Esr. VII, 25—26 (=Esr. Gr., 6, 31 и 8,23—24), храмовой общине были предоставлены обширные судебные полномочия с правом судить всех жителей страны и приговаривать нарушителей «закона бога» и «закона царя» к смерти, изгнанию, конфискации имущества и тюремному заключению.

Что касается *ам-хаарец*, то они, стремясь участвовать в строительстве храма, хотели тем самым включиться в привилегированную, освобожден-

---

поставок священнослужителей, левитов, певцов, привратников, приемщиков и писцов храма». Как мы покажем ниже, налоговые льготы распространялись не только на жрецов и на храмовый персонал, но и на всех членов гражданско-храмовой общины.

[1] Ср. Jos., Antt. XI, 5, 46: «... Все те, которые в течение двух или трех дней не явились бы, исключались из списка народа, а имущество их, по постановлению старейшин, секвестровалось в пользу храма». Ср. Esr. Gr., 9,4.

[2] Любопытную параллель представляет дельфийское жречество, которое не занималось хозяйственной деятельностью и жило за счет храмовых доходов (см. Л. М. Глускина, ВДИ, 1951, № 2, стр. 220 сл. и ВДИ, 1954, № 4, стр. 151 сл.).

[3] В Jer. Sota IX, 24 сообщается, что $^1/_3$ доходов храма распределялась между бедными и учеными Иерусалима.

[4] Ср. Jos., Antt., XI, 3, 8: «При этом царь издал декрет, даровавший свободу всем пленным иудеям, отправляющимся в Иудею, и запретил своим наместникам и сатрапам взимать с иудеев царскую дань. Вместе с тем он наперед освободил все земли, которые иудеи смогли бы обрабатывать, от каких бы то ни было податей...». Ср. также Antt., XI, 2, 1.

ную от налогов гражданско-храмовую общину. Однако встретив упорное сопротивление строителей храма и отчаявшись в своих попытках преодолеть его, они обращаются к царю с просьбой запретить строительство храма вообще. Повидимому, их заинтересованность в этом определялась не столько желанием отомстить и причинить вред, сколько тем, что налоги, взыскиваемые с данной области, при отсутствии храмовой общины распределялись бы между всеми жителями области. Вряд ли приходится сомневаться, что льготы по налогам, даваемые одной части жителей, не уменьшали доходов царской казны, а увеличивали бремя остальных налогоплательщиков.

Вполне понятно и настойчивое стремление общины Зоровавеля и Эзры обособиться от местного населения «хоры» в культовую общину привилегированных граждан, пользующуюся экономическими и политическими преимуществами. Вне этой гражданско-храмовой общины оказались не только самаритяне и переселенные еще ассирийскими царями племена из Вавилонии, Куты, Аввы и других мест, давно уже примкнувшие к местному культу Яхве (см. II R. XVII, 24—41), но, повидимому, также потомки иудеев из *даллат ам-хаарец*, в свое время не уведенные в плен Навуходоносором и посаженные им на землю, ставшую теперь царской землей. Зажиточные элементы этих групп легко могли присоединиться к вновь сформированной общине переселенцев. Основная же масса этого населения, в большинстве своем жившего производительным трудом, осталась вне этой общины и образовала ту группу, которая обозначена у Эзры и Аггея термином *ам-хаарец* в качестве антагониста ʿam-Jəhud̲āh.

Развитие торговли и ростовщичества (Neh. V, 7), налоговые льготы и преимущества, которыми пользовались члены общины, привели к росту экономической зависимости *ам-хаарец*, к массовому их разорению, к росту рабства-должничества, к обострению экономических и политических противоречий между *ам-хаарец* и членами гражданско-храмовой общины. В чрезвычайно интересном тексте Neh. V, 1—6 сообщается о сильном ропоте народа, разоряемого богачами-иудеями и тяжкими царскими податями, для уплаты которых бедняки занимают серебро под залог своих полей и виноградников («мы занимаем серебро на подать царю под залог полей наших и виноградников наших»), и детей своих вынуждены продавать в рабство. Так как и члены храмовой общины в имущественном отношении были неоднородными, то этот отрывок может, конечно, относиться к обедневшим земледельцам храмовой общины. Однако если справедливо наше предположение об освобождении членов храмовой общины от налогов, по крайней мере о значительных налоговых льготах, то сообщение Neh. V, 1—5 следует отнести к людям, находящимся вне общины полноправных. В этом случае это сообщение, так же как Neh. IV, 6—7 (= LXX IV 12—13),—лишнее свидетельство в пользу того, что противоположность между иерократической общиной Эзры и *ам-хаарец* в основном шла не столько по линии этнической и культовой, сколько по линии социально-политической.

Скудные, а порой неясные и противоречивые данные источников позволяют придти к следующему, пока предварительному выводу.

В библейском употреблении термина *ам-хаарец* можно отметить эволюцию. В период формирования рабовладельческих отношений, в VIII—начале VI в. до н. э., термином *ам-хаарец* обозначались все землевладельцы, полноправные граждане общины свободных. В раннее время этот термин, которым могли обозначаться и более широкие слои имущих граждан (ремесленники, торговцы), обнаруживает известное сходство с афинским δῆμος. Определяющим признаком принадлежности к *ам-хаарец* надо, повидимому, считать землевладение и связанные с ним гражданские

права и обязанности. В ходе развития и укрепления частной рабовладельческой собственности на землю и развития товарно-денежных отношений *ам-хаарец* подвергался постоянной поляризации. В процессе своего разложения *ам-хаарец* выделял на одном полюсе землевладельческую и рабовладельческую верхушку, на другом — безземельную бедноту, так называемый *даллат ам-хаарец*, и рабов-должников. Процесс этот во многом сходен с тем, что имело место в Аттике VIII—VII вв. (до Солона) и Риме VI—IV вв. (до закона Петелия и Папирия). Вавилонское завоевание прервало органичность этого развития и содействовало изменению его направления. Нам, во всяком случае, представляется, что и к обществу Иудеи (до VI в.) применима характеристика классического общества периода формирования рабовладельческих отношений, данная Марксом в «Капитале»: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, появляются наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»[1].

В послепленный период (VI—V вв.) термин *ам-хаарец* меняет свое значение. В этот период утрачивается всякое основание для аналогии с античным δῆμος. Важным фактором этой эволюции явилось формирование новой иерократической общины, находившейся под покровительством персидского царя. Эта обособившаяся от остального населения Иудеи иерусалимская община освобождена от налогов, члены ее, повидимому, не несут повинностей и в какой-то мере связаны с доходами храма, во всяком случае пользуются различными преимуществами благодаря принадлежности к этой гражданско-храмовой общине. Нечто вполне аналогичное мы находим в организации общины Урука селевкидской Вавилонии[2]. Структура таких городов — храмовых общин сложилась, надо полагать, еще в доахеменидское время в Вавилонии и других областях, главным образом в Малой Азии. Таким, например, издревле существовавшим своеобразным храмовым городом был город Келэны — так называемая «твердыня Фригии». Известны также имевшие огромное хозяйственное значение храмовые центры в Понте, Пафлагонии и других местах. Иерократический полис такого рода, представляющий собой организацию рабовладельцев, противопоставленную не только рабам, как это имело место в полисах классической античности периода расцвета, но и λαοί, возможно, следует считать предтечей восточноэллинистического полиса. Иерократической общине VI—V вв., названной у Эзры ʿam-Jəhūḏāh, противостоит *ам-хаарец*, находившийся за пределами иерусалимской общины и представлявший частично ее «хору», а частично — χώρα βασιλική. *Ам-хаарец* этого периода отличается от иерусалимской общины и в этническом отношении, так как, помимо иудеев (возможно, из потомков «бедноты народа земли»), сюда включаются и племена, переселенные в Палестину еще во времена Саргона и Асархаддона, а возможно, также Навуходоносором, и в свое время примкнувшие, повидимому, к куль-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1951, стр. 341, прим. 24. Ср. т. XIX, ч. II, стр. 369—370: «...Форма свободной мелкой (парцеллярной) собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, ...составляет экономическое основание общества в лучшие времена классической древности...».

[2] См. Г. Х. Саркисян, ук. соч. Ср. буквальное совпадение вавилонского термина kiništu, которым обозначались храмовые корпорации, с аналогичным арамейским kənistā и др.-евр.kənäsäṯ, букв. «собрание».

ту Яхве; *ам-хаарец* отличается, однако, и в культовом отношении, так как община Эзры не включила *ам-хаарец* в свою организацию, считая их «нечистыми» в культовом отношении. Письма персидских чиновников царю показывают, что в организации иерусалимской иерократической общины они видели только подрыв авторитета и интересов персидского царя и не понимали его политики в этом вопросе.

Разумеется, все эти выводы носят предварительный и в значительной мере гипотетический характер. Для более точного решения поставленных вопросов необходимо тщательное и всестороннее изучение всей социальной терминологии Библии и свидетельств других источников по истории Сирии и Палестины доэллинистического периода.

В. М. Массон

ДЕНЕЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Светлой памяти
Михаила Михайловича Дьяконова

Нумизматические данные, естественно, составляют один из важнейших источников информации о денежном хозяйстве древней Средней Азии, а изучение денежного хозяйства занимает весьма важное место в исследовании вопросов товарного обращения и товарного производства в древних обществах, что, в свою очередь, может служить ценным показателем в определении степени экономического развития той или иной области. Особенно важно получение таких данных для Средней Азии, источники изучения древней истории которой очень скудны. Между тем до сих пор нумизматика древней Средней Азии изучена еще весьма слабо. Поэтому в настоящей работе, имеющей целью привлечь внимание к изучению денежного хозяйства древней Средней Азии, значительное место придется уделить чисто нумизматическим вопросам, чтобы хотя бы в общих чертах охарактеризовать состав монеты по различным областям.

Со времени первых изданий греко-бактрийских монет прошло почти полтораста лет. С тех пор проделана большая работа по выявлению, систематике, классификации древних монет Средней Азии, Афганистана и северо-западной Индии[1]. Значительные достижения в области изучения нумизматики древней Средней Азии достигнуты за советский период. Была проведена большая работа по регистрации монетных находок[2]. Имен-

---

[1] Наиболее важные работы: H. Wilson, Ariana Antique, L., 1841; J. Prinsep, Essays on Indian antiquities, I—II, L., 1858 (с очень ценными примечаниями Томаса); A. Cunningham, Coins of Alexander's Successors in the East, L., 1872; он же, NC, 1888—1892; A. Sallet, Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indien, B., 1879; P. Gardner, The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India, L., 1885. Много интересных наблюдений содержат работы Друэна, опубликованные в 80- и 90-х годах XIX в. в RN и других изданиях. Важный материал имеется в каталогах музеев Калькутты (ed. W. Smith, Oxf., 1906) и Лахора (ed. R. Whitehead, Oxf., 1914). См. также R. B. Whitehead, The Pre-Mohammedan Coinage North-Western India, NNM, № 13 (1922) и он же, NC, 1923, 1940 и 1947, а также нумизматические наблюдения Уайтхэда в кн.: J. Marshall, Taxila, III, Cambridge, 1951.

[2] См. М. Е. Массон, Монетные находки в Средней Азии за время 1917 по 1927 гг., «Изв. Средазкомстариса», III (Ташкент, 1928); он же, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии, 1928 и 1929, «Научная мысль», 1930, № 1; он же, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., Ташкент, 1933 и «Сообщения Тадж. ФАН СССР», 1948, вып. 6; МЮТАКЭ, вып. I (1949).

но это позволило выделить и изучить отдельные местные чеканы. Вопрос о денежном хозяйстве древней Средней Азии затрагивается в статьях М. Е. Массона и в сводных работах по истории Средней Азии. К. В. Тревер пишет относительно периода II—I вв. до н. э.: «...Развитая монетная система и налаженное к концу этого периода денежное обращение говорят о сдвигах в экономической жизни»[1].

Иной точки зрения придерживается Б. Г. Гафуров. Справедливо указывая на преобладание натурального хозяйства в древней Средней Азии, он добавляет: «Торговля носила в значительной мере меновой характер, охватывая преимущественно верхние слои общества, денежное хозяйство не было развито, внутренняя торговля не достигала больших размеров, была примитивной»[2].

Начало широкого распространения монеты в Средней Азии падает на III век до н. э. В это время в Согде и Бактрии начинается выпуск своей собственной монеты. Значительное распространение в Средней Азии денег в их монетной форме говорит о том, что к этому времени товарное обращение уже достигло большого развития: товарное обращение является предпосылкой денежного обращения. Таким образом, факт широкого распространения монеты в III в. до н. э. свидетельствует, что товарное обращение начало развиваться в Согде и Бактрии уже в более ранний период.

Товарное обращение предполагает, в свою очередь, развитое разделение труда. По археологическим данным, второе крупное общественное разделение труда приходится в Согде и Бактрии во всяком случае на вторую четверть первого тысячелетия до н. э. Именно в это время ремесло отделяется от земледелия. Вероятно, с этого же времени начинается выделение поселений городского типа, которые в конце IV в. до н. э. пришедшие в Согд греки называли «полисами». С развитием таких поселений в первую очередь и следует связывать прогресс товарного производства и товарного обращения.

Геродот (III,92—93) сообщает, что среднеазиатские сатрапии уплачивали в V в. до н. э. в ахеменидскую казну значительные подати. Не может быть сомнений в том, что основную массу этих податей составляли натуральные поставки, вычисленные в денежных единицах, т. е. в идеальных счетных деньгах. Однако возможно, что какая-то часть податей выплачивалась деньгами. Значительный интерес в этом отношении представляет недавно опубликованный клад первой половины IV в. до н. э. из Кабула, содержащий ахеменидские и греческие монеты, а также серебряные монеты местного происхождения[3]. На территории Средней Азии находки ахеменидских монет пока единичны.

Рассматривая древнее денежное хозяйство Средней Азии, представляется необходимым определить понятие нумизматической области. Под нумизматической областью мы понимаем исторически сложившуюся территориальную общность, характеризуемую определенными особенностями экономической жизни, отразившимися, в частности, в денежном хозяйстве. На рассматриваемом материале эти особенности проявляются в составе монеты, обращавшейся на территории различных областей. Распределение монет по династиям (греко-бактрийские, кушанские и т. п.), имеющее большое значение для нумизматической систематики, не всегда может помочь выяснению вопроса в интересующем нас аспекте. На

[1] «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 107.

[2] Б. Г. Гафуров, История таджикского народа в кратком изложении, т. I², 1952, стр. 89.

[3] R. Curiel, D. Schlumberger, Trésors monétaires d'Afghanistan, «Mémoires. Délégation archéologique Française en Afghanistan», т. 14 (1953).

территории отдельных областей часто обращаются монеты различных династий, образуя сложный денежный рынок, отражающий особенности денежного хозяйства отдельных областей, которые жили каждая своей самостоятельной экономической жизнью.

Исследование конкретной истории и экономики отдельных племен и народностей древней Средней Азии является одной из важных задач советской исторической науки.

Изучение имеющегося нумизматического материала позволяет выделить такие области древней Средней Азии, как Бактрия, Согд, Хорезм, Маргиана и др. Получение новых данных (в первую очередь, по топографии монетных находок), вероятно, позволит уточнить это разделение.

Обратимся прежде всего к Бактрии. Есть все основания считать, что в Бактрии чеканились селевкидские монеты в I половине III в. до н. э.[1]. Именно на территории Бактрии наиболее широко распространены монеты греко-бактрийских правителей второй половины III века — первой половины II века до н. э. Чекан первого из них — Диодота, вероятно, не был особенно обильным: количество его монет незначительно. Около 230 г. на греко-бактрийском престоле Диодота сменяет Евтидем. Последние нумизматические данные подтверждают как будто бы старую теорию Дройзена, что Евтидем был первоначально сатрапом Согда. Обильная и разнообразная монетная эмиссия характерна для крупнейших греко-бактрийских правителей — Евтидема, Евкратида и отчасти Гелиокла. Эти правители были тесно связаны со среднеазиатскими областями, и их монетные типы оказали заметное влияние на дальнейшее развитие монетного дела Бактрии, Согда и Хорезма. Из менее значительных правителей, видимо, был связан со Средней Азией Антимах. Однако гипотеза о его правлении в Маргиане[2] пока нумизматическими находками не подтверждается.

Чеканы Евтидема, Евкратида и Гелиокла представлены серебряными и бронзовыми монетами различных номиналов. Однако более распространены были в Бактрии серебряные монеты. Довольно многочисленные типы медных монет Евкратида, судя по двуязычной легенде чеканены в Индии. Медь Евтидема и Гелиокла сравнительно редка. Наиболее часто встречающимся номиналом Евтидема является тяжеловесная серебряная тетрадрахма.

В конце правления Гелиокла, как принято считать — между 130 и 140 гг. до н. э., Бактрия была завоевана вторгшимися с севера кочевыми племенами юечжи. К концу II в. и к первой половине I в. до н. э. относится выпуск монет, чеканенных по типу Гелиокла. Анализ этих монет позволяет утверждать, что на их аверсе воспроизводится уже не искаженный облик греко-бактрийского правителя, а какой-то правитель, неизвестный нам по имени. Особенно интересна вторая группа этих монет, где на реверсе вместо стоящего в фас божества, соответствующего Зевсу гелиокловских монет, помещается изображение идущей вправо лошади. Эти факты позволяют видеть в монетах, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла, выпуск юечжийского правителя Бактрии.

Важной нумизматической группой являются монеты «Герая»[3]. На реверсе тетрадрахм «Герая» появляется изображение конного правителя. Не входя в детали сложных проблем интерпретации монет «Герая», можно считать их чеканом юечжийского (кушанского) правителя Бактрии

[1] E. T. Newell, The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III, «Numismatic Studies», № 1 (1938), стр. 228—249.

[2] W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, стр. 88; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 241.

[3] См. А. Н. Зограф, Монеты «Герая», Ташкент, 1937.

приблизительно второй половины I в. до н. э. Интересные выводы позволяет дать определение монет так называемого «безымянного царя» как чекана Кадфиза I [1]. На реверсе большинства групп этих монет опять видим образ конного правителя. Кажется, можно наметить путь сложения этого образа в нумизматике Бактрии от образа лошади на реверсе монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла, через монеты «Герая» к монетам «безымянного царя» — Кадфиза I.

Денежный рынок Бактрии второй половины II века — I века до н. э. был в достаточной мере сложным, о чем говорят, в частности, подражания монетам греко-бактрийских государей.

В юечжийской Бактрии, кроме монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла, обращались также подражания оболам Евкратида[2]. Место выпуска и обращения относительно редких подражаний тетрадрахмам Евкратида еще не ясно[3].

Вероятно, для выпуска монет в юечжийской Бактрии основой на первых порах послужили различные ходовые типы, выпущенные еще греко-бактрийскими правителями. На крупных номиналах, чеканенных по типу монет Гелиокла, прослеживается постепенная выработка оригинального типа. Монеты мелкого номинала являются лишь простым подражанием оболам Евкратида.

Широко распространены в Бактрии монеты кушанских правителей, начиная с Кадфиза I. Известны клады и единичные находки золотых статеров, но более обильна кушанская бронза, составляющая основную массу среди древних монет, находимых на территории древней Бактрии. Монеты Кадфиза I особенно многочисленны. Широко представлены как в раскопках, так и в сборах с городищ монеты Кадфиза II, Канишки, Хувишки и Васудевы. При этих правителях Бактрия входила в состав Кушанской империи и была ее важной экономической частью.

Большую роль, видимо, играл в Бактрии греческий язык. Только этот язык используют чеканенные в Бактрии монеты греко-бактрийских правителей. После падения греко-бактрийского царства греческий язык оставался официальным языком монетной эмиссии еще почти 200 лет. Лишь при Канишке его окончательно заменяют кушанские легенды, приспособившие греческий алфавит для кушанского языка.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют утверждать, что в древней Бактрии было широко развито денежное обращение, несомненно, связанное с товарным производством, игравшим значительную роль в экономике страны. По развитию денежного обращения Бактрия занимает первое место среди других областей Средней Азии. Здесь уже при греко-бактрийских правителях начинает распространяться бронзовая монета, представлявшая мелкие номиналы.

Второе место по развитию денежного хозяйства после Бактрии занимает Маргиана. На территории собственно Маргианы находки греко-бактрийских монет пока неизвестны. В I в. до н. э. здесь получает значительное распространение аршакидская драхма. Но особенно широко распространяется в Маргиане с начала нашей эры парфянская бронза[4]. В Маргиане существовал самостоятельный монетный двор, видимо, располагавшийся в Антиохии Маргианской. Характерным признаком для ло-

[1] М. Е. Массон, Происхождение безымянного «царя-царей — великого спасителя», ТСАГУ, нов. сер., вып. XI (1950).

[2] М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, МИА СССР, 15 (1950), стр. 171—174.

[3] В. М. Массон, Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа, ВДИ, 1953, № 3.

[4] М. Е. Массон, Новые данные по древней истории Мерва, ВДИ, 1951, № 4.

Типы монет, чеканенных в Средней Азии

Бактрия *1*. Монета, чеканенная по типу тетрадрахм Гелиокла, бронза, 15,2 г. *2*. То же, 14,01 г. *3*. То же, 3,76 г. Маргиана. *4*. Санабар, драхма, 3,13 г. *5*. То же бронза, 3 г. *6*. Готарз II, бронза, 3,7 г. Согд. *7*. Драхма с изображением лучника на реверсе, 3,95 г. *8*. То же, серебро, 0,56 г. *9*. То же, 0,44 г. *10*. Монета с изображением головы лошади на реверсе, серебро 2,16 г. *11*. То же, 2,63 г. *12*. То же, 2,39 г. *13*. Гиркод, серебро, 1,9 г. *14*. То же, 1,7 г, *15*. То же, 0,78 г. *16*. То же, 1,72 г. *17*. Бронзовая монета, 2,39 г. *18*. Монета, чеканенная по типу тетрадрахм Евтидема, искаженная греческая легенда, серебро, 11,16 г. *19*. То же, смешанная легенда, 9,53 г. *20*. То же, местная легенда, 9,98 г. *21*. То же, государь в тиаре, местная легенда, 8,75 г. Хорезм. Монета № 1, происходит из собрания Академии наук Тадж.ССР. Все остальные—из собрания Государственного Эрмитажа.

кального чекана маргианской бронзы является изображение на реверсе сидящего лучника с буквой П ниже лука. Можно выделить маргианский чекан Готарза II (40—51 гг. н. э.).

Топография монетных находок совершенно ясно показывает, что именно в Маргиане обращались монеты Санабара, считавшегося обычно индо-парфянским правителем[1]. Видимо, во второй половине I в. н. э. Маргиана добилась самостоятельности в системе аршакидского государства. Маргианским правителем в последней трети I в. н. э. был Санабар, видимо последний представитель индо-парфянской династии Гондофара. На уникальной драхме Санабара, изданной А. К. Марковым, имеется многозначная легенда пехлевийским шрифтом. В общеаршакидском чекане пространные пехлевийские легенды впервые встречаются лишь с Митридата IV (130—147 гг. н. э.). Вероятно, на северо-востоке аршакидских владений парфянский язык вытесняет из государственного обихода греческий язык много раньше, чем в других местах.

Парфянская бронза I—II вв. н. э. широко распространена в Маргиане. Многочисленные монеты (иногда в виде небольших кладов) часто встречаются при раскопках развалин столицы области — городища Гяур-кала. Крепости и селения Маргианы, расположенные зачастую в стороне от магистральных торговых путей, также обильно насыщены этой монетой.

Едва ли не наибольшие трудности представляет денежное хозяйство древнего Согда. Общая линия развития лишь с трудом прослеживается среди многочисленных, разнообразных и на первый взгляд совершенно несвязанных групп монет[2]. Затрудняет изучение древнесогдийской нумизматики и недостаточность сведений о топографии монетных находок. Некоторым критерием здесь могут служить собрания среднеазиатских музеев (Самарканд, Ташкент), сложившиеся в основном из числа местных находок.

Две большие группы древнесогдийских монет представлены чеканом по типу тетрадрахм Евтидема. Три подгруппы первой группы рисуют постепенное вытеснение искаженной греческой легенды местной, вероятно согдийской, легендой. Это вытеснение как будто происходит на протяжении II в. до н. э. Очень важно изменение номинала уже внутри первой группы монет: вместо аттического стандарта тетрадрахм Евтидема монеты чеканятся по новому, местному, стандарту. В третьей подгруппе первой группы появляются так называемые субаэратные монеты. В результате реформы появляется вторая группа с улучшением качества металла и новым иконографическим типом. На аверсе этих монет изображен местный правитель с сиянием над головой и с тяжелой прической аршакидского типа. Можно предположить, что чеканка второй группы началась в последней трети II в. до н. э.

По месту находок монеты этих групп более всего связаны с районом Бухары. Обращает на себя внимание тот факт, что монеты чеканены по типу тетрадрахм именно Евтидема. Вероятно, после Евтидема власть греко-бактрийских правителей уже не распространялась на бассейн нижнего Зарафшана. Отпавшее владение чеканит монеты по образцу тетрадрахм Евтидема, как по типу наиболее распространенных монет

---

[1] См. А. К. Марков, Неизданные арсакидские монеты (отд. отт.), СПб., 1892; De la Fuye, RN, 1925, стр. 35—37.

[2] Первый обратил внимание на монеты древнего Согда E. Drouin, Médaille à légende sémitique d'un roi de la Sogdiana, «Rev. Sémitique», Avril, 1893; он же, Monnaies de deux nouveaux rois de la Sogdiane, RN, 1894. Большое значение имеет работа De la Fuye, Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines, RN, 1910, 1925 и 1926.

греко-бактрийского правителя, чья власть распространилась на этот район.

Интересный и важный раздел древнесогдийской нумизматики представляют монеты с изображением на реверсе стоящего лучника. Монеты этого типа имеют сильно вогнутый реверс. На аверсе изображен правитель с небольшой бородкой, усами и характерной прядью волос, свисающей на щеку. Над его головой идет местная легенда, еще ждущая своего убедительного истолкования. По составу знаков легенда эта бывает двух типов. Такие монеты еще до 1917 г. были найдены в Джизаке. Особенно широко распространены мелкие монеты весом ок. 0,3 г (хемиобол аттического стандарта или обол местного?). Именно из таких монет состоит клад, найденный на городище Тали-Барзу[1]. Несколько таких монет было найдено при раскопках древнего Пянджикента[2].

В этой связи интересны монеты с художественно выполненным изображением лучника на реверсе и с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Однако на аверсе изображен не селевкидский монарх, а местный правитель, позади головы которого располагается местная легенда. Несомненно, именно в этих монетах следует видеть исходный прототип для всей группы монет с изображением на реверсе лучника.

Исключительно обильный чекан Гиркода представляет собой в известном смысле нумизматическую загадку, разрешение которой еще только намечается. Монеты Гиркода можно разделить на две группы: 1) с изображением на реверсе стоящего божества и 2) с изображением на реверсе протомы скачущей лошади. Первая группа более многочисленна, но вторая более интересна, во-первых, заменой греческой легенды местной и, во-вторых, своими генетическими связями. Все известные монеты Гиркода — серебряные (драхмы, хемидрахмы и оболы, если считать по аттическому стандарту). Отметим, что прическа правителя на монетах с одной греческой легендой та же самая, что и на тетрадрахмах «Герая». Ясно, что монеты Гиркода связаны с Согдом, а может быть, частично и с Бактрией. Но более определенно говорить об этом пока трудно. В Средней Азии несколько монет Гиркода первой группы найдены на Варахше и на Зар-тепе к северу от Термеза.

Известны довольно редкие монеты Гиркода с изображением на реверсе головы лошади вправо. С одной стороны, эти монеты, видимо, предшествуют выработке оригинального типа реверса — протомы скачущей лошади. С другой стороны, они связывают чекан Гиркода с большой и разнообразной группой монет с изображением головы рогатой лошади на реверсе. Монеты этой группы скифатные. Голова рогатой лошади на реверсе — хорошо известный тип селевкидских монет. Находящаяся на реверсе наших монет монограмма Ⓐ позволяет заключить, что исходным типом для этих монет был именно чекан Антиоха I, бывшего в 293—281 гг. соправителем своего отца на Востоке. Такие драхмы Антиоха I известны по собраниям среднеазиатских музеев. Очень интересно установление на некоторых скифатных монетах с головой лошади на реверсе легенды ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ[3].

Таким образом, сейчас можно намечать линию развития этой группы следующим образом. Монеты Антиоха I, чеканенные им на Востоке, получили значительное распространение и в Согде первой половины III в. до н. э., став здесь привычным монетным типом. По этому типу чеканил здесь

[1] Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда, КСИИМК, VI (1940).

[2] Одна из них упоминается О. И. Смирновой (МИА СССР, № 15, 1950, стр. 224).

[3] Н. Н. Забелина, Новая монета с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ, КСИИМК, XXVIII (1949).

свои монеты и Евтидем, бывший, по всем данным, первоначально сатрапом именно Согда. Нумизматические данные заставляют склоняться к тому, что собственно только ко времени правления Евтидема как греко-бактрийского правителя следует относить слова Страбона о вхождении Согда в состав греко-бактрийской державы (Strabo, XI, 11,1). После отделения от Греко-Бактрии, вероятно, продолжается (в Самаркандском Согде?) выпуск монет с головой лошади на реверсе. Чекан Гиркодом монет этого типа позволяет предполагать, что выпуск этой серии продолжался почти до середины I в. до н. э., раньше какого времени нельзя помещать правление Гиркода по эпиграфическим признакам.

В результате и чекан Гиркода — вторая крупная группа древнесогдийских монет — оказывается связанным генетически с чеканами ранних Селевкидов. Изложенные выше соображения относительно чекана монет с головой лошади на реверсе заставляют нас склоняться к тому, что легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ на монетах с изображением лучника скорее всего связана с именем Антиоха I. Может быть, эти монеты восходят к еще неизвестному чекану самого Антиоха I в Согде. Нумизматические данные позволяют считать, что начало самостоятельной согдийской эмиссии восходит еще к первой половине III в. до н. э., к кратковременному периоду вхождения Согда в селевкидскую монархию.

Не совсем ясной остается история денежного хозяйства Согда (во всяком случае, самаркандского района) в первые века нашей эры. Неизвестно, прекратились ли уже в это время местные чеканы группы с лучником на реверсе и группы Гиркода. Находки кушанских монет в Самаркандском районе пока остаются единичными.

В итоге нам представляется возможным сделать следующие выводы по денежному хозяйству древнего Согда.

1) Главную массу согдийских монет III-I вв. до н. э. составляют серебряные монеты, причем с середины I в. до н. э. исключительно лишь мелких номиналов. Вопрос о согдийской бронзе требует дальнейшего исследования[1].

2) На согдийских монетах очень рано появляются местные легенды, в ряде случаев полностью вытеснив уже во II в. до н. э. легенды греческие.

3) Пестрота нумизматических групп указывает, несомненно, на сложность политической истории древнего Согда. Видимо, иногда в Согде чеканили монету одновременно различные правители.

Еще не вполне ясен состав монеты, обращавшейся в Парфиене. Находки в царских сокровищницах Старой Нисы (греко-бактрийские, селевкидские, понтийские и другие монеты) не играют в этом отношении существенной роли. Эпизодически чеканила во II—I вв. до н. э. аршакидскую драхму Ниса. Однако, видимо, торговля Парфиены, в отличие от соседней Маргианы, была в основном меновой.

Следующее место занимает денежное хозяйство Хорезма. Древнехорезмийская нумизматика принадлежит к числу страниц исторического прошлого, раскрытых успехами советской археологии. Однако еще далеко не весь материал издан, многое еще не совсем ясно и ждет своей детальной разработки. Видимо, наиболее ранними хорезмийскими монетами являются серебряные тетрадрахмы, относящиеся к I в. до н. э.[2]. Монет этих пока известно только две, и скорее всего они являются своеобразным декларативным чеканом хорезмийского правителя, чем массовой эмиссией, вызывавшейся экономическими потребностями страны.

[1] Известные нам две бронзовые монеты с лучником и местной легендой на реверсе из собрания Музея истории АН УзССР (Ташкент) являются пока единичными.

[2] С. П. Толстов, К истории хорезмийских Сиявушидов, ИАН, СИФ, 1945, № 4.

Вероятно, не составляют в этом отношении исключения и единичные находки в Хорезме греко-бактрийских монет. Более широко распространены мелкие бронзовые монеты с характерной тамгой или местной легендой на реверсе, видимо, относящиеся ко II—III вв. н. э.[1] Сравнительно часто встречаются в Хорезме медные кушанские монеты. Однако еще не вполне ясно, в какой степени это говорит о вхождении Хорезма в состав Кушанской империи, тем более, что на ряде кушанских монет есть характерный хорезмийский надчекан.

В Фергане, древней Давани, известны лишь единичные находки бактрийских, парфянских и китайских монет. Собственной монеты Фергана не чеканила, что видно и из сообщений китайских источников. «Даваньцы,— сообщается в Истории старших Хань,— получая из Китая золото и серебро, употребляют его на изделия, а не на монету»[2]. Видимо, основным видом торговли здесь была торговля меновая, где деньги могли фигурировать лишь как счетные деньги. Товарное производство древней Ферганы, так же как и товарное производство Хорезма, было более отсталым по сравнению с Бактрией, Маргианой и Согдом. Еще более показательно слабое распространение древней монеты для Семиречья, где господствовало примитивное натуральное хозяйство кочевников.

Таким представляется состав монеты, обращавшейся на территории древней Средней Азии, в той мере, разумеется, в какой его можно охарактеризовать в ограниченных размерах статьи. Нами не упомянут целый ряд более мелких монетных групп древнего Согда или Бактрии. Убедительная систематика и классификация многих нумизматических групп древней Средней Азии в ряде случаев—еще дело будущего. Вероятно, тогда с большей полнотой будут освещены и вопросы истории денежного хозяйства. Пока в этом направлении можно сделать лишь некоторые предварительные заключения.

Прежде всего ни в Бактрии, ни в Маргиане, ни в Согде мы не находим монет, могущих быть признанными за самостоятельный чекан городов. Вся известная нам монета — царская, выпущенная государственной властью. В известной мере это же явление характерно и для монетного дела индо-греческих, индо-сакских и индо-парфянских правителей, для монетного дела Кушанской империи. Скорее всего это следует связывать с тем, что здесь не было тех сильных, самоуправляющихся городских организмов, которые так характерны для политической и экономической истории Сирии и Месопотамии.

В свое время Е. А. Пахомов отметил для Кавказа то интересное явление, что до I в. до н. э. господствующим номиналом в денежном обращении была тетрадрахма, а с I в. ее вытесняет более мелкий номинал — аршакидская драхма[3]. Аналогичную тенденцию в смене номиналов можно проследить в денежном хозяйстве древней Средней Азии.

В греко-бактрийской эмиссии наиболее распространенным номиналом является тетрадрахма. Тетрадрахмы и драхмы Евкратида составляли в основном клад монет, найденный в 1906 г. в Китабе. Как уже отмечал Уайтхэд, после Гелиокла нормальным номиналом серебряного обращения является драхма, тетрадрахмы становятся редкими[4].

---

[1] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 182—183.

[2] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.—Л., 1950, стр. 188.

[3] Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, «Труды Общества обследования и изучения Азербайджана», вып. 3 (Баку, 1926), стр. 7; А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, т. I (1945), стр. 64—68.

[4] R. B. Whitehead, Notes on Indo-Greek Numismatics. NC, 1923, стр. 303.

Одна из наиболее ранних групп древнесогдийской нумизматики — монеты, чеканенные по евтидемовскому типу,— именно тетрадрахмы, сначала уменьшенного аттического, а затем местного стандарта. Наоборот, в исключительно обильной серебряной эмиссии, объединяемой именем Гиркода и относящейся, как отмечалось выше, ко времени не раньше середины I в. до н. э., представлены только мелкие номиналы, даже драхма здесь довольно редка.

Для первых веков нашей эры в Бактрии и Маргиане наиболее часты находки широко распространившихся бронзовых монет. Сравнительно редкие серебряные и так называемые билонные монеты «безымянного царя» — Кадфиза I не могут идти ни в какое сравнение с громадным количеством бронзовых монет этого государя. Как теперь устанавливается, при Кадфизе II в Кушанском государстве происходит крупная денежная реформа. За основу монетной системы принимается золотая монета, равная по весу римскому ауреусу[1]. Происходит полное изменение и бронзовых номиналов. Кушанские «ауреусы» встречаются сравнительно редко, и основную массу кушанской монеты, в изобилии находимой в Средней Азии, составляет именно бронза. Такое же широкое распространение бронзы намечается и для Маргианы. Эти очень важные явления несомненно указывают на расширение сферы денежного обращения, на проникновение денег в сферу мелкого, в какой-то степени, возможно, даже розничного, оборота. Денежные отношения, следовательно, развиваются здесь «...в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро,... т. е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе»[2].

Не следует возводить отмеченную тенденцию в смене номиналов в отвлеченный закон. На деле в конкретной обстановке это происходило сложнее и с целым рядом особенностей. Однако кажется, что такая общая тенденция вполне понятна и объяснима. Маркс неоднократно указывал, что развитие товарообмена и денежных отношений идет извне вовнутрь, от торговли внешней к торговле внутри общины. Это общее явление и отразилось в развитии денежного хозяйства Средней Азии. Судя по всему, тетрадрахма была дорогой монетой[3] и скорее всего была связана с крупными оборотами дорогостоящих предметов внешней торговли. Широкое же обращение бронзы (монеты, явно разменной, хотя и неизвестно, насколько мелкой), несомненно, связано уже в первую очередь[4] с потребностями внутреннего рынка, вероятно просто базарной торговли.

В этом отношении в истории денежного хозяйства древней Средней Азии уже сейчас намечаются два крупных периода, гранью между которыми является рубеж нашей эры[5]. Для второго периода характерно более широкое развитие денежных отношений, связанное, надо полагать, с дальнейшим развитием товарного производства. В сферу развитых денежных отношений включается Хорезм. В наиболее передовых областях— Бактрии и Маргиане — денежные отношения распространяются, видимо, даже на розничный оборот.

---

[1] A. Cunningham, Coins of the Indo-Scythians, NC, 1888; М. Е. Массон, Происхождение безымянного «царя царей»...

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 132.

[3] В документе Авроман II продаются права на пользование виноградником за 55 драхм с рассрочкой уплаты по драхме в год, что, вероятно, указывает на высокую стоимость драхмы — E. Minns, Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan, JHS, XXXV (1915).

[4] Бронзовые кушанские монеты встречаются и вне пределов Кушанской империи (Ашхабад, Прикамье).

[5] Хронологически это еще требует некоторого уточнения. Возможно, что для различных областей будут отмечены небольшие колебания в дате.

Современное состояние изучения нумизматики древней Средней Азии позволяет утверждать, что развитая монетная система имелась здесь не только в II—I вв., но уже и в III в. до н. э. Трудно судить о количественной стороне охвата денежными отношениями экономики древней Средней Азии. Однако если принять во внимание большое количество известной нам мелкой серебряной и бронзовой монеты и вспомнить наблюдение Маркса, что по самой природе вещей скорость оборота разменной монеты находится в обратном отношении к цене, которую она реализует в каждой отдельной покупке[1], то денежное хозяйство древней Средней Азии обозначится как крупное экономическое явление. Едва ли поэтому можно согласиться с положением Б. Г. Гафурова, что денежное хозяйство

ТАБЛИЦА II. МОНЕТЫ, ЧЕКАНЕННЫЕ ПО ТИПУ ТЕТРАДРАХМ ЕВТИДЕМА

Группа	Подгруппы	Средний вес	Колич. экз.	Наибольший вес	Наименьший вес
Правитель в диадеме	Монеты искаженной греческой легенды	11,55	34	14,43	9,73
	Монеты смешанной легенды	9,69	29	10,55	7,70
	Монеты местной легенды	9,02	13	10,44	7,50
Правитель в тиаре	Тип омфала	9,15	9	9,70	8,50
	Тип омфала	9,07	17	9,97	8,05
	Тип омфала	8,69	33	10,81	7,40
	Тип омфала, отличный от трех предыдущих или неясный	8,56	13	9,91	7,77
	Всего с правителем в тиаре	8,71	72	10,81	7,40

ТАБЛИЦА III. ГРЕКО-БАКТРИЙСКИЕ, ИНДО-ГРЕЧЕСКИЕ И ИНДО-САКСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ

Правители	Приблизительная датировка по Smith'у	Тетрадрахмы		Драхмы	
		средний вес	колич. экз.	средний вес	колич. экз.
Евтидем	230—200 гг. до н. э.	16,08	11	3,67	1
Деметрий	ок. 200 г. до н. э.	15,80	6	—	—
Евкратид	175—156 гг. до н. э.	16,40	15	2,29	1
Гелиокл	156—140 гг. до н. э.	16,35	7	—	—
		9,48	1	2,22	2
Аполлодот	156—140 гг. до н. э.	—	—	2,10	42
Менандр	160—140 гг. до н. э.	9,18	10	2,28	73
Гиппострат	ок. 120 г.(?) до н. э.	9,12	13	2,24	1
Аминта	ок. 100 г.(?) до н. э.	7,76	3	2,12	3
Гермей	20—45 гг. н. э.	8,95	9	2,20	25
Мауэс	120—90 гг. до н. э.	9,39	3	—	—
Аз I	90—40 гг. до н. э.	8,94	21	2,09	12
Азилис	40—15 гг. до н. э.	9,25	16	2,31	15
Аз II	15 г. до н. э.—20 г. н. э.	9,45	8	2,18	8

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 106.

в древней Средней Азии не было развито. Другое дело, что экономической основой общества оставалось натуральное хозяйство и сферу товарного оборота образовывал, вероятно, в основном лишь избыток или излишек продуктов.

В заключение отметим особую важность изучения нумизматики Средней Азии IV—VI веков н. э. Для этого периода, очень важного в историческом отношении, даже систематика и классификация монет разработаны пока еще очень слабо.

О. В. Кудрявцев

ПРОВИНЦИЯ КАППАДОКИЯ В СИСТЕМЕ РИМСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ (17—72 гг.)

Период прокураторского управления в Каппадокии — весьма важный период в историческом развитии страны. Местная государственность, поверхностно затронутая эллинистическим влиянием, сменяется римским провинциальным управлением, отсталая сельская страна, для которой было характерно господство крупного землевладения царей, представителей племенной и придворной знати и храмов, начинает покрываться городами античного типа, которые наряду с лагерями легионов, на первых порах еще временными, и проходящими через страну римскими дорогами, вовлекают местности, жившие до того чисто натуральным хозяйством, в товарный оборот и способствуют тем самым укреплению связей Каппадокии с другими областями Малой Азии и с Римской империей в целом. Вместе с тем на протяжении I в. н. э. происходит непрерывный рост значения Каппадокии в качестве одного из основных опорных пунктов римской обороны и римской агрессии на Востоке; Каппадокия играет, в частности, и в этот и в последующие периоды первостепенную роль в римской политике по отношению к Армении.

К сожалению, история Каппадокии в рассматриваемый период освещена источниками весьма скудно. Эпиграфический материал, дошедший из нее, невелик, что объясняется отчасти малым количеством городов, отчасти тем, что страна недостаточно обследована в археологическом отношении. Известия общих литературных источников по истории империи скудны и случайны и касаются Каппадокии обычно лишь в связи с историей римских войн на Востоке. Особенно бедны источники по социально-экономическому строю Каппадокии в рассматриваемый пер од, что связано с почти полным отсутствием местной традиции. Данные Страбона (XII,1—2,533—540), уроженца Понта и блестящего знатока Малой Азии, относятся к предшествующему периоду. Некоторое значение имеют известия Филострата в жизнеописании Аполлония Тианского. У Филострата, повидимому, сохранилась местная традиция, восходящая к Максиму из Эг, из которой можно почерпнуть некоторые данные об обстоятельствах низложения каппадокийского царя Архелая. Для внутренней жизни провинции в рассматриваемый период данные Филострата дают, однако, весьма мало, так как трудно сказать, в какой мере они действительно отражают обстановку I в. н. э.

Данная работа ставит своей задачей рассмотреть лишь один вопрос, а именно показать место Каппадокии в общей системе политической и военной организации римского Востока, показать, как из сравнительно

захудалой области римского мира она постепенно обращается в первостепенный центр римской обороны и римской экспансии, направленной против Парфии, Армении и Закавказья. Остальные стороны жизни Каппадокии будут рассматриваться лишь попутно и по степени связи их с основной темой.

Каппадокия была превращена в римскую провинцию в 17 г. н. э.[1] До этого она длительное время была составной частью системы зависимых царств, на которую опиралось римское правительство в восточных областях Малой Азии. Во времена Августа тремя основными звеньями этой системы были царство Полемона в Понте, Каппадокия, в которой царствовал Архелай, и Коммагена, царем которой был Антиох. Эта система имела для Рима ряд преимуществ: восточные области Малой Азии, в которых было относительно мало эллинистических городов[2], удобнее было держать в повиновении с помощью местных правителей, нежели посылая туда римских наместников, так как это избавляло римскую администрацию от непосредственного контакта с местным населением; зависимые царства представляли собой барьер, отделявший непосредственные владения римского народа от враждебной Парфии; зависимые цари осуществляли оборону границ сферы римского влияния и доставляли в случае необходимости войска, что позволяло сократить римские военные силы на Востоке до минимума. Однако ко времени Тиберия Полемон уже давно умер, а его вдова Питодорида вышла замуж за Архелая, под властью которого соединились теперь Каппадокия и Понт[3]. Это было, однако, совсем неже-

---

[1] Strabo, XII, 1, 4, 534; Vell., II, 39, 3; Tac., Ann., II, 42, 3—4; 56, 4; Suet., Tib., 37, 4; Cal., 1, 2; Dio, LVII, arg., β; 17, 7; Aur. Vict., Caes., 2, 3; Eutr., VII, 11, 2; Anon., Epit., 2, 8; Suid., s. v. Τιβέριος. Известие Страбона — наиболее ценное, так как это свидетельство современника и почти очевидца. Оно связывает во времени обращение Каппадокии в провинцию со смертью Архелая. Свидетельство Веллея — также свидетельство современника, отделенное, однако, более значительным промежутком времени (история Веллея написана в честь консульства Марка Виникия в 30 г.) и принадлежащее человеку, который стоял вдалеке от описываемых событий. Веллей — римлянин, который, хотя и был ранее на Востоке (он служил в одном из восточных легионов и присутствовал, в частности, при свидании Гая Кесаря с Фраатаком на Евфрате во 2 г. н. э.), впоследствии, насколько можно судить, стоял вдалеке от восточных дел. Веллей — источник официозный; особенно близок он был к Тиберию, под начальством которого некогда служил. О присоединении Каппадокии Веллей говорит в ряду других подвигов Тиберия, после перечисления завоеваний, сделанных последним в приальпийских и придунайских странах еще во времена Августа. Веллей подчеркивает мирный характер присоединения Каппадокии. Заслуживает внимания употребленное при этом слово «auctoritate»; оно несомненно связано с идеологическим оформлением августовского режима (см. Н. А. Машкин, Принципат Августа, М.—Л., 1949, стр. 384—391), верным последователем которого был Тиберий. Данное место показывает, что auctoritas, присущая принцепсу, распространялась и на внешние дела. Тацит — древнейший из сохранившихся авторов, дающий точную хронологию событий: о превращении Каппадокии в провинцию говорится под 17 г., о назначении легатом в Каппадокию Квинта Верания — под 18 г.; обе даты, повидимому, верны; вполне возможно, что легат действительно был назначен в Каппадокию на следующий год после превращения ее в провинцию. Особняком от других авторов стоит Аппиан (Mithr., 15, 105), ошибочно относящий присоединение Каппадокии ко времени Августа. Эта ошибка, повидимому, проистекает из того, что еще во времена Августа при сохранении власти Архелая в Каппадокию был назначен прокуратор, задачей которого была охрана интересов римских кредиторов, поскольку царь сам не мог справиться со своими долгами (Dio, LVII, 17,5).

[2] Например, применительно к Каппадокии Strabo, XII, 2, 6, 537.

[3] Об Архелае см. CIG, I, 554; CIA, III, 1, 545=IG, II—III², 3, 1, 3430; CIA, III, 1, 546=IG, II—III², 3, 1, 3431; II—III²,3, 1, 3432 (ср. CIA, III, 1, 547=IG, II—III², 3, 1, 3433: надпись в честь жены Архелая Питодориды); Th. E. Mionnet, Description de médailles antiques, grecques et romaines, avec leur degré de rareté et leur estimation; Ouvrage servant de Catalogue à une suite de plus de vingt mille Empreintes en soufre, prises sur les pièces originales, IV, P., стр. 453, №№ 67—70.

лательно для Рима, так как Архелай, могущество которого, таким образом, сильно возросло, попытался вести собственную внешнюю политику, что выразилось, видимо, в поддержке, оказанной им своему внуку Тиграну, назначенному в последние годы Августа царем Армении. Это — тот самый Тигран, о котором упоминает Август в своих «Деяниях»[1], как о потомке армянского царского рода. Тигран, внук Архелая, был сыном дочери Архелая Глафиры и Александра, сына Герода Великого[2]. Указание Августа на происхождение Тиграна из армянского царского рода, надо, вероятно, толковать таким образом, что первая жена Архелая была дочерью армянского царя. Ход событий можно реконструировать так. Когда парфянский царь Вонон, возведенный на престол Аршакидов частью парфянской знати с помощью Рима, бежал из Парфии и был признан армянской знатью царем Армении, Тигран обратился за помощью к Архелаю. Поскольку Тигран пользовался расположением Августа в последние годы его правления, он мог думать, что римское правительство не будет возражать против вмешательства Архелая в армянские дела. Возможно, что Архелай действительно принял какие-то меры для поддержки Тиграна. Однако в Риме такой оборот дела был, повидимому, расценен как опасное для империи самоуправство. Архелай и, повидимому, Тигран были вызваны в Рим. Здесь Архелай был отдан под суд и вскоре умер[3], а Тигран оставлен на жительство в Риме, где он и был казнен много лет спустя, в 36 г.[4] Вонону под угрозой парфянского оружия пришлось удалиться из Армении.

Таковы были основные причины низложения Архелая (здесь нет возможности остановиться на этом более подробно). Перед римским правительством встал вопрос о том, что делать с Каппадокией. Этот вопрос стоял тем более остро, что общее положение на Востоке было для Рима тревожным. В начале правления Тиберия умерли Антиох III Коммагенский и Филопатор II, царь киликийского царства на Амане. Коммагена и Киликия были охвачены волнениями, причем, как об этом говорит Иосиф применительно к Коммагене, знать стремилась к введению провинциального управления, тогда как народ настаивал на сохранении царской власти. Провинции Сирия и Иудея, отягощенные податями, молили об их снижении. В Парфии уже в конце правления Августа римского ставленника Вонона I сверг Артабан III, возведший одного из своих сыновей на престол Армении. Парфянское оружие угрожало восточным провинциям. В этих критических условиях наместником восточных провинций был назначен племянник Тиберия Германик, наделенный чрезвычайными полномочиями. Каппадокия и Коммагена были превращены в провинции, и лишь киликийское царство на Амане сохранило свое существование. В 18 г. Германик совершил успешный поход в Армению и поставил в ней царем Зенона-Артаксия (Арташеса III). Положение римской власти на Востоке снова укрепилось.

---

[1] RGDA, 27. Идентификация этого Тиграна с Тиграном, внуком Архелая: Th. Mommsen, Res gestae divi Augusti[2], 1883, стр. 115—116. W. E. Gwatkin, Cappadocia As a Roman Procuratorial Province, UMS, V, 4, 1930, стр. 12, неправильно называет его Тиграном IV (в действительности V). Для не признающих идентификации, предлагаемой Моммзеном, Тигран V=Тиграну RGDA, 27, но не внук Архелая.

[2] Ios., AI, XVIII, 139: у Александра, сына Герода, от Глафиры, дочери Архелая Каппадокийского, были сыновья Александр и Тигран, царствовавший в Армении.

[3] Dio, LVII, 15, 7. Дион подчеркивает скорую смерть Архелая. Весь рассказ и у Тацита и у Диона стоит под 17 г.

[4] Tac., Ann., VI, 40, 2: казнь Тиграна. Иосиф ошибается, что Тигран умер, будучи царем Армении. Ему, действительно, вменялись в вину действия, совершенные им в период кратковременной власти над Арменией, но казнь постигла его много лет спустя.

Исключительная важность Каппадокии для римской стратегии на Востоке заставляла императорское правительство стремиться к установлению более прочной формы своего господства в этой стране. Каппадокия находилась к северу от Киликийских ворот, связывавших Галатию с Сирией. В Малой Азии не было легионов. Галатские воины Дейотара были переведены в Египет под именем XXII легиона. С другой стороны, к востоку от Каппадокии были расположены Иберия и Армения, которые, хотя они и находились в зависимости от Рима, фактически пользовались значительной самостоятельностью[1]. Каппадокия представляла собой для римлян путь в Армению. С этой точки зрения особенно важна была в военном отношении прилегавшая к Евфрату Мелитена. Правда, важнейшие подступы к Евфрату у Самосаты или Зевгмы находились за пределами Каппадокии (ср. W. E. Gwatkin, ук. соч., 31), но и на ее территории существовали переправы через Евфрат, которые для римского правительства необходимо было иметь под своим контролем[2]. В 17 г., когда была присоединена Каппадокия, Армения не находилась в сфере римского влияния. Правда, оба претендента на армянский престол, нежелательные Тиберию, были устранены — Тигран был задержан в Риме, а Вонон, удалившийся из Армении, был интернирован сперва в Сирии, а затем в Киликии, — однако римского ставленника в Армении в это время еще не было: Зенон-Арташес был провозглашен царем лишь в 18 г.[3] К тому же Армении угрожали парфяне: Артабан III стремился включить ее в число аршакидских владений и провозгласил царем Армении одного из своих сыновей. В условиях возрождения парфянской агрессии сохранение Каппадокии в качестве зависимого царства было опасно, так как ее цари могли легко стать союзниками парфян. В сложившейся обстановке превращение Каппадокии в провинцию было для Рима насущной необходимостью. Однако создание новой провинции было в это время для Империи нелегким делом. Римское правительство не имело в своем распоряжении достаточных военных сил, которые оно могло бы поставить гарнизоном в Каппадокии. И позднее, вплоть до Веспасиана, римлянам приходилось прибегать в Каппадокии к наборам среди местных племен, к привлечению военных сил, находившихся в распоряжении представителей каппадокийской знати, и т. д. С другой стороны, превращение Каппадокии в провинцию сулило римскому правительству значительные финансовые выгоды[4]. Присоединение Каппадокии, несмотря на то, что часть царских налогов была уменьшена, дало возможность сократить вдвое однопроцентный налог на торговые сделки (Tac., Ann., II, 42, 4). Обширные земельные владения Архелая превратились в императорские имения (в результате конфискации или даже, быть может, в результате завещания, которое был вынужден сделать Архелай)[5]. Царские рудники[6] также были конфискованы римским правительством.

---

[1] Особенно это относится к Иберии; ср. С. Н. Джанашиа, Рабовладельческие государства Грузии античного периода (Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, История Грузии, I², 1950, стр. 79).

[2] Здесь у Isoghli переправились на возвратном пути через Евфрат уцелевшие после Рандеи войска Пета. W. E. Gwatkin, ук. соч., 43, ссылается в связи с этим на Tac., Ann., XV, 12, но там о переправе через Евфрат прямо ничего не говорится.

[3] См. С. Т. Еремян, Армения в I—III веках, ИАрмН, I, 1951, стр. 50.

[4] Финансовое значение Каппадокии не следует, однако, преувеличивать, как это делает, например, J. G. C. Anderson, The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, CAH, X, 1934, стр. 745, недооценивающий военное значение этой провинции.

[5] На то, что было завещание, быть может, указывает наличие рабов Архелая среди рабов Тиберия и Ливии (CIL, VI, 2, 4776).

[6] На границах Галатии находились рудники горного хрусталя и оникса (Strabo, XII, 2, 10, 540). Добывались в Каппадокии также соль (Plin., NH, XXXI, 73; 84) и какой-то «прозрачный камень» (слюда? — там же, XXXVI, 160).

Присоединение Каппадокии означало крупный шаг в провинциализации Малой Азии. После возникновения провинций Азии, Вифинии и Понта, Киликии еще в период республики, Галатии при Августе[1], при Тиберии настала очередь Каппадокии и подчиненной одновременно с ней провинциальному управлению Коммагены. В действиях римского правительства не следует видеть строгого выполнения какого-то заранее предначертанного и определенного плана провинциализации Малой Азии или считать, что Тиберий просто следовал Августу[2]. По самому существу дела римская провинциальная политика не могла быть строго систематичной: те внутренние факторы, которые наряду с внешними определяли провинциальную политику Рима, сами были слишком изменчивы. На Востоке же быстро изменялась и международная обстановка. Присоединение той или иной провинции каждый раз вытекало из совершенно определенных конкретных причин. И после Тиберия ряд областей Малой Азии остались за пределами непосредственных владений Рима: некоторые из них сохраняли относительную самостоятельность до Веспасиана (см. Н. А. Машкин, ИДР[2], 477).

Новая провинция охватывала царство Архелая без Восточной Ликаонии и Киликии Трахеи, которые были отданы его сыну Архелаю (II). На севере Каппадокия граничила с Понтом, которым в это время управляла Питодорида, делившая власть с одним из своих сыновей, на востоке — с Великой Арменией (Малая Армения скорее всего входила в это время в состав провинции Каппадокии), на северо-западе — с Галатией, на западе и юго-западе — с Ликаонией, на юге — с Киликией, на юго-востоке — с Коммагеной. Возможно, правда, что часть территории, населенной киликийцами, осталась в пределах Каппадокии, однако основное ядро земель Киликии Трахеи и прилегающие области Восточной Ликаонии составили царство Архелая II[3]. В этой части была расположена любимая резиденция Архелая I[4].

Царство Архелая II находилось, повидимому, в полном подчинении у Рима. Архелай II правил Киликией Трахеей еще в 36 г.[5] и дожил, повидимому, до начала правления Гая. С начала правления Гая киликийское царство Архелая исчезает: владения Архелая были переданы Антиоху IV Коммагенскому[6]. Возможно, что Архелай II был устранен Гаем как ставленник

[1] См. Н. А. Машкин, История древнего Рима[2], 1949, стр. 204—205; 309; 417.

[2] Как полагает H. Stuart Jones, Senatus populusque Romanus, CAH, X, стр. 174—175.

[3] Упоминается в аттической надписи (CIA, III, 1, 548: βασιλέως Ἀρχελάου υἱὸν Ἀρχέλαον), поставленной, повидимому, еще при жизни его отца, так как сам Архелай (II) не имеет еще царского титула.

[4] Strabo, XII, 2, 7, 537; Ios., Ai, XVI, 131; Tac., Ann., VI, 41,1. Согласно Страбону, Архелай (I) сделал Элайуссу в Киликии Трахее своей постоянной резиденцией; Элайусса занимала, по словам Страбона, одноименный плодородный островок (νησίον; в настоящее время полуостров, хотя следует заметить, что νῆσος может означать не только остров, но и любую часть материка, выступающую в море и окруженную почти со всех сторон водой, притом безразлично водой моря или реками) и была отстроена весьма богато.

[5] Tac., Ann., VI, 41,1: восстание племени киэтов, подчиненного «каппадоку Архелаю».

[6] Tac., Ann., XII, 55, 1—2: новое восстание киэтов, переговоры с ними Антиоха, царя киликийского побережья (очевидно, Антиоху принадлежали приморские части Киликии Трахеи) и подавление восстания; Dio, LIX, 8, 2: раздача зависимым царям новых владений, получение Антиохом, восстановленным в Коммагене, владений в Киликии. Киликийские монеты Антиоха: G. F. Hill, Catalogue of the Greek Coins of Lycaonia, Isauria and Cilicia, 1900, стр. XVIII; XXI; XXIX; XL—XLI; XLIX; LVIII—LIX; LXI—LXII; CXIII—CXXIX; 41; 58. Судя по этим монетам, Антиоху принадлежала также Восточная Ликаония, входившая до того времени в царство Архелая. Она сохраняла, повидимому, известную автономию, поскольку здешние мо-

Тиберия[1]. Малая Армения, входившая в царство Архелая, в 17 г. вошла, вероятно, в состав новой провинции. В начале правления Гая она была отдана как царство Котису; представляла ли она до того часть провинции Каппадокии или особое царство, неясно. Вероятнее первое[2]. Малая Армения наряду с другими мелкими княжествами от Пафлагонии до армянской границы, постепенно присоединенными некогда Римом к Каппадокии (частично, однако, к Галатии и Понту), продолжала оставаться в составе Каппадокии и после превращения этой последней в провинцию.

Превращение Каппадокии в провинцию сопровождалось некоторым уменьшением царских налогов[3]. Это было сделано, в первую очередь, для того, чтобы привлечь на сторону Рима местную знать. И действительно, политика Рима имела успех: каппадокийские аристократы, находившиеся в оппозиции к Архелаю, были, по всей вероятности, довольны уничтожением царства (такова была, например, согласно Иосифу, позиция коммагенской знати, о чем уже говорилось выше), римские же интересы от этого не страдали. Несмотря на уменьшение налогов, доходы с Каппадокии были так велики, что позволили после 17 г. сократить вдвое од-

---

неты Антиоха чеканятся от имени ликаонов. Киликийские и ликаонские владения Архелая, повидимому, не соприкасались непосредственно с Коммагеной, что, конечно, ослабляло власть Антиоха в Киликии и Ликаонии. Подобная чересполосица была вообще характерна для зависимых царств римского Востока: например, царь Малой Армении Котис владел также землями в Аравии. Остальная часть Киликии Трахеи (окрестности Ольбы) принадлежала «архиерею» Антонию Полемону (I o s., AI, XX, 145—146; D i o, LX, 8, 2; G. F. H i l l, CGCLIC, стр. XXIX и повсюду), который был, повидимому, сыном Полемона I и Питодориды и братом армянского царя Зенона-Арташеса. Дион смешивает его с Полемоном II, царем Понта и Боспора.

[1] Архелай либо умер, либо попал в немилость к Гаю и окончил жизнь подобно своему отцу. Подобные случаи бывали и при Гае, несмотря на благоприятную в целом политику этого императора по отношению к зависимым царям: Митридат Иберский, царь Армении, был вызван в Рим и просидел все правление Гая здесь в оковах, а Птолемея Мавретанского заставили покончить самоубийством. Неясно, однако, чем мог вызвать неудовольствие Гая Архелай II, отец которого был осужден и умер в изгнании при Тиберии: Гай ненавидел своего предшественника и охотно восстанавливал династов, потерявших свои царства при нем. Можно, однако, предположить, что Тиберий, несмотря на то, что он относился враждебно к Архелаю I и добился его осуждения, не испытывал особой вражды к его сыну и что тот смог в какой-то мере сохранить связи, бывшие у его отца с Ливией и самим Тиберием. Об этом, быть может, говорит то, что Архелай II сумел получить после смерти отца часть его царства. В этом случае враждебное отношение Гая к Архелаю объясняется очень легко. Владения Архелая перешли к Антиоху, повидимому, полностью. Этому не препятствует наличие особого правителя в Ольбе, так как и во времена Архелая I Ольба не входила в состав Каппадокии. При Клавдии и Нероне Киликия была разделена между римской провинцией (Киликия Кампестра), Антиохом и местными династами, наиболее значительным из которых был архиерей Полемон в Ольбе, правивший по меньшей мере до времен гражданской войны 68—69 гг. W. E. G w a t k i n, ук. соч., 50, считает, что Полемон, которого он, повидимому, отождествляет с Полемоном II Понтийским, правил в Киликии до 63 г.; в действительности он находился здесь еще при Гальбе (А. В. О р е ш н и к о в, Киликийские монеты царя Марка Антония Полемона, НС, I, 1911, стр. 101 сл.).

[2] M. H. G r i f f i n, The Administration of the Roman Province of Cappadocia, Chapel Hill, 1929, стр. 18, не высказывается ни за, ни против. J. M a r q u a r d t, Römische Staatsverwaltung, I.RA, IV², 1881, стр. 369, указывает, что Малая Армения не была сразу соединена с провинцией Каппадокией, но вместе с тем не высказывает никаких соображений о ее статусе в 17—38 гг.

[3] T a c., Ann., II, 56, 4: at Cappadoces, in formam provinciae redacti, Q(uintum) Veranium legatum accepere; et quaedam ex regiis tributis deminuta, quo mitius Romanum imperium sperareturr, «и каппадоки, область которых была превращена в провинцию, получили К(винта) Верания легатом; и кое-что из царских налогов было уменьшено, чтобы римская власть казалась легче». Известие Тацита показывает, что в целом налоговая система, существовавшая при царях, была оставлена без изменения. Это бывало и при превращении в провинции других царств.

нопроцентный налог с аукционов[1]. Снижение налогов, которое было произведено в Каппадокии, не было, повидимому, в рассматриваемый момент единичным явлением. Выше уже говорилось, что накануне приезда Германика Сирия и Иудея просили об уменьшении налогового бремени. Нужно предполагать (иначе зачем бы Тацит стал говорить об этом), что налоги были снижены и здесь, хотя Тацит прямо об этом и не говорит. Все эти мероприятия, несомненно, преследовали, в первую очередь, одну цель — укрепить римскую власть в пограничных провинциях Востока, территориальная близость которых к Парфии могла привести к их отпадению в случае парфянского нашествия[2].

Римляне, стремясь найти опору своему господству, и в Каппадокии, как и в других провинциях, весьма считались с местной аристократией. Поэтому полунезависимое положение знати сохранилось в известной мере и при римлянах. Сохранилась в какой-то степени даже та политическая раздробленность, которая существовала при царях. Местные аристократы составили основной костяк каппадокийской администрации на местах и сохранили тем самым определенную политическую власть над подчиненным им населением и после превращения Каппадокии в провинцию[3].

Первым наместником Каппадокии был легат Германика Квинт Вераний; одновременно с этим в Коммагену был назначен Квинт Сервей[4]. Это показывает, что сначала римское правительство намеревалось сделать Каппадокию императорской провинцией второго ранга с сенатором во главе и значительными военными силами, что было совершенно естественно ввиду первоклассного стратегического значения провинции. Каппадокия была единственной пограничной провинцией к северу от Сирии. До сих пор границу империи в Малой Азии составляли зависимые царства, которые были барьером, отделявшим империю от внешнего мира; теперь непосредственные владения Рима и в Малой Азии подошли к Евфрату[5].

---

[1] Tac., Ann., II, 42, 4. Centesima rerum venalium — налог, установленный после гражданских войн. Доходы с него шли на содержание aerarium militare (см. Н. А. Машкин, ПА, 511).

[2] Разумеется, римским правительством могло в подобных мероприятиях руководить и стремление предохранить провинциальное население и особенно города от полного разорения. Подобные мотивы особенно характерны для политики Тиберия (см. О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., 1954, стр. 139).

[3] Strabo, XII, 2, 1; 3, 535; 5,537: Каппадокия продолжала делиться на стратегии, во главе которых стояли представители местной знати. Эта своеобразная организация показывает, как римская власть стремилась приспособиться к местным условиям доэллинского Востока.

[4] Tac., Ann., II, 56, 4. Коммагена одновременно с Каппадокией была превращена в провинцию. Вераний и Сервей были legati pro praetore, однако не императора, как обычно, а Германика, который имел в это время чрезвычайные полномочия на Востоке. Мнение Диона, что Каппадокия была сразу поручена всаднику, ошибочно: свидетельство Тацита, который был к тому же гораздо ближе к рассматриваемым событиям, чем Дион, и описывает их значительно подробнее, настолько точно, что нет никаких оснований сомневаться в нем.

[5] Т. Моммзен, История Рима, V, М., 1949, стр. 276, однако, повидимому, неправ, утверждая, что после упразднения зависимых царств с границей империи из малоазийских областей соприкасалась только Каппадокия. Моммзен исходил из предположения, что Полемоновский Понт был при Нероне присоединен к Каппадокии, но большинство современных исследователей считают, что он был скорее всего присоединен к Галатии (см. J. G. C. Anderson, CAH, X, 774; A. H. M. Jones, The Cities of the Eastern Roman Provinces, Oxf., 1937, стр. 484; D. Magie, Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ, I, Princeton, 1950, стр. 561). Правда, все эти авторы основываются на данных надписи, которая относится скорее всего ко времени Домитиана и не может поэтому служить прямым свидетельством для положения во времена Нерона.

Присоединение Каппадокии позволяло организовать на верхнем Евфрате военную границу для укрепления римского влияния в Армении. В действительности, однако, правление легатов Каппадокии и Коммагены было коротким: в 19—20 гг. оба они участвовали в обвинении Писона[1] и, следовательно, находились в это время в Риме. Очень скоро, через год после присоединения, Каппадокия превратилась в императорскую провинцию третьего ранга[2] со вспомогательными войсками (Tac., Ann., XII, 49, 1). Причиной этого был недостаток войск: римское правительство не имело в своем распоряжении ни одного легиона, который оно могло бы послать для постоянного пребывания в Каппадокию, а без этого и не имело смысла поручать страну легату.

Правителями Каппадокии были прокураторы[3] из всаднического сословия[4]. Этот порядок сохранялся до Веспасиана (Suet., Vesp., 8,4). За время с 17 по 72 г. известны по именам два прокуратора, один при Клавдии, другой при Нероне. Первый из них —при Клавдии — Юлий Пелигн известен по своему походу в Армению и взаимоотношениям с Радамистом[5]. О втором —Прокуле,— относящемся ко времени Нерона, речь будет идти ниже. Под 63 г. прокуратор Каппадокии, возможно, упоминается в числе других у Тацита[6]. Прокуратор Каппадокии на всем протяжении периода прокураторского управления был прокуратором-пресидом. Он заменил собой царя. Помимо финансовых он имел также внешнеполитические и военные функции. Он набирал на территории провинции войска и командовал ими в походах. Лишь в случае необходимости ему помогал сирийский легат.

Весьма важен вопрос об отношении прокуратора Каппадокии к легату Сирии. Этот вопрос связан с общей проблемой о взаимоотношениях

---

[1] Tac., Ann., II, 74, 2; III, 10, 1; 13, 2. Следовательно, оба легата правили около года. В 19 г. новый наместник Сирии Гней Сентий отправил в Рим отравительницу Мартину, которую считали близкой к Планкине, сделав это по требованию Вителлия, Верания и других, которые особенно резко настаивали на осуждении виновных. Сервей в данном случае не упоминается, но, судя по дальнейшему ходу событий, он также должен был принимать участие в обвинении. Позднее, в 20 г., снова Вителлий, Вераний и другие из свиты Германика выступили по делу Писона, говоря, что они являются не обвинителями, но лишь свидетелями и исполнителями воли Германика. Сервей упоминается лишь в третьем случае, но, вероятно, он выступал и раньше и не был упомянут лишь как второстепенный обвинитель.

[2] T. Моммзен, ИР, V, 347, называет Каппадокию «наместничеством второго разряда». Удобнее, однако, делить императорские провинции на три разряда, различая консульские, преторские и прокураторские провинции.

[3] Например, Tac., Ann., XII, 49, 1: erat Cappadociae procurator Iulius Paelignus, ignavia animi... despiciendus. sed Claudio perquam familiaris, cum privatus olim conversatione scur⟨r⟩arum iners otium oblectaret, «прокуратором Каппадокии был Юлий Пелигн, презренный низостью души..., но чрезвычайно близкий Клавдию, когда тот, будучи некогда частным человеком, услаждал свой праздный досуг общением с шутами».

[4] Suet., Vesp., 8, 4: Cappadociae propter assiduos barbarorum incursus legiones addidit consularemque rectorem imposuit pro eq(uite) R(omano), «Каппадокии вследствие постоянных набегов варваров он придал легионы и поставил правителем [ее] вместо р(имского) вс(адника) консуляра»; Dio, LVII, 17,7 (см. стр. 49, прим. 1).

[5] См. выше и ниже, стр. 63. Обо всем эпизоде см. С. Т. Еремян, Армения — буферное государство. Борьба Рима и Парфии из-за Армении, «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», I—II, М.—Л., 1939, стр. 363. Ph. Fabia, Julius Paelignus, préfet des vigiles et procurateur de Cappadoce (Tacites, *Ann.*, XII, 49; Dion Cassius, LXI, 6, 6), RPh, XXII (1898), стр. 133—145, пытается отождествить Пелигна с упоминаемым у Диона Лелианом (praefectus vigilum до деятельности в Армении). За это: Stein, Iulius, 374, RE, X, 1, 1919, стб. 685—686; G. Andresen, к Tac., Ann., XII, 49 [P. Cornelius Tacitus (K. Nipperdey), II (G. Andresen)]. Отождествление, однако, сомнительно.

[6] Tac., Ann., XV, 25,3: scribitur... procuratoribus... (распоряжение правителям восточных царств и провинций подчиняться приказам Корбулона).

прокураторов и легатов соседних провинций. Большинство исследователей полагает, что прокуратор-пресид не был, как правило, подчинен соседнему легату[1]. Это показывает пример Иудеи после 44 г.: по отношению к иудейским прокураторам соответствующие полномочия были даны сирийским легатам специально после того, как те стали разжигать в провинции гражданскую войну[2]. Что касается Каппадокии, то эта последняя была подчинена власти Вителлия в конце правления Тиберия. Однако специальные приказы о подчинении Каппадокии сирийскому легату на время войны как раз показывают, что она не была подчинена ему в мирное время[3]. Экстраординарные случаи зависимости Каппадокии от сирийского легата в военном отношении вытекали из особого положения легата как главнокомандующего на восточной границе. В обычное время прокуратор Каппадокии был независим от легата Сирии.

Наряду с функциями по внутреннему управлению прокуратор Каппадокии имел и внешние, военно-дипломатические, функции. Это видно на примере Пелигна (см. стр. 63, прим. 8). Действия Пелигна, поскольку речь шла о восстановлении римской власти в Армении, находились в рамках полномочий. Другое дело, как он этими полномочиями воспользовался. И все же целью Приска была не столько отмена, сколько исправление действий Пелигна.

Период прокураторского управления длился до гражданской войны 68—69 гг. Между тем существует распространенное мнение, что в период войн с Арменией и Парфией при Нероне прокураторы в Каппадокии заменялись легатами и Каппадокия превращалась в императорскую провинцию первого ранга. Такими легатами считаются обычно Корбулон[4] и

---

[1] Th. Mommsen, Römische Geschichte, V⁴, B., 1894, стр. 509—510 (русский перевод — Т. Моммзен, ИР, V, 455—456 — в данном случае не вполне точен); O. Hirschfeld, Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian², B., 1905, стр. 406—409; H. Mattingly, The Imperial Civil Service of Rome, 1910, стр. 143 слл.; более старые исследователи держались иного мнения, см. A. W. Zumptius, Commentationes epigraphicae ad antiquitates Romanas pertinentes, II, Berolini, 1854, стр. 127; W. T. Arnold, The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great, L., 1879, N. Y., 1905, стр. 112—113.

[2] Иудейские прокураторы Вентидий Куман и прибывший на смену ему Антоний Феликс поддерживали один самарян, другой—галилеян в их военных столкновениях между собой, за что те делились с ними добычей. После того, как вся провинция была охвачена войной, Клавдий был вынужден дать сирийскому легату ius statuendi de procuratoribus.

[3] Это вытекало и из общей системы провинциального управления. Прокураторы тем и были ценны для императора, что это были неродовитые люди, всадники или даже вольноотпущенники, которые зависели всецело от него. Подчинить на продолжительное время одного или нескольких прокураторов соседнему наместнику из сенаторского сословия было просто опасно для императорской власти, в особенности, если речь шла о таком могущественном наместнике, как легат Сирии. Подчинение иудейских прокураторов после 52 г. сирийскому легату объясняется, видимо, тем, что при постоянно напряженной внутренней обстановке в Иудее в любое время могли понадобиться большие военные силы, которые имелись лишь в распоряжении сирийского легата. В Каппадокии эта причина отсутствовала, и потому ее не было необходимости подчинять легату Сирии. Невероятно это и по отношению к легату Галатии, который хотя и не был столь опасен для императорской власти, поскольку он не располагал легионами, но именно по этой причине вряд ли был бы полезен Каппадокии. Ввиду всего этого гипотеза G. Perrot, De Galatia provincia Romana, 1867, стр. 98, об ответственности легата Галатии за Каппадокию не оправдана.

[4] H. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, I, 1, Gotha, 1883, стр. 348; 350; Т. Моммзен, ИР, V, стр. 347: назначение «в Каппадокию, бывшую вообще наместничеством второго разряда и не имевшую легионов, консулярного легата — Гнея Домиция Корбулона»; W. Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, Leipzig, 1923, стр. 8: легат Каппадокии и Галатии; стр. 93: Каппадокия до 66 г.— провинция Корбулона; отчасти J. G. C. Anderson, CAH, X, стр. 758—759.

Пет[1]. Однако в действительности ни тот, ни другой легатами Каппадокии не были: то, что они действовали на территории этой провинции, еще вовсе не значит, что они были ее легатами[2]. Полномочия Корбулона и Пета имели экстраординарный характер и были связаны с Арменией, а не с Каппадокией. Они не заменяли собой прокураторов-пресидов Каппадокии, которые, как это будет показано ниже, продолжали нормально функционировать. Ни Корбулон в первой половине армянской войны, ни Пет после него не были легатами Каппадокии[3]. Еще менее это можно предполагать в отношении Корбулона в 63 и последующих годах. В это время экстраординарные полномочия Корбулона имели еще более широкий характер[4]. Он получил верховное распо-

---

[1] Т. Моммзен, ИР, V, ср. 378; ср. H. Smilda, U. Ph. Boissevain, Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum index historicus, «Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt» (U.Ph. Boissevain), IV, B., 1926, стр. 121 (из Dio, LXII, 20, 4).

[2] Такой точки зрения придерживаются, например, W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 45—49; 53; D. Magie, ук. соч., I, 560; II, Princeton, 1950, стр. 1411—1412; 1416—1417.

[3] Надпись F. W. Hasluck, Inscriptions from the Cyzicus District, 1906, JHS, XXVII, 1907, стр. 64, № 5 = АЁр., 1908, № 130=ILS, III, 2, 9108 (восстановлена A. Domaszewski'м, Kleine Beiträge zur Kaisergeschichte, «Phil.», LXVII, 1908, стр. 5—9), называет Корбулона legatus Aug(usti) pr(o) pr(aetore) и, это как будто подтверждается Дионом (LXII, 19, 3): ὁ Νέρων ἐπὶ τὸν πόλεμον αὐτὸν ἀνθ' ἑαυτοῦ ἀπέστειλε..., «Нерон послал его на войну вместо себя...». Однако надпись не дает территориального ограничения полномочий Корбулона (на камне после pr. pr. нет места для названия провинции). Главное доказательство в пользу старого мнения— то, что после прибытия Корбулона в Галатии и Каппадокии был произведен набор (Тас., Ann., XIII, 35,2). Нигде, однако, не говорится, что он был произведен по приказу Корбулона. В Галатии был в это время легат Гай Рутилий Галлик, о подчинении которого Корбулону ничего неизвестно (J. G. C. Anderson, CAH,X, 758—759). Для определения полномочий Корбулона следует обратиться к Тациту,слова которого, что Нерон «поставил Домития Корбулона для удержания Армении» (Ann., XIII, 8,1: Domitium Corbulonem retinendae Armeniae praeposuerat), содержат часть официального титула полководца В тех же выражениях Корбулон позднее писал о необходимости назначения особого военачальника в Армению (XV, 3,1: scripseratque Caesari proprio duce opus esse, qui Armeniam defenderet, «и написал Кесарю, что необходим особый полководец, который защищал бы Армению»; ср. XV, 6,3: proprium ducem tuendae Armeniae poposcerat). Именно экстраординарный характер полномочий Корбулона, придававший им известную неопределенность, был одной из главных причин многочисленных трений между Корбулоном и Квадратом. Полномочия Пета были аналогичны полномочиям Корбулона. Это видно уже из приведенных выше выражений, в которых Корбулон требовал назначения особого полководца в Армению. Так как, отправляя Пета, нероновское правительство намеревалось превратить Армению в провинцию, впоследствии Пет должен был, очевидно, стать legatus pro praetore Армении. Известие Диона (LXII, 20, 4), что Нерон «послал ... Луция Кесенния Пета в Каппадокию, чтобы ничего не произошло с Арменией», не может служить доказательством в пользу мнения о назначении Пета легатом Каппадокии. Помимо того, что Дион—автор поздний и мог выражаться неточно (в его время Каппадокия была уже более полутора столетий легатской провинцией), данная фраза сама по себе лишь подтверждает отстаиваемую здесь точку зрения. Первая ее половина указывает место, куда был послан Пет, вторая — его должность. Таким образом, полномочия Пета,подобно полномочиям Корбулона,имели чисто военный характер и не были связаны непосредственно с Каппадокией.

[4] Надпись CIL, III, suppl., 1, 6741—6742 = ILS, I, 232 называет Корбулона leg(atus) Aug(usti) pro pr(aetore) без указания провинции. Полномочия Корбулона, как и во время первого похода, имели чисто военный характер. По словам Тацита, «исполнительная власть в Сирии предоставлена Гаю Кестию, военные силы — Корбулону» (Ann., XV, 25,3: Suriaequae executio C(aio) Cestio, copiae militares Corbuloni permissae). Отсюда следует, что Кестий Галл был назначен легатом Сирии, тогда как Корбулону было поручено начальствование над какой-то группой военных сил, предназначенных для борьбы с Парфией. Хотя несомненно, что легионы, оставленные в Сирии, были подчинены Кестию (на это, помимо того что разделение военной и гражданской власти полностью противоречило административным порядкам ранней империи, указывает его поход против иудеев, совершившийся еще при жизни Корбулона), все же и

ряжение над всей восточной границей[1]. Царям и тетрархам, а также префектам, прокураторам, преторам соседних провинций было приказано повиноваться ему «при увеличении власти в таком почти объеме, в каком народ римский дал Кн(ею) Помпею для ведения пиратской войны»[2]. Между тем, полномочия Помпея по закону Габиния заключали в себе «империй во всех провинциях равный с проконсулами до пятидесятого милевого камня от моря»[3]. Полномочия подобного рода предполагали власть над территориями[4] лишь в таком смысле, что носитель экстраординарного империя мог вмешиваться в распоряжения местных должностных лиц, но не отменял своим империем их полномочий. Практически носитель империя вмешивался в гражданское управление только в интересах войны. Под 63 г. прокуратор Каппадокии, возможно, упоминается в числе других у Тацита (см. стр. 55). Все это доказывает, что и в 63 и в последующие годы Корбулон также не был легатом Каппадокии[5]. Такое положение его на восточной границе имеет аналогии не только в экстраординарных полномочиях конца республики, но и в период империи. При усложнении международной обстановки римское правительство неоднократно бывало вынуждено подчинять всю восточную границу власти одного лица, становившегося таким образом над наместниками отдельных провинций. Не говоря о представителях императорской семьи Агриппе, Гае и Германике, такие полномочия были у Луция Вителлия[6], который соединял с ними должность сирийского легата. При Марке Аврелии сходное положение на Востоке занимал Авидий Кассий. Здесь встречались и менее значительные экстраординарные должности легатов без определенных территорий,

---

войско, непосредственно подчиненное Корбулону, тоже носило название сирийского. Действительно, унаследовавший, видимо, должность Корбулона Веспасиан получил «начальство над войсками в Сирии» (Ios., BI, III, 7: τὴν ἡγεμονίαν τῶν ἐπὶ Συρίας στρατευμάτων; W. Weber, Josephus und Vespasian, B.– St.—Lpz, 1921, стр. 113, возводящий это известие к комментариям Веспасиана, считает, что имеется в виду Syriacus exercitus; см. W. Schur, ук. соч., стр. 106). После того, как вскоре вслед за тем легатом Сирии был назначен Мукиан, полностью повторилось положение, впервые сложившееся в 63 г.

[1] Dio, LXII, 19, 3:καὶ δύναμιν αὐτῷ ὅσην οὐδενὶ ἄλλῳ ἐπέτρεψε «и власть ему доверил такую, как никому другому».

[2] Tac., Ann., XV, 25,3: in tantum ferme modum aucta potestate, quem populus Romanus Cn(aeo) Pompeio bellum piraticum gesturo dederat.

[3] Vell., II, 31, 2. Imperium Помпея было, таким образом, территориально ограничено — imperium infinitum оно именовалось потому, что относилось не к одной, а ко всем провинциям (см. Н. А. Машкин, ПА, 17—18; 396). Вместе с тем Помпей и вслед за ним Корбулон имели imperium aequum с проконсулами и imperium maius по отношению к пропреторам. Применительно к Корбулону это прямо и говорится (преторы = legati pro praetore, как в Галатии). Над проконсулами ни Помпей, ни Корбулон не имели полномочий. По отношению к Корбулону Th. Mommsen, Römisches Staatsrecht, HRA, II[3], 1887—1888, стр. 655, прим. 1, считал этой ошибкой Тацита. В действительности Тацит прав (см. W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 48). Полномочия Корбулона были равны полномочиям Помпея по lex Gabinia, но не по lex Manilia. Например, он вел только предварительные переговоры (Tac., Ann., XV, 28—31; Dio, LXII, 23,1—3; LXIII, 1 сл.).

[4] W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 48, неточно говорит об отсутствии власти над территориями.

[5] W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 49, в доказательство того, что Корбулон и Пет не были легатами Каппадокии, ссылается еще на свидетельство Светония (Vesp., 8, 4) о появлении легатов Каппадокии только при Веспасиане. Однако у Светония вовсе не говорится, что консуляры стали управлять Каппадокией «только» в это время. Он просто указывает, что в момент реформы Веспасиана наместниками Каппадокии были римские всадники. К тому же при том толковании, которое дает этому месту Gwatkin, непонятно, почему Светоний не учитывает Верания (Tac., Ann., II, 56, 4).

[6] Tac., Ann., VI, 32, 3: cunctis, quae apud Orientem parabantur, L(ucium) Vitellium praefecit, «над всем, что приготовлялось на Востоке, поставил Л(уция) Вителлия».

полномочия которых напоминали полномочия Корбулона во время первого похода в Армению и полномочия Пета[1]. Чрезвычайные полномочия Корбулона остались за ним вплоть до его отозвания (перед смертью он жалел, что прибыл в Ахайю без войска), а его экстраординарная должность продолжала существовать, видимо, и после его смерти. Вражду Веспасиана и Мукиана (Tac., Hist., II, 5) можно объяснить зависимым положением последнего, и это же было, возможно, причиной того, что императором стал не знатный Мукиан, а внук центуриона из Сабинской земли.

Помимо этого существует еще одно эпиграфическое доказательство того, что Корбулон и Пет не были легатами Каппадокии и что ею в это время управляли прокураторы-пресиды. Об этом свидетельствует надпись из Антиохии в Писидии, опубликованная в 1912 г.: «...из Сер(гиевой трибы), Прокулу, дуумвир(у), авг(уру), триб(уну) вои(нов) лег(иона) III Киренаик(и), юридику Александрии и Египта, прок(уратору) Неро[на Кл]авдия Ке[саря] Авг(уста) Герма[ника пр]овинции [Капп]адокии и Киликии ала Авг(уста) Германика ч(ести) р(ади)»[2]. Надпись не имеет точной даты, однако имя Нерона делает ее синхронной с предполагаемыми легатствами Корбулона и Пета[3]. Посвящение делает ала; отсюда видно, что Прокул командовал вспомогательными войсками[4], а в таком случае он мог быть только прокуратором-пресидом[5].

Надпись в честь Прокула показывает также, что Киликия и Каппадокия были при Нероне соединены в одну провинцию[6]. Очевидно, речь может идти лишь о Киликии Кампестре, так как Трахея была разделена между Антиохом и местными династами (Полемон правил в Ольбе еще во времена Гальбы). Широко распространенное мнение, что Киликия Кампестра была подчинена легату Сирии, сомнительно. Для этого нет никаких доказательств. Единственный аргумент, на который ссылаются сторонники этого взгляда,— что Квириний во время войны с гомонадами, операции которой происходили к западу от Киликии Кампестры, был легатом Сирии,— недостаточен. То, что на территорию Киликии вводились войска из Сирии, вовсе не указывает на подчинение гражданского управления Киликии сирийскому легату. К тому же в настоящее время полагают, что Квириний во время войны с гомонадами был легатом Галатии и Памфилии.

Очевидно, Киликия Кампестра была присоединена к Каппадокии после осуждения в начале правления Нерона проконсула Киликии Коссутиана Капитона. Злоупотребления Капитона вызвали недовольство в провинции, она нуждалась в контроле императорского чиновника. Другой причиной соединения Киликии с Каппадокией были, повидимому, по-

[1] Например, CIL, VI, 1, 1377 = ILS, I, 1098 (надпись в честь Марка Клавдия Фронтона): leg(ato) Augg. pr(o) pr(aetore) exercitus legionarii et auxilior(um) per Orientem in Armeniam et Osrhoenam et Anthemusiam ductorum «лег(ату) Августов [Марка и Вера], за пр(етора) войска легионариев и вспомогательных сил, собранных на Востоке для похода на Армению, Осроэну и Антемусию».

[2] JRS, II, 1912, стр. 99 = АЁр., 1914, № 128.

[3] Триба, cursus honorum, имя Нерона показывают, что это не Луций Валерий Прокул, который был прокуратором Каппадокии позднее (CIL, II, 1970 = ILS, I, 1341).

[4] Непонятно, почему W. E. G w a t k i n, ук. соч., стр. 49, считает, что Прокул мог командовать вспомогательными войсками только после 66 г., после смерти Корбулона и вывода легионов из Каппадокии. Прокуратор, разумеется, не мог командовать легионами, но он мог стоять во главе местных вспомогательных войск провинции, подчиняясь вместе с тем легату, наделенному экстраординарными полномочиями.

[5] Предположение, что Прокул был только финансовым прокуратором (C a l d e r, JRS, II), лишено оснований, так как оно базируется как раз на предполагаемых легатствах Корбулона и Пета, что само по себе недоказуемо.

[6] Единственное число provinciae указывает на то, что Прокул был прокуратором Каппадокии и Киликии одновременно, а не последовательно (C a l d e r, JRS, II).

требности войны. Киликийские ворота представляли значительную ценность: они открывали доступ к Средиземному морю, через них шло снабжение каппадокийской армии. Их было легко оборонять. Пути сообщения между Сирией и Каппадокией точно неизвестны. Вероятно, важнейший путь шел через Киликийские ворота вследствие негодности дороги у Евфрата. Через Киликийские ворота прошли два легиона, приведенные Квадратом Корбулону в Эги. Окончательное слияние обеих частей в провинцию произошло при Веспасиане.

За время прокураторского управления Каппадокия начинает постепенно менять свой облик. Страна прочнее втягивается в переднеазиатскую торговлю. С Каппадокией, между прочим, торговали армянские купцы[1]. Несколько укрепляются позиции эллинизма[2]. Когда римляне появились в Малой Азии, в Каппадокии еще совсем не было эллинских городов, да и вообще поселений городского типа было очень мало[3]. Во времена Страбона муниципальной организации в Каппадокии не было, ее заменяла архаическая организация стратегий (см. W. E. Gwatkin, ук. соч.,стр.17—18).В дальнейшемна всем протяжении периода ранней империи Каппадокия также, в отличие от других малоазийских провинций, никогда не была особенно богата городами[4]. Однако некоторое развитие городской жизни в период ранней империи имело место все же и здесь: если при Страбоне из десяти стратегий (XII, 1,534,4) города имели всего две (XII. 2,6,537), то к концу периода ранней империи их число увеличилось до семи, при-

[1] Вернее, купцы из городов Армении, так как торговлей и ремеслами в них занимались преимущественно иноземцы (см. С. Т. Еремян, Общественно-экономический строй Армении в рабовладельческую эпоху, ИАрмН, I, 41).

[2] Однако для утверждения, что «эллинская народность» в это время «прочно укоренилась... в Каппадокии» (Т. Моммзен, ИР, V, 325), нет оснований.

[3] Каппадокия была в то время страной отсталой. Господствующий класс ее составляла крупная землевладельческая знать (ср. T. Zawadzki, Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjatyckich w epoce hellenizmu, PTPN, WHNS. PKH, XVI, 3, 1952, стр. 14), многие представители которой были персидского происхождения. Каппадокийские аристократы жили в своих замках [φρούρια — Strabo,XII, 2, 9, 539; существовали также, возможно, и τετραπυργίαι (см. о них Plut.. Eum., 8, 5, 588), так как термин этот сохранился в названии города на юге Каппадокии на карте Певтингера и другого к юго-западу от Кесареи Мазаки — см. H. Kiepert, Formae orbis antiqui, VIII (R. Kiepert), B., 1910, Fk)] и мало зависели от царской власти. Характерно, что «другом и союзником римского народа» считался не только царь, но и каппадокийское ἔθνος (Strabo, XII, 2, 11, 540). Непосредственными производителями на землях знати и царя были зависимые крестьяне и рабы (например, среди рабов Тиберия и Ливии в надписи CIL, VI, 2, 4776 упоминается servus Archelaianus). Значительную роль играли в стране крупные храмы (Strabo, XII, 2, 3, 535; 5—6,537), особенно в Команах Каппадокийских и Венасах, владевшие обширными территориями. Характер землевладения определял и политическую структуру Каппадокии; подобно ряду других восточных провинций она была разделена на стратегии, которых насчитывалось десять (XI стратегия была присоединена уже римлянами из земель, отторгнутых от соседних областей). Во времена Страбона (XII,2,6, 537) только две из этих стратегий имели города. Каппадокийская аристократия находилась в оппозиции к царской власти (Cic., Ad fam., XV, 2, 6—8; 4, 6; Ad Att., VI, 1, 3—4), особенно к тем из царей, которые, как Архелай, пытались вести более самостоятельную политику. Так, обвинение Архелая исходило от его соотечественников (Dio, LVII, 17, 3). В наиболее глухих частях страны продолжали жить первобытные племена (например, исавры в горах Тавра). Отсталость Каппадокии, сходство ее социально-экономического строя с отношениями, господствовавшими в странах древнего Востока, дает повод многим ученым на Западе считать ее политический строй феодальным (например, W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 15; 17—19;27;29;32;36;J.G.C. Anderson, CAH, X,стр. 745—746), хотя они в то же время говорят о наличии в Каппадокии множества рабов (W. E. Gwatkin, ук.соч.,стр. 18). Разумеется,утверждения о феодальном строе в Каппадокии в рассматриваемое время определяются лишь общей концепцией исторического процесса данных ученых.

[4] См. А. Б. Рановић, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 122.

чем три из них имели по два города, а четыре по одному[1]. Начало этих изменений падает уже на период прокураторского управления: Плиний, писавший при Веспасиане, находит в Каппадокии уже большее число городов, чем Страбон, хотя трудно сказать, все ли эти города были городами в античном смысле этого слова[2]. Таковы Архелаида, древняя Гарсавира, на границах Ликаонии, на крайнем западе Каппадокии, одна из метрополий страны[3] и бывшая столица Архелая, со времен Клавдия — римская колония, Команы[4], Мелита на крайнем востоке страны, недалеко от Евфрата[5], которая дала имя области Мелитене, Тианы, Мазак, «который ныне называется Кесареей», у подножья горы Аргея[6]. Из этих городов Страбон упоминает лишь Тианы и Мазак (XII,2, 7—9,537—539), а относительно Мелитены говорит, что там вовсе не было городов, но только укрепления[7]. Наконец, если не город, то поселение городского типа представляла собой, возможно, Сатала в Малой Армении, в которой позднее находилась стоянка одного из каппадокийских легионов[8]. Города нередко возникали из поселений вокруг замков каппадокийской знати; это видно из того, что слово «тетрапиргия» стало названием по меньшей мере двух городов на территории Каппадокии.

Трудно сказать, какова была судьба жреческих княжеств и вообще храмовых владений Каппадокии после превращения ее в провинцию. Вероятно, они в какой-то мере продолжали существовать. До недавнего времени преобладало мнение[9], согласно которому уже в эллинистический период, в государствах Селевкидов и Атталидов, и особенно в I—II вв. н. э. происходили конфискации храмовых владений, территории которых становились территориями вновь создаваемых полисов. В последнее время, однако, эта точка зрения подверглась пересмотру[10] на основании новых эпиграфических данных, показывающих, что храмовые владения продолжали существовать в Малой Азии внутри полисных территорий

---

[1] См. A. H. M. J o n e s, ук. соч., стр. 183: не имели городов Хаманена, Саравена и Лавиансена, имели по одному городу Киликия (Кесарея), Саргараусена (Ариаратея), Катаония (Команы) и Мелитена (Мелитена); имели по два города Моримена (Парнасс, Нисса), Гарсавритида (Архелаида, Назианз), Тианитида (Тианы, Фаустинополь).

[2] Плиний называет их oppida, т. е. термином, достаточно неопределенным.

[3] W. E. G w a t k i n, ук. соч., 21, называет Архелаиду просто metropolis страны, однако Страбон определенно указывает, что она была лишь одной из метрополий.

[4] Плиний имеет в виду в данном случае не Команы Понтийские, в которых был жрецом дед Архелая, а другие, расположенные в Южной Каппадокии. Полисом Команы Каппадокийские были определенно во времена Адриана.

[5] P l i n., NH, VI, 8. Во времена Плиния Мелита представляла собой не город в античном смысле этого слова, а поселение городского типа вокруг лагеря стоявшего здесь с 70 г. легиона XII Fulminata. Муниципальные права она получила при Траяне.

[6] P l i n., NH, VI, 8. Плиний называет в числе каппадокийских городов еще ряд других (VI, 8), но они попали сюда лишь в силу того, что Плиний рассматривает Каппадокию в границах каппадокийского комплекса. Так, например, упоминается им в этой связи Неокесарея. До 63 г. она входила в Полемоновский Понт, а затем вместе с ним была включена в провинцию Галатию.

[7] S t r a b o, XII, 2, 6,537. Страбон сравнивает Катаонию с Мелитеной и указывает, что ни та, ни другая не имеют настоящих городов.

[8] Легион в Сатале не упоминается до Адриана; при нем здесь стояла XV Apollinaris.

[9] См. W. M. R a m s a y, The Cities and Bishoprics of Phrygia, Oxf., I, 1895, стр. 10 и 131; II, 1897, стр. 354; M. I. R o s t o v t z e f f, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, Lpz—B., 1910, стр. 269 слл.; о н ж е, The Social and Economic History of the Hellenistic World, Oxf., 1941, стр. 492 сл., 648 и 1140, прим. 282; E. V. H a n s e n, The Attalids of Pergamon, Ithaca, 1947, стр. 167.

[10] T. R. S. B r o u g h t o n, New Evidence on Temple-Estates in Asia Minor, SRESH, 1951, стр. 236—250.

еще во II в. н. э. Указывается при этом, что священная территория храма в узком смысле этого слова продолжала, как правило, управляться и эксплуатироваться по-старому, тогда как полисам передавались лишь окрестные земли, иногда очень обширные, которые до того находились в зависимости от жречества. Все это непосредственно относится, однако, к другим областям Малой Азии, главным образом к Фригии. Как обстояло дело именно в Каппадокии, предстоит еще исследовать, насколько это возможно по состоянию источников. Во всяком случае процесс здесь шел очень медленно. Как было показано выше, Команы Каппадокийские засвидетельствованы как полис впервые лишь при Адриане.

Слабое развитие городской жизни определяло и слабое распространение городов римского типа — муниципиев и колоний. Муниципии были вообще редки на эллинистическом Востоке, в Каппадокии их не было совсем. Что касается колоний, то их малое количество в Каппадокии особенно бросается в глаза в сравнении с соседней Галатией[1]: семь колоний в Галатии были основаны Августом, одна — Клавдием; в Каппадокии была только одна колония — Архелаида, основанная Клавдием. Почти полным отсутствием колоний объясняется слабость романизации. Лишь к концу периода постоянные наборы во время армяно-парфянской войны способствовали прогрессу романизации. Зачислявшиеся в легионы провинциалы получали римское гражданство при вербовке. Служившие во вспомогательных войсках становились римскими гражданами по окончании срока службы. В связи с этим с 70—80 гг. происходит увеличение числа римских граждан в Каппадокии.

В Кесарее Мазаке был создан римский монетный двор, преобразованный, вероятно, из царского монетного двора. Сохранились его монеты с изображением Германика, коронующего Артаксия. Эти монеты чеканились, видимо, при Калигуле[2]. Во время борьбы за Армению в Кесарее шла

---

[1] А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи, стр. 109, несколько недооценивает степень распространения колоний в Галатии. Сопоставление с Каппадокией и некоторыми другими провинциями показывает, что число колоний в Галатии было сравнительно немалым. Это совершенно закономерно. Колонии римских граждан в провинциях в рассматриваемый период были в подавляющем большинстве колониями ветеранов. Такие колонии, как Коринф, первоначальное население которого состояло в значительной мере из отпущенников италийского происхождения, на что определенно указывает Страбон, представляли собой исключение. Случаи наделения статусом колонии местных эллинистических и даже восточных городов (например, Пальмиры) относятся к значительно более позднему времени. Между тем Галатия из всех восточных провинций была наиболее важным центром пополнения восточных легионов (высказывавшееся в литературе мнение, что на протяжении первого столетия империи легионы состояли исключительно из италиков и что Веспасиан первый начал широко пополнять их за счет романизированных жителей западных провинций, не соответствует действительности; уже при Юлиях и Клавдиях легионы и особенно восточные легионы постоянно пополнялись за счет римских граждан, живших в провинциях, и даже за счет провинциалов, наделявшихся римским гражданством, иногда во время самой вербовки; см. О. В. К у д р я в ц е в, Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона, ВДИ, 1948, № 3, стр. 52). Воинственные и малоцивилизованные галаты были для этого особенно пригодны. Ими в значительной мере пополнялись, в частности, египетские легионы, как это видно по происходящим из Египта надписям, упоминающим отечества легионариев (Анкира и т. д.). В Египте даже имелся особый легион, XXII Deiotariana, состоявший первоначально целиком из воинов галатского царя Дейотара, обученных по римскому образцу и наделенных римским гражданством. Отслужившие свой срок ветераны наделялись землей в значительной мере на родине, откуда и обилие в Галатии римских колоний. В Каппадокии не было легионов, жители ее до 50-х годов I в. н. э. почти не зачислялись в легионы, а служили во вспомогательных войсках местного значения, следствием чего было незначительное количество римских граждан в провинции, а потому и незначительное количество колоний.

[2] H. M a t t i n g l y, Coins of the Roman Empire in the British Museum, I, L., 1923, стр. CXLVIII; 162 слл.

усиленная чеканка на нужды войны. К этому времени относятся специальные монеты с изображением Виктории.

Военные силы, постоянно находившиеся в Каппадокии, сводились к местным вспомогательным войскам. Почти единственное сообщение о них — рассказ Тацита о Пелигне[1]. Пелигн, отправляясь в Армению, собирает вспомогательные войска из провинциалов[2] — местные войска, отличные от регулярных вспомогательных войск[3]. Из рассказа о Пелигне видно, что других военных сил в Каппадокии не было. Сходные отряды местной милиции под командой прокураторов существовали и в других прокураторских провинциях[4]. В случае военной опасности подобные отряды собирались и в провинциях, имевших регулярные войска[5]. Применительно к Каппадокии это были, по всей вероятности, отряды выставлявшиеся отдельными представителями каппадокийской знати, а также ополчения племен[6]. В основном это были всадники: каппадокийская конница славилась на Востоке. Вспомогательные войска Каппадокии успешно боролись с местными горцами (см. об этих последних Strabo, XII, 1, 4, 535; XIV, 5, 6—7, 671), но для крупных наступательных операций они не годились. Лишь в случае крайней необходимости они придавались посылаемым из других провинций легионам[7]. Дисциплина во вспомогательных войсках оставляла желать лучшего: воины Пелигна, недовольные им, пусть справедливо, просто ушли от него[8]. Военное значение местных вспомогательных войск Каппадокии было, в целом, невелико[9].

---

[1] W. E. G w a t k i n, ук. соч., стр. 36, называет его единственным. Это тем более странно, что ниже он приводит другое — о каппадокийских вспомогательных войсках во время похода Пета в Армению (см. ниже.)

[2] T a c., Ann., XII, 49, 1: auxilia provincialium.

[3] Регулярные auxilia придавались легионам и были связаны с ними, а не с провинциями. В случае необходимости они переводились вместе с легионом из одной провинции в другую.

[4] Обе Мавретании: T a c., Hist., II, 58, 1 (в распоряжении Луккея Альбина, прокуратора обеих Мавретаний со времен Гальбы, имелись 19 когорт, 5 ал и огромный numerus Maurorum; именно эта последняя часть и соответствовала каппадокийским auxilia); Ретия: I, 68, 1—2; Норик: III, 5,2; Приморские Альпы: II, 12,3; Корсика: II, 16, 1.

[5] T a c., Ann., I, 56, 1: tumultuarias catervas Germanorum; XV, 3,2: tumultuaria⟨m⟩ provincialium manum (в Сирии при Корбулоне).

[6] Исавры, жившие на границах Каппадокии и Киликии, играли крупную военную роль еще в византийский период (см. Ф. И. У с п е н с к и й, История Византийской империи, I, стр. 330).

[7] T a c., Ann., XV, 6, 3: Pontica et Galatarum Cappadocumque auxilia во время похода Пета в Армению.

[8] T a c., Ann., XII, 49, 1: «этот Пелигн, собрав вспомогательные войска из провинциалов якобы для того, чтобы вновь завоевать Армению, грабя союзников более, чем врагов, и нуждаясь вследствие ухода своих и нападений варваров в помощи (tamquam recuperaturus Armeniam, dum socios magis quam hostes praedatur, abscessu socios magis quam hostes praedatur, abscessu suorum et incursantibus barbaris praesidii egens), приходит к Радамисту; склоненный его дарами, он даже поощряет его принять царскую инсигнию и присутствует при этом (sumentique) как покровитель (auctor) и пособник (satelles)».

[9] Бросается в глаза полное отсутствие упоминаний каппадокийских auxilia в надписях последующего времени, тогда как, например, соответствующие киликийские части встречаются, напротив, очень часто. Это, видимо, объясняется отчасти относительной слабостью военных наборов в Каппадокии, но отчасти, возможно, и тем, что основные контингенты каппадокийских вспомогательных войск набирались среди горцев расположенного на границах Киликии Тавра, которые в дальнейшем могли зачисляться в киликийские auxilia.

Известные остатки киликийского населения могли иметься и на территории самой Каппадокии. Во времена Геродота области, заселенные киликийцами, занимали почти всю территорию позднейшей Каппадокии, тогда как каппадоки, которых Геродот по большей части называет сирийцами, локализуются им на территории позднейшего Понта. Что Киликия в представлении Геродота занимала столь обширную тер-

Поэтому в случае серьезных осложнений на восточной границе в Каппадокию приходилось переводить войска из других провинций. В период армяно-парфянских войн при Нероне в Каппадокии постоянно находились большие военные силы, необходимые из-за возможности нападения парфян или для того, чтобы при удобном случае вмешаться в их междоусобия (например, во время восстания гирканов в 54—61 гг., которое помогло римлянам захватить Армению). Легко при этом показать смену легионов, гораздо труднее это сделать в отношении вспомогательных войск, тем более, что и в литературе их история изучена значительно хуже, чем история легионов. Уже накануне прибытия Корбулона в Каппадокию здесь стояли вспомогательные войска, зимовавшие, как указывает Тацит, в Каппадокии[1], но, повидимому, отличные от тех, которые находились в распоряжении Пелигна. Они были переданы Корбулону. Больше о них ничего не известно. Возможно, что они представляли собой бывший гарнизон Армении, выведенный из нее после захвата страны сперва Радамистом, а затем парфянами. Вероятно, они временно находились под начальством каппадокийского прокуратора. В дальнейшем при описании первого похода Корбулона в Армению неоднократно упоминаются вспомогательные войска[2], вероятно, среди них были и зимовавшие в Каппадокии перед прибытием Корбулона алы и когорты. Помимо этого Квадрат привел тогда Корбулону на границу Каппадокии два сирийских легиона. Однако отдельные части римских войск не стояли в Каппадокии подолгу. Они не имели постоянных лагерей. Во время похода Корбулона в Армению римские войска по меньшей мере трижды зимовали в Армении[3]. По окончании первого похода крупные военные силы были временно удалены из Каппадокии, так как Корбулон со своими тремя легионами перешел в Сирию. С возобновлением военных действий они снова здесь появились. В Каппадокию были отведены части, составлявшие гарнизон Армении. Для них «на краю Каппадокии»[4] были наскоро выстроены зимние квартиры. Вслед затем с прибытием Пета основная часть

риторию, видно из того, что, по его словам, Галис в верхнем течении проходит через Киликию, тогда как Евфрат является границей между Киликией и Арменией. Воспоминание о столь далеком протяжении территории Киликии на север сохранилось в том, что еще в римский период одна из северных каппадокийских стратегий, та самая, в которой находилась столица Каппадокии Мазак, называлась Киликией, причем возможно, что это было связано с сохранением известных групп киликийского населения на территории Каппадокии.

[1] Тас., Ann., XIII, 8,2: alae и cohortes. Термины указывают, что речь идет о более организованных вспомогательных войсках, чем те, которые имелись в распоряжении у Пелигна.

[2] Тас., Ann., XIII, 36, 1; 38, 4; 40, 2. В первом случае говорится о том, что Корбулон во время зимовки в Армении распределил по удобным местам вспомогательные когорты. Во втором — изображается строй римского войска перед предполагавшимся сражением с Тиридатом: в центре стояли легионарии, на крыльях — союзнические когорты и вспомогательные войска царей. Выражения auxiliariae cohortes и sociae cohortes у Тацита, возможно, тождественны. В третьем случае, где описывается строй римского войска перед предполагавшимся сражением под стенами Артаксаты, технические термины не употребляются, но говорится лишь о том, что тыл прикрывала тысяча всадников, а на крыльях двигались пешие стрелки и остальная часть конницы. Несомненно, и в данном случае имеются в виду вспомогательные войска. Необходимо, однако, помнить, что во всех трех случаях речь идет в первую очередь о вспомогательных войсках, приданных легионам, и лишь затем об алах и когортах, зимовавших в Каппадокии.

[3] Первая зимовка — Тас., Ann., XIII, 35,3—36, 1 (56—57 гг.), вторая — между переговорами с Тиридатом и походом на Артаксату (57—58 гг.), третья — после взятия Тигранокерты (58—59 гг.). W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 41, говорит о двух зимовках в Армении. В действительности их было не меньше трех. Возможно, была и четвертая — между последним поражением Тиридата и воцарением Тиграна (59—60 гг.).

[4] Тас., Ann., XV, 6, 2: «in extrema Cappadocia».

военных сил была снова выведена из Каппадокии в Армению[1]. Однако через год по возвращении из Армении Пет опять «зимовал по Каппадокии» (Tac., Ann., XV, 17, 2). Само выражение, употребленное Тацитом, указывает на деконцентрацию римских сил в Каппадокии. Это было связано опять-таки с отсутствием постоянных лагерей, а также с тем, что римские войска неоднократно зимовали вне Каппадокии (ср. W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 41) и между ней и Сирией происходил постоянный обмен сил. Во время второго похода Корбулона в Армению через Каппадокию опять-таки должны были проходить и временами в ней находиться значительные военные силы. В период парфянской войны Нерона, когда — точно неизвестно, на территории Каппадокии находилась ала Августа Германика, воздвигнувшая надпись прокуратору Прокулу (см. стр. 59). Вероятно, она, как и другие вспомогательные войска, состояла под начальством прокуратора. Без сомнения, какие-то военные силы должны были находиться в Каппадокии все время: этого требовала борьба с местными горцами. Однако легионы были уведены из Каппадокии, видимо, после заключения окончательного мира с Парфией[2]. В момент провозглашения императором Веспасиана Каппадокия рассматривалась как безоружная провинция (Tac., Hist., II, 81, 2). Возможно, однако, что вспомогательные войска продолжали стоять вдоль Евфрата.

Борьба за Армению при Нероне была крупным внешнеполитическим кризисом, затронувшим всю империю[3]. Войска присылались и из европейских провинций. В менее грозных обстоятельствах римское правительство ограничивалось более скромными средствами. В случае нужды отряжались римские регулярные войска из Сирии. Сирийский легат, несмотря на независимость прокуратора, имел право посылать войска в Каппадокию, как это видно на примере Квадрата. Это вытекало из особого положения легата как главнокомандующего восточной границы.

Прохождение через Каппадокию значительных военных сил не могло не оказать влияния на провинцию. Воинские части были крупными потребителями. Даже находясь временно на территории провинции, они способствовали развитию денежного хозяйства, втягивая в обмен отсталую сельскую округу, жившую до того натуральным хозяйством. Еще важнее было то, что пребывание значительных военных сил на территории Каппадокии нередко сопровождалось военными наборами в провинции. Местные наборы проходили под руководством прокуратора. Постоянные наборы в Каппадокии имели место в период борьбы за Армению при Нероне. Уже во время подготовки к первому походу ослабленные отставками легионы пополнялись из Галатии и Каппадокии[4].

[1] W. E. G w a t k i n, ук. соч., стр. 41, считает, что Пет, не дождавшись окончания постройки вышеупомянутых зимних лагерей «in extrema Cappadocia», двинулся в Армению, намереваясь зимовать в Рандее; в действительности о пренебрежении Пета к укреплению своих hibernacula говорится после рассказа о переходе через Евфрат, и следовательно под этими hibernacula подразумевается именно рандейский лагерь Пета.

[2] W. E. G w a t k i n, ук. соч., стр. 42. В другом месте, однако, W. E. Gwatkin (стр. 55) склонен, повидимому, связывать удаление легионов из Каппадокии с отъездом Корбулона, который произошел, по всей вероятности, значительно раньше. Разумеется, не все легионы, участвовавшие во втором походе Корбулона, стояли в Каппадокии; часть их (например, III Gallica) до заключения окончательного мира составляла гарнизон Армении.

[3] Ср. Ф. Я. К о с ь к е, Армянский поход Нерона и сопротивление народов Востока римской агрессии (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук), М., 1951, стр. 11—12.

[4] T a c., Ann., XIII, 35, 2; ср. XIII, 7, 1. Разумеется, в легионы принимались, как правило, римские граждане, жившие в провинциях; их было довольно много в Галатии с ее восемью колониями и гораздо меньше в Каппадокии, где была только одна колония. Поэтому возможно, что иногда приходилось прибегать к зачислению в легионы пере-

Многие жители Каппадокии были приняты в легионы. Как относилось население Каппадокии к наборам — сказать трудно, тем более, что о римских наборах в Каппадокии в этот период известно очень мало — имеется лишь краткая заметка у Тацита. Вряд ли каппадокийцы относились к этим наборам особенно отрицательно. Во всяком случае, ничего не известно о каких-либо восстаниях, подобных имевшим место, например, во Фракии. Это может объясняться отчасти тем, что каппадокийцам не приходилось служить далеко от своей страны (не дальше Армении). Действительно, попытки перевести войска из одной провинции в другую бывали неоднократно в истории Римской империи причиной военных мятежей. С другой стороны, для большинства провинциалов зачисление в римские войска было единственным путем к повышению своего политического статуса. Служившие в регулярных вспомогательных войсках получали римское гражданство при отставке, в легионах — даже при вербовке (что имело место, разумеется, значительно реже). Превращение провинциалов в римских граждан, долговременное пребывание их в военной среде, обычно этнически очень пестрой, в которой единственными связующими звеньями были принадлежность всех к римской армии, латинский язык, остававшийся повсюду и всегда единственным командным языком римской армии, римские обычаи, римская и притом именно солдатская религия, наконец, как завершение всего этого, наделение отслуживших свой срок ветеранов участками земли в пределах Каппадокии — все это не могло не оказать известного влияния на романизацию провинции[1]. Некоторую роль в этом отношении должна была сыграть и большая стратегическая дорога из Вифинии через Тианы в Сирию, проходившая через Каппадокию и способствовавшая известной романизации прилегавших к ней территорий. Как именно конкретно шел процесс романизации, какую роль играли возвращавшиеся ветераны и т. д. — сказать трудно ввиду скудости эпиграфического материала. К тому же значительный шаг в сторону романизации был сделан лишь в 70—80 гг. I в. н. э., когда стали возвращаться в качестве ветеранов жители Каппадокии, зачисленные в римские войска во время войн за Армению при Нероне, т. е. в период, лежащий за пределами хронологических рамок данной статьи. Здесь достаточно указать, что в дальнейшем Каппадокия (с Малой Арменией) была одной из немногих стран эллинистического Востока, где наряду с греческим известное распространение получил и латинский язык. Это было результатом того, что со времени Флавиев здесь находились единственные в Малой Азии лагери легионов.

Таким образом, гарнизон Каппадокии органичивался местными вспомогательными войсками, однако в периоды серьезных осложнений на восточной границе, особенно во время армяно-парфянских войн при Нероне, в Каппадокии подолгу находились и через нее постоянно проходили весьма значительные военные силы, в том числе и легионы.

Историческую судьбу Каппадокии при Юлиях и Клавдиях можно проследить лишь в связи с судьбой других областей римского Востока. При Тиберии положение страны, повидимому, существенно не изменилось по сравнению со временем превращения ее в провинцию. При Гае на Востоке в целом наступили большие перемены. Гай начал систематически восстанавливать зависимые царства, уничтоженные Тиберием (Dio, LIX, 8, 2). Каппадокии, однако, эти реформы не коснулись. Одной из при-

гринов, наделяемых специально для этого римским гражданством. Целью Корбулона было максимальное обновление небоеспособных сирийских легионов.

[1] О влиянии военных наборов на романизацию провинций ср. Е. М. Штаерман, ВДИ, 1952, № 2, стр. 106.

чин сохранения Каппадокии провинцией было отсутствие влиятельного претендента. Архелай II к этому времени или умер, или находился в немилости у Гая. Что касается детей дочери Архелая I Глафиры и Александра, сына Герода, то Тигран был недавно казнен (Ios., AI, XVIII, 139; Tac., Ann., VI, 40, 2), а об его брате Александре ничего не известно. Сын Александра Тигран, позднее царь Армении Тигран VI [1], жил в это время в Риме. Эта семья, очевидно, также не высказывала притязаний на Каппадокию. Однако отсутствие претендента не было ни единственной, ни даже основной причиной сохранения Каппадокии провинцией, так как за это говорили веские военные соображения и размеры доходов с Каппадокии, которые поступали в императорский патримоний. К тому же восстановление царств обходилось правительству дорого. По системе Калигулы правителям возвращались доходы с их областей, поступившие в Рим за время провинциального управления (Suet., Cal., 16, 3). При финансовой ценности Каппадокии возвращение в случае необходимости доходов с нее легло бы тяжелым бременем на императорскую казну, тем более, что Гай стремился приобрести популярность сокращением налогов в Италии [2]. Таким образом, сохранение Каппадокии провинцией при Гае объяснялось отсутствием влиятельного претендента, военной и финансовой ценностью Каппадокии.

При Клавдии Каппадокия остается прокураторской провинцией, и, хотя для прокураторских провинций была характерна большая устойчивость прежних общественных отношений, в стране все же наблюдается некоторый прогресс романизации. Архелаида становится колонией. При Нероне в связи с начавшейся борьбой за Армению сильно возрастает военное значение Каппадокии. Корбулон и Пет, хотя они и не были легатами Каппадокии, постоянно имели ее как базу для своих операций в Армении. На территории Каппадокии все время находились большие военные силы. Более того, Каппадокия временами обращается в центр римского Востока, так как главнокомандующему, находящемуся в Каппадокии или опирающемуся на нее в своих операциях в Армении, подчиняются зависимые государства[3]. Так подготавливался перевод Каппадокии в число императорских провинций первого ранга.

Превращение Каппадокии из прокураторской провинции в легатскую происходит, видимо, при Отоне и окончательно при Веспасиане. Действительно, значительные перемены в положении Каппадокии имели место

---

[1] W. E. G w a t k i n, ук. соч., стр. 33: Тигран V. Видимо он упускает из виду Тиграна I (см. С. Т. Е р е м я н, Объединение армянских земель в единое государство, ИАрмН, I, стр. 35).

[2] В один год с восстановлением зависимых царей — уничтожение ducentesima auctionum для Италии (S u e t., Cal., 16,3). Доказательство — монеты 39—40 гг.: H. C o h e n, Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées Médailles Imperiales, I², стр. 227, № 5—7; H. M a t t i n g l y, Roman Imperial Coinage, I, стр. 118. Ducentesima auctionum—сокращенная вдвое centesima rerum venalium, упоминаемая у Тацита, основанием для сокращения которой послужили как раз доходы с Каппадокии, превращенной тогда только что в провинцию.

[3] T a c., Ann., XIII, 8, 2: приказ союзным царям подчиняться в зависимости от хода войны Корбулону, находившемуся в Каппадокии, или Квадрату, легату Сирии; XII, 37, 3: Корбулон предлагает Антиоху Коммагенскому вторгнуться в Армению. W. E. G w a t k i n, ук. соч., стр. 42, ссылается еще на T a c., Ann., XIII, 7; XIV, 26. Однако в первом случае говорится о распоряжении Нерона Агриппе и Антиоху подготовить войска на случай войны с Парфией и о назначении царем Малой Армении Аристобула и царем Софены Согема, причем все это относится ко времени до назначения Корбулона, а во втором — о разделе пограничных земель Армении между Фарасманом, Полемоном, Аристобулом и Антиохом, причем роль Корбулона в этом совершенно не ясна. Тем не менее факт подчинения зависимых царей главнокомандующему в Каппадокии несомненен.

уже во время гражданской войны 68—69 гг. Ею после долгого промежутка времени [1] снова стали управлять легаты [2]. Нововведение это принадлежало, видимо, Отону [3]. Очевидно, Отон стремился таким образом укрепить свое положение в азиатских провинциях, тем более, что легатом Галатии и Памфилии был Кальпурний Аспренат, ставленник Гальбы [4].

Окончательный перевод Каппадокии в число императорских провинций первого ранга относится ко времени Веспасиана. При нем, по словам Светония (Vesp., 8, 4), Каппадокией стал управлять вместо римского всадника консуляр. Вместо одного главнокомандующего на восточной границе появилось три: к сирийскому легату прибавились легаты Каппадокии и Иудеи (ср. Т. Моммзен, ИР, V, 401).

В 72 г. Каппадокия была соединена с Галатией [5] и во главе этой новой провинции был попрежнему поставлен легат консульского ранга. Каппадокией со времени Веспасиана постоянно управляли консуляры, а не претории [6]. Во II в. наместником Каппадокии, впрочем уже отделенной от Галатии, был, между прочим, известный писатель Флавий Арриан.

---

[1] Со времен Тиберия, когда Каппадокией короткое время управлял легат Германика Вераний (см. стр. 54). W. S c h u r, ук. соч.,стр. 93, ошибается, полагая, что до 66 г. Каппадокия была провинцией Корбулона и, таким образом, управлялась легатом.

[2] T a c., Hist., II, 81, 2: «сколько ни омывается морем провинций вплоть до Азии и Ахайи и сколько ни простирается внутрь к Понту и армениям, присягнули [Веспасиану]; но ими управляли безоружные легаты, так как Каппадокии еще не были приданы легионы». Данные Тацита относятся к 69 г. Одним из безоружных легатов был, несомненно, легат Галатии и Памфилии, которые в это время были соединены и в которых никогда не было легионов. Однако легатов должно было быть по меньшей мере два, так как у Тацита употреблено множественное число. Второй легат мог быть только легатом Каппадокии. Свидетельство Светония о замене римского всадника в качестве наместника Каппадокии консуляром при Веспасиане этому не противоречит, так как он имеет в виду нормальный порядок, а не исключительные условия, сложившиеся во время гражданской войны.

[3] T a c., Hist., I, 78, 1: Отон предоставил Каппадокии «новые права... более напоказ, чем на длительное время».

[4] T a c., Hist., II, 9, 1; ср. W. E. G w a t k i n, ук. соч., стр. 55; А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи, стр. 104.

[5] L. H o m o, Le Haut-Empire, HG, I, 3, 3, 1941, стр. 369, определяется состав новой провинции: Каппадокия + Галатия + Малая Армения. Как будет показано ниже, в нее входили еще некоторые мелкие области.

[6] F. C u m o n t, Le gouvernement de Cappadoce sous les Flaviens, ARB, BCL, 1905, № 4, стр. 197—212, сомневается в показаниях Светония о том, что наместниками Каппадокии были консуляры, ссылаясь на отсутствие свидетельств о более, чем одном, легионе в Каппадокии до весьма позднего времени и на наличие здесь при Флавиях легатов преторского ранга (а не консульского). Относительно легионов будет сказано ниже; вероятно, на территории каппадокийского комплекса с самого начала стояли два легиона. Легаты преторского ранга: Тиберий Юлий Кельс Полемеан (ILS, III, 2, 8971; АЁр., 1905, № 120), Гай Антий Авл Юлий Квадрат (OGIS, II, 486 = ILS, II, 2, 8819). Надпись из Тлоса (CIG, III, 4238d = IGRR, III, 550) не может быть серьезным аргументом против того, что Квадрат был в Каппадокии легатом преторского ранга. Наличие легатов преторского ранга в этот период в Каппадокии несомненно. Однако возможно, что они были не самостоятельными правителями Каппадокии, но подчинялись ее наместнику. Доказательством этого предположения может служить то, что Полемеан современен легату за претора консульского ранга Марку Гиррию Фронтону Нератию Пансе (IGRR, III, 223). В данном случае трудно согласиться с Кюмоном, который, датируя наместничество Нератия Пансы 79 г. и считая, что он был сперва легатом Веспасиана, а потом легатом Тита, отвергает одновременность его с Полемеаном, легатство которого датируется им 77—78 гг. (между Гнеем Помпеем Коллегой в 76 г. и Нератием Пансой в 79). Слова divorum Vespasiani et Titi, θεοῦ Οὐεσπασιανοῦ καὶ θεοῦ Τίτου в надписи в честь Полемеана указывают, по его мнению, на соправительство Веспасиана и Тита, а не на смену одного другим. Между тем немедленно по освобождении от легатства в Каппадокии, в которой Полемеан выступал как представитель Веспасиана и Тита, он стал легатом легиона IV Scythica, которым он командовал как представитель Тита и Домитиана. Естественно поэтому предположить, что Полемеан был переведен из Каппадокии в Сирию, где стоял легион IV Scythica при Тите, и что, та-

Превращение Каппадокии в легатскую провинцию объяснялось усложнением обстановки на восточной границе (потеря фактического влияния в Армении, аланская опасность) и сопровождалось установлением постоянного гарнизона в Каппадокии из двух легионов. Действительно, передачу Каппадокии в управление консулярам Светоний связывает с увеличением войск в Каппадокии, причиной чего были постоянные набеги «варваров» (см. стр. 55, прим. 4). Этими «варварами» были, в первую очередь, местные горцы, всегда достаточно активные и, вероятно, еще более увеличившие свою активность во время гражданской войны, но не только они, так как для борьбы с ними раньше хватало вспомогательных войск. Во времена Веспасиана сильно возрастает опасность со стороны аланов; наибольшей остроты она достигает как раз в 72—75 гг. Возможно, что аланы, как во времена Арриана, угрожали и Каппадокии. К тому же местные жители соседних с Каппадокией областей под давлением аланских набегов, как впоследствии готы под давлением гуннов (см. Н. А. Машкин, ИДР [2], стр. 623), могли часто переходить Евфрат и вторгаться в Каппадокию. Наконец, осложнения могли возникнуть и со стороны Парфии. Каппадокия при Веспасиане стала в еще большей мере пограничной провинцией, чем раньше. Соприкасавшиеся с границей зависимые царства — Полемоновский Понт, Малая Армения, Коммагена — были упразднены. Софена слилась с Великой Арменией, а эта последняя фактически перешла под влияние Парфии. Вплоть до времен Домитиана, когда произошло разделение Галатии и Каппадокии и северо-восток Малой Азии отошел к Галатии, под контролем наместника каппадокийского комплекса находилась вся восточная граница к северу от Сирии.

В таких условиях было необходимо полное изменение военной организации. Со времен перевода галатских солдат Дейотара в Египет, где они превратились в XXII легион, в Малой Азии на всем протяжении от Зевгмы до Черного моря не было легионов. Это не только ослабляло империю перед лицом Парфии, но и затрудняло, в известной мере, контроль над племенами Тавра (см. стр. 63). В случае необходимости отряды легионариев (вексиллатионы или целые легионы) присылались из Сирии. Накануне парфянской войны 50—60 гг. I в. легионов в Каппадокии не было, однако в ходе этой войны, начиная с получения Карбулоном двух сирийских легионов в Эгах (Tac., Ann., XIII, 8, 3), в Каппадокию переводятся и в ней постоянно находятся большие военные силы. В первое время после парфянской войны, возможно, часть легионов продолжала пребывать в Каппадокии. Во всяком случае в распоряжении Корбулона, который сохранил верховное командование по меньшей мере до начала 66 г., оставались дунайские легионы (V и XV), временно переведенные на Восток. Разумеется, часть легионного войска, находившегося в распоряжении Корбулона, стояла в Армении (например, III Галльский легион), часть была переведена в Сирию, так что, что́ именно приходилось на долю Каппадокии, сказать трудно. После окончательного мира с Тиридатом войска из Каппадокии были выведены[1]. Во время гражданской войны

ким образом, в 79 г., в момент смерти Веспасиана, в Каппадокии находились и Полемеан и Нератий Панса, а это и требовалось доказать. К тому же Тит при жизни Веспасиана не был Августом (первым соправителем, имевшим титул Августа, был Луций Вер), и потому трудно думать, чтобы Тит как соправитель мог выступать в надписях в равном положении с Веспасианом.

[1] Это положение отразилось в таблице Иосифа. W. Schur, ук. соч., стр. 100, считающий, что таблица Иосифа отвечает положению после 70 г., удивляется тому, что Каппадокия показана лишенной войск, несмотря на легион в Мелитене. Однако Иосиф отражает здесь то реальное положение вещей, которое имело место в начале Иудейской

легионов в Каппадокии не было (см. стр. 55, прим. 4; 64—65; 68, прим. 2). Постоянный гарнизон из легионов Каппадокия получила после утверждения у власти Веспасиана (см. стр. 55, прим. 4). Это произошло, видимо, в 70—72 гг. Легионов было два[1]. Одним из них был легион XII Фульмината, переведенный Титом после разрушения Иерусалима в 70 г. из Сирии в Мелитену[2]. Второй легион, повидимому, с самого начала стоял в Сатале в Малой Армении. Определенных упоминаний об этом легионе до Адриана нет; при нем здесь стоял XV Аполлоновский. XII Фульмината и XV Аполлоновский легионы находились в Каппадокии во времена Диона (LV, 23,5). Однако, хотя XV Аполлоновский легион, переведенный из Паннонии, и участвовал в Парфянской и Иудейской войнах, он по окончании военных действий не был оставлен на Востоке[3]. Видимо, в Каппадокии сначала стоял новосозданный XVI Флавиев легион, местоположение которого неизвестно; многие исследователи склонны помещать его на севере каппадокийского комплекса[4]. Таким образом, каппадокийско-понтийская провинция (после соединения Каппадокии с Галатией принадлежавший к этой последней Понт соединился тем самым с Каппадокией) получила два легиона — в Мелитене и Сатале. Расквартирование одного из них на севере каппадокийского комплекса объясняется опасностью со стороны аланов. Перевод легионов на постоянную стоянку в Каппадокию сопровождался устройством лагерей в Мелитене и Малой Армении. Строились укрепления. Таким образом, с самого начала на восточной границе Малой Азии были поставлены два легиона.

Территория провинции Каппадокии при Веспасиане на первых порах была та же, что и в последний период прокураторского управления: она охватывала собственно Каппадокию и Киликию. Напротив, восток Понта с Трапезунтом, представлявшим собой стоянку флота и операционный базис войск, был в 63 г. присоединен не к Каппадокии, а к Галатии[5]. Поэтому для того, чтобы создать объединенную кападокийско-понтийскую провинцию, под контролем наместника которой находилась бы вся восточная граница к северу от Сирии, римское правительство должно было соединить Каппадокию с Галатией.

войны; legio XII Fulminata была переведена в Мелитену в 70 г. (I o s, BI., VII, 18). Этот легион, принимавший активное участие в Иудейской войне, Иосиф не мог применительно к июню 66 г. поместить в Мелитену.

[1] Не только Светоний, но и Тацит употребляет применительно к Каппадокии множественное число legiones. Правда, вполне определенных свидетельств в пользу наличия в Каппадокии более чем одного легиона до сравнительно позднего времени действительно нет, но и это не является бесспорным аргументом, поскольку, как будет показано ниже, один из созданных Флавиями легионов не имеет твердой локализации.

[2] I o s., BI, VII, 18 (см. стр. 69, прим. 1). К начальному периоду пребывания легиона XII Fulminata в Мелитене относится надпись CIL, III, suppl., 1, 6745, к сожалению, не имеющая точной даты, упоминающая vexillatio этого легиона в Трапезунте. Позднее vexillatio должна была бы быть взята из другого легиона, стоявшего на севере каппадокийского комплекса, ближе к Трапезунту. Возможно, что это была та самая vexillatio, которая была послана Веспасианом для подавления восстания Аникета (см. А. И. Б о л т у н о в а, Восстание Аникета, ВДИ, 1939, № 2, стр. 57; 63).

[3] Т. М о м м з е н, ИР, V, стр.358, считал, что XV Apollinaris с самого начала составила часть гарнизона Каппадокии; в действительности она была переведена обратно в Паннонию (I o s., BI, VII, 117; перестройка лагеря в Карнунте, завершенная в 73 г.: CIL, III, suppl., 3, 11194—11196). В Каппадокию легион был переведен снова скорее всего во время восточной войны Траяна и оставлен там на постоянное время Адрианом (засвидетельствован для Каппадокии впервые в конце правления Адриана Аррианом).

[4] Однако Т. М о м м з е н, ИР, V,стр. 358, считает новый легион XVI Flavia firma входившим с самого начала в состав гарнизона Сирии; L. H o m o, HG, I, 3, 3, 369, помещает его в Самосату (в Коммагене), т. е. причисляет его также к сирийским легионам.

[5] Т. М о м м з е н, ИР, V, стр. 276 и 282, неправильно считал, что Полемоновский Понт был с самого начала присоединен к Каппадокии.

Так возник каппадокийский комплекс. В него входили Каппадокия, Галатия, Понт Галатский, Понт Полемоновский, Писидия, Фригия, Ликаония, Исаврия, Пафлагония и Малая Армения. Состав новой провинции известен по надписям[1]. Во главе ее стоял легат. Возникновение новой провинции относится к 72 г.[2] Создание комплекса должно было обеспечить более действенную оборону северного участка восточной границы. Как раз с 72 г. особенно усиливается напор аланов на страны Передней Азии. Создание комплекса сопровождалось уничтожением зависимых царств, реорганизацией военного управления Каппадокии и наступлением на Кавказ. К 75 г. относится мцхетская надпись, сообщающая о постройке римлянами укреплений для иберского царя Митридата[3].

Комплекс просуществовал до времен Домитиана. При Домитиане Галатия и Каппадокия были снова разделены, причем северо-восток, видимо, отошел к Галатии. Домитиан, вероятно, боялся сосредоточения столь большой территории под властью одного наместника из сенаторов. К этому времени, возможно, относится надпись Соспита[4].

Таким образом, необходимость сосредоточения всей восточной границы под надзором одного наместника повела к соединению Галатии и Каппадокии и созданию так называемого каппадокийского комплекса, который продолжал существовать до времен Домитиана, когда он снова был разделен на Галатию и Каппадокию, причем северо-восток Малой Азии отошел опять к Галатии.

Необходимо подвести некоторые итоги. На примере Каппадокии можно проследить многие особенности римской политики в Восточном Среди-

---

[1] CIL, III, 1, 318; ILS, III, 2, 8971; AÉp., 1905, № 120; W. M. Ramsay, Studies in the Roman Province Galatia, JRS, XIV, 1924, стр. 180.

[2] M. H. Griffin, ук. соч., 24 слл., на основании того, что XII легион был переведен в Мелитену в 70 г. (см. стр. 69, прим. 1), относил образование комплекса к 70—71 гг. Однако Малая Армения была превращена в провинцию не ранее 72 г. К тому же комплекс был, вероятно, создан после того, как в Каппадокию были поставлены два легиона (создание комплекса имело, как будет показано ниже, чисто военные цели). Между тем второй легион, стоявший в Малой Армении, не мог быть поставлен туда до превращения ее в провинцию, т. е. до 72 г. Что такой период, когда в Каппадокии имелся всего один мелитенский легион, действительно был, показывает упоминавшаяся выше vexillatio, стоявшая в Трапезунте (см. стр. 70, прим. 2). Подразделение мелитенского легиона могло попасть в Трапезунт лишь до появления другого легиона в Малой Армении (видимо, XVI Flavia firma).

[3] См. А. И. Амиранашвили, Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии), ВДИ, 1938, № 4, стр. 161.

[4] CIL, III, suppl., 1, 6818: leg[ato] Aug[usti] pro pr[aetore] provinc[iae] Gal[atiae] Pis[idiae] Phryg[iae] Luc[aoniae] Isaur[iae] Paphlag[oniae] Ponti Galat[ici] Ponti Polemoniani Arm[eniae]. К сожалению, датировка надписи Соспита не вполне ясна. Рассматриваемую должность он получил после сарматской и свебской экспедиции. Это могло быть при Веспасиане, Домитиане и Антонине Пии. При Антонине Пии сомнительно соединение этих территорий в одну провинцию. К тому же в это время Южная Ликаония и Исаврия относились к Киликии. Отсутствие Каппадокии показывает, что надпись не может быть отнесена ко времени Веспасиана. W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 62, правда, полагает, что это, может быть, ошибка; но вряд ли резчик пропустил бы важнейшую из составных частей каппадокийского комплекса. Ко времени до образования комплекса надпись нельзя отнести вследствие упоминания должности curator coloniarum et municipiorum; должности этого типа возникли во всяком случае не ранее времени Флавиев. Ссылка W. E. Gwatkin'a, ук. соч., стр. 62, на то, что Малая Армения не была провинцией до 72 г., сама по себе неубедительна: все перечисленные области были провинциями между 23 и 38 гг. Таким образом, наиболее вероятной датировкой остается датировка временем Домитиана. W. E. Gwatkin, ук. соч., стр. 62, считает, что отсутствие Каппадокии не позволяет отнести надпись ко времени между Веспасианом и Траяном; он, однако, упускает из виду, что Галатия и Каппадокия были разделены в конце правления Домитиана, причем северо-восток Малой Азии относился скорее всего не к Каппадокии, как со времен Траяна, а к Галатии. Провинцией Галатией со всем, к ней относящимся, видимо, в последние годы Домитиана, и управлял Соспит.

земноморье на протяжении первого столетия империи: сохранение до определенного времени системы зависимых царств, которое с необходимостью вытекало из уровня развития пограничных областей римского Востока, постепенное, но по большей части весьма медленное распространение муниципальной организации, которое позволяло кое-где заменять царское управление провинциальным, слабость римских военных сил на Востоке, отсутствие какого-либо определенного плана провинциализации восточных областей и постоянная зависимость римской политики на Востоке от совокупности конкретных причин, определявших ту или иную политическую ситуацию, стремление опереться на местную знать, методы, которыми пользовалось римское правительство при невозможности сохранения царской власти и невозможности одновременно с этим снабдить новую провинцию достаточным количеством военных сил и дать ей такую организацию, которая, как правило, могла быть создана лишь при известном развитии городского строя. История Каппадокии в период прокураторского управления показывает, как нарастание внешней опасности со стороны парфян, а затем со стороны аланов заставляло, а постепенное развитие муниципального строя позволяло изменить военную и политическую организацию Каппадокии, как эти изменения протекали сперва в виде экстраординарных и случайных мероприятий под давлением конкретных причин и как лишь внутренний кризис, завершивший постепенное нарастание изменений в социально-политическом строе всей империи, позволил закрепить те коренные сдвиги в военно-политической организации Каппадокии, которые подготовлялись на протяжении предшествующего периода, придать Каппадокии легионы и превратить ее в императорскую провинцию первого ранга. Вместе с тем история Каппадокии в этот период показывает, какое большое значение имела эта провинция в восточной политике Римской империи на протяжении I в. н. э. и как это значение неуклонно возрастало на протяжении полустолетия с лишним от Тиберия до Веспасиана.

Т. Д. Златковская

ПЛЕМЕННОЙ СОЮЗ ГЕТОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ БИРЕБИСТЫ (I В. ДО Н. Э.)

В современной науке все еще остается невыясненным вопрос о характере общественного и экономического строя того политического объединения, которое возникло под руководством Биребисты в середине I в. до н. э. на огромном пространстве от Большой Средне-Дунайской низменности до Буга, от Карпат до Балканских гор, и стало грозным противником Рима.

Одни ученые вообще не занимаются исследованием социально-экономического строя союза, возглавлявшегося Биребистой, и, хотя употребляют по отношению к нему термины «Staat», «puissance», «Reich», «empire»[1], однако, повидимому, не вкладывают в эти выражения определенного социального смысла. К. Дайковичу, касающийся этого вопроса в связи с археологическим исследованием дакийских поселений и крепостей в юго-западной Трансильвании, которые он датирует I в. до н. э. — I в. н. э., полагает, что эти крепости были центрами гетского примитивно-рабовладельческого государства[2].

Напротив, Т. В. Блаватская, Н. Ф. Мурыгина и автор настоящей статьи[3] полагали, что объединение гетов I в. до н. э. следует считать союзом племен. Однако свое мнение эти авторы никак не аргументировали, поскольку они касались этого вопроса лишь мимоходом.

*

Прежде чем приступить к изложению социально-политической истории гетских и дакийских племен, составлявших основное этническое ядро гетского союза I века до н. э., хотелось бы остановиться на выяснении этнической взаимосвязи между этими племенами[4].

Дело в том, что в определении этнического состава объединения, возглавленного Биребистой, данные античных авторов расходятся:

---

[1] V. Pârvan, Getica, O protoistorie a Daciei, MSI, сер. III, т. 3 (1926), стр. 732; C. Patsch, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, SBWA, т. CCXIV (1932), стр. 42, 46; G. G. Brandis, Burbista, RE, III, стб. 2903; R. Vulpe, La Dobroudja, Bucarest, 1938, стр. 97—98.

[2] SCIV, 1953, № 1—2, стр. 209—212 и Доклад на секции античной археологии пленума ИИМК в апреле 1953 г., ВДИ, 1955, № 1, стр. 193.

[3] Т. В. Блаватская, Западно-понтийские города в VII—I в. до н. э., М., 1952, стр. 172; Н. Мурыгина, Фракия и Рим, М., 1951 (автореферат диссертации); Т. Д. Златковская, Мёзия в I—II вв. н. э., М., 1951, стр. 7.

[4] Этот вопрос был поставлен еще В. В. Латышевым, Исследования об истории и государственном строе Ольвии, СПб., 1887, стр. 154 сл.

одни говорят о гетском союзе и считают Биребисту гетом, другие, описывая те же самые события, называют союз под руководством Биребисты дакийским, а его самого — даком. В связи с этим остается выяснить, гетские или же дакийские племена составляли основное население территорий, расположенных к северу от Дуная (Нижне-Дунайская и Средне-Дунайская низменности и Карпаты) в I в. до н. э.

Сопоставление текстов, проливающих свет на этот вопрос, показывает, что все греческие авторы, которые описывали события за Дунаем, происходившие в III—I вв. до н. э., вплоть до времени Диона Кассия (II—III вв. н. э.), считали основным населением этих территорий гетов. Так, Дион Хрисостом (XXXVI, 4, 5 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 229), специально занимавшийся историей гетов, говорит об их походах к северу от Дуная во времена Биребисты; Аппиан сообщает, что Персею пришлось столкнуться с гетами, жившими за Дунаем, и что Цезарь перед смертью собирался в поход за Дунай на гетов (Illyr., 13; BC, III, 25); Павсаний (I, 9, 6) и Арриан (Anab., I, 3, 5) свидетельствуют о столкновениях греков с гетами за Дунаем в эллинистическое время и т. д.

Упоминание же о даках относится к рубежу нашей эры и встречается только в латинских источниках. Впервые[1] упоминает о них Юстин (I в. до н. э.), который начинает свое повествование словами, как бы объясняющими читателю появление нового этнического наименования: «Даки являются потомками гетов» (XXXII, 3, 16). В дальнейшем, во II в. н. э., у Флора и Светония термин «даки» в применении к задунайским фракийцам полностью уже вытесняет наименование «геты». И тот и другой, сообщая о событиях за Дунаем в I в. до н. э. — I в. н. э., называют даками именно те племена, которые в греческой историографии, современной им и более ранней, именовались гетами. Очевидно, в греческой историографии, связанной с издревле установившейся традицией[2], дольше удержалось более древнее наименование задунайских фракийцев гетами, тогда как в латинской, начиная с I в. до н. э. и особенно с начала столкновения их с римлянами при Домициане и Траяне, утвердилось для них новое наименование — даки[3]. Очень четко эта мысль сформулирована у Плиния, который сообщает, что к северу от Истра прибрежные местности занимали «то геты, у римлян называемые даками (разрядка моя — *Т.З.*), то сарматы» (IV, 80 = ВДИ, 1949, № 2, стр. 278).

Появление нового термина может быть объяснено при помощи текста Страбона, который сообщает (VII, 3,13 и VII, 3,12), что в древнейшие времена на крайнем северо-западе распространения фракийцев у истоков Истра существовало одно из фракийских племен — племя (очевидно, в узком смысле этого слова) даков. Трудно объяснить, почему имя даков заменило впоследствии более раннее название задунайских фракийцев —

---

[1] О даках упоминается еще у Цезаря (BG, VI, 25), однако глава 25 VI книги считается более поздней интерполяцией (см. комментарий М. М. Покровского к «Запискам о Галльской войне», АН СССР, 1948, стр. 485).

[2] Ни у Геродота, ни у Фукидида не упоминаются даки. Гетов же они упоминают оба, локализуя их по эту сторону Истра, т. е. к югу от нижнего течения Дуная (Her., IV, 93; Thuc., II, 96, 1). Земли к северу от Истра Геродот (IV, 99) считает Скифией и не упоминает ни гетов, ни даков, ни вообще каких-либо фракийцев, что следует объяснить политической обстановкой его времени: в V в. границы Скифии простирались от Истра до Меотиды (Б. Н. Граков, Каменское городище, МИА, 36, 1954, стр. 22).

[3] В официальной римской терминологии иногда еще сохранялось старое наименование: Лентул, проведший в начале I в. н. э. удачную экспедицию за Дунаем, получает triumphalia de Getis, которые были установлены в 12 г. до н. э. Однако в Res gestae Divi Augusti упоминаются [D]a[cor]um exercitus и Da[cor]um gentes (гл. 30 и 31).

«геты». Можно лишь высказать предположение, что они удачно отразили натиск кельтских племен в I в. до н. э. и приобрели значительный вес среди других северных фракийцев, следствием чего и было распространение их имени и на другие фракийские племена.

У Диона Кассия, единственного автора, оставившего нам более или менее подробную историю дакийских войн начала II в. н. э., потомки гетов уже постоянно называются даками. Наименование «геты» совершенно отсутствует у этого автора даже для тех племен, которые живут к югу от Истра (LI, 6—8). Очевидно, имя даков к III в. н. э. продолжало распространяться и захватывало новые и новые ветви фракийских племен. Характерно, однако, что и в III в. н. э. еще не изгладилась память о гетах и о том, что потомки современных даков носили это наименование: Дион Кассий со свойственной ему добросовестностью останавливается на этом вопросе и, прежде чем излагать ход событий, оговаривается, что он называет «даками тех, которые сами себя так называют и как римляне их называют», хотя он хорошо знает, «что некоторые эллинские писатели называют их гетами, правильно это или нет» (LXVII, 6, 2). Отголоски старого наименования задунайских фракийцев гетами сохранились и в категорическом утверждении Диона Кассия о том, что даки «являются или ветвью гетов, или фракийцев дакийского племени» (LI, 22, 8).

Таким образом, мы приходим к выводу, что к изучаемому периоду времени изменение наименования задунайских фракийцев не следует связывать с какими-либо передвижениями племен или же с завоеваниями и сменой одного племени другим. Очевидно, изменено было только наименование: имя даков, принадлежавшее ранее лишь одному из западных северофракийских племен, распространилось на потомков тех, которые ранее именовались гетами. Поэтому термин «гето-даки», имеющий хождение в румынской литературе, можно считать вполне приемлемым для времени с I в. до н. э.[1].

Приблизительные границы собственно гетских территорий очерчены у Страбона (VII, 3, 1). Линия распространения гетов на северо-западе и востоке идет от места резкого поворота Дуная к югу (в области современного Будапешта), по границам Геркинского леса (т. е. по горам, расположенным от этого поворота Дуная до Карпатских гор), касаясь подошвы гор и занимая некоторую часть их, а затем к северу до реки Тираса (Днестра). В полном соответствии с этим текстом находится другое сообщение Страбона (VII, 3, 13) о том, что через область гетов протекает река Марис (современный Марош), которая, как известно, впадает в Тиссу и несет свои воды через Трансильванию и Банат. Здесь же в Трансильвании, Банате и Валахии обнаружено большинство кладов с вещами гето-фракийского стиля, дакийских монет и мощные крепости и укрепления, связываемые всеми исследователями с гето-даками.

К югу от Истра собственно гетские территории простирались до Балканских гор[2], река Asamus (совр. Осым) являлась здесь, на юге, западной границей их распространения (Ptol., III, 10, 9).

*

Северофракийские племена значительно позже, чем южнофракийские, стали известны греческим историкам. До V в. до н. э. сведений о них нет.

---

[1] Так как в дальнейшем в основном речь будет идти о периоде до I в. до н. э., то мы предпочли именовать северофракийские племена гетами.

[2] Thuc., II, 96; Strabo, VII, 3, 2; Cass. Dio, LI, 27; LXVII, 6; Ovid., Ex Ponto, passim; Tristia, passim.

Первые упоминания о гетах у Геродота (IV, 93—96) и Фукидида (II, 97 и 98) не дают сколько-нибудь подробных сведений о социально-политической структуре этих племен. Указание Геродота на то, что геты вели «жалкую жизнь», слишком неопределенно, чтобы можно было делать какие-либо заключения, кроме того, что они стояли на более низком, по сравнению с греками, уровне развития. Однако вне сомнения то обстоятельство, что среди членов гетских племен во времена Геродота уже имело место расслоение и знатные пользовались большим почетом и уважением (Her., IV, 95)[1].

Археологические памятники, обнаруженные болгарскими и румынским археологами на территории распространения гетских племен, дают некоторую возможность дополнить сведения о них Геродота и Фукидида. Геты находились в это время на той стадии развития материальной культуры, которая в Карпато-Дунайских областях характеризуется появлением первого железного оружия, при продолжающемся бурном развитии форм медных и бронзовых орудий труда (ранняя железная эпоха). Развитие последних шло по линии усовершенствования уже имевшихся форм, которые достигают теперь значительно большего разнообразия и совершенства (V. Pârvan, ук. соч., стр. 766).

Очевидно, земледелие уже в эту эпоху было одной из главных отраслей хозяйства. Об этом свидетельствуют многочисленные находки серпов из бронзы и зернотерок из камня[2]; о полях, засеянных хлебом, сообщает Арриан (I, 4, 1—5). Безусловно, в это время существовал широкий межплеменной обмен: на территории Дакии найдены клады, содержащие множество бронзовых серпов, датируемых гальштаттским временем (V. Pârvan, ук. соч., стр. 766: клады из Spălnaca, Suseni, Panticeu, Kemecse, Pusztabodolyo, Kajnyikfalva). Наличие форм для отливки этих орудий ставит вне сомнения вопрос об их местном происхождении. Скорее всего такое скопление большого количества серпов в одном месте следует считать складом изделий ремесленника-литейщика и кузнеца. Возможно, что некоторые из этих изделий изготовлялись для продажи. Такая возможность подтверждается не только большим количеством кладов с серпами, но также и тем обстоятельством, что у гетов в этот период был выработан денежный эквивалент в виде золотых колец (браслетов)[3] или бронзовых стрелок[4], что исключает возможность трактовать этот обмен как исключительное явление. Наличие денежного эквивалента в виде стрелок и колец предполагает обмен в еще более раннее время, когда он производился, вероятно, при помощи истинных стрел и колец, и свидетельствует о сравнительно высоком уровне и объеме торговли.

Клады таких браслетов и стрелок датируются временем железной эпохи; распространение упомянутых стрелок болгарский нумизмат Т. Герасимов датирует более точно, относя его к IV—III вв. до н. э. Сфера распространения этих денежных эквивалентов была значительна: клады совер-

---

[1] Рассказывая о покорении Мегабазом Фракии, Геродот сообщает, что у «фракийцев существует обычай продавать своих детей на чужбину» (V, 6.). Однако трудно сказать с определенностью, распространялся ли этот обычай в равной степени и на гетов, так как именно их Геродот отличает от остальных фракийцев: «за исключением гетов, травсов и живущих над крестонянами фракийцев, все остальные имеют совершенно одинаковые нравы и обычаи» (V, 3).

[2] О земледельческих орудиях, найденных в Румынии, см. V. Canarache, Ustensiles agricoles de l'époque ancienne sur le territoire de la République Populaire Roumaine, SCIV, 1950, II, стр. 83—109.

[3] B. Mitrea, Il problema delle monete-anelli della Dacia, «Dacia», VII—VIII (1941).

[4] Т. Герасимов, Съкровище от бронзови стрели-монети, ИБАИ, XII (1938).

шенно сходных монет-стрелок найдены на полуострове Атия (Бургасский залив), в Измаиле близ г. Айтоса (Восточные Балканы) и других местах, а деньги в форме золотых колец были распространены от лесистых Карпат до Тиссы. Нет сомнения в том, что эти стрелки — местные изделия, так как формы для отливки найдены вблизи кладов (ИБАИ, XII, стр. 424). Очевидно, обмен происходил не внутри одного племени, а охватывал различные племена.

Таким образом, здесь происходил процесс, сходный с тем, который охарактеризован у Энгельса: «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена,—товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде...»[1].

Что касается вопроса о наличии у гетов эпохи раннего железа имущественного расслоения, то, с одной стороны, материал гетских некрополей и отдельных захоронений, обнаруженных на территории Карпато-Дунайских областей, как будто бы не дает оснований говорить о резком имущественном расслоении: могилы представляют собой обычно ямы небольших размеров, лишь иногда выложенные камнем; они содержат урну с обожженными костями, чашу или тарелку со следами жертвоприношений, оружие из железа: изогнутые железные ножи, наконечники копий (в мужских погребениях) и украшения из бронзы (в женских)[2]. Лишь в некоторых из них сохранились очень незначительные остатки изделий из золота. Однако, с другой стороны, находки кладов свидетельствуют о наличии среди гетов людей, обладавших значительным имуществом. Такое противоречие между сравнительной бедностью гетских погребений и богатством кладов объясняется, повидимому, консерватизмом погребального ритуала, уходящего своими корнями в эпоху бронзы. Недавно происшедшие изменения в социальной структуре гетского общества еще не успели отразиться на погребальном инвентаре могил.

Для выяснения социального строя гетов в V—III вв. до н. э. существенным является наличие крепостей, укрепленных мест, куда в случае необходимости могли укрыться от врага члены племени. Остатки таких укреплений, расположенных всегда на возвышенном месте, обнесенных земляной или каменной оградой и рвом[3], встречаются в различных местах Дакии (Almagul-Mare в Huniedoara, Belavára в Sătmar, Bihorului близ Bihari Vár, Petris близ Fizeşul-Gherlii[4], в Tinosul около Плоешти[5]). Вероятно, об одном из таких укреплений говорится у Арриана, который, описывая поход Александра Македонского на гетов, живших за Истром, рассказывает, что войска Александра, перейдя реку, сначала продвигались по нивам, а затем вступили в сражение с гетами. Не удержав напора македонской конницы, геты «убегают в город, который был от Истра на расстоянии одного парасанга» (Anab., I,3, 1—5). Здесь находились заранее отведенные сюда жены и дети гетов и их наиболее ценное имущество, которое и захватил Александр, разрушив город[6]. Эти кре-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 169.

[2] В. Миков, Могилни некрополи от Ловчанско и Тетевенско, ИБАИ, VI (1930/31), стр. 153—170.

[3] V. Pârvan, ук. соч., стр. 773; C. Daicoviciu, Die dakischen Burgen im Südwesten Siebenbürgens, ИБАИ, XVI (1950).

[4] V. Pârvan, ук. соч., стр. 300—302.

[5] R. et E. Vulpe, Les fouilles de Tinosul, «Dacia», I (1924) стр. 176—178.

[6] Vulpe, Compte rendu du relevé archéologique des régions Mostiştea et Călăraşi, BCMI, XVII, вып. 40 (1924), предполагает, что гетский город, захваченный Александром, был расположен на месте современной Mostiştea, на левом берегу Дуная.

пости были, вероятно, постоянным местом пребывания вождей отдельных гетских племен. Повидимому, об одном из таких племенных вождей упоминает Юстин (IX,2), когда называет некоего «царя истрианцев» (rex Istrianorum), очевидно, вождя племени гетов, обитавшего близ Истрии.

Очевидно,в III в. до н. э. геты предприняли первую попытку объединения племен, продиктованную военной угрозой. В начале III в. возникло гетское «царство» во главе с Дромихетом, который в 292 г. сражался с Лисимахом и захватил его самого и его войско в плен[1]. Удачное сражение с испытанным в боях сподвижником Александра было под силу лишь нескольким племенам гетов. Расположенное на территории «гетской пустыни» где-то между Истром и Днестром, «царство» Дромихета имело несколько укреплений, название одного из которых нам известно — Хелис (Diod., XXI, 12), а наличие других засвидетельствовано договором между Лисимахом и Дромихетом (Diod., XXI, 12; Paus., I, 9, 6).

Диодор (там же) дает интересную картину собрания гетских воинов, на котором решается вопрос о мире с Лисимахом. После того, как Лисимах и его войско были пленены, гетские воины собрались на военный совет для того, чтобы решить судьбу пленников. «Они говорили, что следует дать возможность войскам, которые участвовали в опасности, решить, как поступить с пленниками. Но Дромихет выступил против наказания царя и объяснил войскам, что лучше его сохранить, так как если его погубить, другие цари, которые захватят власть Лисимаха, могут быть страшнее его». Доводы Дромихета были приняты воинами, и Лисимаха освободили, получив от него территориальные уступки: гетам были возвращены их крепости к северу от Дуная, ранее захваченные Лисимахом. Таким образом, Дромихет выступает на этом собрании лишь как племенной вождь, не имеющий иной власти, кроме власти убеждения и авторитета.

Применение железа, отделение ремесла от земледелия, возникновение производства для обмена, появление денежного эквивалента, знаменующего собой начало торговли, имущественное расслоение среди гетов, появление союзов племен — все эти явления, характеризующие разложение родового строя, имели место в гетском обществе V—III веков, однако, они находились лишь на ранней ступени развития. Таким образом, можно говорить, что геты в V—III вв. до н. э. находились лишь на начальной ступени разложения первобытно-общинного строя.

*

Последующий период истории гетов (III—I вв. до н. э.) освещен в античной историографии очень плохо. Так, Страбон опускает историю гетов от Дромихета до Биребисты (VII, 3,11: «Древнюю историю гетов мы опустим, а займемся современным нам»). Между тем именно на этот период падают, повидимому, весьма важные сдвиги в развитии производства, которое явилось предпосылкой возникновения крупного политического объединения гетов во времена Биребисты.

Именно к III—I вв. до н. э. относятся археологические материалы, свидетельствующие о значительном прогрессе сельскохозяйственной техники гетов. В эту эпоху появляется ручная мельница более усовершенствованного типа: с желобком для ссыпания зерна и хорошо пригнанной верхней частью. Так, ручные мельницы, находимые в ранних слоях поселения Пироборидава (совр. Пойяна) — крупного гетского поселения, давшего материал от эпохи бронзы до римского времени, представляют

[1] Diod., XXI, 12; Paus., I, IX, 6; Strabo, VII, 3, 8 и 14.

собой просто два массивных камня, между которыми растиралось зерно. В последних же слоях этого поселения обнаружено множество ручных мельниц упомянутого, более усовершенствованного типа[1]. Железо получает теперь широкое применение не только при изготовлении оружия, как это было раньше, но и орудий труда. Появляются самые разнообразные, дифференцированные орудия труда: железные топоры, лемехи плуга, разнообразные формы серпов, кривые ножи виноградарей, косы, садовые ножницы, железные рыболовные крючки, долота, кочерги, трезубцы для верчения мяса и др. Основные из них (плуг, серп, топор, нож) представлены несколькими видами. Эти многочисленные орудия изготовлялись в специальных мастерских; клады, в которых было сосредоточено множество орудий одного и того же вида, найденные в крупнейших из них (близ Muncaci, в Grădistea-Muncelului, Costesti), бесспорно свидетельствуют об этом[2]. Наличие садовых ножниц и ножей для срезки винограда является несомненным свидетельством значительного прогресса земледелия — развития садоводства и виноградарства.

Прогресс в металлургии нашел свое отражение и в гетской торевтике[3]. Большое количество совершенно сходных между собой украшений, найденных в различных гетских областях, полностью совпадающих во всех деталях, заставляет нас присоединиться к мнению занимавшихся этим вопросом румынских археологов, которые считают, что многие из этих украшений сделаны в одной мастерской, а иногда и рукой одного и того же мастера. Связь между отдельными мастерскими, большинство из которых расположено в Трансильвании, выразилась в появлении во II—I вв. до н. э. своеобразного гето-дакийского стиля торевтики, в котором сочетались древнейшие, идущие от эпохи бронзы, гетские традиции со скифским и кельтским влиянием. Инвентарь одной из таких ювелирных мастерских обнаружен в четвертом ($\beta' + \beta''$)слое (= Латен I и II) Пироборидавы.

Существенный производственный прогресс следует отметить и в керамическом производстве, где, начиная с латенского времени (с III в. до н. э.), применялся гончарный круг, появление которого обычно связывают с выделением гончарного ремесла[4]. Материал из археологических раскопок гетских поселений этого времени дает возможность проследить в развитии процесс постепенного внедрения гончарного круга в керамическое производство. Количество керамических изделий, сделанных на гончарном круге, увеличивается в более поздних латенских слоях гетских поселений по сравнению с более ранними, где преобладает лепная керамика [5]. Об этом же постепенном прогрессе в технике керамического производства свидетельствует и то обстоятельство, что многие формы лепной керамики предвосхищают формы кружальной керамики, а также наличие черепков, носящих следы неумелой работы на круге[6].

Происшедшие изменения в технике производства, выделение ремесел повлекли за собой развитие местной и внешней торговли в значительно

[1] R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, «Dacia», III—IV (1933), стр. 322.
[2] V. Pârvan, ук. соч., стр. 484—600; 779—781; R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, стр. 345; они же, Les fouilles de Tinosul, стр. 218; I. Andrieşescu, Piscul Crăsani, MSI, сер. III, т. III (1926), стр. 97; SCIV, I (1950) стр. 48.
[3] Dorin Popescu, Nouveax trésors géto-daces en argent, «Dacia», XI—XII (1948); он же, Objets de parure géto-daces en argent, «Dacia», VII—VIII (1941); SCIV, I (1950), стр. 48.
[4] См. А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1954, стр. 99.
[5] R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, стр. 345—346; они же, Les fouiles de Tinosul, стр. 203; I. Andrieşescu, Piscul Crăsani, стр. 99—108.
[6] R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, стр. 288.

больших масштабах, чем в предыдущий период. Находки в гетских областях множества монет, имевших широкое хождение в эллинском мире, а также монет западнопонтийских городов (Аполлонии, Истрии, Месембрии, Том, Одесса, Каллатии[1]), указывают на развитие торговых сношений придунайских областей с эллинским миром.

Об этом же свидетельствует и археологический материал: многочисленные находки привозной греческой керамики встречаются во всех гетских поселениях III—I вв. до н. э. Особенно богатый материал об этом дают работы Владеску-Вульпе и Андриеческу о раскопках гетских поселений у современных Piscul Coconilor и Piscul Crasani[2]. Большинство привозимых сосудов и их фрагментов представлено амфорами, игравшими роль тары для перевозки масла и вина[3]. Более тонкая керамика, сама по себе могущая служить объектом торговли, встречается значительно реже и отличается простотой: это сосуды совсем без орнамента или же бедно орнаментированные. Керамический материал показывает, что в IV и III вв. в гетской торговле доминировал фасосский импорт, а во II в. до н. э. — импорт Родоса и Книда[4]. Предметом ввоза служили также изделия из металла: вазы из бронзы, золота, серебра, канделябры, лампы, зеркала из бронзы. Вероятно, и в этот период, как это было во времена Полибия, из припонтийских областей греки вывозили рабов, мед, хлеб, скот, воск и соленую рыбу (Polyb., IV, 38, 4—5).

Если судить по тем данным, которые дают раскопки в Тинозуле[5] и Пояне[6], то максимального размаха торговля гетов с греко-римским миром достигла во II—I вв. до н. э.

Широкое развитие местной торговли способствовало усилению экономических связей между отдельными гетскими областями. Примитивные формы денег, имевшие хождение в предшествующее время, были заменены монетами. Помимо оригинальных монет эллинистических монархов, монет Фасоса и римских республиканских монет, в придунайских областях найдено множество монет, являющихся их имитацией. Появление такого рода чеканки А. Н. Зограф объясняет тем, что получившие широкое распространение монеты эллинистических монархов, проникавшие в течение долгого времени на территории соседних с греками или римлянами племен, становятся излюбленным средством денежного обращения. В случае недостатка этих монет «успевший привыкнуть к новому удобному средству денежного обращения местный рынок повелительно требует заполнения образовавшегося пробела»[7].

Таким образом, появление местной монетной чеканки, копирующей монеты греков, является одновременно и доказательством широкого развития внутренней торговли между различными гетскими областями, и свидетельством издавна установившихся торговых связей с внешним миром.

Очевидно имитации чеканились для удовлетворения местного рынка, а не как замена греческой монеты, имевшей интерлокальное значение:

[1] Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 126, карта.

[2] R. Vladescu-Vulpe, Compte rendu sur les fouilles de Piscul Coconilor, BCMI, XVII, вып. 39; I. Andrieşescu, Piscul Crăsani. При подсчете греческой керамики нельзя, однако, упускать из вида, что геты сами производили сосуды, в точности имитирующие привозные: об этом свидетельствуют керамические формы из Crăsani, соответствующие формам греческой привозной керамики (I. Andreişeşu, ук. соч., стр. 108).

[3] Интересна находка амфоры, сделанной по мнению E. и R. Vulpe, Les fouilles de Tinosul, стр. 205, в Ольвии.

[4] V. Pârvan, ук. соч., стр. 796.

[5] «Dacia», I (1924), стр. 205, прим. 2.

[6] «Dacia», III—IV (1933), стр. 282.

[7] А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16 (1951), стр. 101.

греческие монеты воспроизводились не в точности, а со значительными, нарочитыми отступлениями от оригинала. Множество монет-подражаний представляют собой смешанный тип: некоторые из них копируют лицевую сторону с монет Александра Македонского, а оборотную — с монет Филиппа II[1], другие сочетают типы сразу трех популярных в греческом мире монет: Филиппа II, Александра Македонского и острова Фасоса[2]. Нельзя отказать гетским монетариям и в творческом подходе при чеканке монетных подражаний, определяемом вкусами, господствующими среди фракийцев: недаром они на оборотной стороне монет, подражающих тетрадрахмам Александра Македонского, вместо обычного изображения Зевса на троне, чеканят скачущего всадника — мотив очень близкий в бытовом отношении фракийцам и тесно связанный с их религиозными представлениями. Относительно времени начала чеканки этих монет у публиковавших и исследовавших их ученых нет определенного мнения; однако датировка колеблется лишь между III в. и II в. до н. э.

Развитие торговли с римлянами засвидетельствовано находками республиканских монет и римских изделий. Наиболее ранние из монет Римской республики датируются серединой III в. до н. э. (клад из Cerbel, клад из Stupini)[3]. Усиление римского влияния на Дунае во II и особенно в I в. до н. э. повлекло за собой увеличение торговых связей Рима с местными племенами, количество римских монет сильно увеличивается именно в это время. Можно назвать множество кладов республиканских монет II—I вв. до н. э. и отдельных находок, обнаруженных в северной Болгарии[4], в Валахии, Молдавии, Трансильвании[5]. Продвижение римлян шло главным образом по водному восточному пути (Понт Евксинский — Дунай) или же по водному западному пути (Адриатика — Сава — Дунай)[6]. Торговые связи гетов с римлянами в эпоху республики достигают максимального размаха в середине I в. до н. э.[7] Очевидно, со II в. до н. э. римские денежные знаки были на Дунае настолько общепринятыми и привычными, что для местной торговли, наряду с подражаниями монетам эллинистических монархов, появляются подражания римским республиканским монетам. И те и другие подражательные монеты имели одновременное хождение, так как они найдены в одних и тех же кладах[8]. Подражания римским денариям чеканились со своих собственных матриц: об этом свидетельствует находка штампа для чеканки монет, сделанная при раскопках в 1949 г. третьего археологического слоя в Пироборидаве (SCIV, I, 1950, стр. 48).

Развитие производства должно было иметь своим следствием дальнейшее разложение родового строя, усиление политического и экономи-

---

[1] O. F l o c a, Monnaies «daciques» du type Hunedoara, «Dacia», XI—XII (1945), стр. 74.

[2] O. F l o c a, Consideratiuni asupro unor monete barbare dace, Deva, 1935, стр. 26. К такого рода отступлениям нельзя отнести стилистические изменения, которые претерпевают типы оригинальных греческих монет на варварских имитациях, сделанных менее умелыми резчиками и при более низкой, чем у греков, технике монетного дела.

[3] Dorin P o p e s c u, Nouveaux trésors géto-daces en argent, стр. 68.

[4] ИБАД, 1910, стр. 224; ИБАИ, I (1921/22), стр. 244; ИБАИ, V (1928/29), стр. 382; ИБАИ, XI (1937), стр. 320 и др.

[5] Сводку находок римских монет см. у B. M i t r e a, Le trésor de Fărşele, «Dacia», IX—X (1941—1944), стр. 379—380.

[6] V. P â r v a n, ук. соч., стр. 796.

[7] На материале кладов из Валахии Б. Митреа подсчитывает, что процент римских монет в гетских кладах III века до н. э. был равен 1, 81, во II в. до н. э. — ок. 20, а в I в. до н. э. колебался от 66,6 до 77,2.

[8] См., например, «Descoperirea monetara dela Sfinteşti», «Materiale arheologice privind istoria veche a RPR», I (1950) стр. 507—522.

ческого веса родовой знати. Об этом свидетельствуют многочисленные клады IV — I в. до н. э., которые собирались несколькими поколениями[1]. Скорее всего эти богатства переходили по наследству. Количество монет в отдельных кладах чрезвычайно велико[2]. Помимо монет, в кладах находят множество других ценностей: серебряные вазы, браслеты, цепочки, кольца, фибулы и другие предметы[3]. Большинство этих кладов относится именно к I в. до н. э.[4].

Процесс имущественного расслоения и выделения отдельных знатных и богатых семей к I в. до н. э. приводит к усилению власти племенных вождей. Об этом свидетельствуют характерные надчеканки на многих местных подражательных монетах. На монетах из центральной Трансильвании надчеканки представляют собой полуовальные печатки в центре лицевой или оборотной стороны, на монетах I группы по классификации Попеску — треугольники, на монетах из VII группы по той же классификации — руку с тремя пальцами. Эти надчеканки, как это обычно бывает, могли появиться только как знак, удостоверяющий полноценность монеты после происшедших в обществе изменений — чаще всего после происшедшей смены в правлении. В связи с этим приходится считать, что монета чеканилась не общинными властями, постепенное изменение в среде которых не могло вести к необходимости надчеканки монет, а главой племени, вождем, уже в значительной степени подчинившим своему авторитету совет старейшин, народное собрание и другие институты, связанные с общинно-родовым строем.

Рассмотренные данные позволяют, таким образом, считать, что в III — I вв. до н. э. гетские племена переживали ту ступень разложения первобытно-общинного строя, за которой следует период становления классового общества и государства.

*

Обычно появление могущественного союза племен под руководством Биребисты в буржуазной историографии рисуется как внезапное явление, в котором решающую роль играл военный и административный «гений» Биребисты. Мы пытались доказать, что все предшествовавшее эпохе Биребисты экономическое развитие гетских племен подготовило возникновение этого крупного политического объединения. В I в. до н. э., когда этот правитель появился на исторической арене, гетские племена уже

---

[1] Так, например, в кладе из Cerbel найдены римские республиканские монеты с 267 по 44 г. до н. э., в кладе из Pemeiea — с 144 до 16 г. до. н. э., в кладе из Stupini — монеты от III в. до н. э. до 42 г. до н. э., в кладе из Butculesti со 172 по 77 г. до н. э. (Dorin P o p e s c u, Nouveaux trésors géto-daces en argent, стр. 68; Gn. S t e f a n, Un petit trésor de monnaies decouvert en Valachie, «Dacia» IX—X, 1945). Труднее датировать клады, содержащие монеты-имитации эллинистических монархов, однако и по аналогии с кладами римских монет и по количеству собранных здесь ценностей невозможно представить себе, что приобретение их было сделано одним поколением или одним человеком.

[2] В кладе из Apoldul de Sus — 500 римских денариев республиканской эпохи, в кладе из Barboşi — 517 римских денариев республиканской эпохи и эпохи Августа, в кладе из Stupini — 400 республиканских денариев, в кладе из Someşul — 438 серебряных монет, в кладе из Radulești — около 300 серебрянных монет-имитаций.

[3] Dorin P o p e s c u, Objets de parure géto-daces en argent; о н ж е, Nouveaux trésors géto-daces en argent.

[4] Дорин П о п е с к у («Dacia», IX—X, 1945) насчитывает 60 гето-дакийских кладов, относящихся главным образом к I в. до н. э. На территории современной Болгарии найдены клады, состоящие из множества серебряных ваз (ИБАИ, XII, 1938, стр. 442).

имели также и длительную традицию политических объединений, величина и мощь которых менялись в зависимости от обстоятельств.

Изучавшие клады монет-имитаций (из Tulghes, Raduleşti, Sălasul de Sus, Temeşeşti и других пунктов Трансильвании) румынские нумизматы О. Флока и Д. Попеску обратили внимание на то, что монеты сильно разнятся между собой по технике чеканки и деталям изображения, хотя они и подражают сходным оригиналам. Сгруппировав сходные между собой монеты, ученые выделили несколько монетных групп, каждая из которых имеет преобладание в какой-либо из областей Трансильвании и Баната. И хотя в близлежащих областях встречаются монеты из других районов, все же можно очертить территории, для которых характерна та или иная группа монет, выпускаемая одной монетарней и часто одним и тем же резчиком[1]. Таким образом, с одной стороны, наличие преобладающих в отдельных областях монетных групп дает нам основание полагать, что каждая из них являлась результатом самостоятельной племенной чеканки; с другой стороны, следует отметить, что монеты одной из областей сплошь да рядом находят в соседних территориях в виде отдельных находок или же в кладах[2].

Это обстоятельство свидетельствует о наличии тесных экономических связей между племенами, что явилось предпосылкой возникновения общегетского племенного союза.

Определяемые при помощи данных о находках монет племенные области охватывают значительные территории, на которых, несомненно, жило не одно, а многие племена.

Естественно, что монеты племенной чеканки не могли сохранить для истории имена вождей этих племен. Однако до нас дошла из Истрии греческая надпись II в. до н. э. в честь Агафокла, сына Антифила, в которой упоминается вождь фракийцев Золтес и правивший по соседству с Истрией «царь» Ремакс, который владел землями за Дунаем[3]. Не желая попасть в зависимость к Золтесу, захватившему уже местечко Бидзону, находившееся приблизительно в 150 км. от Истрии[4], истрийцы обратились за помощью к Ремаксу. То обстоятельство, что Ремакс, земли которого были отделены от Истрии Дунаем и многими километрами суши, мог своим авторитетом защитить этот греческий город от нападавшего на него соседнего врага, свидетельствует о влиянии этого «царя», которое, вероятно, основывалось на его больших территориальных владениях в Валахии на левобережье Дуная и на сильном войске или же просто объяснялось расширением владений Ремакса вплоть до Истрии. Имя другого «царя» — Орола, стоявшего во главе гетов тоже во II в. до н. э. и удачно сражавшегося с бастарнами, упоминает Юстин (XXXII, 3, 16). Большое значение для истории одного из племенных объединений гетов, непосредственно предшествовавших времени Биребисты, имеет надпись, поставленная в честь Акорниона, сына Дионисия, представляющая декрет жителей Дионисополя, в котором Акорнион прославляется за удачное исправление жреческих и особенно посольских обязанностей

---

[1] Так, например, выделена группа монет из восточной части Баната (II группа монет по Попеску), из северной Трансильвании (VI группа по Попеску), из западного Баната (XI группа по Попеску) и центральной Трансильвании (монеты из Sălasul de Sus, Raduleşti и других пунктов), отмеченные О. Флока.

[2] Например, в кладе из Tulghes, состоящем из 104 серебряных монет, издатель насчитывает несколько групп, характерных для различных гетских областей. То же явление прослеживает и О. Флока, нашедший в кладах из Cugir, Sibesel и Toc монеты из различных областей (O. F l o c a, Monnaies «daciques» du type Hunedoara, стр. 102).

[3] R. V u l p e, La Dobroudja, стр. 90.

[4] См. Т. В. Б л а в а т с к а я, ук. соч., стр. 152.

(МИС, № 18). Начальные слова надписи[1] сообщают, что Акорнион был послан для переговоров к отцу Биребисты, столица которого помещалась в Аргедаве[2]. Весьма вероятно, что слова декрета об этом посольстве относятся к событиям 62—61 гг. до н. э., когда правитель Македонии Гай Антоний Гибрида грабительской политикой восстановил против Рима западнопонтийские города. В. В. Латышев весьма убедительно доказывает, что зиму 62/61 г. Антоний Гибрида и его войско провели в Дионисополе (Понтика́, стр. 226), вследствие чего дионисополитяне более других городов страдали от римского самоуправства. Можно предположить, что упоминаемое в декрете посольство Акорниона к отцу Биребисты имело целью получить помощь от гетов против римлян в 61 г. до н. э.[3]. В результате этого войска гетов под руководством отца Биребисты, вероятно, участвовали на стороне дионисополитян в битве при Истрии, принесшей римлянам поражение. Если эти предположения верны, то царство отца Биребисты в Банате имело большое влияние не только за Дунаем, но и во всей придунайской области.

Таким образом, объединение племен, возникшее при Биребисте, было подготовлено существованием в течение III—I вв. до н. э. ряда более мелких племенных союзов.

Время правления Биребисты совпадает со временем правления Цезаря в Риме[4]. Совпадает почти точно и время их смерти: Биребиста был убит примерно в то же время, что и Цезарь (Strabo, VII, 3, 5).

Для характеристики социально-экономического строя гетов ьо времена Биребисты имеется очень мало данных, поэтому не приходится пренебрегать ни одним косвенным свидетельством.

Одним из наиболее важных вопросов при характеристике социально-экономического строя является вопрос о формах собственности, в частности земельной. Интересные сведения о формах земельной собственности у гетов дает Гораций: «Живут и дикие геты, которым неотмеренные участки приносят свободные плоды и урожай, и им не нравится обработка долее года, а утомленного трудами заменяет в равной доле его сменивший». (Carm., III, 24). Сообщение Горация достаточно ясно свидетельствует о наличии у гетов общинного землепользования. Это свидетельство подтверждается и надписями даже более позднего времени. Так, надпись из Добруджи сообщает о межевых камнях, поставленных между виллой некоего фракийца Бесса Ампуда и землями крестьян — бутеридавцев[5]. Надпись эта,

---

[1] R. Vulpe, La Dobroudja, стр. 99, прим. 2, восстанавливает это место в надписи: εἰ]ς Ἀργέδαυον πρὸς τὸν πατέρα [τοῦ βασιλέως Βυρεβίστα] παραγενόμενος... Б. Н. Граков, МИС, № 18, не считает возможным восстановить лакуну и переводит «...отправился в Аридав к его отцу.... прибывши и встретившись вместе... от него приобрел... освободил народ».

[2] Это место упоминается у Птолемея (III, 8, 3), в Tab. Peut. и может быть локализовано к северу от Apus и к югу от реки Берцавы (RE, II, 602, Arcidava, ст. Томашека) в Банате. Оно может быть идентифицировано с Arcidava, гето-дакийским, позже — римским поселением.

[3] Как сообщает Кассий Дион, греки обратились за помощью также к скифам и бастарнам (XXXVII, 10, 3). Не безинтересно в этой связи отметить также, что знамена, потерянные Антонием Гибридой в этой битве, хранились в качестве трофеев у гетов, в гетском укреплении Генукле, где более чем через 30 лет их нашел римский полководец Марк Лициний Красс, (Cass. Dio, LI, 26, 5.)

[4] Strabo, VII, 3, 5; Suet., Caes., 44; Dio Chrys., XXXVI, 4, 5 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 229. Борисфенитскую речь Диона Хрисостома В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе Ольвии, стр. 148, относит ко времени ок. 100 г. н. э., а издатель Диона Хрисостома Арним — к 95 г. н. э. (Berol., 1896). Нападение Биребисты, по Диону, произошло за 150 лет до произнесения этой речи, т. е. в 50 или 45 г. до н. э.

[5] CIL, III, 1447: termini positi inter villam Bessi Ampudi et vican[os] B[ute]ridavenses.

относящаяся уже ко II в. н. э., с одной стороны, отражает новые отношения — появление частной земельной собственности (villa Bessi Ampudi), а с другой стороны, указывает на сохранившиеся еще общинные формы владения землей у крестьян Бутеридавы.

Еще более скудны и менее определенны известия источников о классовой структуре гетов во времена Биребисты. Некоторые сведения по этому вопросу можно почерпнуть из Афинея, который сообщает: «Агатархид из Книда рассказывает в тридцать восьмой книге Εὐρωπιακῶν, что дарданы имели так много „дулов" (δούλους), что один человек имел тысячу..., а другой и более. Каждый из них (τούτων) обрабатывал в мирное время землю, а в военное время участвовал в армии под командованием своего вождя (δεσπότην)»[1].

Дарданы, о которых идет речь у Агатархида, занимали юго-западную часть владений Биребисты (Strabo, VII, 3, 11; VII, 5, 2), населяя территорию в будущей Верхней Мезии, между течением рек Тимока, Маравы и Дрины (Strabo, VII, 5, 7 и 8; Ptol., III, 9, 2; Plin., IV, 3). Иллирийцы в основном, дарданы включали на востоке также и гето-дакийские элементы, о чем свидетельствуют дакийские корни в топографической номенклатуре их области[2]. Достоверность сообщения Агатархида о тысяче и более дулов у дардан в случае, если понимать термин δοῦλος как «раб», уже a priori вызывает большое сомнение и потому, что такого высокого развития рабство достичь у дардан во II в. до н. э. не могло, и потому, что невозможно себе представить войско, состоящее из рабов. Это сомнение углубляется еще и тем, что, как сообщает Страбон, столетием позже писавший о дарданах: «...Дарданы были совершенно дики, до такой степени, что даже устраивали себе жилища в пещерах, вырытых под навозными кучами» (VII, 5, 8); о «дикости» дардан Страбон упоминает и в другом месте (VII, 5, 11). При таких обстоятельствах термин δοῦλος правильнее будет трактовать иначе, тем более, что он имел самое широкое значение[3]. Из всех перечисленных в исследованиях Я. А. Ленцмана и И. Д. Амусина осмыслений слова δοῦλος в данном случае, на наш взгляд, подойдет то, при котором дулом называет себя подданный по отношению к своему политическому руководителю[4].

При таком понимании этого термина текст Агатархида надо толковать в том смысле, что вожди[5] дарданцев руководили тысячью и более подчиненных им одноплеменников, которые во время войны сражались под их руководством, а в мирное время обрабатывали землю. Правда, в сообщении Агатархида имеется некоторое подчеркивание зависимости тех, кого Агатархид называт «дулами», от их δεσποτῶν. Его можно отнести

---

[1] Агатархид из Книда, на которого ссылается Афиней, писал в конце II в. до н. э.; его «История Европы» состояла из 49 книг. Многие из историков древности использовали его сведения. Страбон, который очень разборчиво относился к источникам своего труда и умел блестяще разобраться в их достоверности (см., например, Strabo, VII, 3, 10), перечисляя замечательных людей из Книда, упоминает «перипатетика и вместе историка» Агатархида (XIV, 2, 15) и ссылается в своем труде на его сведения (XVII, 4, 20). Его трудами пользуется также Диодор (III, 38, 1 и III, 5—10), Артемидор (8-я книга) и другие историки древности. Нам кажется, что те 50—70 лет, которые отделяют время Агатархида от времени Биребисты, не могли принести существенных изменений в поземельных отношениях, так как такие изменения вообще происходят сравнительно медленно.

[2] W. Tomaschek, Die alten Thraker, SBWA, CCXXVIII, 25 и CCXXXI, 70.

[3] См. Я. А. Ленцман, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 58; И. Д. Амусин, Термины, обозначавшие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты, ВДИ, 1952, № 3, стр. 55.

[4] Я. А. Ленцман, ук. соч., стр. 57; И. Д. Амусин, ук. соч., стр. 57.

[5] Такой вариант перевода термина δεσπότης см. Liddell—Scott, A Greek-English Lexicon, 381, II.

либо за счет непонимания античным автором первобытно-общинных порядков, либо, и это более вероятно, за счет имевшихся у Агатархида сведений о могуществе дарданской знати, окружавшей себя тысячами клиентов.

Не доказывает еще развития рабовладения и свидетельство Овидия, который сообщает, что когда Дунай покрылся льдом, на жителей Том напали варвары, которые опустошали страну и уводили пленных (Trist., III, 10, 61—63), так как факт захвата пленных еще не означает использования их в качестве рабов самими варварами (это были скорее всего геты либо сарматы [1]): в условиях соприкосновения с рабовладельческим миром соседние племена быстро усваивали способ использования пленных в качестве объекта торговли с иноземными купцами.

Некоторые косвенные свидетельства, однако, показывают, что процесс классовой дифференциации гетов во времена Биребисты зашел достаточно далеко. Иордан, ссылаясь на Диона Хрисостома, говорит, что «... между ними (т. е. между гетами.— *Т. З.*) имелись сначала так называемые tarabostesei (позже их стали называть pilleati), которые были благородными и из которых назначались их цари и жрецы»[2].

Наличие более раннего гетского термина tarabostesei наряду с латинским pilleati дает основание считать, что резкое деление на знать, носившую на голове войлочный колпак (pilleus), и простых гетов, ходивших с непокрытой головой[3], полностью оформилось еще до времени интенсивного проникновения римской культуры и языка за Дунай, наступившего после децебаловых и траяновых войн.

По поводу термина tarabostesei интересное соображение высказано Пырваном (ук. соч. стр. 147), который указывает, что вторая часть этого слова—bostes—звучит и в имени Биребисты. В двух надписях[4] Биребиста назван Βυρα-βειστας; Томашек (Thraker, II, 12, стр. 17) приравнивает гетское слово beistas, boste, beista к латинскому nobilis.

Кастовость наиболее знатных семей проявилась, повидимому, и в татуировке их представителей особыми знаками. Так, Дион Хрисостом сообщает, что наиболее благородные из фракийских женщин имели узорные значки (Dio Chrys., XXXVI, II, 48, Dind). Скорее всего, Дион имеет здесь в виду гетов, историей которых он специально занимался и имел о ней прямую информацию. О татуировке среди даков сообщает также Плиний (NH, XXII, 2 и VII, 10,1). Возможно, что у некоторых из гетских племен были общие племенные знаки на коже, однако подобно тому, как это было у агафирсов (Mela, II, 9 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 281) и других племен, о которых говорит Геродот (V, 6), более благородные имели больше знаков на коже, чем остальные.

В. В. Латышев, комментируя слова Помпония Мелыо татуировке у агафирсов по степени благородства, отмечает, что Геродот (IV, 104) не упоминает об обычае татуировки тела агафирсов. Последнее известно лишь поздним и преимущественно латинским авторам (ВДИ, 1949, № 1, стр. 281, прим. 5). Вероятно, этот обычай появился у агафирсов позже, в связи с имущественным расслоением в их среде. Социальный подход при татуировании подчеркнут в словах Артемидора (II в. н. э.) о том, что

---

[1] И те и другие постоянно упоминаются у Овидия.

[2] Get., 40: qui dicit primum tarabosteseos, deinde vocatos pilleatos hos, qui inter eos generosi exstabant, ex quibus eis et reges et sacerdotes ordinabantur.

[3] Изображения на траяновой колонне дают яркую иллюстрацию этому обычаю. См. C i c h o r i u s, Die Reliefs der Trajanssäule, B., 1896—1900, табл. CXXXV, CXLI, CXLIII, CXLIV.

[4] E. K a l i n k a, Antike Denkmäler aus Bulgarien, Wien, 1906, № 95, стр. 89 и № 227, стр. 192.

«у фракийцев татуировались дети благородных, а у гетов рабы» (Ὀνειροκριτικά, I, 8 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 262)[1].

Все эти скудные данные, взятые в их совокупности и при сопоставлении с приведенными выше археологическими материалами, позволяют все же утверждать, что во времена Биребисты у племен, входивших в возглавляемый им союз, уже сложился слой знати, которая, повидимому, стала претендовать на наследственное замещение племенных должностей. Так, хотя Дион Хрисостом (у Иордана, см. выше, стр. 86) и говорит о «назначении» (ordinabantur), т. е. избрании гетских царей, тем не менее упомянутая надпись в честь Акорниона (см. выше стр. 84) показывает, что отец Биребисты был также «царем», и притом весьма влиятельным в племенном мире за Дунаем. Таким образом, у гетов в рассматриваемое время, повидимому, как говорит Энгельс, «... вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в мало оспариваемые права этих семей на занятие общественных должностей,... эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и ...эти их притязания были освящены находившимся еще только в зародыше государством» (ук. соч., стр. 113).

О характере власти Биребисты имеются весьма ценные известия Страбона и Иордана. Оба автора сообщают, что царю гетов приходилось серьезно считаться с влиянием жреца-мага Декенея, который считался богом. Так, Страбон сообщает, что для того, чтобы заставить народ повиноваться себе, Биребиста должен был прибегнуть к помощи Декенея (VII, 3, 11)[2], что он совещался с ним по всем вопросам, «видя, что народ повинуется ему теперь гораздо охотнее, чем прежде, как человеку, который составляет свои определения по совету самих богов»(VII,3,5). Иордан (Get., 67) рассказывает,что именно по совету Декенея геты опустошили германские земли. Но тем не менее, согласно известию того же Иордана, власть Декенея была санкционирована царем Биребистой (там же). Что такая роль жреца-бога была у гетов явлением обычным, свидетельствует Страбон: «... И теперь у гетов, — говорит он, — всегда есть какой-нибудь советник царя, считающийся богом» (VII, 3,5). О какой-то борьбе вокруг царской власти свидетельствует известие Страбона, который описывая, последние дни Беребисты, сообщает, что он «был лишен власти некоторыми бунтовщиками» (VII, 3, 11). Все эти смутные известия позволяют, однако, заключить, что во времена Биребисты у гетов происходил процесс зарождения царской власти, который у многих народов сопровождался явной или глухой борьбой между жречеством, знатью и военными предводителями. По большей части борьба эта заканчивалась союзом жречества с царской властью и военно-родовой знатью против народа.

Зародышевый характер царской власти у гетов времени Биребисты виден и из того факта, что в греческой надписи Биребиста титулуется πρῶτος καὶ μέγιστος τῶν ἐπὶ Θρᾴκης βασιλέων «первый и величайший из царей фракийских» (упомянутый декрет в честь Акорниона). Из этой титулатуры ясно видно, что Биребиста был лишь первым среди других

---

[1] О татуировке среди гетов и соседних с ними племен см. Г. Кацаров, Битът на старите траки според класическите писатели, София, 1912, стр. 30—31, а также V. Pârvan, ук. соч., стр. 740 и 170—171.

[2] О методах воздействия жрецов на народ интересные сведения можно почерпнуть у Полиена (VII, 22), который как раз о фракийцах рассказывает, что когда племена кебрени и скебои не стали слушаться заповедей своего владетеля, жрец Косинга запугал свою паству тем, что он поднимется со столба на небо и пожалуется богине.

«фракийских царей», т. е. вождей различных племен, входивших в возглавляемый Биребистой племенной союз[1].

То обстоятельство, что на территории подвластных Биребисте земель одновременно имели хождение и оригинальные республиканские римские монеты, и их имитации, и подражания эллинистической чеканке, и то, что Биребиста, по всей видимости, не выпустил своих собственных монет (или, по крайней мере, о них мы не знаем) и племенная чеканка, о которой говорилось выше, продолжала иметь место во время Биребисты, также свидетельствуют об определенной самостоятельности тех частей, из которых состоял союз Биребисты.

Тем не менее ряд дел, решение которых ранее принадлежало племенным царям, перешел к Биребисте, или же он решал их в высшей инстанции. Речь идет прежде всего о законах, которые, очевидно, были обязательны для всей подвластной Биребисте территории и которые сыграли какую-то крупную роль в возвышении страны. Об этом пишет Страбон (VII, 3, 11): «Упражнением, воздержанием от пьянства и повиновением законам страна настолько возвысилась, что в продолжение нескольких лет здесь образовалось сильное царство». О каких-то законах у гетов сообщает и Иордан, который приписывает создание их советнику Биребисты жрецу Декенею и отмечает, что еще и в его время они играли определенную роль в жизни гетов (Get., 69). К сожалению, у нас нет сведений о том, в чем состояло это «общегетское» законодательство, однако возникновение этого, очевидно возвышавшегося над обычаями отдельных племен, народного права уже само по себе предполагает подрыв, разрушение суверенитета племенных вождей и создание политической организации, объединяющей отдельные племена. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что в вопросах внешнеполитического порядка авторитет Биребисты стоял также над властью отдельных племенных царей. Об этом достаточно красноречиво говорит надпись в честь Акорниона, посланного Биребистой к Гнею Помпею для переговоров в Гераклею на реке Лике в 48 г.[2].

Наконец, некоторые выводы о социально-политической структуре гетского общества можно сделать, основываясь на характере гетских завоеваний середины I века до н. э.

В середине I в. до н. э. геты совершали удачные походы в восточном, западном и южном направлении, и ареал их военной экспансии был чрезвычайно велик. Территории, подвергавшиеся их военным вторжениям, были значительно шире тех, о которых говорилось в начале статьи как о собственно гетских. Утверждение В. Пырвана (ук. соч., 80—81), что все земли, в которых геты побывали в качестве победителей, вошли в состав «империи Биребисты» представляется все же весьма рискованным.

На западе геты совершили удачный поход против боев и таврисков (Strabo, VII, 3, 11 и VII, 5, 2), которые в I в. до н. э. занимали землю в Норике и были соседями винделиков, ретийцев и гельветов. Страбон, который был очевидцем этих событий и описывал их вскоре после того, как они произошли, подчеркивает, что страна боев и таврисков была опустошена

[1] В этой связи интересно для сравнения напомнить, что царь одрисов Котис, правивший на юге Балканского полуострова немногим позже Биребисты, именуется βασιλεὺς τοῦ Ῥοιμηταλκα, как и другие более ранние одрисские правители, подчеркивавшие этим не только свое единоначалие, но и законную, в силу наследования, преемственность своей власти от отца. Различие характера власти одрисских царей, возглавлявших южнофракийские племена, объединенные в государство, и власти Биребисты нашло отражение в титулатуре царя гетов.

[2] См. В. В. Латышев, Понтика, стр. 237. Em. Condurachi, Burébista et les ci és pontiques, SCIV, (1953), III—IV стр. 515—524, высказывает мнение, что военные действия Биребисты на северном и западном побережьях Понта были вызваны необходимостью обеспечить балканский фронт против римских вторжений.

Биребистой (VII, 5, 2), а сами бои, находившиеся под предводительством Критасира, и тавриски «были уничтожены в конец». Об этом же он говорит и в другом месте (VII, 1,5), когда сообщает о «пустыне боев». Вероятно, опустошение страны было настолько сильным, а истребление населения столь кардинальным, что много лет спустя, в I в. н. э., Плиний также пишет о пустыне боев[1]. Все это настойчиво наводит на мысль, что геты не стремились освоить разоренные ими земли, не включали их в какую-либо гетскую административную систему управления, а отошли оттуда вскоре после разграбления страны. Во всяком случае даже Страбон земли таврисков и боев не считает гетскими землями (VII, 5, 2). Вероятно, и на юге, где геты дошли вплоть до Македонии, их завоевание носило характер опустошительного набега, так как Страбон пишет об опустошении Фракии до самой Македонии (VII, 3, 11).

Аналогичный характер носило гетское завоевание греческих городов Западного Понта. Как известно, походы Биребисты охватили западное побережье Понта от Ольвии до Аполлонии. Однако сведения о нападениях на некоторые из западнопонтийских городов, засвидетельствованные в надписях из Месембрии ((IGrR, I, 1502 = МИС, № 16), Том (SIG[3], № 731 = МИС, № 19), Истрии (SIG[3], № 708=Т. В. Блаватская, ук. соч., № 11) и в борисфенитской речи Диона Хрисостома, в которой рассказывается о разорении Ольвии гетами и сведения которой блестяще подтверждаются археологическими раскопками[2], еще не могут служить свидетельством включения этих городов в состав гетских владений. Что касается Ольвии — самого восточного пункта походов Биребисты — то, повидимому, после разгрома города геты недолго задерживались в нем, ибо, как сообщает Дион Хрисостом, «после разгрома борисфениты снова заселили город», в нем было восстановлено влияние скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов. Возможно, разорение Ольвии, описанное Дионом Хрисостомом, не было единственным, так как сведения о постоянных нападениях гетов на этот город имеются уже в декрете в честь Никерата (IOSPE, I[2], № 34), который В. В. Латышев датирует первым десятилетием последнего века до н. э.[3]. Кажется, однако, что здесь у Днестра и Буга был положен конец гетской экспансии на восток. Возможно, решающую роль в этом сыграли скифы, задержавшие гетов у западной границы своего царства. Декрет из Истрии в честь Аристагора, сына Апатурия (SIG[3], № 708) дает возможность полагать, что и этот город, подобно Ольвии, подвергался разрушению и разграблению, однако и в нем геты не укрепились, а отошли вглубь страны, в которой они были полными хозяевами: декрет говорит о варварах, владеющих этой страной, т. е. землями вокруг Истрии. Очевидно, разорен был и Одесс, из которого дошла надпись конца I в. до н. э., содержащая список 46 жрецов, занимавших должность «после возвращения жителей в город» (MDAI, т. X, 1885, стр. 317, № 5). Пребывание гетов в городе также носило временный характер, ибо в указанной надписи говорится об уходе и возвращении жителей, так же как и в надписи из Истрии в честь Аристагора, как о событиях, отделенных одно от другого небольшим промежутком времени. Геты пытались разграбить и Томы, откуда дошел декрет об организации чрезвычайного охранения города в связи с особенно тяжелым положением и опасностью, угрожавшей его обороне. Однако эти экстраординар-

[1] NH, IV, 146: Noricis iunguntur lacus Peiso deserta Boiorum.

[2] Б. В. Фармаковский, Ольвия, М., 1915, стр. 17 и др.; В. Д. Блаватский, Северо-понтийские города в конце II—I вв. до. н. э., «Вестник МГУ», 1949, № 7, стр. 57.

[3] В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии, стр. 140.

ные меры, а еще в большей мере наличие мощных оборонительных стен в Томах[1] способствовали удачной обороне томитов и спасли их от той участи, которая постигла Ольвию, Истрию и Одесс.

Далее к югу, за хребтом Балканских гор, сила военных ударов Биребисты на побережье, очевидно, была ослаблена, как это с основанием предполагает Т. В. Блаватская (ук. соч., стр. 175—176), поддержкой, оказанной греческим городам одрисским царем; во всяком случае не подлежит сомнению, что месембрийцы оказали стойкое сопротивление Биребисте и отстояли свой город от гетов[2].

Таким образом, перечисленные надписи свидетельствуют о разрушении и разграблении гетами большинства греческих городов западного побережья Понта и Ольвии; они, однако, в равной мере свидетельствуют и о том, что пребывание гетов носило временный характер, жизнь в этих городах налаживалась самими греками, что никаких наместников гетского царя или управителей, могущих закрепить их власть в греческих колониях, не было оставлено.

Таким образом, можно утверждать, что походы Биребисты, направленные против не-гетского населения, носили характер опустошительных набегов с целью грабежа или физического уничтожения тех соседних племен, которые представляли для гетов военную опасность. Они не ставили себе целью подчинение и планомерную эксплуатацию побежденных. Такая форма военной экспансии характерна для наиболее ранних этапов развития государства.

Для выяснения характера политического образования, созданного Биребистой, важно также обратить внимание и на то, что представляла собой его армия. Как известно, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что армия, отделенная от народа, особые отряды вооруженных людей являются силой, которая главным образом характерна для государства[3].

Если доверять Страбону, то число воинов Биребисты доходило до 200 тысяч человек (VII, 3, 13). Даже во времена Александра Македонского греческая армия и во времена Августа — римская не достигли такой численности. Такое большое количество воинов у гетов настойчиво наводит на мысль о вооруженном народе, а не об отделенной от народа армии. Однако возможно, как это часто бывает у античных историков в тех случаях, когда они сообщают цифры варварских армий, Страбон преувеличивает численность войск Биребисты, и наше предположение о догосударственном типе армии Биребисты, сделанное на основании цифровых данных Страбона, ошибочно.

Есть, однако, другие данные, позволяющие считать армию гетов вооруженным народом. Еще во времена войн Децебала с римлянами армия гето-даков, повидимому, соответствовала вооруженному народу. Во всяком случае такое впечатление создается при рассмотрении тех скульптурных изображений, которые украшают Tropaeum Traiani — памятник, поставленный близ совр. Адамклисси в Добрудже в честь победы императора Траяна над даками в дакийских войнах. Сцены, изображенные на его метопах, воспроизводят события этой войны. Так, метопа № 9 изображает дакийскую семью, едущую на повозке: впереди два дака, за ними — дакиянка с ребенком. Метопа № 35 изображает дакийскую семью (возможно, ту же самую) в момент сражения: на повозку вскочил римский воин, вооруженный мечом и копьем; последним он наносит

[1] V. Pârvan, Le mur d'enciente de Tomi, Bucarest, 1915 («Analele Academiei Române, Memoriile sect. istorice», сер. II, т. XXXVII), стр. 426.

[2] IGrR, I, 1502 = МИС, № 16; Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 175.

[3] См. В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 442; он же, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 361.

удар даку, который еще пытается поразить его изогнутым дакийским мечом. Женщина на повозке умоляет римлянина о пощаде, ребенок, плача, пытается бежать. Геты эпохи Биребисты, конечно, не могли иметь более высокоразвитую организацию армии, чем во времена Децебала.

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что в организации гетского войска во времена Биребисты произошли какие-то крупные сдвиги, которые дали возможность гетам, ранее терпевшим поражения[1], одерживать одну победу за другой над непобедимыми ранее врагами. Весьма вероятно, что отдельные воинские племенные подразделения, руководимые ранее племенными вождями, составили теперь лишь подразделения гетского войска, прошедшего определенную военную подготовку (Strabo, VII, 3, 11) и руководимого по единому стратегическому плану.

Исходя из сказанного выше о состоянии рабовладения и земельных отношений у гетов, характере их завоеваний, армии и особенностях политической власти Биребисты, мы считаем возможным утверждать, что созданное гетами в I в. до н. э. объединение еще не было государственным образованием и являлось племенным союзом того типа, о котором говорил Энгельс, исследуя пути возникновения государства: «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимостью даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию народа» (ук. соч., стр. 169).

[1] Strabo, VII, 3, 11: «Гет Биребиста, установив верховную власть над народом, поправил положение последнего, много претерпевшего от частых войн».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Г. БОКЩАНИН, *Социальный кризис Римской империи в I веке н. э.*, Изд-во МГУ, 1954, 238 стр., тираж 3000 экз., цена 10 р. 30 к.

История Римской империи привлекает внимание не только специалистов-античников, но и широких общественных кругов. Между тем наша научная литература все еще весьма не богата произведениями, трактующими проблемы, связанные с историей Римской империи. Если не считать университетских курсов В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева, естественно, ставящих себе в основном учебные задачи, она ограничивается небольшим количеством специальных статей и немногими диссертациями, к сожалению, не напечатанными и потому известными лишь очень узкому кругу специалистов. Поэтому появление рецензируемой работы А. Г. Бокщанина весьма своевременно.

Монография А. Г. Бокщанина, как об этом пишет сам автор, посвящена изучению социальной борьбы в Римской империи I в. н. э. и того политического кризиса, который она в этот период переживала (стр. 21). Автор правильно исходит из утверждения, что хваленый «Римский мир» (Pax romana — так озаглавлена первая глава его работы) являлся лишь фикцией, официально рекламируемой версией, к которой напрасно с излишним доверием относится буржуазная историография. На самом деле, начиная со времени Августа «ряд завоевательных войн, многочисленные волнения, восстания и заговоры потрясали спокойствие не только провинций, но и политического центра империи — Италии» (стр. 28). Дав во второй главе краткий очерк хозяйственного строя и взаимоотношения частей Римской империи, А. Г. Бокщанин в главах третьей, четвертой и пятой подробно останавливается на различных проявлениях ожесточенной социальной борьбы как в Италии, так и в провинциях, начиная с конца I в. до н. э. по 50-е годы н. э. При этом «социальные движения» и «социальная борьба» понимаются автором чрезвычайно широко: к ним причисляются и сенатская оппозиция Тиберию, и борьба «свободолюбивых племен» северо-западной Испании против римской агрессии при Августе, и восстание в Аквитании в 28 г. до н. э., и походы Друза и Тиберия против германцев в 12—6 гг. до н. э., и Паннонское восстание 6—9 гг. н. э., и катастрофа в Тевтобургском лесу (стр. 64—85). В «беспокойную эпоху принципата Тиберия» (стр. 98) таких социальных движений автор насчитывает особенно много и говорит о «жестоком кризисе второго десятилетия нашей эры» (стр. 99). Автор приходит к заключению, что если первым принцепсам удалось справиться со всеми этими потрясениями в западных провинциях, то лишь благодаря развитию при римском господстве социальной дифференциации в среде провинциального населения и перерастанию старой родовой знати в крупных земле- и рабовладельцев. «Во время социальных конфликтов провинциальные рабовладельцы без колебания становились на сторону римского правительства, насаждавшего рабовладельческие порядки в экономически и культурно отсталых областях севера и запада» (стр. 102—103).

К сожалению, для характеристики социальных отношений и социальной борьбы в восточных провинциях А. Г. Бокщанин ограничивается материалом преимущественно из истории Иудеи, особенно подробно останавливаясь на событиях I в. до н. э., на времени правления Ирода и Архелая, на восстании 4 г. до н. э. («Варова война»).

«Инкорпорация Иудеи в состав провинций империи в 6 г. н. э. произошла, по мнению автора, также в результате страха господствующих слоев иерусалимской аристократии перед возможностью народного восстания» (стр. 118). Нарастание этого народного возмущения автор прослеживает затем в период правления царей Агриппы I и Агриппы II, отмечая вместе с тем крупную роль первого при дворе Калигулы и в получении императорской власти Клавдием.

Последние главы монографии посвящены подготовке политического кризиса конца 60-х годов, иудейской войне 66—73 гг., гражданской войне 68—69 гг., восстановлению и закреплению власти римского правительства и привилегированного положения крупных рабовладельцев новой династией Флавиев, обязанной своим возвышением, прежде всего, материальной и моральной поддержке провинциальных рабовладельцев. «Именно с этого времени,— заключает автор,— Римская империя становилась империей всех рабовладельцев средиземного мира».

Конечно, с основными положениями работы А. Г. Бокщанина нельзя не согласиться—они не новы, хотя иногда и сформулированы автором весьма своеобразно. Например: «События этих бурных лет (68—70 гг.) были завершением длительного процесса, превратившего Рим из центральной рабовладельческой общины Италии в центр космополитической (!) средиземноморской рабовладельческой державы» (стр. 234). Автор, однако, должен признать, что уже С. И. Ковалев в своем еще в 1936 г. вышедшем курсе «История античного рабовладельческого общества» «правильно отметил эту основную политическую тенденцию развития империи — замену господства италийских рабовладельцев политическим управлением (?) рабовладельцев провинциальных» (стр. 15). Известно также, что Рим всегда ориентировался в своей политике на аристократию покоренных им областей и что она, в свою очередь, когда встречалась с движением эксплуатируемых ею масс, постоянно искала поддержки Рима и готова была на любое предательство и измену делу освобождения своей страны. Все это можно проследить, начиная со времени самнитских войн и борьбы с Пирром и Ганнибалом. Но почему А. Г. Бокщанин римскую сенатскую знать I в. н. э. упорно называет «патрициатом» (стр. 149, 152, 153, 158, 159),— это остается, по меньшей мере, странным. Такие выражения, как «противоречия между патрициатом и принцепсом» (стр. 164), «Нерон перестает считаться с патрициатом» (стр. 165), «патрицианская знать сделала попытку защитить Гальбу» (стр. 210), «заигрывание с патрициатом Отона» (стр. 211), «подозрение в солдатской массе, справедливо не доверяющей патрициату, как своему врагу» (стр. 211), «выступление римского плебса (переворот Отона) против патрициата» (стр. 233), и другие, подобные этим (стр. 219, 220, 231), безусловно, могут вызвать лишь справедливое недоумение у читателя.

Порождает сомнение заглавие книги А. Г. Бокщанина «Социальный кризис Римской империи в I веке н. э. » Читатель вправе ожидать найти в ней новый ответ на весьма актуальный и остро дебатируемый в современной исторической науке вопрос о начале и первых симптомах разложения рабовладельческой формации, каковые до сих пор принято относить лишь к последним десятилетиям II в. н. э. На самом же деле читатель уже из второй главы узнает о распространении рабовладельческих латифундий в Средней и Южной Италии, о расцвете рабовладельческой экономики в Цизальпинской Галлии (стр. 51), о разложении, под влиянием римского завоевания, родового строя в Галлии Трансальпинской, в Испании, Иллирии, Британии и установлении здесь рабовладельческих порядков, о значительном подъеме рабовладельческого хозяйства на Востоке (стр. 56). Автор пишет о вполне естественных, по существу, тенденциях хозяйственно преуспевающей провинциальной рабовладельческой знати лишить устаревших политических привилегий господствующие рабовладельческие верхи Италии, добиться политического и гражданского равноправия с римским гражданством (стр. 58) и реорганизовать Римскую империю на более широкой и мощной основе объединившихся рабовладельцев всего Средиземноморья, что и удается в результате гражданской войны 68—70 гг. Читатель вспоминает, что за этим последует тот период, который обычно называют «золотым веком» римской рабовладельческой империи! Где же и в чем же здесь «социальный кризис I века»?

Впрочем, уже с первых страниц книги А. Г. Бокщанина, с ее «Введения», читатель может заметить, что автор и сам не очень убежден в существовании того «социального кризиса», показать который он обещается заглавием своей работы. Он в первых же строках заявляет, что концентрирует свое внимание на причинах, сущности и следствиях политического кризиса, пережитого римской рабовладельческой державой в середине I в. н. э.(стр. 3). И далее, в названии глав везде фигурирует «политический кризис». Глава пятая названа «Предпосылки политического кризиса империи конца 60-х гг. I века н. э.», глава восьмая — «Политический кризис 68—69 гг. I века н. э.». Что же касается «социального кризиса Римской империи в I веке н. э.», то чем далее развивается изложение, тем более скромное место начинает он занимать в концепции автора. На стр. 15 и 58 автор уже говорит о «социальном кризисе империи конца 60-х гг. I века н. э.»; на стр. 62— «о событиях социального кризиса второй половины 60-х гг. I века н. э.»; на стр. 20 и 45 вместо слова «кризис» вводится термин «социальный катаклизм конца 60-х гг.», и, наконец, в оглавлении третьей главы все это укладывается в скромное, зато вполне отвечающее действительности выражение «социальные движения». Если же к этому всему присоединить и такие выражения, как «социальная политическая обстановка» (стр. 16), «социальное развитие общества империи» (стр. 15, прим. 1) и даже «политический кризис римской общественной и государственной системы» (стр. 233), то у читателя создается впечатление, что автор недостаточно ясно разбирается в понятиях «социальный» и «политический».

Свой материал по социальной и политической истории Римской империи в I в. н. э. автор распределяет на девять глав. Шесть из них, кроме трех, указанных уже выше, посвящены общей истории Римской империи в первой половине I в. н. э. Первая глава озаглавлена «Pax romana», вторая — «Хозяйственный строй и взаимоотношение частей Orbis terrarum» и третья — «Социальные движения в Италии и в западных провинциях империи в первой половине I века н. э.» Три следующие главы всецело заполнены политической историей Иудеи в I в. н. э., хотя автор и должен признать тот несомненный факт, что Иудея была одной из наиболее незначительных провинций Римской империи — небольшой «сельскохозяйственной областью, не игравшей сколько-нибудь заметной роли в экономической жизни империи» (стр. 60)[1].

Вместе с тем А. Г. Бокщанин склонен специфичные для этой маленькой страны весьма напряженные социальные отношения и бурно изменяющиеся политические порядки распространять и на другие части Римской империи. Поэтому и в общие вводные главы, довольно бегло и поверхностно характеризующие хозяйственный строй и социальные отношения в основных западных и восточных римских провинциях и в самой Италии, обильно вкрапливается материал из истории Иудеи. Например, в первой общей главе история Иудеи занимает около $^1/_3$ текста; эта история излагается здесь начиная со времени Антиоха III, с излишними подробностями о Маккабеях и Хасмонеях, о борьбе Гиркана с Аристобулом, о штурме иерусалимского храма по распоряжению Помпея в 63 г. до н. э. и т. п. (стр. 37—45), т. е. в этой главе изложены события, не имеющие прямого отношения к теме монографии. То же самое можно наблюдать и во второй главе: из 16 страниц более четырех отведено описанию хозяйственного строя Иудеи, тогда как для всех других провинций, начиная с Испании и Галлии и кончая Сирией и Египтом, автор считает возможным ограничиться всего тремя страницами (стр. 54—57). Таким образом, благодаря доминированию относящегося к истории Иудеи материала создается впечатление, что в книге делается попытка взглянуть на историю Римской империи I в. н. э. посредством анализа событий, имевших в это время место в одной из наименее

[1] Это главы: четвертая — «Социально-политический строй и общественное движение в Иудее в первой половине I века н. э.», глава пятая — «Римская политика в отношении вассальных царств и общественное движение в Иудее в 40—50 гг. I века н. э.» и глава седьмая — «Иудейская война».

значительных римских провинций, хотя и особенно активно выражавшей свое недовольство римским господством. Но вряд ли такой подход можно признать правильным. Для характеристики положения «вассальных царств» имеются достаточные данные не только относительно Иудеи (чем автор объясняет свой повышенный интерес к этой стране — стр. 37), но также и из истории Фракии, Боспорского государства, Понта и Армении.

В связи с этим стоит и доминирующая роль на протяжении всей книги А. Г. Бокщанина произведений Иосифа Флавия. Редкая страница обходится без ссылок на этого автора, сведениям которого даже о римских делах он верит на слово, не подходя критически к его показаниям. Монографию В. Вебера «Josephus und Vespasian», Berlin, 1921 г., хорошо вскрывающую всю тенденциозность и противоречивость сочинений Иосифа Флавия, А. Г. Бокщанин находит в этом отношении своеобразной по содержанию (стр. 11). К сожалению, А. Г. Бокщанину остались неизвестными не только относительно новые работы об Иосифе Флавии как историке Р. Лакера (1920) и Дрекслера(1924), но и старая работа Б. Низе[1], которые все в общем мало расходятся с характеристикой произведений Иосифа Флавия, данной В. Вебером. Свидетельства Иосифа Флавия, типичного фарисея и в прямом и переносном смысле, презрительно относившегося к простому народу, предателя, называвшего всех более твердых и искренних патриотов (зелотов) «мятежниками», «разбойниками», «разбойничьей шайкой», римского шпиона, раболепствующего клиента Флавиев и клеврета иудейского царя Агриппы II Младшего, требуют большей осторожности при пользовании ими.

Еще в 1870 г. Моммзен[2] убедительно показал, что в основе рассказа Иосифа Флавия о перевороте 41 г. лежат «Истории» Клувия Руфа (стр. 322), представлявшие собой мемуары умевшего приспособиться ко всем режимам сенатора и царедворца Нерона, Гальбы и Вителлия, составленные им уже на склоне лет при Флавиях и представлявшие собой, по выражению Моммзена, «обильный кладезь скандальных анекдотов». В ранних своих произведениях (в «Историях») ими пользовался и Тацит, но отказался от сочинений подобного рода в своих более зрелых «Анналах»[3].

Что касается весьма важной и даже решающей роли в перевороте 41 г. царя Агриппы, на чем особенно настаивает А. Г. Бокщанин (стр. 130—133), то этого нет и у Клувия Руфа, как показывают это свидетельства пользовавшегося тем же источником Светония. Повидимому, сведения эти идут из еще более мутного источника—из хвастливых воспоминаний Агриппы Старшего, известного авантюриста, интригана и лжеца, хранившихся в семье этого царя, к которой близок был Иосиф Флавий. Вот почему упрек А. Г. Бокщанина, что рассказ Иосифа Флавия о событиях 41 г. в Риме «игнорируется» и роль Агриппы «замалчивается» или «недооценивается» большинством историков, нельзя считать основательным. Отсутствие критического анализа источников у автора рецензируемой монографии имеет место и в отношении к сведениям Тацита, Светония, Плутарха и Диона Кассия (см. стр. 17—18).

Работа А. Г. Бокщанина содержит ряд неправильных и спорных утверждений. Так, например, автор утверждает, что в период гражданских войн I в. до н. э. «в Италии, в связи с неоднократными переделами земельной собственности, конфискациями и опустошением отдельных районов... резко сократилось количество мелких и средних землевладельцев» (стр. 63). В действительности, как известно, дело обстояло как раз наоборот, о чем может свидетельствовать хотя бы § 4 «Деяний Августа»: «Число римских граждан, принесших мне военную присягу, простиралось до 500 000. Из них я вывел в ко-

---

[1] R. Laqueur, Der jüdische Historiker Josephus, Giessen, 1920; H. Drexler, Untersuchungen zu Josephus und zur Geschichte des jüdischen Aufstandes, «Klio», XVII, 1924; B. Niese, Der jüdische Historiker Josephus, HZ, 76 (1896).

[2] Th. Mommsen, «Hermes», т. IV, стр. 318—325.

[3] Th. Mommsen, там же. Чисто личные моменты, касающиеся Клувия Руфа, вплетенные в рассказ о перевороте 41 г., особенно четко обнаруживают этот источник (Joseph. Flav., Antiquitates, XIX, 1, 13).

лонии или вернул на родину по окончании срока службы несколько более 300 000. Всем им я роздал участки земли, на мой счет купленные, или вместо поместья дал им деньгами» (очевидно, на покупку земли.— *В. Д.*). Параграф 28 сообщает об основании в Италии 28 «цветущих колоний». Множество крупных имений было поделено во время проскрипций между солдатами — до нас дошли литературные произведения, в которых потерпевшие оплакивают отнятые у них и пошедшие в раздел усадьбы и поля[1].

Нельзя согласиться с автором и в том, что «Август предпринимает ряд завоевательных походов в различные области Западной и Южной Европы... исходя из необходимости постоянного пополнения рабского рынка». Правда, А. Г. Бокщанин согласен признать, что «Августа толкали на завоевание и другие серьезные причины» (стр. 32, также стр. 34 и 72). А. Г. Бокщанин неправильно называет «союзниками», «союзническими отрядами» римские «вспомогательные войска» (auxilia), когорты и алы, набиравшиеся из жителей римских провинций и составлявшие почти половину всей римской армии, и утверждает, что «это были войска зависимых от Рима княжеств и городов» (стр. 34—35, также стр. 100—101). Относительно Германика сообщается уже нечто совсем невероятное, что он был сыном Тиберия и матери последнего Ливии (стр. 53).

Автор считает возможным установить для I в. н. э. экономическую базу Римской империи, которая только «первоначально представляет собою пестрый конгломерат, удерживаемый в повиновении лишь методами внеэкономического принуждения» (стр. 27). «Завязывались и укреплялись непосредственные экономические отношения между Востоком и Западом империи. Эти растущие экономические связи и создавали общую заинтересованность в существовании империи, как единого государственного целого, среди только что создавшейся рабовладельческой знати западных провинций, эллинистических землевладельцев, восточных жрецов и купцов» (стр. 58). Это несомненное преувеличение. Не хозяйственные связи, очень мало интересовавшие галльскую знать, «эллинистических землевладельцев» и тем более «восточных жрецов», побуждали их примиряться с господством Рима, а ожидания от него помощи в подавлении движения эксплуатируемых низов, что автор дальше сам достаточно подробно показывает, а также страх перед варварскими нашествиями, о чем он, к сожалению, совершенно забывает. Как только имперское правительство, даже уже переставшее быть чисто «римским», но широко включившее в себя представителей верхов рабовладельческого общества Средиземноморья перестает к концу II в. н. э. успешно выполнять эти функции, так сепаратистские тенденции получают доминирующую роль в настроениях провинциальной аристократии.

Восстание в паннонской и рейнской армиях в 14 г. изображается как «одно из стихийных движений античного люмпен-пролетариата» (стр. 86). При этом А. Г. Бокщанин высказывает мнение, что, провозглашая принцепсом Германика, «солдатская масса объективно выдвигала требование о новом переделе имущества — требование, характерное для античного люмпен-пролетариата», так как солдаты, собственно говоря, мечтали о гражданской войне, которая повлекла бы за собой передел имущества и земель. Если согласиться с этим, то вряд ли можно признать это движение только «мятежом», и притом «стихийным», а желание получить землю для обработки, пожалуй, мало свойственно люмпен-пролетариату. Здесь, как и во многих других случаях, А. Г. Бокщанин недостаточно критично воспринял сообщения своих источников, в частности Тацита, о военном восстании 14 г. (Annal., I, 3). Сведения Светония о том, что армия и слышать «не хотела о принцепсе, поставленном не ею» (Tiber., 2 5), на мой взгляд, несомненно, в данном случае более объективны, и к ним, по-моему, следовало отнестись с бо́льшим доверием. Сам Тацит в другом месте (Histor., I, 4) отмечает, что в этой решающей роли армии заключалась «тайна империи».

---

[1] «Divisas iterum sedes et rura canamus» (Н. А. Машкин, Принципат Августа, М., 1949, стр. 429).

Ряд неосновательных утверждений встречается у автора в характеристике правления Клавдия и Нерона и политического кризиса 68—69 гг. Автору не удалось доказать, что «заговор против Калигулы ни в коем случае не носил замкнутого дворцового характера... Это было долго подготовлявшееся, но плохо организованное выступление сенатской и всаднической знати не только против личности принцепса, но и против всей политической системы принципата» (стр. 129). Напротив, даже Иосиф Флавий утверждает, что Гаю Калигуле «пришлось погибнуть от руки заговорщиков, бывших первоначально его приближенными» (Antiquit., 2, 5). О непричастности сенаторов к заговору можно с полным основанием заключить из растерянности сената при известии об убийстве Калигулы.

По меньшей мере странно утверждение автора, что в 62 г. вождь консервативной знати Тразея Пет всерьез называл Нерона «превосходным принцепсом» (Tac., Annal., XIV, 48) и что с 59 г. наблюдалось в Риме «бесконтрольное господство старопатрицианских кругов» (стр. 160—161), причем эти «патриции» поддерживали всесильных временщиков из сословия всадников — Афрания Бурра и Аннея Сенеку (стр. 161 и 164) и со своей стороны поддерживались ими. Неверно также и утверждение, что позднее, «опасаясь заговоров патрициата,... Нерон стремился найти опору в городском плебсе и солдатской массе» (стр. 167). Напротив, в пренебрежении интересами армии заключалась особая слабость правления Нерона.

Автор небрежен в обращении с источниками. Так, например, ссылки на «Римскую историю» Диона Кассия часто делаются без указания глав и параграфов его книг (см. стр. 29, 30, 33 и др.). Проверка ссылок на стр. 160—161 показала, что семь из десяти неверны. Res gestae Августа цитируются по изданию Моммзена 1883 г. (стр. 29, прим. 1), причем не всегда верно. Так, А. Г. Бокщанин пишет (стр. 54): «По указанию Monumenti Ancyrani в 23 г. до н. э. Август двадцать раз раздавал хлеб, выдав 250 000 пайков. В 5-м г. н. э., согласно тому же источнику, было выдано уже 320 000 пайков». На самом деле в § 15 надписи значится: «В одиннадцатое свое консульство (23 г. до н. э.) я двенадцать раз раздавал продовольствие хлебом; ... когда я был в восемнадцатый раз трибуном и в двенадцатый раз консулом (5 г. до н. э.), я роздал 320 000 плебеям столицы по 60 денариев на каждого...» Весьма неточно сделаны переводы из произведений Варрона и Колумеллы (стр. 49): «мы пренебрегаем самостоятельным ведением хозяйства у себя в имениях...» (вместо «самоличным») или «... мы прячем у себя виноград с Киклад, из Бетики и Галлии...» (в тексте: «мы получаем вино с Киклад...»). Вместо orbis Romanus А. Г. Бокщанин пишет orbis terrarum[1] (глава вторая). Последняя, девятая, глава носит название Restituta est imperia, известно, что свое государство римляне называли imperium Romanorum, imperium p. Romani, а не «imperia» на современный нам лад. На стр. 61 делается ссылка на Oratio pro Flacci Цицерона, на стр. 64 сообщается, что «Валерий Мессала отказался от поста городского префекта (prefecturam urbis)», на стр. 136 говорится о «даровании Клавдием iusta honores (!) эдуйским аристократам». Нередки такие выражения: царь Ирод «был типичнейшим римским вассалом, охранявшим «pacem romanam» на крайнем юго-востоке «orbis terrarum»» (стр. 45). С тем же успехом автор везде в русском тексте склоняет и Monumentum Ancyranum — например: « по указанию Monumenti Ancyrani» (стр. 54), «автор Monumenti Ancyrani» (стр. 29). Это злоупотребление склоняемостью латинских терминов в русском контексте иногда приводит к тому, что автор запутывается и в употреблении русских падежей — например: «поддерживать версию о благодетельности римского управления для населения империи, о дарованном населению и охраняемому силой римского оружия «Pacis romanae»» (стр. 28). Конечно, и прописную букву в последних двух словах надо поставить не в первом, а во втором из них.

Подводя итоги, следует признать, что книга А. Г. Бокщанина не может удовлетворить читателя в ряде отношений. Это касается прежде всего структуры монографии. Она перегружена излишними материалами по истории Иудеи в ущерб истории более

[1] Ср. I. V o g t, Orbis Romanus, Zür Terminologie des römischen Imperialismus, Tübingen, 1929.

крупных и в экономическом отношении более важных провинций Римской империи I в. Это касается в значительной степени и содержания работы. Мы уже указали на далеко не полное использование источников (в особенности, эпиграфических) и некритическое к ним отношение, на смешение явлений социального и политического характера. Серьезные упреки могут быть высказаны автору и по поводу литературного оформления монографии. Следует пожалеть, что значительное время, протекшее между написанием этой работы и ее появлением в свет, не было должным образом использовано автором для преодоления указанных недостатков.

Проф. В. Н. Дьяков

С. А. ЖЕБЕЛЕВ, Северное Причерноморье, Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Изд-во АН СССР, 1953, 388 стр., тираж 2000 экз., цена 17 р. 25 к.

Переиздание в одной книге статей покойного акад. С. А. Жебелева по истории Северного Причерноморья — отрадное явление в нашей научной жизни. Написанные в основном в 1927—1941 гг. работы С. А. Жебелева стали трудно доступны советскому читателю, в то время как по многим кардинальным вопросам истории Северного Причерноморья они попрежнему продолжают оставаться основными. В своих работах С. А. Жебелев поставил и разрешил важнейшие проблемы по истории народов и государств Северного Причерноморья.

Книга статей С. А. Жебелева важна не только рядом бесспорных научных выводов автора, но и приемами его исследовательской работы. Для С. А. Жебелева как исследователя характерно не только всестороннее освещение исследуемой им проблемы, но и постоянная неутомимая работа над теми вопросами, по которым он уже высказывался в ранее опубликованных им статьях, хотя и не считал их решенными.

В сборнике впервые публикуется рукопись С. А. Жебелева «Скифский рассказ Геродота». Еще в 1927 г. в статье «Геродот и скифские божества» С. А. Жебелев касался вопроса об отношении Геродота к Гекатею, хотя вопрос об источниках сведений Геродота во время его пребывания в Ольвии не был решен окончательно (стр. 30—31). В более поздней статье «Народы Северного Причерноморья в античную эпоху» С. А. Жебелев исследует те же вопросы, что и в незавершенной им рукописи «Скифский рассказ Геродота». Однако в этой статье С. А. Жебелев еще не решает вопроса об автохтонности киммерийцев в Крыму и о занимаемой ими территории (стр. 255).

В «Скифском рассказе Геродота» С. А. Жебелев детально рассматривает вопрос об источниках Геродота, о взаимоотношениях Геродота с его литературными предшественниками (в частности, с Гекатеем, от которого значительно отличался рассказ Геродота[1]), об устных осведомителях Геродота, об автопсии Геродота (ср. окончательные выводы автора на стр. 327). Большое внимание уделил С. А. Жебелев вопросу о путешествиях Геродота в Северо-Восточное Причерноморье, причем в отличие от Якоби, С. А. Жебелев считает, что Геродот совершил две отдельные поездки — в северо-восточную часть Понта до Синдики и в северо-западную его часть до Ольвии. Установление этого обстоятельства весьма важно: сведения Геродота об этих областях восходят, таким образом, к его личным наблюдениям. Важно исследование С. А. Жебелевым свидетельств Геродота о размещении скифских племен на территории Причерноморья, о скифском караванном пути, а также детальное исследование вопроса о киммерийцах. Автор пришел к выводу, что центром киммерийских владений был

[1] Этот вывод С. А. Жебелева представляется нам теперь доказанным, в противовес многим попыткам предшествующих ученых (из числа которых следует, однако, исключить Ф. Г. Мищенко) отрицать всякую оригинальность Геродота.

район Боспора Киммерийского, хотя владения их простирались также и на горную часть Крыма, а киммерийская χώρα скорее всего охватывала северо-западную часть Таманского полуострова (стр. 335—336 и прим. 2 к стр. 355). Здесь же, хотя и более осторожно, С. А. Жебелев указывает на автохтонность киммерийцев в Крыму (стр. 336), откуда они позже были вытеснены скифами. Потомками их, может быть, являлись тавры [1]. В этой статье намечена также проблема скифов-кочевников и скифов-земледельцев.

Последующие раскопки в Крыму подтвердили правильность основных предположений С. А. Жебелева. «Скифский рассказ Геродота» представляет собой, таким образом, тщательное источниковедческое изучение текста Геродота и кладет основание научному исследованию и комментированию его текстов о Скифии. До С. А. Жебелева «... никто не подвергал рассказ внимательному анализу в о в с е й е г о с о в о к у п н о с т и» (стр. 309, разрядка моя.— *К. К.*).

Мы сочли нужным подробнее остановиться на этой статье С. А. Жебелева, так как она представляет последний научный труд автора, впервые опубликованный.

Источниковедческие проблемы по истории Скифии неоднократно привлекали внимание С. А. Жебелева. В статье «Геродот и скифские божества» С. А. Жебелев отмечал «рискованность сопоставления скифских божеств с греческими» при выяснении сущности скифских божеств, если некритически следовать сведениям древнего историка. В другой своей статье — «Народы Северного Причерноморья в античную эпоху» автор вновь указывает на необходимость крайне бережного и одновременно критического отношения ко всякому показанию Геродота (стр. 258).

Исследуя эпиграфические источники по истории Причерноморья и толкуя их «самым близким и точным образом», С. А. Жебелев сделал и в этой области ряд важных открытий. Точное понимание термина ἐκθρέψαντα αὐτόν привело автора к установлению того факта, что Савмак был рабом; восстание же скифов на Боспоре во II в. до н. э. было определено как восстание рабов. Понимание термина ἐξεπόρθησεν (стр. 197 сл.) и одновременное изучение археологических памятников привели автора к выводу лишь о разграблении Танаиса Полемоном, вопреки общеустановившемуся мнению якобы о полном разрушении города этим боспорским царем. Восстановление ἐξ]αγώγιον, вместо прежнего εἰσ]αγώγιον, позволило выяснить роль боспорского царя Савромата в фиасе горгиппийских навклеров. Точное и близкое понимание текста херсонесской присяги позволило С. А. Жебелеву впервые установить не только факт напряженной классовой борьбы в Херсонесе, результатом чего и явилась самая присяга херсонесцев, но и обосновать экономические причины этой борьбы. Автор высказал убедительное предположение о заговоре олигархической рабовладельческой верхушки Херсонеса против демократического строя полиса (стр. 233). В этой же замечательной статье С. А. Жебелев устранил господствовавшее в науке ложное представление о замкнутости и изолированности Херсонеса от скифских и таврских районов Крыма. Правильное толкование С. А. Жебелевым выражения надписи νέμονται ἢ ἐνέμοντο доказало участие в классовой борьбе, развернувшейся в Херсонесе в это время, соседних скифов (стр. 234). Анализ грамматического построения § 6 присяги и выражения τὸν σαστῆρα διαφυλάττειν дал наиболее убедительное понимание термина σαστήρ и по-новому объяснил взаимоотношения тавров и херсонесцев. В этой связи чрезвычайно важно напомнить, что С. А. Жебелев неоднократно подчеркивал, что без знания древних языков не может быть настоящего исследования, поскольку никакие переводы текстов не являются вполне точными.

Одновременно с работой над важнейшими вопросами социальной, экономической и политической истории Причерноморья С. А. Жебелев указывал на необходимость

[1] В современной С. А. Жебелеву историографии отмечен ряд противоречивых мнений о киммерийцах: переселение киммерийцев на территорию Крыма—В. В. Хвойко, причисление киммерийцев к трипольской культуре — А. И. Соболевский, к ананьинской—В. А. Городцов, принадлежность киммерийцев к иранской семье народов, хотя об языке киммерийцев до сего времени нет сведений.

составления археологической карты Северного Причерноморья и Крыма, на создание «корпуса курганов», в котором впервые было бы проведено в полном смысле слова научное изучение ценнейших памятников, большинство которых в свое время раскапывалось диллетантски и лишь в погоне за золотом. Он указывал на необходимость создания истории греческой колонизации Северного Причерноморья, проблемы, требующей совместного труда историков, лингвистов, археологов и филологов.

Отдавая должное большим заслугам крупного советского ученого, было бы неправильно относиться некритически к его научному наследию. Взгляды С. А. Жебелева по проблеме возникновения Херсонеса и по вопросу о вхождении Нимфея в Афинский союз подверглись критическому пересмотру. Однако вторая проблема далеко еще не пересмотрена и считать ее решенной представляется преждевременным. К сожалению, в редакционной статье нет никаких указаний относительно остальных работ С. А. Жебелева.

Некоторые статьи С. А. Жебелева содержали ошибочные положения или определения. Так, в статье «Основные линии экономического развития Боспорского государства», по мнению автора, тот факт, что Боспор был «большой колониальной державой», должен был «повести к тому, что в Боспоре должны были выработаться свои особые социально-экономические условия», т. е. автор полагал, что территориальное расширение границ Боспорского государства является основой его экономического развития, в то время как на самом деле экономическое развитие Боспора имело своим следствием территориальное расширение его границ. Под производительными силами С. А. Жебелев понимал не орудия производства и не производителей материальных благ, но обилие природных богатств Боспора — хлеб, рыбу, домашний скот, мед, воск, а также обилие в нем рабской силы[1]. Вследствие неправильного понимания производительных сил и неправильной исходной предпосылки С. А. Жебелев сузил проблему экономического развития Боспорского государства до вопроса об экономической политике государственной власти Боспора, как это ясно следует и из окончательных выводов его статьи. Основные линии экономического развития Боспора определяются, по его мнению, тремя положениями: 1) стремлением государства возможно шире использовать местные ресурсы (у автора «производительные силы»); 2) организацией возможно более широкого сбыта и 3) вовлечением в экономические интересы государства верхнего слоя местного населения для установления более тесных связей с «варварским» окружением (стр. 157).

Определение же основных линий экономического развития Боспора следовало искать прежде всего в аграрных отношениях и в формах земельной собственности как юридическом выражении производственных отношений самого общества. Экономическое развитие Боспора влекло за собой усиление государства как аппарата принуждения и усиления захватнических стремлений класса рабовладельцев. С. А. Жебелев же отрицал военно-захватническую политику боспорской рабовладельческой верхушки. Поэтому экономические условия развития самого общества автор ограничил проблемой экономической политики класса рабовладельцев Боспорского государства.

На примере этой статьи достаточно ясно видно, насколько необходимо критически оценивать научное наследие С. А. Жебелева, оговаривая ошибочность его отдельных положений.

Хотя в основу переиздания работ С. А. Жебелева был положен в общем правильный принцип отбора статей, имеющих непосредственное отношение к истории Северного Причерноморья, однако помещение в сборнике статьи «Боспорские Археанактиды» нам кажется нецелесообразным. Сам автор дважды отказывался от защищавшихся в этой статье взглядов (стр. 70 и стр. 163). Поэтому не следовало печатать эту статью в сборнике; можно было отослать читателя к ее первому изданию в

[1] Редакция сочла нужным на стр. 118 и 120 заменить выражение «производительные силы» в одном случае «природными богатствами», в другом — просто «богатствами», но забыла это сделать на стр. 157 и 158.

ЖМНП. Обзор литературы по Археанактидам, приведенный в свое время С. А. Жебелевым, не представляет в настоящее время большой научной ценности, поскольку он был составлен 52 года тому назад и, естественно, не учитывает последних исследований. Также вряд ли было необходимым включение в сборник статьи «Возникновение Херсонеса Таврического», поскольку основной материал трактуется гораздо подробнее и обстоятельнее в другой статье автора — о херсонесской присяге. Интересную же статью С. А. Жебелева «Счастливые города» не следовало исключать из сборника.

В изданном сборнике в примечаниях к каждой статье имеется список работ, близких материалу или проблематике статей, изданных с 1941 по 1952 г. Хотя в целом списки составлены довольно полно, ряд работ, издававшихся в Харькове и Киеве и имеющих немаловажное значение для изучения населения азиатской части Боспора, а также статьи в Ученых записках, в частности статья Ю. С. Крушкол «Экспорт и сельскохозяйственный импорт Северного Причерноморья» (УЗ МОПИ), работа Е. И. Крупнова (КСИИМК, 24, 1949), некоторые статьи Д. Б. Шелова, важные для настоящего издания, не отмечены. Не упомянута сводная работа С. А. Семенова-Зусера о скифах. К тому же при такой системе библиографии, которая положена в основу издания сборника, когда библиографические указания распределены не по проблемам, а по статьям, оказались неизбежными повторения некоторых работ, например А. Н. Зографа «Античные монеты», В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», Д. П. Каллистова «Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи» и др.

Оказалась не полностью учтенной новая иностранная литература и особенно публикации новых источников по темам отдельных статей, хотя такая работа была начата самим С. А. Жебелевым, как о том свидетельствуют включенные в издание заметки на полях его работ. Так, к статье С. А. Жебелева «Херсонесская присяга» следовало указать новое издание кносской надписи III в. до н. э. и опубликование эпиграфического текста присяги афинских эфебов. Для статьи «Основные линии экономического развития Боспорского государства» важно было отметить недавно переизданную с хорошим комментарием надпись из Коммагены и т. д.

Само издание текста статей С. А. Жебелева не отличается необходимой тщательностью, вследствие чего в книге имеется много опечаток, а иногда неточностей или даже искажений в передаче текста автора. Например:

Стр.	Напечатано	Следует читать
31	поездку по Скифии	поездку по Скифии, сопредельной с Ольвией
31	Геродоту, а его осведомителю	Геродоту или его осведомителю
37	соединились с греками	соседили с греками
40	Милет... был отвоеван македонской армией	Милет... был отвоеван македонской армией и с тех пор навсегда отошел от персов.
46	Зопирион начал поход без всякой побудительной причины	Зопирион начал поход, повидимому, без всякой побудительной причины
50	давая обзор архаического акрополя Пантикапея	давая обзор архаического некрополя Пантикапея
56	terminus ante quem	terminus post quem
57	Πλουτίς — зажиточные аристократы	Πλουτίς — зажиточные аристократы, живущие на свой капитал
59	Они поочередно захватывают власть в городе	Они поочередно захватывают верховную власть в городе
75	относящийся к V или, быть может, к началу IV в.	относящийся к V или, быть может, даже к началу IV в.
96	декрета с предшествующими почестями	декрета с приличествующими почестями

96	продолжительной, но энергичной кампанией	непродолжительной, но энергичной кампанией
99	при помощи которой он только и мог навести порядок	при помощи которой он только и мог бы навести порядок
116, прим. 2	Как обширна была территория в Ольвии	Как обширна была территория, примыкавшая к Ольвии
117, прим. 1	Что касается Херсонеса	Что касается положения Херсонеса
118, прим.	в речах некоторых ораторов	в речах некоторых афинских ораторов
118	в IV в. н. э.	в IV в. до н. э.
126	некто Летодор «посвятил» в свое время Афродите Апатуре храм, который находился в Фанагории	некто Летодор «посвятил» в свое время Афродите Апатуре, храм которой находился в Фанагории
133 прим. 2	б) за первые 10 000 медимнов пошлина взимается в размере 1/60	б) за первые 10 000 медимнов пошлина взимается в размере 1/90, за остальное количество — в размере 1/60
134 (окончание прим. 2 на стр. 133)	платить за пшеницу	платить пошлину за пшеницу
142	Господствовавшее прежде мнение, что эти металлы поступали	Господствовавшее прежде мнение, что эти металлы, в частности золото, поступали
142	местонахождение	место происхождения
143	Поступившее в Боспор золото и серебро	Поступавшее в Боспор золото и серебро
144 прим. 1	Материалы для таких исследований монет	Материалы для весовых исследований монет
150	положенные пошлины	таможенные пошлины
152, прим. 2	эти лица принадлежали не к постоянным отрядам	эти лица не принадлежали к постоянным римским отрядам
153	специальная структура	социальная структура
155	в Боспоре и в соседивших с ним областях	в Боспоре и в соединившихся с ним областях
156	И тогда там чеканилась золотая и медная монета.	И тогда там чеканилась золотая, серебряная и медная монета.
165	без овладения Таманским полуостровом.	без обладания Таманским полуостровом
166	представители рода Археанактидов были перебиты и должны были удалиться в изгнание	представители рода Археанактидов были перебиты или должны были удалиться в изгнание
180	упоминающих Персада	упоминающих Перисада I
180	они же регулярно именуются царями	они уже регулярно именуются царями
210	то понятно было бы, почему Феодосия...	то непонятно было бы, почему Феодосия...
211	под стратегом	под стратегами
225, прим.	чествуемое лицо трижды исполняло должность архонта	чествуемое лицо трижды исполняло должность первого архонта
276, прим. 1	за которым следует имя чествуемого	за которым обыкновенно следует имя чествуемого

278	выставляются заслуги по отношению к Мифрадату	выставляются заслуги кибернета по отношению к Мифрадату
280	Вот это-то «усердие» капитана по отношению к ольвийским послам	Вот это-то «усердие» капитана по отношению к ольвийским послам и ольвийским нуждам
284	едва ли возбраняется предполагать их.	едва ли возбраняется предполагать их, считаясь с той общей ситуацией, при которой возникла та или иная надпись.
285, прим. 1	повидимому и Латышевым	приводимому и Латышевым
289	Per Pont. Eux., 20: Ἀρμήνη	Per. Pont. Eux., 20: Ἀρμὴνη κώμη καὶ λιμὴν μέγας
290	открывается очень просто	открывается просто
292	крайней мере иностранцы —	(по крайней мере, примеров этого мы не знаем). Да и трудно допустить чтобы иностранцы
301	в правовом смысле	в правовом языке
301	вступительный взнос адоптированного;	вступительный взнос адоптированных;
301, прим. 4	иовакхи были обязаны делать	иовакхи были обязаны ежемесячно делать
304, прим. 1	и в статье Маркса	и в статье А. Маркса
307, прим. 3	(Мирмекий) лишь при Спартокидах	(Мирмекий) лишь при первых Спартокидах
307, прим. 3	Если бы раскопки Мирмекия дали ответ на этот вопрос!	Если бы раскопки Мирмекия дали ответ и на этот вопрос!

В ряде случаев редакция переделывает по-своему текст С.А.Жебелева, хотя на стр. 19 книги сказано, что текст С. А. Жебелева издается без всяких изменений по его первоначальным изданиям. В эти исправления текста входит и исправление терминологии С. А. Жебелева. Так, в одном случае вследствие снятия ссылки на одного из авторов взгляды последнего были приписаны самому С. А. Жебелеву (стр. 43). На стр. 283 в третьей строке сверху ольвийской надписи при переиздании допущена ошибка. С. А. Жебелев, выясняя чтение перескрипта надписи, подсчитывает в каждой строке число букв. В третьей строке, по подсчету автора, может оказаться 40 букв. При переиздании число 40 исправлено на 37, так как три подписные иоты не были замечены издателями и, таким образом, оказались исключенными из подсчета.

В большинстве случаев опечатки, имевшие место в старых изданиях статей С. А. Жебелева, механически перенесены и в это издание (стр. 36, 58, 62, 202, 204, 207, 211, 213, 230, 237, 280 и др.). Ошибки в греческом тексте следует поставить и в вину типографии. Редакция часто не сохраняла особенности, свойственные языку автора и его пунктуации, что в ряде мест нарушило смысл фраз С. А. Жебелева. Нередко опущены многоточия и курсив автора. В указании на источники допущен ряд ошибок и опечаток.

Значение работ С. А. Жебелева для нашей науки трудно переоценить. Поэтому их издание следовало выполнить безукоризненно, что мы и были вправе требовать от такого авторитетного учреждения как Институт истории АН СССР

Проф. К. М. Колобова

М. МАТЬЕ, День египетского мальчика, М., Детгиз, 1954, 128 стр., тираж 30 000 экз., цена 2 р. 25 к.

Усвоение элементарных сведений в области древней истории необходимо каждому культурному человеку как для понимания общих законов развития человеческого общества, так и для овладения всем богатством культурных ценностей: литературы, музыки, театра, живописи. Однако учащиеся за все время пребывания в школе сталкиваются с древней историей только один раз, только на короткий срок и в раннем возрасте. Все это, как и своеобразие предмета, чрезвычайно усложняет задачу учителя.

Не приходится поэтому и говорить, как ценны для преподавания древней истории хорошая историческая повесть, роман, рассказ, кинофильм, картина, научно-популярный очерк. Но из всех этих жанров исторического повествования фактически представлены у нас только два: имеется ряд удачных научно-популярных книг[1] и некоторое число исторических повестей и романов, принадлежащих перу профессиональных писателей.

Известно, какую важную роль в процессе преподавания играет научно-популярный очерк, однако не каждый одиннадцатилетний школьник захочет и сможет прочесть целиком серьезную книгу. Для широкой массы детей надо дать и более легкое домашнее чтение на исторические темы. В этом отношении незаменим жанр художественного произведения. Однако, к сожалению, далеко не всегда научный уровень исторического романа, повести, рассказа совпадает с его художественным уровнем. Напротив, познавательная ценность большей части художественных произведений на сюжеты из древней истории очень незначительна, часто она ограничивается только возбуждением у детей определенного интереса к далекому прошлому. Поэтому особенно полезны книги, которые принадлежат, так сказать, к промежуточному жанру: художественная форма их имеет только подчиненное, служебное значение, основной же целью является точное воспроизведение быта и жизни древних. Разумеется, в этом жанре успешно работать может только ученый, прекрасно знакомый с разнообразными историческими источниками, как письменными, так и вещественными. Собственно говоря, в нашей литературе этот жанр пока представлен только двумя произведениями: чудесным рассказом проф. С. Я. Лурье[2] и рецензируемой книгой.

В повести «День египетского мальчика» автор развертывает перед читателем ряд картин жизни древних египтян дома и в школе, на улице и на базаре, на реке, где ловит рыбу отставной воин, и в высшем жреческом училище, где учится астрономии старший брат героя повести, маленького Сети. Но это не отрывочные эпизоды: все картины органически связаны занимательной сюжетной линией.

На страницах ВДИ вряд ли целесообразно останавливаться подробно на литературных достоинствах и недостатках повести. Такая оценка — дело литературной критики. Достаточно сказать, что повесть М. Э. Матье получила третью премию на конкурсе детской научно-художественной книги, организованным Министерством просвещения РСФСР.

Занимательная форма изложения еще более увеличивает ответственность автора за научную точность книги. Оценивая повесть М. Э. Матье с этой точки зрения, надо сказать, что она может выдержать самую придирчивую проверку. Блестящие знания языка, искусства и литературы древних египтян дали возможность автору избежать

---

[1] Н. Д. Флиттнер, На берегах Евфрата и Тигра, Л., 1938; она же, В стране пирамид, М.—Л., 1936; М. Е. Сергеенко, Помпеи, М.—Л., 1949; «Древний Рим», книга для чтения, под ред. С. Л. Утченко, М., 1950; Н. А. Кун, Легенды и мифы древней Греции, М., 1954; М. Э. Матье, Что читали египтяне 4000 лет назад, Л., 1936; М. Ильин и Е. Сегал, Как человек стал великаном, М., 1948.

[2] С. Я. Лурье, Письмо греческого мальчика (Рассказ о древнем Египте), 1 изд.— М.—Л., 1940; 2 изд.—М.—Л., 1941.

крупнейшего недостатка, свойственного большинству художественных произведений на сюжеты из древней истории,— в повести М. Э. Матье нет и намека на модернизацию быта древних; нет в повести и ни одной сомнительной реконструкции; вся она, в сущности, представляет собой мозаику данных, почерпнутых то из литературного памятника, то из подлинного древнеегипетского рисунка или рельефа, то из непосредственного знакомства с предметами быта, то из археологических отчетов. Так, для описания дома, города и базара использованы как данные изобразительного искусства, так и материалы раскопок; для рассказов отставного воина — такие памятники египетской литературы, как «Битва при Кадеше», «Взятие Яффы» и поучения; для беседы Сети с жрецом Ани — поучение из папируса Честер-Битти IV, и т. д., и т. п.

Мозаика эта настолько искусна, что швы заметны только для египтолога: десятки и сотни полезных для школьника сведений, которые расцветят яркими красками сухой текст учебника, вкраплены незаметно в живую ткань занимательного рассказа о приключениях веселого и умного, озорного и доброго мальчика Сети, жившего более 3000 лет назад.

При помощи книги М. Э. Матье читатель не только узнает, но и представит себе в конкретных, живых образах, в каких домах жили, что ели и пили, как одевались древние египтяне, богатые, с одной стороны, бедняки — с другой, каковы были их семейные и общественные взаимоотношения, что они читали, что было им известно в науке и искусстве, как они писали, читали и считали, как учились дети богачей и как работали, овладевали своим ремеслом и жили впроголодь дети бедняков, в каких ужасных условиях жили и работали рабы.

Особенно ценно в книге чрезвычайно ясное и занимательное изложение системы письма и счета древних египтян: для подробного освещения этого трудного вопроса у преподавателя в школе нет времени, а порой и достаточных знаний.

Удачно в целом разрешил автор и другую труднейшую задачу — сделав по необходимости героем повести мальчика из семьи царского чиновника (в писцовой школе не могли учиться дети бедняков), придав ему привлекательный для советских детей моральный облик и вместе с тем раскрыв во всей полноте отталкивающие черты рабовладельческого строя. Используя детскую непосредственность героя и опираясь на подлинные памятники египетской литературы, М. Э. Матье сумела в общем без натяжки показать горькое недоумение Сети перед социальной неправдой.

Вполне естественны взаимоотношения Сети с Месом и старым воином, которые позволяют автору показать жизнь трудящихся и эксплуатируемых, жизненны эпизоды, показывающие социальное неравенство среди школьников, и т. п. К сожалению, это общее впечатление нарушают малоправдоподобные обстоятельства бегства маленького раба, тем более, что без них можно было бы вполне обойтись. Если автору хотелось непременно показать отношение Сети к рабству, то для этого можно было бы изобразить, например, маленького раба, живущего в доме Сети, товарища его детских игр, тяжелое положение которого, естественно, могло бы тронуть сердце маленького героя повести.

Неправдоподобен и эпизод с бегством Пабеса. Было бы естественнее, если бы, например, его выручил из беды знатный родственник. Нельзя не отметить и еще один недостаток: не всегда уместные моральные сентенции, преподносимые порой в слишком открытой форме, например о вреде подсказывания на уроках.

К повести приложен сборник переводов памятников древнеегипетской литературы. Несомненно этот сборник будет читаться детьми с величайшим интересом; предшествующая ему повесть не только возбудит интерес к подлинным произведениям древних египтян, но и поможет детям легче понять их, послужив своеобразным введением и комментарием к сборнику. Это, однако, не значит, что автор и издательство поступили правильно, дав очень мало пояснений непосредственно при переводах.

В сборнике представлены почти все жанры древнеегипетской литературы: две

сказки — «Потерпевший кораблекрушение» и «Волшебник Деди», повесть о Синухете, «Поучение Ахтоя», «Сказание Ипувера», военная песнь из биографии Уны, рабочие песенки, гимн Нилу. Кроме того, в самом тексте повести приведены переводы знаменитой песни грузчиков, заканчивающейся словами: «Воистину, из меди наши сердца», отрывок из поэмы «Битва при Кадеше», многочисленные цитаты из «Красноречивого поселянина», поучений и из «Потерпевшего кораблекрушение».

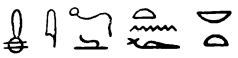
Переводы текстов, данные в «Приложении», подвергались (очевидно, по настоянию издательства), значительным и далеко не всегда необходимым сокращениям. Некоторые длинноты и не совсем ясные места действительно следовало изъять, имея в виду возраст читателей, но в отдельных случаях сокращения привели не к уяснению текста, а, напротив, к неясности изложения. Так, в результате сокращения стало неясно, что с «сплачом страны Ретену» Синдхет боролся, защищая от нападения то племя, которое приняло его к себе. Непонятно, зачем опущено в «Поучении Ахтоя» изображение участи ткача, гонца, красильщика, сандальщика, прачечника, рыбака и заключение этого «Поучения», характеризующее положение писцов. Иногда в результате сокращения выпадают такие образные выражения, как эпитет азиатов — «находящихся на песке», или — «страна передавала меня стране».

По сравнению с книгой этого же автора «Что читали египтяне 4000 лет тому назад» (Л., 1936) в настоящем издании проведена некоторая работа по облегчению языка переводов, что совершенно необходимо в книге, рассчитанной на детей среднего возраста. К сожалению, оно произведено все-таки еще в недостаточной степени. В ряде случаев сохранен буквализм, порой неизбежный в научном издании, но неуместный в издании для детей. В подтверждение этого положения достаточно привести только несколько примеров из перевода сказки о потерпевшем кораблекрушение. Так,

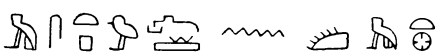
перевод выражения этой сказки (50) «огурцы, какие только

бывают» вполне можно было бы здесь заменить более далеким «всевозможные огур-

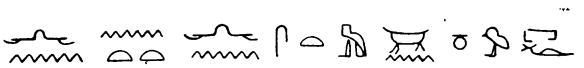
цы»; обычные идиомы (68) «был я на

животе моем перед ним» и  (174) «подобно всему, что он

сказал лучше передать «пал я перед ним ниц» (или «распростерся я перед ним на земле») и «именно так, как он сказал»; нет никакой необходимости переводить выражение



(94) тяжелым по-русски оборотом «из отборнейших Египта», достаточно точен был бы и перевод «из самых лучших в Египте»; также нет никакой нужды передавать «в нем», что применительно к кораблю режет в русском языке ухо, следовало сказать «на нем»; перевод фразы



(115) «где нет ничего такого, чего бы не было в нем (на острове.—*Н.П.*)» очень тяжел, его можно было бы заменить более правильным по-русски — «где нет недостатка ни в чем».

Вообще, как это уже неоднократно отмечалось филологами-античниками, буквализм перевода далеко еще не равнозначен его точности; кроме того, как бы ни был точен перевод, он всегда все же представляет собой интерпретацию оригинала, и более того, интерпретация текста — прямая обязанность переводчика. Исходя из сказанного, следует отметить отсутствие в некоторых случаях такой необходимой интерпретации. Так, например, в той же сказке о потерпевшем кораблекрушение перевод: «я был награжден е г о л ю д ь м и» (178—179) оставляет читателя в недоумении относительно значения этой фразы.

Неудачным представляется и перевод ряда терминов, например термина $h^{3}{}_{3}ti^{c}$ как «князь» и термина šmśw как «дружинника». Последний упрек, впрочем, относится не только к автору рецензируемой книги, но и к другим нашим египтологам, которые еще не выработали обоснованной системы перевода (или оставления без перевода) социальных терминов.

Не имея возможности остановиться здесь подробнее на анализе переводов, следует только указать на назревшую необходимость широкого обсуждения вопроса о принципах переводов с древневосточных языков для различных типов изданий (научное издание, хрестоматия, детская книга).

Уместным представляется также отметить, что повторный выход в свет переводов произведений древнеегипетской литературы в издании для детей еще раз напоминает о необходимости подготовки академического издания «Литература древнего Египта». Осуществление такого издания, задуманного в свое время еще Б. А. Тураевым, прямая обязанность наших научных учреждений и комиссии АН СССР, издающей «Литературные памятники», тем более, что в наших собраниях хранятся оригиналы таких блестящих образцов древнеегипетской литературы, как «Потерпевший кораблекрушение», «Путешествие Уну-Амона» и др.

В двух предисловиях — к тексту повести и к переводам — М. Э. Матье с подлинным увлечением рассказывает юным читателям об источниках и методах исторического исследования, умело, в доступной форме раскрывает перед ними задачи исторической науки, привлекает их внимание к сокровищам наших музеев, показывает лабораторию создания своей книги.

Иллюстрации к повести и переводам, выполненные на основании творческого использования подлинных произведений древнеегипетского искусства и под непосредственным руководством автора книги радуют своей точностью в воспроизведении жизни древних египтян и вполне соответствуют высокому научному уровню рецензируемого издания.

Н. М. Постовская

А. П. ИВАНОВА. Искусство античных городов Северного Причерноморья, Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1953, стр. 192, тираж 5000 экз., цена 7 р. 50 к.

Рецензируемая работа, как это сообщается в аннотации, предпосланной книге издательством, предназначена для широкого круга советских ученых, соприкасающихся с вопросами истории, археологии и искусства Северного Причерноморья.

Основной своей задачей автор поставил «изучение процесса развития искусства Северного Причерноморья, характеристику его местного своеобразия, обусловленного особенностями социальной и культурной истории Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства, выявление творческой самобытности местных художников» (стр. 6).

В первой главе большое внимание уделено характеристике экономики, общественного строя, быта, культуры и искусства скифского населения. Вопросам, связан-

ным с греческой колонизацией Северного Причерноморья, посвящена вторая глава, в которой подробно рассматриваются причины колонизации и указывается время основания ряда греческих городов-колоний. В третьей главе рассказывается об основных источниках по истории античных городов Северного Причерноморья и об истории их исследований, отмечаются труды виднейших русских как дореволюционных, так и советских ученых в области изучения истории и искусства Северного Причерноморья.

Искусству Ольвии посвящены четвертая, седьмая и десятая главы. В этих главах обращается внимание на характерное для художественной жизни Ольвии архаического периода сосуществование в искусстве греческих и скифских мотивов, хотя определенно заметно, что творчество греческих художников приобретает своеобразную окраску под влиянием местной среды. Вместе с тем «... по сравнению с Боспором, в Ольвии эллинистического периода местное искусство не получило такого яркого и блестящего развития, греческий элемент занимает еще господствующее положение» (стр. 100). Но «... в первые века нашей эры местные черты усиливаются» (стр. 127).

В пятой, шестой, двенадцатой и тринадцатой главах рассматривается искусство Боспора. «... Весь процесс исторического развития искусства Боспора определяется значительным, более значительным, чем в каком бы то ни было другом центре Северного Причерноморья, активным участием местного населения» (стр. 93).

Искусству Херсонеса отведены в книге восьмая и одиннадцатая главы, в которых подчеркивается значение греческой культуры и искусства для Херсонеса IV—II вв. до н. э., вместе с тем «... искусство Херсонеса первых веков нашей эры, наряду с наличием известной романизации, отличается резко выраженным усилением местных, в частности таврских элементов» (стр. 141).

Скифо-сарматское искусство последних веков до н. э. и первых веков н. э. исследуется в девятой главе. Автор приходит к выводу, что «сарматская художественная культура сыграла значительную роль в развитии искусства греческих городов Северного Причерноморья в первые века нашей эры» (стр. 119).

Достоинством рецензируемой работы является то, что автор ставит в ней ряд важнейших, требующих своего скорейшего решения вопросов. Большое внимание уделяется роли местных племен в формировании и развитии искусства Северного Причерноморья античной эпохи. А. П. Иванова стремится раскрыть своеобразие искусства Северного Причерноморья, и одной из основных проблем, стоящих перед автором, является проблема взаимодействия греческого искусства и искусства местных племен.

В рецензируемой книге для разрешения этого интересного и важного вопроса привлечены материалы археологических раскопок, исследуется ряд памятников из периферийных музеев, получают освещение основные виды изобразительного искусства — скульптура, живопись, отчасти архитектура, искусство малых форм — торевтика, резьба по дереву, терракота, гипсы и т. п.

Достоинством книги является также то, что главам, посвященным вопросам искусства, предшествует глава об истории археологических открытий, а в пределах каждой из глав анализу самих памятников предпослана характеристика исторической обстановки.

Вместе с тем в книге имеется ряд упущений, особенно в вопросах исторического характера.

Если в первой главе подробно повествуется о скифах, то о других племенах местного населения упоминается вскользь. Так, о меотах и синдах, являвшихся основными этническими группами, с которыми греки встретились на берегах Боспора Киммерийского, в этой главе не сказано ни слова. А между тем синдо-меотские племена являлись немаловажным фактором в истории греческих городов Северного Причерноморья. Не всегда автор учитывает выводы, сделанные советскими учеными на основании материалов археологических раскопок последних лет. Во второй главе не приняты во внимание результаты раскопок Пантикапея последних лет, дающие возможность говорить о существовании эмпория на месте Пантикапея уже в VII в. до н. э.

Недостаточно ясно отражена периодизация истории Северного Причерноморья при рассмотрении периодизации истории искусства.

При рассмотрении местного искусства автор постоянно отмечает присущий ему реализм. Однако понятие реализма ограничено рамками этнографичности, портретности и своеобразием приемов передачи движения, вследствие чего представляется, таким образом, слишком суженным, сведенным к необходимому, но далеко не достаточному (стр. 73, 80 слл., 91, 93, 138). Так, на стр. 93 автор подчеркивает «... наличие двух противоположных тенденций в развитии самого местного искусства. С одной стороны, для него характерна условность и примитивные черты в трактовке образа человека. С другой стороны, в творчестве местных мастеров, живших и работавших в городах Боспорского царства, ясно прослеживается реалистическая тенденция». Однако условность и плоскостность изображения являются чертами, противоположными реализму, а в чем же состоит эта реалистическая тенденция, автор не поясняет. Более того, именно этими чертами автор характеризует в основном памятники местного искусства (стр. 57, 82, 87, 131, 134).

Хотя А. П. Иванова и уточняет понимание термина «условность», тем не менее вряд ли можно считать его употребление удачным в применении к рассматриваемому автором изображению, например, коренастой фигуры с некоторой непропорциональностью ее частей (см. стр. 115, 137). К тому же употребление термина «условность» отнюдь не помогает раскрыть связь местного искусства с мифологической тематикой, культовостью, отвлеченностью изображения от реальных предметов. Справедливо отмечая, что «самый реализм местного искусства отличается от греческого реализма», автор специфику этого местного искусства видит лишь в его условности и плоскостности, т. е. именно в проявлении той тенденции, которая определена на стр. 93 как нереалистическая.

Взаимодействие греческого и местного искусства является важнейшим моментом в истории искусства Северного Причерноморья античной эпохи.

А. П. Иванова справедливо отмечает, что «... местная среда должна была оказать в какой-то мере свое воздействие на греческих художников, работавших в Ольвии» (стр. 48). «Греческая культура подвергается на Боспоре весьма значительной переработке со стороны местного населения» (стр. 54). Тем не менее сложный вопрос о взаимодействии двух различных культур в Северном Причерноморье решается несколько упрощенно. Воздействие местного искусства на греческое и греческого на местное сводится к внешним факторам, к использованию греческими мастерами местных сюжетов, и доказательством взаимодействия двух культур служит обычно факт наличия в погребениях произведений греческого и местного искусства (см. стр. 51, 55, 72, 74).

Нам кажется, что в сложном вопросе о взаимодействии греческого и местного искусства необходимо было учитывать не только развитие греческого искусства (на протяжении от VI в. до н. э. до IV в. н. э.), но и его специфические особенности в различных центрах (Аттика, Иония, Пелопоннес и др.) в те периоды развития, когда оно воздействовало на местное искусство. Однако искусство какого именно центра Греции больше всего в тот или иной период соприкасалось с местным,— в книге не прослежено.

Сложность вопросов развития искусства Северного Причерноморья и недостаточная разработанность их в нашей науке является одной из причин того, что на первом этапе их исследования трудно дать исчерпывающие и безошибочные выводы, и монография А. П. Ивановой является первой и, пожалуй, единственной в этом плане. Вместе с тем создается впечатление, что правильному решению некоторых проблем помешала некоторая поспешность автора при подготовке книги к печати, представляющей собой переработанный лекционный курс. В книге встречаются противоречия, повторения, иногда не совсем обоснованные предположения и сравнения. Так, например, на стр. 158, где идет речь о боспорской скульптуре I—II вв. н. э., говорится, что «... в более поздних памятниках постепенно нарастают черты условности и декоративности». Однако на стр. 164 подчеркивается, что эта мысль высказывалась многими исследо-

вателями и что «это совершенно не соответствует действительности», а на стр. 167 вновь отмечается: «преобладающую роль в его (искусства Боспора.— *Г. С.*) развитии играют условность и декоративность».

Не вполне удачный подбор памятников мешает автору в доказательстве справедливых и верных положений. Так, как пример реализма скифского искусства VII—VI вв. до н. э. приводится изображение оленя из раскопок кургана у станицы Костромской, а золотое изображение оленя из Куль-Обы — как пример условности и схематизации в скифском искусстве более позднего времени. Однако на стр. 75 сообщается, что кульобский олень изготовлен греческим мастером, что «греческий художник пытается внешним образом подражать органически чуждому ему скифскому звериному стилю». В таком случае, почему для характеристики скифского искусства выбираются нескифские памятники и к тому же на основании этих произведений делаются выводы относительно развития скифского искусства?

Не совсем удачным является объяснение происхождения скифского звериного стиля: «Один из излюбленных сюжетов скифского искусства — борьба зверей,— читаем на стр. 16,— крупный хищник терзает оленя или другое более слабое животное. Широкое распространение подобных композиций, известных у многих народов древности, связано, повидимому, с участившимися военными столкновениями и борьбой между отдельными племенами, характерными для периода военной демократии».

На стр. 68 склеп Золотого кургана относится к V в. до н. э., однако отсутствуют данные, на основании которых определена датировка этого памятника.

При анализе фрагмента головы воина в коринфском шлеме из Керченского музея сообщается о двух типах коринфского шлема (стр. 57). На основании несквозных отверстий на шлеме для глаз автор считает, что изображен тип шлема, который носился всегда сдвинутым на затылок, а не боевой шлем, опускавшийся на лицо во время боя. Известно же, что существовал один тип коринфского шлема, который в разное время носился по-разному.

На стр. 95 приводится реконструкция эллинистического дома в Ольвии, сделанная Б. В. Фармаковским, предполагавшим наличие в доме двух этажей. По проекту И. Н. Соболева этот дом реконструируется как одноэтажный[1]. К сожалению, эти последние исследования не использованы автором. Не совсем верно, что роскошь была совершенно чужда погребениям классической Греции (стр. 73).

О распространенности в Греции богатых погребений свидетельствуют не только законы Солона, о которых упоминает и автор на стр. 56, но также и законы Ликурга. Вряд ли также можно усомниться в огромной стоимости монументальных мраморных надгробий типа надгробия Дексилея и др. Не вполне убедительной кажется выдвигаемая на стр. 88 гипотеза о причине возникновения такого типа надгробного памятника, который передает фигуру или поколенное изображение умершего. Автор ставит это в связь с «..традицией античного искусства изображать богов, связанных с землей и подземным загробным миром, в виде полуфигур или бюстов, как бы выходящих из земли». В качестве примера использована группа с большого фриза Пергамского алтаря Зевса, где Гея, мать гигантов, умоляя Афину пощадить ее сыновей, наполовину вышла из земли. Не говоря уже о том, что фриз Пергамского алтаря является более поздним памятником, чем все те, о которых сообщается в шестой главе, Гея изображена на нем выходящей из земли только в связи с трагическими для нее событиями. Хтонических, подземных божеств, таких, как Плутон, Кора, и других, нередко можно видеть изображенными во весь рост и в искусстве древней Греции и в боспорском искусстве, в частности в росписях склепа Деметры, которым в книге посвящены стр. 149—150.

О ряде воспроизведенных в книге памятников лишь упоминается, в то же время произведениям, не отраженным в иллюстративном материале, уделяется значительно большее место. Так, на стр. 96—97 подробно анализируется мраморная статуэтка

[1] «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. 2, стр. 375.

из Ольвии, а о таких произведениях, как голова Асклепия или Гигиеи, фотографии которых приведены в книге, сказано лишь, что они представляют большой интерес.

Несмотря на отмеченные недочеты, работа А. П. Ивановой представляет существенный вклад в выяснении истории искусства Северного Причерноморья. Достоинством ее прежде всего является постановка вопроса о своеобразии местного искусства и его взаимодействии с греческим.

Г. Соколов

ЦЕННОЕ ИЗДАНИЕ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

(Обзор журнала «Вэньу цанькао цзыляо» за 1950—1953 гг.)

Среди научных изданий КНР, освещающих вопросы древнейшей истории и археологии Китая, особое место занимает рассматриваемый ежемесячный журнал, издаваемый в Пекине отделом истории материальной культуры Министерства культуры КНР. «Вэньу цанькао цзыляо» — «Материалы по изучению культуры» — наиболее полно по сравнению с другими китайскими журналами отражает результат многогранной деятельности китайских археологов[1]. Археологические исследования и раскопки в целом ряде провинций Китая проводят местные отделы культуры и местные музеи. «Вэньу цанькао цзыляо» публикует отчеты об этих работах. Вследствие этого для каждого специалиста, изучающего древнюю и раннесредневековую историю Китая, статьи и публикации в ВЦЦ приобретают немаловажное значение.

Рассматриваемые ниже номера данного журнала за первые четыре года его существования содержат, помимо сообщений и статей по археологии и истории Китая, публикации о деятельности центральных и местных книгохранилищ и библиотек, а также в большой степени о работе музеев. Здесь помещаются краткие сообщения о культурной жизни в Китае и за рубежом, освещаются достижения Советского Союза и его опыт в культурном строительстве, публикуются руководящие материалы, относящиеся к тематике журнала. С 1951 г. стали печататься специальные учебные материалы для подготовки археологов — относительно правил и методов раскопок, разработки по экспозициям музеев, а также по библиотечному делу.

Настоящий обзор охватывает только археологические материалы из ВЦЦ, представляющие наибольший интерес для специалистов по древней истории Китая.

Первые шесть номеров (1950, № 1—6) рассматриваемого журнала публикуют правительственные постановления и распоряжения об охране археологических памятников, статью заведующего отделом материальной культуры Министерства культуры КНР и директора Института археологии АН КНР проф. Чжэн Чжэнь-до о необходимости серьезного внимания со стороны народного правительства Китая к охране древних памятников культуры, а также статьи о местонахождении археологических памятников в Датуне провинции Пинъюань и в других районах. В этих же номерах помещаются статьи о посещении советскими археологами раскопок иньской столицы и знаменитого района Чжоукоудянь[2]. Достижения и опыт советской археологии

---

[1] Статьи и материалы о результатах археологических раскопок в Китае постоянно публикуются, помимо специального сборника Института археологии АН КНР «Чжунго каогу сюэбао» или «Каогу сюэбао», также в «Научном вестнике» АН КНР — «Кэсюэ тунбао», а кроме того — в китайских центральных и местных газетах.

[2] В ВЦЦ, 1950, № 6 опубликована сокращенная стенограмма доклада проф. С. В. Киселева о достижениях советской археологии, прочитанного им в Пекине для китайских археологов и историков.

освещаются во всех рассмотренных 40 томах журнала. Китайские археологи стремятся изучить опыт советской археологии. В ВЦЦ, 1953, № 12 (стр. 76—95) помещен полный перевод статей второго издания БСЭ «Археология» и «Археология в СССР». Во многих номерах публикуются сообщения о новых находках советских археологов в Крыму, Армении, на Сухумском побережье, в Сибири, в Киргизии, о раскопках Хорезма.

Журнал откликается на важнейшие события общественной жизни Китая. Почти все содержание ВЦЦ, 1950, № 11 посвящено разоблачению американской агрессии в Корее. Помимо статей о культуре корейского народа, в этом номере публикуются материалы о преступной деятельности «культуртрегеров» из США. Чэнь Мэн-цзя в статье «Каким образом китайские древние бронзовые изделия попали в США» (стр. 87—91) рассказывает о деятельности различных американских «научных» организаций, проводивших раскопки и вывозивших многие ценные экземпляры чжоуской бронзы. Ряд статей (ВЦЦ, 1953, № 11) посвящен памяти великого китайского писателя Лу Синя.

В целях широкого освещения состояния культурной жизни в каждом районе Китая несколько номеров журнала за 1951 г. отведено исследованию и описанию какой-нибудь определенной области, важной и интересной в археологическом отношении, или наиболее ценной группе памятников. ВЦЦ, 1951, № 7 и 8 посвящены памятникам Восточного Китая, ВЦЦ, 1951, № 9 — археологическим объектам северо-востока страны, № 10, 11 и 12 — Северо-Западного, Юго-Западного и Центрально-Южного Китая соответственно. ВЦЦ, 1951, № 4 и 5 представляют собой специальные выпуски о раскопках знаменитых пещер Дуньхуана в провинции Ганьсу.

Обзор рассматриваемых номеров журнала дает представление о его профиле. В соответствии с общепринятой периодизацией археологических памятников, журнал публикует материалы, относящиеся к следующим археологическим эпохам[1]: палеолит, неолит, памятники периодов Инь и Чжоу, а также помещает археологические находки, относящиеся к концу прошлой — началу нашей эры, итоги исследования пещер с каменными изваяниями будд и памятников киданьской династии Ляо. Специально обращается внимание на публикации учебных и методических статей для подготовки археологов. Как свидетельствует тематика журнала, археологи Китая значительно расширяют хронологические рамки исторических периодов, подлежащих их исследованиям. Опубликованные в журналах материалы являются трудами авторов раскопок и участников различных экспедиций; это обстоятельство придает публикациям особую ценность.

П а л е о л и т. Палеолитические находки в Китае до недавнего времени сосредоточивались в северной части его, особенно в знаменитых пещерах Чжоукоудяня. Однако палеолитические материалы обнаружены в значительных количествах в Южном Китае — район Цзыян, провинция Сычуань[2].

Обнаружение палеонтологических остатков и палеолитических орудий из вулканических пород в районе Датун, тщательно исследованных проф. Пэй Вэнь-чжуном (ВЦЦ, 1950, № 1—6, стр. 24—25), позволило установить, что эти остатки принадлежали древним ископаемым породам носорога, лошади, слона. Палеонтологические остатки из Датуна и каменные орудия проф. Пэй считает возможным датировать временем синантропа. Примерно к тому же периоду относят палеолитические орудия из пещеры Лунгутун («Пещера драконовых костей») в Южном Китае. Обнаруженные в пещере окаменелые костные остатки «могут быть отнесены к так называемым «находкам ледникового периода», однако невозможно установить, принадлежали они к ископаемым видам человекообразных обезьян или же палеолитическому человеку (типа синантропа)» (ВЦЦ, 1950, № 12, стр. 21). Обнаруженные в лёссовом слое несколько южнее пещеры оббитые каменные орудия, похожие на орудия среднего и верхнего па-

[1] В статье опущены те материалы, которые уже в какой-либо степени известны советскому читателю по публикациям отдельных обзоров и статей в СЭ и ВДИ 1952—1954 гг.

[2] См. публикации в СЭ, 1953, № 3, стр. 201—203.

леолита, подлежат дополнительному исследованию для установления их датировки.

В статье Ван Юн-яня содержится описание местонахождений доисторических культур в Северо-Западном Китае (ВЦЦ, 1951, № 10, стр. 155—165). Здесь дана краткая справка о находках палеолита в различное время в восточной части Шэньси и Нинся, а также в районах Цинян и Хэситулан провинции Ганьсу.

Большая статья известного китайского палеонтолога и археолога Цзя Лань-бо (ВЦЦ, 1951, № 3, стр. 6—19) подробно излагает историю коллекций остатков синантропа из Чжоукоудяня, палеолитических людей «Верхней пещеры», а также других районов Китая (провинции Юньнань, Гуанси). Эти коллекции были украдены японцами, а затем мошеннически вывезены в США. Автор дает подробный список всех материалов, хранившихся в коллекциях, а также описание палеонтологических находок, находящихся сейчас в США.

Исследование палеолита в Китае по существу еще только начинается, и хотя еще мало проведено больших раскопок, обнаруженные материалы представляют большой интерес, так как они намечают картину жизни древнейшего населения Китая и районы его расселения.

Н е о л и т. Хотя публикации по неолиту касаются двух районов Китая — северо-восточного и центрально-южного, они освещают совершенно новые области неолитических культур Китая, в отличие от хорошо известных культур Яншао и Луншань.

Северная неолитическая культура в уезде Илань провинции Сунцзян представлена находками плиточной могилы с погребальным инвентарем (каменные шлифованные орудия, керамика, изделия из нефрита, рыбьих костей и др.— ВЦЦ, 1950, № 1—6, стр. 26—29). Скорченное погребение костяка отличается от известных погребений Яншао. Северная неолитическая культура, как это можно определить по форме и обработке нефритовых изделий, вероятно имела связь с китайской культурой Центральной равнины (стр. 27). Северной неолитической культуре также посвящена статья Ань Чжи-миня о неолитических находках в окрестностях Датуна и Юньгана, значительно отдаленных от района Илань (ВЦЦ, 1953, № 5—6, стр. 143—152).

Раскопки у пещер в Юньгане (провинция Шаньси) обнаружили два образца микролитов и 43 фрагмента керамики, причем только один из них был фрагментом расписной керамики, три — красной лощеной; остальные фрагменты сохраняли элементы веревочного, корзинного штрихового, квадратного орнаментов или являлись осколками грубо полированных сосудов. Найденные керамические, каменные, раковинные хуаны, керамические пряслица, фрагменты раковинных изделий аналогичны находкам из стоянки Яншао, исключая изделия из раковин (например, ножи, шило и т. п.). Это обстоятельство указывает на отличие северного неолита от неолита Центральной равнины.

Один из найденных здесь микролитов представляет собой наконечник стрелы, оббитый, из красного агата. По своей форме он соответствует «монгольскому типу». Второй микролит — несколько поврежденный скребок из серого кремния, аналогичен скребкам из стоянок Цицзяоцзинцзы (провинция Синьцзян) и Гусяньтунь (провинция Сунцзян), а также изделиям, встречающимся на Аляске (стр. 149). Шлифованные каменные орудия и изделия (топоры, ножи, жернова, пестики) сближаются во времени с культурой микролитов, напоминая, в свою очередь, более многочисленные находки сходных типов в Гаоцзяинцзы. Оббитые орудия — части топоров со следами шлифовки — сделаны из вулканических пород.

В целом, большинство находок в районе Датун—Юньган дает право объединять культуру Датун—Юньган с культурой Гаоцзяинцзы, более поздней, чем культура Яншао и, вероятно, синхронной культуре Чифэна (провинция Жэхэ, стр. 151). Повидимому, правомерно предположить, что создателями северной неолитической культуры Датун—Юньган являлись племена иного этнического комплекса, чем китайцы. Поэтому исследование северной неолитической культуры Китая чрезвычайно важно: оно позволяет проследить историю древнейшего населения этих районов.

Китайские археологи обнаружили также новую неолитическую культуру в Центрально-Южном Китае — в Хушу (южнее Нанкина). Развитие этой культуры шло самостоятельно, хотя и не без некоторого влияния неолита и бронзы Центрального Китая, что подтверждается наличием сходных элементов в орнаменте керамических сосудов. Неолитическая культура Хушу, синхронная культуре развитой бронзы иньчжоуского Китая, характеризуется крашеной керамикой и шлифованными каменными орудиями, которые по своему материалу, формам, орнаментировке обнаруживают сходство с находками в районе Дали (провинция Юньнань) и в то же время значительно отличаются от культур Яншао, Луншань и Сюань. Повидимому, эта южная неолитическая культура образовалась самостоятельно и является отличной от культуры долины Хуанхэ (ВЦЦ, 1951, № 7, стр. 166).

Таким образом, новые находки неолита в Китае дают возможность полнее представить картину исторического прошлого страны.

Памятники периодов Инь и Чжоу. Раскопки столицы иньской династи близ гор. Аньяна уже на протяжении четверти века привлекают к себе внимание историков и археологов[1].

Не меньшее значение для изучения древней истории Китая имеют памятники эпохи Чжоу. Между тем археологи Китая, обнаружив значительное количество бронзовых изделий чжоуского периода и отдельных погребений, не открыли памятников Чжоу, равных памятникам Инь. В то же время историческая ценность чжоуской бронзы необычайно велика: почти на каждом бронзовом сосуде имеется надпись, объясняющая, кем и для кого сделан этот сосуд, в связи с каким событием, и т. д. Большинство бронзовых изделий относится к погребальному инвентарю или является жертвенными сосудами. Надписи дают возможность также установить, кем являлся владелец сосуда при своей жизни.

В гоминьдановском Китае бронзовые сосуды Чжоу чаще всего, минуя музеи, попадали в руки зарубежных «антикваров» или местных феодалов, которые с прибылью сбывали их тем же «антикварам». В 1940 г. в уезде Фуфэнсянь (провинция Шэньси) было найдено свыше 60 бронзовых сосудов периода западного Чжоу с иероглифическими посвящениями. Глава милитаристской клики этих районов Ху Цзун-нань и его приспешники перепродавали эти находки англо-американским коллекционерам (ВЦЦ, 1951, № 10, стр. 143—148).

После установления в Китае народной власти проводившиеся здесь раскопки обнаружили еще девять сосудов с надписями. Из них обращает на себя внимание большой сосуд — трипод, типа дин «Юя». Имеющиеся на этом сосуде 202 иероглифа сообщают, что чжоуский император приказал отлить его в честь своего приближенного, имевшего заслуги в битвах с иньцами. Другие сосуды типа плошек — пань, горшков с двойным дном — янь, кубков и т. п. по их надписям совершенно четко датируются временем правления чжоуского императора Кан-вана. Все найденные сосуды датируются XII—XI вв. до н. э.[2].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ КОНЦА ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ — НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ

В истории Китая периоды, называемые Чжанго («эпоха борющихся царств») и династией Хань, являются наиболее интересными. По мнению большинства китайских исследователей в это время происходит становление и затем окончательная победа феодального строя. В археологическом отношении этот период является расцветом железного века в Китае, сменившего бронзовый. Эти исторические периоды стоят на грани новой эры.

[1] См. ВДИ, 1952, № 3; 1954, № 2.

[2] Более обширные публикации раскопок иньской столицы и чжоуских могил содержатся в журнале «Кэсюэ тунбао» и сборнике «Каогусюэбао».

Раскопки ханьских гробниц и могил, разбросанных на обширной территории страны с севера на юг (ханьская династия установила господство над Сычуанью, частью Дунбэя и на о-ве Хайнань), и раскопки погребений периода Чжанго в Центральном Китае проводятся в значительных масштабах[1]. Вскрытие двух больших древних гробниц в восточном предместье Дадяньган гор. Хэфэй (ВЦЦ, 1953, № 5—6, стр. 129—142) свидетельствует о сходстве их с гробницами периода Хань. Раскопки обнаружили перед каждой из них арочный вход, переднюю и заднюю комнату, где помещался гроб. Найденный погребальный инвентарь был незначителен, так как гробницы были ограблены уже в древности. Гробница была сложена из полого кирпича, обычного для сооружений ханьской династии. По орнаментировке кирпича и всего типа сооружения эти гробницы датируются приблизительно периодом «не раньше конца Хань, но и не позднее середины эпохи шести династий — лючао» (стр. 141).

Обнаруженные в Цзянсу два кургана датируются по эпиграфическому материалу III в. н. э. или периодом династии Цзинь. Район Цзянсу, называвшийся при династии Цзинь районом Чжоу, был местом длительных боев цзиньцев с предками тибетцев—цянами (ВЦЦ, 1953, № 8, стр. 102). Оба кургана были сооружены для погребения останков цзиньских военачальников, павших в этих битвах. Первый курган имеет в длину 13,12 м, ширину — 4,36 м, высоту — 5,18 м. Второй — в длину 8,95 м, ширину 3,05 м, высоту 3,97 м. Курганы снабжены двумя могильными камерами и специальным входом. Камеры прямоугольные, потолок сводчатый. В камерах были найдены бронзовые, железные, золотые, полукерамические, полуфарфоровые изделия. Кирпичи, составляющие кладку гробниц, имеют иероглифические надписи, по которым и определяется датировка курганов.

Пещеры с каменными изваяниями будд. Почти каждая историческая эпоха в Китае оставила после себя археологические памятники, ставшие знаменитыми. Палеолит Китая ярко представлен находками пещер у Чжоукоудяня, неолит—замечательными стоянками Яншао и Луншань, иньская эпоха — развалинами столицы у гор. Аньяна, период первых веков нашей эры и династии Тан известен знаменитыми пещерами Дуньхуана.

«Пещеры тысячи будд» у уездного центра Дуньхуана в провинции Ганьсу стали предметом специального исследования еще в тридцатые годы XX в. Но только с установлением в Китае народной власти эти исследования были поставлены на прочную научную основу. По решению народного правительства был создан специальный Институт изучения памятников Дуньхуана.

Каменные изваяния будд, высеченные в горных пещерах, прекрасно исполненные росписи на потолках и стенах в основном датируются первыми веками династии Тан (VII—VIII вв. н. э.). Это были века блистательного подъема средневекового Китая или, как называют некоторые исследователи династию Тан,— «династии китайского Ренессанса».

Сооружения пещер Дуньхуана являются свидетельством раннего проникновения буддизма в Китай. Как известно, буддийская религия с целью завоевания популярности широко использовала изобразительное искусство, что на определенной ступени сыграло свою прогрессивную роль в развитии последнего.

Вокруг памятников Дуньхуана долгие годы длилась дискуссия о принадлежности их к культурному достоянию великого китайского народа. Высказывались мнения, что пещеры Дуньхуана являются подражанием индийским образцам и сами пещеры и изваяния создавались индийскими мастерами, которых якобы буддисты Китая вывозили из Индии. Оба эти мнения отвергнуты в результате научного изучения памятников Дуньхуана.

Искусные китайские мастера, безвестные художники создавали пещеры Дуньхуана, воплотив в их украшении могучий талант народа. Проникнувший в Китай

[1] Материалы об этих раскопках публикуют в журналах «Кэсюэтунбао», «Вэньшичжэ», «China reconstructs», в сборнике «Чжунго каогу сюэбао» («Каогусюэбао»), в специальных изданиях Нанкинского музея.

буддизм способствовал новому подъему китайского искусства, но не больше, так как сама буддийская религия включила в себя элементы народных верований китайцев. Китайские традиции в скульптуре, барельефах и росписи на стенах четко прослеживаются уже в ханьских гробницах. Сама же стенная роспись Дуньхуана во многих случаях содержит такие сюжеты, как посадка риса на крестьянском поле, пастьба скота, дождь в поле и многие другие. Эти реалистические изображения не имеют ничего общего с религией буддизма. Китайские художники танской эпохи использовали предоставленные им возможности для украшения пещер Дуньхуана и создали подлинные реалистические шедевры китайского искусства, до сих пор поражающие своим исполнением.

Характеристике пещер Дуньхуана и аналогичных им памятников китайского искусства посвящен ряд статей в рассматриваемом издании. Археологические исследования последнего времени в различных районах страны обнаружили ряд пещер с изваяниями будд. Подобные памятники ныне широко представлены от района Дуньхуана на западе до провинции Ляоси на востоке и провинции Юньнань на юге.

В 1950 г. было обнаружено 425 пещер со статуями будд, из них пещер династии Вэй (III в. н. э.)— 20; династии Суй (VI—VII вв.)— 88; династии Тан (VII—X вв.)— 177, периода Удай («пяти династий»—X в.)— 29; династии Сун (X—XIII вв.)— 102, династии Юань (XIII—XIV вв.)— 7, династии Цин (1644—1911 гг.)— 2 (стр. 12). Однако этот подсчет сделан только по очищенным и вскрытым пещерам (425), общее число которых, вероятно, достигает 600 (ВЦЦ, 1950, № 7, стр. 11—13).

Общей характеристике памятников Дуньхуана и их значения посвящены полностью два номера журнала — № 4 и 5 за 1951 г., богато иллюстрированные фотоснимками, таблицами, чертежами, рисунками.

После создания специального института и музея в Дуньхуане продолжались раскопки пещер и проводились систематические разведки во всех окрестных районах. В 1953 г. в 30 км на запад от гор. Дуньхуана было обнаружено 14 новых пещер с росписью на потолках и стенах и статуями будд. Пещеры датируются династией Вэй, Тан, Сун, а также периодом тангутского государства Сися (XI—XIII вв).

Также открыты пещеры на горе Майцзи близ гор Тяньшуя в той же провинции Ганьсу, с росписью на стенах и буддийскими статуями (ВЦЦ, 1951, № 10, стр. 167—186). Почти все пещеры на горе Майцзи имеют перед своим входом архитектурно оформленные террасы с колоннадой (стр. 190). Сопоставляя памятники Дуньхуана и Майцзи, археолог Фэн Го-жуй подчеркивает, что если Дуньхуан славится настенной росписью, то Майцзи — архитектурой своих сооружений (стр. 183).

Китайские исторические хроники неоднократно упоминают о большинстве из ныне обнаруженных пещер. Найденные памятники подтвердили исторические записи. Китайские археологи заинтересовались также историей пещер Бинлинсы, расположенных в провинции Ганьсу, которые, по сведениям хроник, были столь же значительны, как и пещеры Майцзи. Тщательные поиски увенчались успехом. В 1951 г. Фэн Го-жуй обнаружил эти пещеры в уезде Юнцзинсянь, близ кумирни Бинлинсы. Скульптура и росписи пещер датируются преимущественно периодом Тан и лишь немногие из них относятся ко времени династии Вэй. Обнаруженное исследованиями местоположение пещер совпало с данными хроник и одновременно показало точность сведений последних. Исследованию этих пещер посвящено несколько статей в ВЦЦ, 1953, № 1.Пещеры с буддийскими изваяниями были найдены также в провинциях Шаньси и Чахар. В окрестностях Юньгана найдены каменные изваяния будд времени династии Вэй.

Крайней восточной точкой буддийских памятников в Китае является уезд Исянь (провинция Ляоси). Находка пещер с буддийскими изваяниями в провинции Ляоси является первой для северо-востока Китая. По монументальности сооружения этот памятник не уступает Дуньхуану. Он представляет собой несколько десятков пещер с находящимися внутри скульптурами. Изваяния датируются периодом династии Северной Вэй. Техника исполнения скульптур и стенной росписи менее совершенна, чем в Дуньхуане. Археолог Янь Вэнь-жу высказывает

предположение, что влияние буддийского искусства проникло южными путями в районы Ляоси. В период Вэй оно прошло по Центральной Азии до западных ее границ и наиболее ярко запечатлелось в Дуньхуане в период Тан (ВЦЦ, 1951, № 9, стр. 135—190; тб. 18). Среди китайских археологов высказывается мысль о том, что сооружения пещер будд и их изваяний вовсе не обязательно связывать только с почитанием Будды (ВЦЦ, 1950, № 12, стр. 24—25). Археолог Фан Жуй-у указывает, что девять скульптур, высеченных из камня в пещерах Юньнани, относятся ко времени государства Наньчжао и представляют они собой изображения простых людей, вряд ли выполненные по заказу ванов (стр. 24).

Пещеры с каменными изваяниями будд представляют большой интерес для истории развития китайского искусства. Вместе с тем они позволяют проследить особенности искусства этнических меньшинств Китая, если иметь в виду, что государство Наньчжао было не китайским, а представляло собой древнее государственное объединение племен народности ицзу.

Памятники киданьской династии Ляо. Археологические памятники из провинции Ляоси и Внутренней Монголии относятся к истории некитайских племен и народностей киданьского государства Ляо (X—XII вв.). Этим памятникам посвящены четыре статьи[1].

Историей Ляо занимались китайские и западноевропейские ученые, однако на археологические памятники обращалось мало внимания. Первые исследования ляоских погребений проводил известный японский археолог Тории Рюдзо. Во время японской оккупации значительная часть могил была разграблена и исследования прекратились. Возобновившиеся исследования в районе деревни Сишаньцунь в 1950 г. обнаружили у киданей родовые кладбища, в данном случае у одного из правящих родов Сяо.

Немногочисленные материалы погребений позволяют установить погребальный ритуал киданей, их собственное производство превосходных железных изделий, найденных во множестве в могилах. На основании ориентировки могил на юго-восток можно заключить о поклонении киданьцев солнцу. Обилие фарфоровых изделий предполагает существование у киданьцев собственного производства фарфора.

Таким образом, археологические раскопки у деревни Сишаньцунь по-новому освещают многие моменты истории киданей — кочевого народа, игравшего немаловажную роль в истории Китая.

Журнал «Вэньу цанькао цзыляо» также широко публикует учебные статьи и материалы, имеющие своей целью организованное проведение археологических работ и привлечение внимания всех культурных сил к изучению древней истории Китая.

Публикации подобных материалов вооружают археологические кадры методикой работы и создают в то же время общие для всех археологов Китая принципы археологических исследований. В центральной прессе КНР особенно положительно характеризуется эта сторона деятельности журнала.

Публикация учебных материалов открылась статьей заместителя директора Института археологии АН КНР проф. Ся Ная «О практике полевых археологических работ» для обучения специалистов методике археологических работ (ВЦЦ, 1952, № 4, стр. 81—91). Проф. Ся Най, осветив кратко историю археологической науки и ее принципы, специально остановился на основах советской археологии и ее методике полевых исследований. Проф. Тан Лань в статье «Бронза» (ВЦЦ, 1952, № 4, стр. 92—98) на китайском материале показывает основные вехи истории развития бронзы, районы нахождения бронзы, некоторые общие сведения о бронзе (ее технологии, чеканке, насечке иероглифов). Автор начинает историю китайской бронзы с периода Шан-Инь, подчеркивая при этом, что появление бронзы было связано с переходом общества от первобытно-общинной формации к рабовладельческой (стр. 92).

---

[1] ВЦЦ, 1951, № 2, стр. 36—42; ВЦЦ, 1951, № 9, стр. 111—119, 121—123; ВЦЦ, 1953, № 12, стр. 41—52.

Проф. Ань Чжи-минь в статье «Керамика» (ВЦЦ, 1953, № 1, стр. 66—94) определяет значение керамики для археологии, сырье для изготовления сосудов, приемы изготовления керамических сосудов, их формы, отделку внешней стороны, орнаменты сосудов, развитие китайской керамики в период времени от неолита до Инь, затем Чжоу и Хань.

В статье «Ханьские гробницы из полого кирпича» Ван Чжун-шу (ВЦЦ, 1953, № 1, стр. 95—106) определяет общие принципы сооружения гробниц, формы могильной камеры, состав погребального инвентаря, признаки, по которым датируются гробницы. Автор описывает технологию производства и орнаментировку полого кирпича (стр. 101—106). Гробницы из полого кирпича он датирует III в. до н. э.— I в. н. э.

Значительный интерес представляет методическое руководство Сюй Чжи-мина о принципах археологической топографии и зарисовок (ВЦЦ, 1953, № 9, стр. 116—152). Статью сопровождает множество чертежей, на которых воспроизведены принципы нанесения стратиграфии места раскопок, зарисовок китайской бронзы, керамики. Автор также указывает, как пользоваться различными измерительными и чертежными приборами. Подобные пособия представляют большой интерес для молодых археологических кадров.

Таким образом, рецензируемый журнал свидетельствует о том, что современная китайская археологическая и историческая наука воссоздает подлинную историю Китая как историю всех народов, населявших его территорию в древности. Об этом свидетельствует открытие новых неолитических стоянок на северо-востоке и в Центрально-Южном Китае, пещер с изваяниями будд в различных районах страны, гробниц киданьских племен. Краткий обзор одного издания, естественно, не в состоянии дать полного представления об успехах китайских археологов за период 1950—1953 гг. Однако тематика статей и результаты археологических исследований свидетельствуют, что китайская археология находится на подъеме, деятельность археологов встречает широкую поддержку народного правительства.

Р. Ф. Итс

Lehrbuch für den Geschichtsunterricht 9, Schuljahr Berlin, «Volk und Wissen Verlag», 1953.

Рецензируемый учебник по древней истории для IX класса демократической немецкой средней школы в 1953 г. вышел уже третьим изданием [1]. Учебник составлен научным коллективом в составе Г. Моде, Б. Брентьеса, П. Крюгера, В. Падберга и Г. Волле. Третье издание учебника является переработкой предыдущих изданий 1951 и 1952 гг. и значительно отличается от них. Вместо четырех отдельных выпусков, изданных в 1951 г., рассматриваемый учебник представляет одну компактную книгу, что безусловно облегчает пользование им. Уже при самом общем ознакомлении с учебником чувствуется стремление его авторов создать книгу, способную не только вооружить учащихся знанием фактов древней истории, но и подвести их к пониманию сущности исторического процесса. Большое внимание уделяется в учебнике развитию производительных сил и классовых взаимоотношений. Все изложение материала строится на основе материалистического понимания истории. В основу периодизации авторский коллектив положил единственно научный принцип изучения и изложения исторического процесса с точки зрения развития производственных отношений.

---

[1] Имеется также издание 1954 г., полностью повторяющее издание 1953 г. Дополнительной является лишь глава о раннем феодализме (35 стр.), включенная в курс истории для 9-го года обучения.

Можно считать, что авторами в общем решена задача материалистического изображения исторического процесса. В учебнике широко использованы труды классиков марксизма-ленинизма. Убедительно показано существование в первобытном обществе коллективной собственности на орудия и продукты труда, являющейся следствием низкого уровня развития производительных сил при первобытно-общинном строе. В дальнейшем учащемуся дается возможность проследить, как развитие производительных сил, усовершенствование орудий производства приводит к разделению труда по полу, затем к отделению скотоводства от земледелия, отделению ремесла от сельского хозяйства и, наконец, к появлению социальных различий и возникновению классов.

Положительным качеством учебника является также понимание его авторами значения классовой борьбы как движущего фактора истории. С большим сочувствием к народным массам древнего мира изображены восстания рабов в Сицилии и Пергаме, освободительные движения германских племен под руководством Арминия, восстания иудеев 66—70 гг. и 132 г. и др.[1]. Глава о спартаковском восстании — XXVII — написана прекрасно и дает живое и яркое изображение тяжелого положения рабов, их героизма, храбрости и самоотверженной гибели в бою.

Живость, простота и доступность изложения, особенно необходимые в учебнике для средней школы, составляют еще одно достоинство рецензируемого издания. Так, например, во Введении кратко и в то же время доступно рассказывается о том, каким образом возникают археологические пласты, какую ценность представляют находимые в них предметы, как определяется их возраст. Здесь же на примере из Тита Ливия наглядно раскрывается тенденциозность сообщений письменных источников и подчеркивается необходимость критического отношения к ним. В главе I при рассмотрении вопроса о роли труда в возникновении человека хорошо объясняется, чем отличается человек, пользующийся орудиями труда, от животного, которое тоже трудится (например, пчелы, бобры и т. д.), но только при помощи органов своего тела. К числу особенно удачных по доступности отрывков следует отнести также объяснение различий между общественным и хозяйственным строем государств древнего Востока и Греции (стр. 170), краткие и выразительные характеристики экономических и политических условий в государствах Птолемеев и Селевкидов (стр. 208—209), описание Второй Пунической войны.

Составители учебника отказались от произвольного деления исторических событий по выдающимся личностям или по внешним признакам надстроечного порядка— деления, достаточно распространенного среди многих буржуазных ученых в самой же Германии, в ее западной части[2].

Достоинством учебника является вовлечение в круг интересов учащихся древней истории Индии и Китая, хотя история этих стран не представлена столь полно и обстоятельно, как история классического древнего мира.

Учебник включает в себя также ряд сообщений о культуре античного Северного Причерноморья, о работе советских историков и археологов в Средней Азии, Северном Причерноморье, Закавказье и на Украине. В этом отношении интересен § 5 главы XIII.

Следует отметить непрекращающуюся работу авторского коллектива над улучшением структуры учебника. Так, в двух первых изданиях глава XII — «Передняя Азия с XII до VI в. до н. э.» находилась после главы о дорийском переселении (бывшая XI глава), в результате чего оказывалось разрозненным изложение истории Греции. В рецензируемом издании этот недостаток устранен. Теперь древняя история Ближнего Востока и Греции изложена более компактно.

В предыдущих изданиях имелась отдельная небольшая глава о хозяйственных предпосылках римского рабства, которой открывалось все изложение римской исто-

[1] Это положительное качество учебника по древней истории отмечалось уже в ВДИ, 1954, № 2, стр. 95—99, в рецензии на учебник для V класса.

[2] См. ВДИ, 1952, № 4, стр. 115 сл.; 1953, № 1, стр. 137 сл.; № 4, стр. 106; 1954, № 1, стр. 93 сл.

рии. Для учащихся, хотя и IX классов, выяснение экономических причин возникновения рабства до ознакомления учащегося в этом учебнике с ранней историей Италии представляло известные трудности, не говоря уже о несколько странном и не оправданном структурном построении всего раздела о Риме. В третьем издании этой главы теперь нет, а материал ее представлен в ходе самого изложения.

Наряду с бесспорными достоинствами учебника кое в чем построение его и само изложение мотериала представляется не вполне удачным.

Раздел о первобытном обществе в учебнике заканчивается по существу неолитом. Периоду меди уделено всего около трех страниц текста, и изложение его носит конспективный характер. Проблемы, связанные с переходом к патриархату и разложением родового строя, остаются незатронутыми в этом разделе; освещение этого последнего этапа истории первобытного общества переносится в раздел древнего Востока и прослеживается на материале древнейшего Шумера. Такое построение нам кажется оправданным в учебнике для 5-го года обучения, поскольку эти сложные вопросы детьми младшего возраста лучше могут быть восприняты на конкретном материале. Но на 9-м году обучения вполне возможно было дать более абстрактное и глубокое изложение этих проблем. Основные вопросы истории первобытного общества, к сожалению, не получают завершения и полного освещения и в дальнейшем изложении. Если на примере истории древнейшего Междуречья авторы обрисовали развитие техники и хозяйства, формирование классов и затем образование государства, то период патриархата и происшедшие изменения в родовой общине остались в учебнике невыясненными.

Следует отметить недостаточное внимание, уделяемое первобытным верованиям человека. Ничего не сказано о тотемизме, анимализме, фетишизме, что является, как нам кажется, упущением, поскольку пережитки первобытной идеологии сохранятся и в религии классовых обществ, с изучением которых учащиеся встретятся в дальнейшем.

Пробелом представляется также отсутствие упоминания об образовании рас в период верхнего палеолита. Очень важно дать учащимся правильное понимание понятия «раса», подвергнуть критике «расовую теорию» с тем, чтобы заложить у них прочную основу для борьбы с расизмом. В связи с этим при характеристике источников первобытного общества желательно было указать на роль этнографии в изучении этого периода и отметить неправильное освещение в буржуазной науке вопроса о народах, запоздалых в своем развитии. Это является необходимым, тем более, что расцвет матриархата прослеживается в учебнике на материале ирокезов. Этнографический материал следовало более широко привлекать и для ознакомления с другими этапами развития первобытного общества.

Раздел древнего Востока подвергся в издании 1953 г. большим изменениям прежде всего в отношении структуры. В первом издании авторы попытались дать синхронное изложение истории стран древнего Востока. Бесспорно, что синхронность изложения помогала уяснить как общие черты в развитии изучаемых стран, так и специфические особенности каждой из них, а также их взаимные связи. Но принцип осуществления синхронности изложения в учебнике издания 1951 г. вызывал возражения. Расположение материала отличалось большой разорванностью и лоскутностью. История отдельных стран излагалась в главах, далеко отстоящих друг от друга, находящихся иногда в различных выпусках. Так, например, истории Индии была посвящена глава X во втором выпуске и глава XXXVI в выпуске четвертом, история Египта излагалась в главах V, VII, XIV, XIX (в последних двух в связи с историей Ассирии и Персии), история Двуречья в главах IV, VI, XIV. В третьем выпуске, в котором основное место занимала Греция, находилась глава XIV — «Передняя Азия с XII до VI в. до н. э.», где излагалась история Урарту, Ассирии и Халдейского Вавилона. Такая структура учебника мешала цельности представлений об истории отдельных стран и затрудняла усвоение. Очевидно, опыт работы по учебнику в его первом варианте показал неудачное его построение, и потому авторы в его последующих изданиях отошли от первоначального расположения материала. В издании 1953 г.

они перешли от синхронного изложения к целостному изложению истории отдельных стран, от чего учебник, несомненно, выиграл.

С наибольшей полнотой в учебнике изложена история Междуречья. На примере шумерийских государств прослеживается, как на новой хозяйственной основе (развитие техники металла, сельского хозяйства, ремесла и обмена) появляется частная собственность, формируются классы и государство. На материале древневавилонского царства дается характеристика древневосточной деспотии как аппарата угнетения свободных бедняков и рабов.

История Египта, Ассирии, Палестины, Индии и Китая изложена более кратко, и совсем в сжатой форме дано описание государства хеттов, Урарту и Митанни. История Персии рассматривается лишь в связи с греко-персидскими войнами, о финикийских городах говорится в главе о великой колонизации, в которой сказано также о малоазийских греческих городах, колониях греков в Западном Средиземноморье и Черном море, а также об этрусках. Такое расположение материала лишает эти две страны — Персию и Финикию — самостоятельного исторического значения среди других стран древнего Востока и вырывает их из всего комплекса древневосточных государств. С точки зрения последовательности изложения материала, вызывает возражение помещение глав об Индии и Китае в самом конце книги, после истории Рима. Такой разрыв в изучении древневосточных стран не может быть оправдан и создает предпосылки для неправильного истолкования пути их развития как отличного от других стран древнего Востока.

Основное внимание авторы обратили на развитие техники и хозяйства. В этом отношении показательны подразделы главы о древнейших шумерийских государствах: успехи в сельском хозяйстве: а) плуг, б) культурные растения и домашние животные, в) искусственное орошение; успехи в ремесле: а) повозка, б) лодка, в) техника бронзы (стр. 44—49).

Ознакомление учащихся с развитием производительных сил, как уже отмечалось нами, является положительной стороной учебника. К сожалению, общественное и политическое развитие государств древнего Востока обрисовано менее конкретно, изложение фактической стороны страдает иногда сухостью и носит скорее справочный характер.

Раздел древнего Востока рецензируемого учебника недостаточно стимулирует тщательное изучение фактической истории, умение анализировать исторические факты. С нашей точки зрения, это является недостатком раздела. На примере восточной деспотии хорошо вскрыта и показана сущность государства как аппарата насилия и угнетения низших слоев населения господствующим классом и эксплуатации им покоренных народов, но недостаточно конкретно выявлена роль общины на древнем Востоке (за исключением Индии). Несомненно, недостаточно сказать, что «основой общественной жизни оставалась общинная собственность» (стр. 52). Следовало подробнее пояснить, что же представляла собой земельно-водная общинная организация. В противном случае создается впечатление о преувеличенном значении частной собственноности на Востоке: «... Частная собственность одержала решительную победу над старой общинной формой собственности», сообщается относительно шумерийских государств (стр. 52).

В древнейших шумерийских государствах высшие слои отождествляются полностью со жречеством. «Жречество представляет собой класс рабовладельцев, рабы были их частной собственностью» (стр. 51). «Основные противоречия между свободными проявлялись между жречеством и рядовыми свободными» (стр. 51). « Господствующая роль принадлежала только им, они полностью олицетворяют эксплуататорский класс». Однако вовсе не следует весь господствующий класс древнешумерийских государств связывать с храмами, большую роль в нем играли также крупные землевладельцы из родовой знати, не имевшей отношения к жречеству[1].

[1] См. И. М. Дьяконов, О площади и составе населения шумеро-аккадского города-государства, ВДИ, 1950, № 2, стр. 93.

В главе о влиянии восточных рабовладельческих государств на Европу до 1200 г. положительным является указание на широкие связи рабовладельческих государств Востока с европейскими племенами, но безусловное возражение вызывает чрезмерная роль, приписываемая влияниям и заимствованиям. В этой главе отмечается, что Европа заимствовала из восточных стран не только бронзу, колесо, повозку, плуг, но и что в результате связей с Востоком у европейских племен возникли социальные различия. Но ввиду того, говорится в учебнике, что племена Европы переняли только часть этих достижений, они не могли производить больше, чем это требовалось для их жизни, поэтому они не дошли до возникновения классов и образования государств (стр. 101).

Роль культурных влияний не может оспариваться, но ошибочным нужно признать стремление слишком расширенно толковать их значение и не стремиться выявлять причину явлений как результат развития внутренних факторов. Это особенно относится к таким явлением, как образование классов и государства, хотя погрешность в этом отношении в рецензируемом учебнике сказывается значительно меньше, чем в первом его издании 1951 г., где ряд формулировок давал основание полагать, что даже рабство в Европе в период железа было заимствовано европейскими народами у греков.

При характеристике древнееврейской литературы следовало больше подчеркнуть религиозную тенденцию библейских сказаний, подвергшихся переработке со стороны жречества, а также сказать о критике Библии. В этом параграфе не дано оценки общественного значения пророческой литературы и не объяснено, почему она не имела революционного значения. При характеристике египетской религии следовало указать на перечитки тотемистических верований и остановиться на внешнем облике египетских божеств.

Вызывает возражение очень беглое изложение крито-микенского периода в истории Греции, так же как и истории ахейской державы. Ранняя история Крита отражена в главе VIII (причем вся глава набрана петитом). Об эгейской культуре в этой главе ничего не говорится, не упоминаются ее центры в материковой Греции. Правда, в следующей главе («Влияние восточных рабовладельческих государств на Европу») есть несколько слов о Микенах. Так, гробницы ахейских царей приведены как показатель возникновения социальных различий микенского общества; однако опущены сообщения источников о военных походах ахейцев в Малую Азию, вследствие чего не получается цельного представления о рабовладельческих государствах в Греции еще до дорийского переселения. Поэтому в значительной степени повисает в воздухе глава о дорийском переселении, вопрос о додорийском населении Греции и об этнической принадлежности пеласгов.

В учебнике нет главы о «гомеровском» обществе. Эпос рассматривается главным образом как литературное явление: излагается содержание обеих поэм, значение же их как исторического источника для изучения эпохи разложения родового строя и возникновения государства отмечается недостаточно. Между тем без специального раздела, посвященного «гомеровской» Греции, в сущности остается без начала вся история Греции. В то же время без анализа социального содержания гомеровских поэм в значительной мере обедняется изложение причин греческой колонизации, не всегда удается раскрыть классовый характер раннегреческой тирании и религиозных представлений древних греков. Повидимому, специальная глава о «гомеровской» Греции должна быть помещена после рассказа о дорийском переселении. Глава же XIV — «Религия, литература, наука», по нашему мнению, должна быть помещена несколько ниже — после главы XVI. В рецензируемом издании XIV глава дана слишком рано. В главе удачно раскрыта связь олимпийского пантеона с аристократическим характером общественного строя греков в период формирования у них государства, верно и точно определена социальная позиция Гесиода, интересно объяснено демократическое содержание мифа о Геракле, однако все эти интересные и ценные мысли авторов остаются несколько вне времени и пространства, так как учащийся еще ничего не знает об истории материковой Греции, о разложении родового строя в Аттике, о гос-

подстве аристократической верхушки и т. п. Глава о ранней греческой культуре должна быть помещена после глав о возникновении Спартанского и Афинского государств — в этом случае ее содержание воспринималось бы учащимся более конкретно и определенно.

В главе XIII — «Великая колонизация» этрускам посвящен специальный параграф, в то время как при изложении ранней истории Рима этруски едва упоминаются, так что невозможно понять, какую роль они играли в Средней Италии и в каких отношениях находились с возникающим Римским государством, и т. п.

Ряд вопросов в учебнике, на наш взгляд, нуждается в доработке и пояснении. Так, при изложении особенностей Спартанского государства (главы XV и XIX) следует ярче показать земледельческий характер спартанской экономики и подчеркнуть, что прогрессирующее развитие товарно-денежных отношений привело в IV в. к разложению спартанской общины равных. В учебнике нет определения социальной сущности эллинизма, в связи с чем можно понять эллинизм как простое повторение на более обширной территории отношений предшествующей эпохи. Отсутствует в учебнике также достаточно ясное освещение положения отдельных социальных групп в период кризиса Римской республики, из-за чего остаются непонятными смысл заговора Катилины, внутренние причины борьбы за власть между Цезарем и Помпеем. Почти не учитываются в учебнике роль и значение римских провинций в истории империи вообще.

Главы, посвященные античной культуре, написаны, как нам кажется, ниже возможностей столь квалифицированного коллектива, как авторы рецензируемого учебника. Едва ли стоило рассказывать позднюю притчу о Геракле на распутье в параграфе о долитературном эпосе. Оценка идеологии лириков носит, по нашему мнению, несколько социологизаторский характер. Вместе с тем совершенно не использовано творчество такого яркого представителя «партийной» поэзии, как Феогнид. В главе XX («Греческая культура классической эпохи»), подвергшейся в третьем издании известной редакционной правке, все еще не удовлетворяет параграф «Драматическая поэзия». Не раскрыт пафос освободительных идей, гуманистического мировоззрения Эсхила как поэта становления афинской демократии. Односторонне охарактеризовано творчество Софокла, основной упор сделан на его пессимизме, а героическая мораль свободного, ответственного за свои поступки человека осталась вне поля зрения авторов. Эврипиду отведено две с половиной строки, в которых отмечены опять же только черты сомнения и пессимизма в его творчестве. Непонятно, почему Аристотель отнесен в раздел «Эллинистическая культура». Характеристика литературы эпохи эллинизма — неполная и поверхностная, не упомянуты даже Менандр и Феокрит. Римская литература эпохи республики почти выпала из учебника — нет ни слова о творчестве Плавта, Теренция, Катулла, о Лукреции сказано мало и не самое главное.

Внешне учебник оформлен хорошо. Большое количество иллюстраций (в том числе несколько цветных) оживляет материал и облегчает его восприятие. Жаль, что к третьему изданию не приложены хорошие многоцветные карты государств древнего Востока, а также Греции и Римской империи и специальные карты, отражающие восстания рабов и вторжения варварских племен. Во втором издании эти карты были. Учебник снабжен прекрасной синхронной таблицей, охватывающей параллельно Среднюю и Северную Европу, Италию, Грецию, Малую Азию, Египет, Ближний Восток, Индию и Китай. Положительным является наличие синхронистической таблицы. Вызывают возражения только некоторые заголовки ее разделов: «Übernahme... der Sclaverei durch die Griechen», «Die Krise der Sklavenhaltgesellschaft» применительно к периоду от Сицилийских восстаний рабов II в. до н. э. до принципата Августа — периоду обострения классовой борьбы, но отнюдь не кризиса рабовладельческого общества. «Die Revolution der Sklaven» правильнее было бы заменить термином «революционные движения рабов».

Помимо синхронистической таблицы имеется подробный хронологический указатель.

О. А. Ротберг и В. Н. Ярхо

M. COHEN, L'écriture, Paris, 1953, 124 стр.

За последние десятилетия исследование истории письма обогатилось значительными открытиями. Достаточно указать частичную расшифровку критско-минойской письменности, протоиндийской письменности Мохенджо Даро и Хараппы, угаритского алфавитно-звукового письма, протофиникийских надписей из Библоса. Открытия эти дали материал и для решения вопроса о генетических связях различных систем письма, например, о происхождении финикийского алфавита. По-новому ставятся сейчас в науке о письме и многие теоретические вопросы — классификация и определение типов письма, отношение письма к языку и истории общества, вопрос о роли влияний в истории письма и др. Все это вызвало появление за истекшие пятнадцать-двадцать лет ряда обобщающих работ по истории письма[1].

Рецензируемая книга представляет особый интерес и как последнее новейшее исследование в этой области, и потому, что автором ее является известный прогрессивный французский ученый, один из видных деятелей движения сторонников мира.

Первый вопрос, возникающий перед каждым автором истории письма,— вопрос об основном принципе построения этой истории. Теоретически здесь возможны три принципа: чисто хронологический (в соответствии с датами возникновения различных систем письма), географически-генеалогический (по географическим районам и генеалогическим связям систем письма) и генетический (от систем письма менее совершенного к системам более совершенного типа). М. Коэн считает хронологический принцип неприемлемым, так как письмо, в особенности на ранних его этапах, развивалось не единым потоком, а многими параллельными струями, причем системы письма более архаического типа нередко возникали позже систем более совершенного типа (стр. 15); в связи с этим при хронологическом принципе было бы трудно выявить общеисторические закономерности развития письма. Непригоден в качестве основного и географически-генеалогический принцип, так как он приводит к подмене общеисторических закономерностей развития письма в значительной мере случайными влияниями и заимствованиями. В качестве основного М. Коэн правильно избирает принцип генетический.

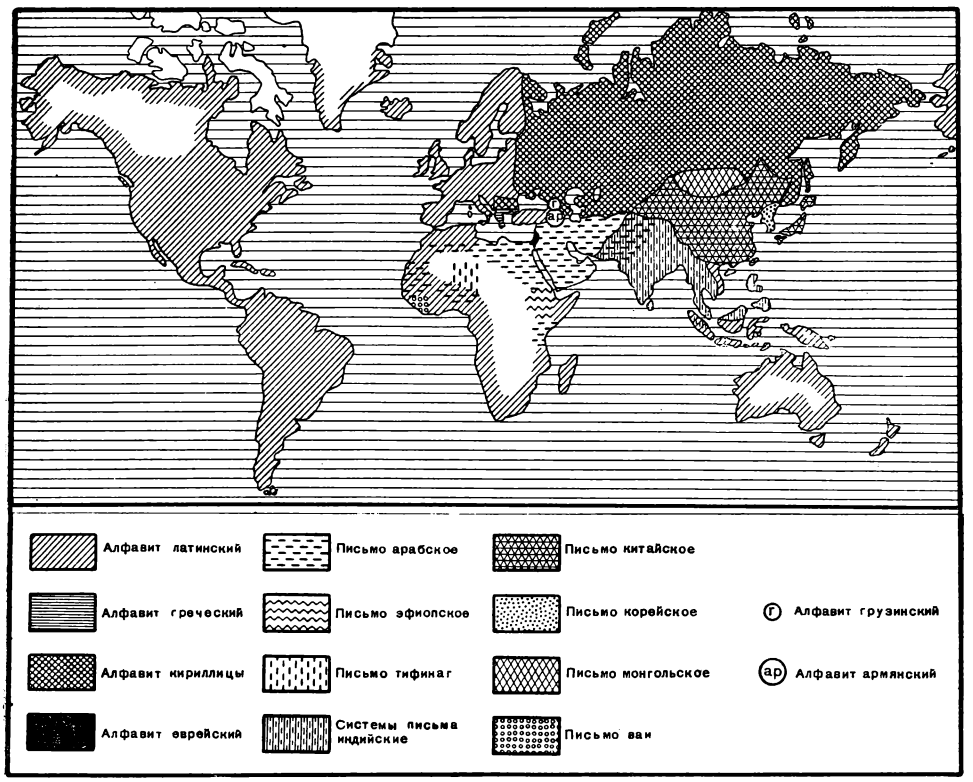
Согласно М. Коэну, история письма должна излагаться начиная от письменных систем наиболее рудиментарного типа и постепенно переходя к системам, все более и более развитым, «независимо от места и времени их возникновения» (стр. 15).

Однако при таком принципе построения сразу же возникает вопрос о подразделении систем письма на основные исторические типы. М. Коэн использует обычную, четырехчленую классификацию типов письмо, а именно: 1) пиктография, 2) идеография, 3) слоговое и 4) алфавитно-звуковое письмо, с подразделением последнего на консонантно-звуковое и вокализованно-звуковое. Такая классификация является достаточно проверенной и устоявшейся. Сложнее обстоит дело с определением этих типов письма, в особенности же пиктографии и идеографии.

Вызывает возражение определение М. Коэном пиктографии. Согласно М. Коэну, пиктограммы — это рисунки, используемые, «кроме их орнаментального, эстетического интереса, также для целей интеллектуальных» (стр. 16). Определение это неточно в двух отношениях. Во-первых, различие между художественным и пиктографическим рисунками нельзя сводить к противопоставлению «эстетического» и «интеллектуального», так как эстетическое восприятие почти всегда включает и «интеллектуальные» элементы; рисунки — произведения искусства отличаются от пиктографических рисунков тем, что первые служат для художественно-образного познания мира, а вторые — для передачи каких-либо сообщений. Во-вторых, по-

[1] H. J e n s e n, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, 1935; D. D i r i n g e r, The Alphabet, A key to the history of mankind, 1948; J. G e l b, A study of writing, 1952; Č. L o u k o t k a, Vývoj písma, Praha, 1946; Ч. Л о у к о т к а, Развитие письма, М, 1950; J. F é v r i e r, Histoire de l écriture, 1948.

сколько письмо воспроизводит речь, постольку при определении типа письма надлежит исходить не из формы письменных знаков, а из их значения, из того, какие элементы речи (целые сообщения, отдельные слова, слоги или звуки) передаются этими знаками; в частности, важнейшим отличием пиктографии от других типов письма следует считать не картинную форму пиктограмм, а то, что пиктограммы обычно передают целые сообщения, графически почти не расчлененные на отдельные слова.



Тифинаг — консонанто-звуковая система письма, применяемая племенами туарегов в центральной Сахаре и, видимо, ведущая свое происхождение от древнего ливийского (нумидийского) письма. Ваи—оригинальная слоговая система письма, применяемая племенами Ваи в Либерии

Согласно М. Коэну, пиктография относится не к письму, а к предписьменной стадии, так как здесь еще нет точной передачи речи и пиктограммы могут быть поняты даже людьми, говорящими на разных языках (стр. 16). Положение это спорно, так как пиктография совпадает с письмом и по ее назначению (служит для передачи и закрепления речи) и по используемым средствам (графическим). Что же касается того, что пиктография еще очень неточно отражает язык (передает только смысловое содержание речи, но не отражает ни ее звуковой стороны, ни членения ее на слова, ни порядка слов в речи), то это вполне объясняется тем, что пиктография представляет собой самый зачаточный, начальный тип письма. Сам М. Коэн неоднократно указывает, что развитие письма шло в направлении все более и более точной передачи языка (стр. 68).

Правильно определяет М. Коэн идеографию. Исходя из буквального значения этого термина (idea — идея, понятие) и следуя установившейся традиции, идеографию обычно считают письмом, знаки которого «обозначают понятия, независимо от того, как называются эти понятия»[1]. Такое определение, однако, страдает двумя недостат-

[1] См. например, А. Чикобава, Введение в языкознание, М., 1952, стр. 175.

ками. Во-первых, оно предполагает возможность непосредственной связи между письмом и мышлением (понятием) независимо от языка, и возможность мышления без языка. Правда, одна и та же идеограмма (например, цифра «4») может обозначать в разных языках слова, хотя и одинакового значения, но разного звучания; однако в пределах каждого данного языка идеограмма всегда связана с определенным словом этого языка. Так, идеограмма «4» для русского обозначает слово «четыре», для француза — «катр», для немца — «фир» и т. д. Во-вторых, наряду с идеограммами, связанными со значением слова, существуют идеографические знаки, связанные со звучанием слова, например китайские «фонетические иероглифы». Согласно М. Коэну, идеография — это письмо, знаки которого передают целые слова, причем знаки эти подразделяются на две категории: «идеограммы» в узком смысле этого термина и «фоно-идеограммы», связанные со звучанием слова и возникающие путем использования омонимии, например использование в египетском письме иероглифа «жук» — h — p — r, для обозначения одинаково с ним звучащего глагола «быть» (стр. 19, 23).

Такое понимание терминов «пиктография» и «идеография» противоречит буквальному их значению. М. Коэн, видимо, чувствует это и в случаях необходимости точной характеристики письменного знака использует составные термины, например «пикто-фоно-идеограмма», т. е. знак картинный по форме *пикто*, обозначающий целое слово *идео*, но со стороны его звучания *фоно* (стр. 23). Видимо, назрела необходимость пересмотра наименований основных типов письма. Так, «пиктографию» как тип письма многие современные авторы (Г. Иенсен, Ж. Феврие и др.) называют «синтетическим» письмом (т. е. графически не расчлененным на отдельные слова), сохраняя термин «пиктографический» только для обозначения картинной формы знаков. Вместо термина «идеография» теми же авторами нередко применяются термины «письмо слов», или «логография». Последний термин, как нам кажется, следовало бы ввести в науку о письме с подразделением логограмм (знаков, обозначающих целые слова) на идеограммы (связанные со значением слова) и фонограммы (связанные со звучанием слова).

Следующий принципиальный вопрос, стоящий перед историком письма,—это вопрос о том, какими факторами определяется развитие письма. К этим факторам М. Коэн относит особенности языка, влияния предшествующих систем письма, общественные потребности в письме, роль общественных групп, влияние применяемых материалов и орудий письма (стр. 8).

Нам представляется этот перечень факторов в основном правильным, однако со следующими оговорками.

Давая перечень этих факторов, М. Коэн не выделяет среди них важнейших и вообще не дает характеристики роли и значения каждого из них. Между тем и их значение и их роль в развитии письма очень различны.

Так, совершенно особое место среди этих факторов занимают «общественные потребности в письме». В то время как все остальные факторы предопределяют своеобразные особенности систем письма отдельных народов, развитие общественной потребности в письме, будучи тесно связано с развитием всего общества, обуславливает общеисторические закономерности развития письма. Например, возникновение зачаточного пиктографического письма было обусловлено превращением первоначально небольших и разрозненных семейно-родовых групп в более крупные и долговечные родо-племенные общины, а также возникновением более или менее постоянных связей между этими общинами, что создало основу для появления потребности в передаче речи на большие расстояния и в закреплении ее во времени. В свою очередь, переход от случайных пиктографических записей к древнейшим идеографическим системам был вызван образованием государства и развитием торговли [1].

[1] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952 стр. 26—27.

Соответственно переход от сложных идеографических систем к более простым и общедоступным слоговым и звуковым системам был обусловлен дальнейшим развитием общественной потребности в письме, в частности, дальнейшим расширением областей применения письма и круга людей, пользующихся письмом.

Необходимо отметить, что хотя развитие общественных потребностей в письме в наибольшей мере предопределяло общеисторические закономерности развития письма, однако исходить только из этого фактора при построении истории письма было бы принципиально неправильным: это сделало бы непонятными своеобразные пути развития систем письма отдельных народов. Такой односторонний подход к истории письма был характерен для школы Н. Я. Марра и был связан с неправильным взглядом на письмо как на явление надстроечного порядка[1].

При построении истории письма, наряду с развитием общественых потребностей в письме, должны внимательно учитываться также особенности языков различных народов, пользовавшихся письмом, так как письмо, являясь графическим закреплением языка, всегда в большей или меньшей мере отражает особенности того или иного языка. Значение этого фактора настолько велико, что некоторые авторы даже считают письмо чисто лингвистической дисциплиной. Такой взгляд, конечно, тоже неверен, так как письмо, отражая язык, в то же время непосредственно связано с развитием всего общества; кроме того, оно является своеобразной техникой, а поэтому сравнительно легко поддается заимствованиям; наконец, письмо пользуется совершенно иными, чем язык, графическими средствами, требующими особого метода изучения.

Большую роль в истории письма, кроме самого раннего и самого последнего ее этапов, играли также воздействия одних систем письма на другие. Без значительных воздействий извне возникали только различные разновидности пиктографического письма, да несколько идеографических систем (шумерская, египетская, китайская и др.) древнейших народов мира, которые в силу особых исторических условий в течение ряда веков превосходили своих соседей в общественно-культурном развитии. Иначе протекало развитие письма в более позднее время, у народов, соседи которых уже имели более совершенные и развитые письменные системы. Под воздействием этих систем естественный путь развития письма обычно ускорялся, но иногда и искажался: в случае механического ее заимствования система письма вступала в противоречие с народным языком. В еще более позднюю эпоху, в эпоху формирования наций, роль заимствований в истории письма сильно сокращается, происходит очищение систем письма от чужеродных для данного языка элементов, приспособление письма к национальному языку. Роль влияний и заимствований в истории письма некоторыми авторами тоже сильно преувеличивалась. В связи с этим история письма утрачивала свой закономерный характер, превращаясь в собрание случайных родословных таблиц[2].

Меньшую роль в истории письма играли влияния различных общественных групп. Влияния эти объяснялись тем, что потребность в письме, в отличие от языка, становится настоятельно необходимой лишь на сравнительно высокой ступени общественного развития, а культурное развитие угнетенных классов и зависимых народностей нередко сознательно тормозилось. Кроме того, обучение письму проводится обычно в организованном школьном порядке и требует затраты времени и средств, а это не всегда доступно представителям угнетенных классов. Отражалась на развитии письма также и государственная его регламентация.

Особое место среди перечисленных М. Коэном факторов занимают материалы для письма. В то время как все остальные факторы обусловливают и тип письма, и состав, и значение письменных знаков, материалы для письма влияли только на форму знаков. Так, например, применение народами Передней Азии в качестве материала для

---

[1] См. Н. Я. Марр, Язык и письмо, Изв. ГАИМК, т. VI (1930), вып. VI; см. также И. И. Мещанинов, К вопросу о стадиальности в письме и языке, Изв. ГАИМК, т. VII, (1931), вып. V—VI.

[2] См., например, книгу Ч. Лоукотка, Развитие письма, М., 1950.

письма плиток из мягкой глины обусловило почти одинаковую, клинообразную, графическую форму письменных знаков. Однако по своему типу, по составу и значению знаков различные системы клинописи принципиально отличались друг от друга.

Не упоминается М. Коэном в перечне факторов, определяющих особенности отдельных систем письма, различное у разных народов содержание первоначальной письменности. Этот фактор не отмечался до сих пор и другими историками письма. Между тем именно этот фактор, в частности, обусловил различный характер древнейшего египетского и шумерского письма.

Древнейшие памятники египетского письма (надписи фараона Нармера, «царя» Скорпиона и др.) показывают это письмо как в основном пиктографическое (рисунки, передающие целые сообщения и графически почти не расчлененные на отдельные слова). В то же время в этих памятниках уже встречаются не только чисто идеографические знаки (например, цифровые), но и фонетические (например, фонограмма имени «царя» Скорпиона, название страны, завоеванной Нармером, и др.). Такое сравнительно раннее появление в египетском письме фонетических элементов было обусловлено преобладанием в древнеегипетской письменности надписей общественно-мемориального и погребально-культового характера, в которых встречалось очень много собственных имен; передача их могла быть достигнута только при применении фонетических знаков.

В отличие от египетских, древнейшие дошедшие до нас памятники шумерского письма (слои Урук IV и Урук V) показывают это письмо как в основном идеографическое: знаки его представляют собой раздельно начертанные, графически не связанные друг с другом изображения, каждое из которых, как правило, обозначает отдельное слово. Сравнительно более раннее выделение идеографических знаков из первоначальной пиктографии, видимо, было обусловлено иным содержанием древнейших шумерских надписей. Почти все эти надписи имеют учетно-хозяйственное содержание и обычно строятся по схеме: числительное плюс обозначение предмета учета[1]. Такая схема очень облегчала распадение пиктографического рисунка на отдельные идеограммы. Древнейшее дошедшее до нас шумерское письмо отличалось от древнеегипетского также отсутствием в нем фонетических знаков. Это тоже было обусловлено иным по сравнению с Египтом содержанием древнейших шумерских надписей. В них, в связи с их учетно-хозяйственным характером, собственные имена почти не встречались.

Будучи лингвистом, М. Коэн и историю письма рассматривает преимущественно в плане лингвистическом.

Так, определяя основную линию развития письма, М. Коэн указывает, что письмо исторически развивалось в сторону все более точной передачи языка, причем это развитие осуществлялось путем членения речи на все более простейшие ее элементы. «Вначале,— пишет М. Коэн,— изображение не воспроизводило языка с его словами и звуками, но только содержание речи, так сказать, конкретные сообщения. Анализ элементов рассказа, разделенного на фразы, позволил путем последовательных усилий мышления воспроизводить слова, затем элементы слов; так перешли от рисунков, которые были „историями без слов", к небольшому числу букв, комбинации которых обозначали произносимые слова и вызывали их в сознании читателя» (стр. 7).

Такая характеристика основной линии развития письма требует некоторых оговорок.

Во-первых, наряду и в связи с основной линией развития (переход ко все более и более точной передаче речи путем деления ее на все более мелкие элементы) письмо исторически развивалось как в направлении большего его упрощения, так и большей его систематизации. При этом на одних этапах развития письма, например при переходе от пиктографии к идеографии (в связи с зарождением государства и развитием торговли), все более настоятельной становилась потребность в систематиз-

[1] См. И. М. Дьяконов, К возникновению письма в Двуречье, «Труды Отдела культуры и искусства Востока», т. III, 1940 , стр. 37—38.

зации письма. На других этапах, например, при переходе от идеографии к слоговому и буквенно-звуковому письму (в связи с дальнейшим расширением областей применения письма и круга людей, пользующихся письмом), наиболее настоятельной становилась потребность в упрощении письма. Об исторической тенденции к упрощению письма М. Коэн упоминает, о тенденции же письма к систематизации почти ничего не говорит (стр. 68).

Во-вторых, постепенное развитие письма в сторону обозначения письменными знаками все более и более простейших элементов речи должно пониматься лишь как общеисторическая закономерность. Развитие же систем письма отдельных народов может идти и иными, иногда очень своеобразными путями, причем эти своеобразные пути могут оказаться даже наилучшими для данного языка. Поэтому степень членения речи на элементы при передаче ее письменными знаками, конечно, нельзя считать абсолютной мерой прогрессивности или отсталости различных систем письма. В частности, нельзя считать, как это делает М. Коэн, слоговые системы письма более отсталыми по сравнению с буквенно-звуковыми, а идеографические — более отсталыми по сравнению со слоговыми и звуковыми. Письменная система любого из этих типов может быть в какой-то мере рациональной, если она соответствует особенностям языка и условиям ее применения и если в своем развитии она достигла достаточного совершенства.

Так, например, слоговое письмо, видимо, является целесообразным для Японии в связи с очень простым слоговым составом японского языка, позволяющим обходиться малым количеством слоговых знаков (в настоящее время — 45 знаков). Наоборот, для Кореи слоговое письмо, видимо, менее целесообразно, так как в современных корейских печатных шрифтах приходится применять многие сотни лигатурных слоговых знаков.

Аналогично этому должна расцениваться и современная китайская идеографическая система письма. Отличаясь очень большой сложностью, затрудняющей обучение грамоте, эта система письма в то же время соответствует особенностям китайского языка (в основном корнеизолирующий его строй, большое количество омонимических слов, наличие сильно разнящихся между собой диалектов и т. д.). Кроме того, в своем историческом развитии китайская система письма, несмотря на идеографический ее характер, достигла такой систематичности и совершенства, что она позволяет очень точно передавать язык, в том числе даже самые сложные и отвлеченные литературные и научные произведения. Единственно, что неточно передается китайской системой письма,— это произношение слов. Однако для данного периода времени это является даже плюсом. Представители различных диалектов Китая легко понимают друг друга при письме иероглифами именно потому, что иероглифы могут читаться представителями каждого диалекта соответственно диалектному произношению слова, обозначенного иероглифом; с большим трудом понимали бы друг друга представители этих диалектов при звуковом письме, которое точно отражало бы различные произношения слов[1].

Укажем для сравнения, что такой как бы международный характер идеографического письма является одной из причин широкого применения идеографических знаков почти во всех современных науках; так, чисто идеографический характер имеют цифры, алгебраические, химические, астрономические и другие научные обозначения.

С этой точки зрения вызывает возражения итоговая таблица, помещенная в книге М. Коэна и схематизирующая, по словам автора, историю письма; слева направо в этой таблице, указывает М. Коэн, показано прогрессивное развитие письма (стр. 109—110). Недостатком этой таблицы является то, что общеисторическая тенденция раз-

[1] Из всего сказанного не следует делать вывод о нецелесообразности перехода Китая на звуковое письмо. Такой переход в будущем (после распространения и закрепления в народе единого литературного языка), вероятно, произойдет, но не потому, что китайское письмо неточно передает язык, а потому, что оно очень сложно для обучения грамоте.

вития письма (от пиктографии к идеографии, от идеографии к слоговому и затем к буквенно-звуковому письму) принята в качестве мерила оценки прогрессивности отдельных конкретных систем письма. Достаточно указать только, что китайское письмо, согласно этой таблице, считается менее прогрессивным, чем даже древнеегипетское и месопотамское, видимо, только на том основании, что китайское письмо — идеографическое, а в египетском и месопотамском наряду с идеограммами широкое распространение получили также слоговые и звуковые знаки.

Правильно характеризуя важнейшие лингвистические закономерности развития письма, М. Коэн почти не связывает их с историей общества. Так, сложный и тесно связанный с историей общества вопрос о времени, путях и причинах возникновения письма М. Коэн почти не рассматривает, если не считать разрозненных упоминаний о том, что «изобретение письма, не отвечая элементарным нуждам человеческой жизни, представляет собой позднее явление в истории человечества» (стр. 7), что возникновению письма предшествовало применение различных видов «неписьменных знаков» и что зачаточное пиктографическое письмо возникает преимущественно у охотничьих и рыболовецких племен (стр. 9, 16).

Аналогично этому, в вопросе о причинах перехода к идеографии М. Коэн ограничивается хотя и правильным, но очень общим утверждением, что идеографические системы развиваются из пиктографии «многократно в разных районах и в разные эпохи» и что они возникают «в компактных и стабильных человеческих обществах, имеющих относительно развитую промышленность, активную торговлю и организованное государство, возникают в ответ на нужды городской цивилизации» (стр. 7, 68).

Почти ничего не говорит М. Коэн об общественно-исторических причинах перехода к буквенно-звуковому письму. Согласно М. Коэну, это письмо, будучи единожды создано, получило затем широкое распространение в связи с экспансией «мировых» религий, с коммерческими связями и т. д. (стр. 70, 109). Утверждение это, даже несмотря на его общий характер, все же очень спорно. Во-первых, буквенно-звуковое письмо было создано не единожды, а почти одновременно появилось в двух совершенно разных формах — в форме клинообразного угаритского и в форме линейного финикийского алфавита. Во-вторых, почти одновременное возникновение двух графически совершенно разных алфавитов, причем возникновение их у самого торгового народа Средиземноморья, позволяет сделать вывод, что основной причиной возникновения этого письма были нужды развивающейся торговли, для которой было необходимо наиболее простое и общедоступное письмо.

История отдельных систем письма рассматривается М. Коэном тоже преимущественно в лингвистическом плане. Хотя разбору почти каждой системы письма в работе предпослана краткая характеристика общественных условий, в которых возникла и развивалась эта система, однако характеристика эта, давая читателю некоторые важнейшие географические, этнографические и исторические сведения, как правило, почти не объясняет особенностей данной системы письма.

Наиболее интересно и полно излагаются М. Коэном вопросы о связях, соединяющих особенности письма народов Средиземноморья, Передней и Центральной Азии с особенностями их языков. Разделы книги, посвященные египетскому, месопотамскому, финикийскому, греческому и латинскому письму, несмотря на их краткость, написаны содержательно и интересно. Случаи заимствования письма одним народом у другого (например, греками у финикийцев или аккадянами у шумеров) М. Коэн рассматривает вместе с теми изменениями, которые одновременно претерпевает при этом заимствованное письмо; изменения в письме, происходящие в случае его заимствования, М. Коэн правильно объясняет необходимостью приспособления заимствованного письма (например, финикийского) к передаче своеобразных особенностей нового языка (например, греческого). Интересные подробности сообщает М. Коэн и о системах письма народов Центральной Америки,

Упущением работы, возможно связанным с научно-популярным ее характером, является отсутствие в ней анализа взглядов других авторов на исследуемые М. Коэном вопросы. Этот недостаток особенно ощущается при изложении таких сложных и спорных

вопросов, как происхождение финикийского письма. М. Коэн ограничивается здесь двумя осторожными предположениями: клинообразный угаритский и линейный финикийский алфавиты, возможно, происходят от одного общего прототипа, и финикийцы «не могли не знать фонетических элементов в неудобных системах письма, египетской и месопотамской, и более развитого использования этих элементов в эгейском письме» (стр. 54, 51). Греческое письмо, согласно М. Коэну, несомненно происходит от финикийского; автор не упоминает о гипотезе происхождения греческого письма от критско-минойского (стр. 60).

М. Коэн не останавливается на древнейшей доидеографической стадии развития египетского письма, о которой за последние десятилетия наукой накоплен богатый документальный материал. Не ставятся М. Коэном и вопросы о причинах относительно раннего появления и развития в египетском письме фонетических знаков; о том, почему шумерское письмо предстоит перед нами уже в самых древнейших своих памятниках как идеографическая система, почти без пережитков пиктографии; почему в этом письме позднее, чем в египетском, появляются фонетические знаки.

К сожалению, М. Коэн не останавливается также и на общих причинах развития и закрепления у ряда народов (Крит, Индия, Япония, отчасти Корея и др.) слогового письма (стр. 48).

Спорна характеристика, даваемая М. Коэном китайскому письму. Правильно отмечая, что китайское письмо сочетает идеограммы (в узком смысле этого термина) с фонограммами (знаками, обозначающими слова со стороны их звучания и построенными на основе широко представленной в китайском языке омонимии), М. Коэн выдвигает далее очень спорное утверждение, что фонетизм китайского письма имеет «слоговой характер», что китайские фонетические иероглифы во многих случаях являются знаками не слов, а слогов (стр. 26). В основе этого утверждения лежит спорное понимание автором однослоговых китайских слов как слогов.

Вызывает возражения раздел книги М. Коэна, посвященный славянскому, в том числе русскому, письму. Согласно М. Коэну, славяне получили письмо от греков «вместе с христианством только в IX в., во времена деятельности Кирилла и Мефодия»; при этом греческое письмо «дважды послужило моделью для славянского»: в строчной его форме для письма, названного глаголицей, а позже в прописной форме для письма, названного кириллицей и вытеснившего впоследствии глаголицу (стр. 28). Излагая эту теорию происхождения кириллицы и глаголицы, М. Коэн не упоминает ни о возражениях, которые она вызывает, ни о других противостоящих ей теориях. В результате исключительно сложный и в значительной мере еще нерешенный вопрос о происхождении кириллицы и глаголицы упрощается. Обходит М. Коэн также и многочисленные доказательства существования у славян письменности в докирилловскую эпоху.

Очень интересна помещенная М. Коэном в его книге карта распространения различных систем письма в современном мире (стр. 77—78). В этой карте есть кое-что спорное. Так, М. Коэн японское письмо обозначает как разновидность китайского, между тем слоговое японское письмо (кана) принципиально отлично от идеографического китайского письма именно тем, что оно является слоговым, хотя графически ведет свое происхождение от последнего. Неизвестно М. Коэну и о переходе письма Монгольской Народной Республики на русскую графическую основу.

Интересны разделы книги, посвященные общим вопросам орфографии, графики письма, а также цифровым, алгебраическим и музыкальным знакам. Обычно в работах по всеобщей истории письма такие разделы или полностью отсутствуют, или излагаются очень общо. М. Коэн, несмотря на сравнительно небольшой объем своей работы, посвящает этим вопросам несколько разделов книги и выдвигает ряд интересных оригинальных положений. В лингвистическом отношении особенный интерес представляет раздел книги об общих орфографических закономерностях.

Интересен также раздел книги, посвященный анализу исторических изменений в применении письма, которые были вызваны сперва появлением книги, книгопечатания и газеты (расширение областей применения письма), а затем — изобретени-

ем телефона, звукозаписи, патефона, радио, звукового кино и других, отличных от письма способов закрепления и передачи речи, частично вытесняющих письмо из прежних областей его применения.

В целом книга М. Коэна, несмотря на ее краткость и конспективность, оригинально и по-новому ставит многие общие вопросы истории письма. Поэтому она представляет несомненный интерес не только для широкого читателя, но и специалиста. Следует пожелать скорейшего выхода в свет другой, капитальной работы М. Коэна на эту же тему — монографии «Великое изобретение письма и его эволюция», о подготовке которой автор сообщает в предисловии к этой книге.

В. А. Истрин

F. ALTHEIM, Niedergang der Alten Welt, тт. I—II, Frankfurt am Main, 1953.

Ф. Альтхейм является одним из крупнейших буржуазных историков древнего Рима. Первоначально центр интересов Альтхейма лежал в области ранней римской истории. Одна из первых его работ—«История римской религии»[1] состоит из очерков, некоторые из которых представляют определенный научный интерес. Положительную в целом оценку получил очерк «Lex sacrata», вышедший впоследствии отдельным изданием[2]. В этом очерке автор выдвигает новый взгляд на происхождение плебейской организации. В работе «Италия и Рим»[3] Альтхейм изучает историю Рима в тесной связи с историей внеримской Италии, что позволило ему дать подчас новое и свежее толкование отдельных вопросов истории раннего Рима. Альтхейи в этой работе, как это вообще характерно для него, стремится использовать материал новейших археологических раскопок и одновременно данные языка по новым диалектологическим нелатинским надписям VI—V вв., однако нельзя не обратить внимания на то, что он трактует новые данные главным образом в узком аспекте одной лишь проблемы заселения Италии «индогерманцами».

В последнее время работы Альтхейма, в том числе и рецензируемая нами, подверглись уничтожающей критике со стороны его западногерманских, английских и американских коллег[4]. Читая рецензии Латте, Кеннига и Уэльса и не зная самих работ Альтхейма можно составить себе ошибочное представление об их авторе, как о человеке, черпающем материал из вторых рук и чуть ли не невежде. Подобная резкая критика трудов Альтхейма во многом объясняется не только действительными недостатками и фактическими ошибками, а склонностью автора к широким обобщениям, которые претят современной буржуазной науке. В военные и послевоенные годы интересы Альтхейма, как и многих других западногерманских историков, перенеслись в сферу Поздней римской империи. События ее истории стали рассматриваться под углом зрения современной ситуации; в падении гитлеровского райха видели аналогию крушению Римской империи. Среди работ по истории Поздней империи труд Альтхейма занимает особое место как по своему объему, так и по некоторой новизне своего материала. Его нельзя поставить в один ряд ни с откровенно фашистскими статейками Аубина, поме-

---

[1] F. Altheim, Römische Religionsgeschichte I—II, B. 1931.

[2] ВДИ, 1947, № 1, рецензия проф. С. Л. Утченко.

[3] F. Altheim, Italien und Rom, I—II, Lpz, 1941. I том «Römische Gescichte» F. am M. 1951 г. представляет собой незначительную переработку I тома Italien und Rom.

[4] Gnomon, т. 26 тетр. 1, 1954, стр. 15—23; тетр. 7, стр. 476—480.

щенными в сборнике «От античности к средневековью»[1], ни с бессодержательной книгой Фогта «Константин Великий и его столетие»[2]. Работа Альтхейма имеет положительные моменты, однако и в ней нашли свое отражение реакционные черты современной западногерманской и вообще буржуазной историографии.

Концепция автора раскрывается уже в введении к I тому. Историческое исследование представляет, по мнению Альтхейма, лишь тот интерес, что оно дает возможность сравнить настоящее с прошлым, рассмотреть прошлое в свете современных событий, понять настоящее и предвидеть будущее. Каждая новая эпоха, по мнению Альтхейма, дает свое понимание прошлого. Эпоха, начавшаяся после окончания второй мировой войны, требует нового объяснения событий римской истории. Особенного внимания, считает Альтхейм, заслуживает именно III век — период, который якобы лучше всего может быть объяснен из современных событий и в то же самое время сам лучше всего может объяснить современную ситуацию.

В введении и на протяжении всего своего труда Альтхейм не только не скрывает, но даже постоянно подчеркивает, что его побудило заняться историей III в. якобы поразительное сходство с современностью, что, излагая события и явления римской истории, он постоянно имеет в виду современное положение.

События современной истории, носящей универсальный характер, как объясняет Альтхейм, побудили его и историю III в. рассматривать как универсальную историю. Под «древним миром» Альтхейм понимает не только imperium Romanum, но и другие империи — Иран и Китай, подвергшиеся почти одновременному нашествию «молодых народов» — кочевников. Стремлением автора рассмотреть во взаимодействии исторические судьбы всех народов, живших на огромных пространствах «от столбов Геракла до Желтого моря», труд Альтхейма выгодно отличается от работ других буржуазных исследователей, не выходящих обычно за круг проблемы «Рим и германцы».

Первый том охватывает историю народов Европы и Азии, не входивших в состав Римской империи. Альтхейм излагает историю Ирана, Китая, Северного Причерноморья, Северной Европы, Аравии, Тибета, Японии. В связи с этим Альтхейм наряду с греческими и римскими источниками использует также обычно не привлекаемые исследователями истории падения древнего мира китайские, арабские, иранские и многие другие памятники. Обширное место в работе занимает археологический материал, которому автор дает широкую историческую интерпретацию. Следует отметить частичное знакомство автора с открытиями советских археологов в Средней Азии и на Алтае. Автор знаком с трудами С. В. Киселева, А. Н. Бернштама и ряда других советских исследователей, в этом отношении отличаясь от своих коллег, вовсе игнорирующих достижения советской науки. В то же самое время нельзя не заметить, что использует данные советской науки Альтхейм весьма ограниченно, а нередко и превратно толкует их.

Вовлечение в круг исследования обширного материала — универсализм — сочетается в труде Альтхейма с узостью и ограниченностью трактовки истории народов Европы и Азии. История «внеримского мира» подается лишь как военно-политическая и культурная история. Социально-экономическим явлениям автором не уделено почти никакого внимания. Важнейшие события внутренней истории Ирана и Китая вовсе не упоминаются или упоминаются мимоходом. Так, автор говорит о «беспорядках при узурпаторе Ван Мане» (т. е. о великом восстании крестьян) лишь в той связи, что оно дало возможность кочевникам усилить свой натиск на границы Китая (стр. 60).

Выпячивание военно-политических факторов в истории — характерная черта взглядов Альтхейма на события III в. И в этом смысле свою концепцию Альтхейм противопоставляет взглядам крупнейшего представителя буржуазной историографии XX в. — Ростовцева, видевшего в событиях III в. лишь внутреннюю сторону и счи-

---

[1] H. Aubin, Vom Altertum zum Mittelalter, München, 1949.

[2] J. Vogt, Constantin der Grosse und sein Jahrhundert, München, 1949.

тавшего, что массовое движение сельских элементов против городской цивилизации, якобы имевшее место в то время, составляет основную черту этого периода.

Альтхейм прекрасно понимает, что взгляды Ростовцева на кризис III в. порождены его злобным отношением к Октябрьской революции, в которой реакционный историк видел аналогию событиям III в. Альтхейм отвергает концепцию Ростовцева как вызванную неправильным пониманием современности. Однако сам порочный принцип Ростовцева — оценка событий под углом зрения современности — не только не осуждается Альтхеймом, но фактически кладется в основу всей его концепции.

В истории «внеримского мира» автор видит только одно — выступление на историческую арену «молодых народов», обладавших «революционным видом вооружения — конницей». Значение этого рода оружия и кавалерийской тактики кочевников не приходится отрицать. Но автор переходит всякие пределы, когда всю историю народов Европы и Азии во II—III вв. сводит к одному фактору — увеличению роли конницы. Конница становится универсальной отмычкой, открывающей не только причины, способы и пути передвижения кочевых народов, но и причины кризиса и упадка древних оседлых народов. Объясняя причины упадка Ирана и Китая, автор говорит о перенапряжении сил, которое вызвала необходимость создания в этих государствах своей собственной конницы, о варваризации армии в связи с неспособностью китайцев, оседлых людей, к конной службе и т. д.

Особую главу он посвящает судьбам готов, проникших в Северное Причерноморье. Содержание главы гораздо шире, чем можно заключить из ее названия («Готы»). Автор рассматривает в ней также проблему ранних варварских вторжений в пределы римской территории, трактует вопрос о взаимовлиянии германских и кочевых народов. В этой главе сказались националистические взгляды автора, приведшие его к преувеличению роли германских племен.

Уже в начале этой главы автор, делая значительный исторический экскурс, причисляет к германцам, начавшим свои завоевательные походы, племя бастарнов. Между тем гораздо более вероятно, что бастарны — племя иллирийского происхождения, испытавшее на себе сильное воздействие кельтской этнической струи[1]. Повидимому, не случайно Тит Ливий указывает на сходство, существовавшее мажду кельтским племенем скордисков и бастарнами в отношении обычаев и языка (Ab urbe condita, XL, 57), а некоторые другие античные авторы затрудняются точно определить этническую принадлежность бастарнов.

Стремясь превратить «германских» бастарнов в предшественников готов, Альтхейм без должных оснований отождествляет бастарнские походы с походами племен Причерноморья в III в. н. э., причем главным его аргументом является общность направлений этих походов.

Альтхейм, однако, вынужден признать, что культура местных сарматских племен оказала существенное влияние на бастарнов, квадов и другие племена. Признает он и наличие тесных политических связей между квадами и сарматами-языгами. Однако это влияние он распространяет лишь на сферу вооружения и военного дела вообще. Вместе с тем он не бросает упрека сарматам в том, что квады якобы позаимствовали у них позорный обычай унижаться перед победителем. Отсутствие этого обычая у германцев выгодно отличает их, утверждает Альтхейм, также от даков и их союзников (стр. 100).

Затем автор переходит непосредственно к описанию переселения готов и их «деяний» на новых местах обитания. В вопросе о переселении готов он стоит на традиционной позиции националистической германской историографии. Сильное воинственное племя готов, тесня все остальные племена, продвинулось на юг в Северное Причерноморье и стало здесь грозой Рима — так в немногих словах можно сформулировать суть этой позиции. Перемещение племен, теснимых готами, как считает Альтхейм,

[1] См. А. Д. Удальцов, Племена Европейской Сарматии, СЭ, 1946, № 2, стр. 45—46.

явилось важнейшей причиной антиримских войн; сами готы в начале III в. уже вступили в столкновение с римлянами.

Свои положения Альтхейм базирует на повествовании Иордана, готских сагах (стр. 102—103) и пр., хотя крайняя тенденциозность этих источников не подлежит никакому сомнению. Он извращает истинную картину передвижения готов и некоторых других германских племен на юг, совершенно умолчав о существовании славянских племен. Между тем эти многочисленные и воинственные племена вели в первые века нашей эры упорную борьбу за расширение своей территории, и именно в них нужно видеть тех «северных варваров», натиск которых вынудил германские и некоторые другие племена передвигаться в западном и юго-западном направлениях. По-видимому, готы уходили на юг в обстановке тяжелой борьбы со славянскими племенами, а отнюдь не в качестве какого-то непреодолимого потока переселенцев, ищущих лучших районов поселения.

Перейдя к описанию пребывания готов в Причерноморье (стр. 104 сл.), Альтхейм придерживается той же националистической традиции, однако в несколько смягченном виде. Согласно Альтхейму, в Северном Причерноморье встретились два потока: германский и иранский. Готы-завоеватели пришли с севера, завоеватели-аланы с востока. «Оба народа-завоевателя вступили в тесные отношения», пишет он (стр. 104). Готы претерпели значительное иранское влияние, переняв в особенности сарматоаланское вооружение, продолжает Альтхейм, но влияние было взаимным: обычаи готов и племен-конников взаимно дополняли и обогащали друг друга. Альтхейм особо подчеркивает то значение, какое в этот период приобретает тяжеловооруженная кавалерия, ставшая в бою решающей силой.

Несомненно, что эта теория двух потоков, встретившихся в Причерноморье, страдает искусственностью и схематизмом. Но Альтхейм пытается распространить ее и на последующий период времени, вплоть до IX в., когда германцы — варяги встретились на юге с тюркскими племенами (стр. 119).

При рассмотрении этой теории двух потоков вновь бросается в глаза игнорирование истории славянских племен; Альтхейм признает их влияние на судьбы Юга лишь начиная с IX в. (стр. 119); даже великие события VI—VII вв., когда славяне обрушились на Византию, остаются им незамеченными. Меж тем славянские племена, уже с первых веков н. э. занимавшие значительные территории Прибалтики, Привисленья, Прикарпатья и Поднепровья, «являлись в Европе большой и активной творческой силой, в значительной мере определявшей общие пути исторического процесса»[1].

Вместе с тем, признавая влияние причерноморских племен на готов, Альтхейм все время выдвигает на первый план некую абстрактную этническую единицу, говоря об иранских завоевателях, об иранизме и пр. Между тем, несмотря на несомненную иранскую этническую принадлежность сарматских племен, они были в историческом отношении теснейшим образом связаны с аборигенами Северного Причерноморья и их культурой. Так, тесные связи поддерживались некогда между скифскими племенами и сарматскими племенами Поволжья и Прикаспия. С передвижением части сарматских племен на запад произошло смешение сарматов с родственными им скифами, причем сарматы, в том числе сильнейшее их племя — роксоланы, заняли лишь часть районов Северного Причерноморья[2]. Конечно, вместе с тем нельзя отрицать и ведущее место сарматов в военном и культурном отношениях (см. П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 144—145).

В целом этническая картина Северного Причерноморья в тот период отличалась значительной пестротой. Здесь на исторической сцене выступали скифо-сарматские племена, происходило уже продвижение славянских групп населения; в Прикарпатье и Поднепровье обитали племена фракийского корня. Все это не желает видеть Альтхейм, хотя в описаниях походов III в. перед ним выступают различные племена «ски-

[1] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 4.

[2] См. К. Ф. Смирнов, О погребениях роксолан, ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 сл.

фов»: бораны, герулы, карпы, готы и др. Признав в начале главы взаимовлияние сарматов и готов, Альтхейм утверждает супрематию готов в Причерноморье. Он восхваляет боевой экстаз, якобы врожденный у германских племен, утверждает, что вопреки всякому сарматскому влиянию «германская сущность» восторжествовала; он говорит даже о германизации иранцев. Вопреки свидетельствам археологии на огромных просторах юга нашей страны и в прилегающих областях Альтхейм находит «влияние готской культуры» и именует германцев «носителями культуры». Альтхейм обходит работы тех наших советских ученых, которые неопровержимо доказали, что малочисленные и менее развитые в хозяйственном и культурном отношении германские племена постепенно подпадали под влияние местной высокой культуры (А. Д. Удальцов и др.).

Столь же мало состоятельно и утверждение Альтхейма о том, что готы совместно с аланами основали какую-то свою «русскую империю», ставшую могущественным защитником хозяйственного и культурного обмена (стр. 190). Известно, что в IIIв. н. э. в Северном Причерноморье происходило активное сложение племенных союзов, но источники умалчивают о каком-то готском государстве. Что же касается «империи Германариха», в которую, по мнению Альтхейма, входили даже угро-финские племена, то это был непрочный готский племенной союз, распавшийся вскоре под ударами гуннов.

Выше отмечалось, что Альтхейм в центре своей теории ставит войну и военное дело, выдвигая на первый план кавалерию и конный бой. Это положение он прилагает и к рассматриваемому разделу книги. Все развитие военного дела в Северном Причерноморье в период III в. он сводит к овладению готами кавалерийским вооружением и тактикой конного боя.

Конечно, кавалерия играла большую роль в так называемых «скифских войнах» III в. Но она отнюдь не имела какого-то исключительного значения. Современник и историк войн III в. Дексипп писал, что у «скифов» наряду с «многочисленной конницей» есть также «многочисленная тяжело и легко вооруженная пехота» (Fr.Hist. Gr., т. III, фр. 19). Осада и взятие крупнейших городов Римской империи, осуществленные племенами Северного Причерноморья, были возможны, конечно, лишь при наличии многочисленной и боеспособной пехоты «скифов», действия которых так ярко описывает Дексипп. Наконец, широкий размах морских походов в III в. н. э. указывает на развитие у «скифов» морского дела. В походе 269—270 гг. приняли, например, участие тысячи кораблей.

Особое внимание в своем труде Альтхейм уделяет гуннам. И это не случайно. Гунны якобы представляют наиболее типичный образчик народа, непобедимая конница которого сыграла решающую роль в падении древнего мира. Вместе с тем гунны, по мнению автора, выступают в качестве связующего звена между историей Дальнего Востока и Запада. Для Альтхейма не существует никаких сомнений в тождественности хунну китайских летописей и гуннов времен кризиса и падения Римской империи. Между тем этот вопрос отнюдь еще не может считаться окончательно решенным. Известный болгарский исследователь гуннов Ив. Дуйчев не считает возможным признать, что гунны и хунны — одни и те же племена[1].

Для подкрепления своих взглядов на взаимосвязь гуннов и хунну Альтхейм привлекает данные о протоболгарах IX в., считая их гуннским племенем. На самом же деле, хотя они некоторое время наряду с другими германскими, тюркскими, угрофинскими племенами находились под властью гуннов, но вовсе не были гуннским племенем, как это убедительно доказал Ив. Дуйчев[2].

Протоболгары говорили на языке тюркского происхождения, но это еще не свидетельствует о том, что и хунну говорили на тюркском языке. Альтхейм, отождествив гуннов с хунну, рассматривает их историю в широких хронологических рамках

[1] «Bizantinoslavica», An. 13, № 2, 1952—1953.

[2] Ив. Дуйчев, Едно изследване върху обществено-икономическата и политическата история на хуните, 1951.

(со II в. до н. э.). Он справедливо полагает, что нападения хунну заставили китайцев создать целую систему укреплений на своих границах и отказаться от старой военной организации, создав тяжело вооруженную конницу со всадниками, одетыми в металлический панцырь. Роль «гуннов» (т. е. хунну) на Дальнем Востоке в судьбах китайского государства он считает такой же, как и роль гуннов причерноморских степей и других варваров в падении Римской империи.

Поскольку между историей хунну и гуннов существует значительный хронологический разрыв, Альтхейм относит его за счет странствования гуннов «от степей Монголии до степей Венгрии». Курьезным является сравнение Альтхеймом освоения гуннами «великого восточного пути» с освоением в XX в. Великого северного морского пути.

При всем своем интересе к истории гуннов, Альтхейм не касается вопроса о характере гуннского объединения, как известно, представлявшего собой конгломерат самых различных племен. Альтхейм преувеличивает роль гуннов в истории, мало считаясь с историей племен, входивших в состав гунского объединения или оказавших ему упорное сопротивление.

Единственное влияние на гуннов, которое Альтхейм признает,— это иранское влияние. Следы его он находит как в архитектуре времен Аттилы, так даже и в протоболгарской архитектуре. Как справедливо замечает Ив. Дуйчев, «Альтхейм пытается воскресить теорию о персидско-сасанидском влиянии в области протоболгарского искусства, хотя теперь эта теория опровергнута»[1].

Альтхейм считает возможным говорить о письменности гуннов, хотя ее существование еще никем не установлено. Правда, Приск говорит о том, что Аттила приказал своим секретарям прочитать имена гунских перебежчиков, но эти имена могли быть записаны латинским или греческим алфавитом, тем более известно, что эти секретари были присланы Аттиле императором Западной римской империи..

Глава, посвященная истории арабов в III в., начинается длинной цитатой (три страницы) из книги Лоуренса «Семь столпов мудрости». Верный своему принципу изучения прошлого под углом зрения современности, Альтхейм считает, что описание известным английским шпионом современных отношений может помочь пониманию истории и роли арабов в III в. Изучая историю арабов и других кочевых народов, Альтхейм опять-таки выпячивает военную историю и кавалерийскую тактику, отмечая лишь, что вместо коней арабы и берберы использовали верблюдов. Почти вся глава об угро-финнах посвящена ответу на вопрос: когда у них появилась лошадь, заменившая оленя? Для ответа на этот вопрос Альтхейм использует и данные карело-финского национального эпоса «Калевалы» и материалы последних раскопок Пазарыкских курганов.

Рассматривая все племена и народности, окружавшие страны древней цивилизации, в этом I томе Альтхейм почти совершенно не касается их социально-экономических отношений, выяснение которых может дать единственно правильный ответ на вопрос: почему же эти племена пришли в движение? Пренебрежение этим как раз и составляет самую слабую сторону в его истории так называемых «молодых народов».

Первая часть II тома называется «Империя и ее кризис».

Исходя из того, что «все события можно вывести в конечном счете из внешнеполитических условий» (стр. 29), автор объясняет главные черты социально-экономической истории Рима III в. напором «молодых народов», который в то время испытывала Римская империя. Делая экскурс в более ранний период римской истории, Альтхейм находит, что и там внешнеполитические события обусловливали внутренний кризис. Так, он объясняет кризис Римской республики II в. до н. э. тем сопротивлением, которое оказали римлянам нумидийцы и кельтиберы, народы, опять-таки широко использовавшие кавалерию. Кризис II в. до н. э. и кризис III в., по мнению Альтхейма, были обусловлены теми же причинами, но они отличались по силе и глубине. Кризис III в., в отличие от предшествующих кризисов, оказался смертельным

[1] «Bizantinoslavica», An. 13, № 2, 1952—1953.

кризисом; он являлся следствием внешнего кризиса и может быть понят лишь из событий военной истории, из истории столкновения Рима с окружающими его народами.

Важнейшую причину кризиса III в. Альтхейм видит в том, что на Рейне и Дунае римляне разгромили государственные образования пограничных племен. Этот успех римской экспансии привел к уничтожению заградительной зоны, отделявшей имперские границы от племен между Балтикой и Черным морем. В образовавшуюся брешь и хлынули новые племена. Эти племена были полны молодой силы, тогда как племена, соседние с Римом, переживали как бы болезнетворный процесс вследствие длительного мира и контакта с римской культурой. Прибытие новых племен всколыхнуло соседей Рима, которых пришельцы наполнили новой силой и увлекли за собой.

В последующих разделах Альтхейм много внимания уделяет перипетиям борьбы за римский трон, причем эту борьбу он представляет как борьбу различных этнических элементов империи (стр. 371). В этой борьбе на римском троне сменяли друг друга африканцы, сирийцы, арабы, иллирийцы, пока дело не закончилось победой иллирийцев, которым и удалось в конце концов вновь скрепить развалившееся здание империи (стр. 371). И это удалось им сделать потому, считает Альтхейм, что они в пределах империи были молодым, полуварварским народом.

Высказывания Альтхейма о какой-то «заградительной зоне» и ее уничтожении не соответствуют действительности. Пограничные племена были не заградительной зоной, а важнейшими противниками Рима, их поражение в Маркоманской войне отнюдь не привело к прочному миру на Рейне и Дунае — столкновения продолжали нарастать (так, уже Каракалла воевал с карпами). На Дунае и Рейне складывались племенные образования, ставшие скоро грозой для Рима.

В рассматриваемом разделе Альтхейм очень подробно излагает военные события на Рейне, Евфрате, в Британии и других местах. Он детально описывает состояние римской обороны, изменения, происходившие в римской армии. Некоторые сообщаемые им факты представляют несомненный интерес (стр. 105 сл.).

Однако описание военных событий он дает нередко в отрыве от внутренней истории страны и все ее события чаще всего объясняет военным положением империи и военными задачами. Он не видит того несомненного факта, что борьба народных масс Римской империи обеспечивала успех наступлению варваров. Говоря о росте «гражданского самосознания» горожан, он не считается с явными указаниями источников о помощи низов городского и сельского населения вторгавшимся варварам (известно, например, что рыбаки Византия в 258 г. помогли «скифам» совершить переправу через Боспор).

Крайне тенденциозен Альтхейм в описании хода войн на Дунае. Зачинателями и движущей силой скифских войн он считает вновь прибывшие племена готов, которые привели в движение и увлекли за собой карпов и другие пограничные племена.

Разумеется, здесь перед нами картина, превратно отражающая события. Зачинателями борьбы с Римом на Дунае были именно эти пограничные племена — карпы (Zosim., I, 20), бастарны, языги, и лишь впоследствии в развернувшееся наступление влились и пришлые племена готов. Источники никак не выделяют какой-то руководящей роли готов в войнах с Римом; для Дексиппа, Зосима и других они такие же «скифы», как и все остальные причерноморские племена. Но Альтхейм никак не хочет признать этого положения, все обще-«скифские» походы он аттестует как «готские», лишь иногда упоминая о боранах и карпах. Описание отдельных «скифских» походов у него иногда довольно подробное, но встречаются также слияние двух походов в один, хронологические перемещения и пр.

Одной из важнейших проблем римской истории III в. является вопрос об изменении политической формы римского государства, о создании домината. Установление домината Альтхейм объясняет, тоже исходя из своей военной концепции. Эта государственная организация, по мнению Альтхейма, была вызвана необходимостью собрать все силы для отпора внешнему врагу. Политическую систему, установившуюся в Риме со времени правления Диоклетиана, Альтхейм именует также «системой принудительного государства» и объясняет ее характерные черты изменениями в характере рим-

ской армии. «Профессиональная армия породила принудительное государство»,— утверждает он. Профессиональное войско, несомненно, способствовало переходу от республики к империи, оно явилось орудием в руках основателей Римской империи, оно было опорой римских императоров, но само увеличение роли войска и милитаризация государства, как это ярко показывают события III в., объяснялись не только вторжениями соседних племен, но прежде всего нараставшей борьбой рабов и колонов. Не случайно окончательное установление домината и важнейшие реформы армии, в том числе создание крупных мобильных соединений, которые предназначались для борьбы с повстанцами, произошли после подавления движения богаудов в Галлии.

Таким образом, Альтхейм ставит все понятия с ног на голову. Диктатура крупных землевладельцев и рабовладельцев — доминат для него лишь инструмент обороны границ, а глубочайшие социальные изменения в недрах империи — нечто производное и второстепенное, сводимое к тем же военным потребностям и задачам.

Специальные разделы книги посвящены римскому войску, мероприятиям по его комплектованию и содержанию. Альтхейм подчеркивает изменение состава римской армии, в которой все большую роль стали играть контингенты из мало романизированных провинций. Он особенно выделяет в III в. н. э. роль таких родов войск, как кавалерия и стрелки из лука. Рост значения кавалерии в системе римских вооруженных сил Альтхейм объясняет исключительно потребностями обороны против наступления конных народов. Автор восхваляет дисциплину и мощь римской армии, дух товарищества, царивший в ее рядах, и вместе с тем отмечает, что в I в н. э. дисциплина упала, закипела борьба между отдельными армиями (стр. 113).

В этом падении дисциплины, внутренней борьбе, разъедавшей римскую армию, он и видит одну из основных черт кризиса III в. Необходимость противопоставить конным народам мощную кавалерию заставила Рим, считает Альтхейм, обратиться за помощью к полуварварским народам, что и повлекло за собой увеличение их значения. Некоторые из положений Альтхейма в этих разделах (рост значения новых родов войск и пр.) обоснованы. Однако Альтхейм не понимает того, что военные преобразования в империи вызывались не только потребностями охраны границ, но в не меньшей степени и потребностями борьбы с восстаниями рабов и колонов. В выступлениях легионов на Рейне и Дунае, в Британии и Сирии находила свое отражение борьба провинциального населения за отделение от Рима, а упадок дисциплины, на который так сетует Альтхейм, нередко выражался в переходе солдат на сторону варваров или повстанцев.

Разложению римской армии в III в. Альтхейм находит парадоксальную аналогию в разложении гитлеровской армии в 1944 г.: чувство недоверия к руководству, политическая агитация, упадок солдатского духа. Упадок армии в III в. и в 1944 г. якобы имел общие причины — превращение армии в национальную армию. Это означало — призыв необученных контингентов, не умевших сражаться, несших большие потери и во всех неудачах обвинявших военное командование.

Из всего этого делается вывод, что время национальной армии, так же как и национального государства, осталось позади, что дело идет к созданию «агрегата государств». Автор полагает, что будущее принадлежит профессиональной армии, хорошо владеющей современной техникой, беспрекословно подчиненной фюреру и проникнутой духом сословной и корпоративной чести (стр. 178).

Таким образом, хотя весь второй том посвящен описанию событий III в. в Римской империи и автор неоднократно говорит о кризисе и упадке, понимание самого кризиса Альтхеймом носит узкий характер. Он видит в кризисе лишь одну сторону — натиск молодых народов, обладавших конницей, и перенапряжение империи, создававшей свою конницу для отпора врагам. Отсюда он выводит все остальные социальные явления, о которых он считает возможным лишь упомянуть. Так, важный стимул развития колоната он видит в необходимости обеспечить снабжение армии в условиях натурализации хозяйства и экономического кризиса. Видя во внешнеполитических событиях причину всех явлений внутреннего развития, Альтхейм объясняет ими и возникновение феодализма. Под последним он понимает появление в III в. зависи-

мых от Рима государств, которыми управляли наследственные правители, как, например, Оденат (стр. 111).

Не понимая, таким образом, сущности глубокого социально-экономического кризиса III в., Альтхейм дает ему узкую и одностороннюю оценку.

Для некоторых представителей современной буржуазной историографии характерно показное стремление заново рассмотреть исторический материал, построить новую схему исторического развития. Альтхейм оправдывает это стремление тем, что человечество после второй мировой войны переживает новую эпоху, требующую новой оценки прошлого. Но если объективно рассмотреть ультрасовременные теории Корнеманна и многих других представителей послевоенной буржуазной историографии, то нельзя не придти к заключению, что их новизна является фикцией. Взгляды самого Альтхейма являются во многих отношениях развитием и распространением на историю III в. положений известного буржуазного историка прошлого столетия Леопольда Ранке.

Альтхейм берет у Ранке его категорическое отрицание роли экономических факторов в истории, выпячивание политической, и притом не внутренней, а внешнеполитической, военной истории. Подобно главе так называемой «исторической школы» в Германии Л. Ранке, Альтхейм отрицает объективные исторические законы, утверждая, что каждое поколение вправе создавать свою историческую концепцию, свою систему взглядов на прошлое человечества. Этот принцип приводит к субъективизму и к неоправданным аналогиям прошлого с настоящим.

Результаты этого метода видны на примере рецензируемого труда. Он представляет огромное здание с иногда интересными архитектурными деталями и звеньями, но построенное на непрочном фундаменте. Альтхейм рассматривает историю III в. лишь под одним узким углом зрения — военной истории или еще уже: роли конницы как нового рода войск. Как бы ни были интересны отдельные выводы и наблюдения автора в этом направлении, они не могут объяснить всего того многообразия явлений и событий, которое дает нам история III в. Альтхейм не видит главного в кризисе III в.: революционного движения рабов и колонов, социально-экономического и политического кризиса рабовладельческого общества.

Труд Альтхейма порой страдает бессистемностью, повторениями и перегрузкой материала, не имеющего прямого отношения к теме исследования, концепция отличается чрезвычайной искусственностью и фактически дает мало нового для понимания проблемы падения древнего мира.

А. И. Немировский
А. М. Ременников

T. MOMMSEN, Römische Geschichte, т. IV, Zürich, 1954, 43 стр.

До сих пор принято было считать, что четвертого тома своей «Римской истории» Моммзен не написал. Однако четвертый том существует, хотя и представляет собой небольшую работу в 43 страницы. Примечательна история появления этого тома.

В 1877 г. в честь 60-летия Моммзена его коллеги Яков Бернайс, Вильгельм Хартель, Адольф Хирцель, Вильгельм Шреер и др. выпустили юбилейный сборник на немецком, английском, итальянском, французском и латинском языках, который назывался «Commentationes philologae in honorem Theodori Mommseni scripserunt amici». В благодарность друзьям Моммзен в том же году подготовил и опубликовал две небольшие работы под заглавием: «Римская история», т. IV, напечатать в 100 экземплярах и распределить моим друзьям».

Впервые IV том был опубликован в 1877 г. в журнале «Hermes», в т. XIII. Со временем в числе антикварных изданий сохранилось три экземпляра этой работы. Один экземпляр имела Берлинская научная библиотека. Но во время второй мировой

войны он там сгорел. Отделение классической истории университета им. Мартина Лютера в Галле также имело экземпляр оригинала с посвящением Моммзена: «Господину проф. Дегенкольбу на память о некоторых приятных часах». Один экземпляр IV тома под № 49 и с надписью, сделанной Моммзеном в благодарность за редактирование издания, имел один гамбургский коллекционер. В память о 50-летии со дня смерти Моммзена — 3 ноября 1953 г.— IV том был издан в Вене в 675 экземплярах, а затем напечатан в 1954 г. и в Швейцарии, в Цюрихе.

Четвертый том состоит из двух глав. Первая глава является, по существу, кратким обзором внешней политики ранней империи. Изложение событий доведено до времени правления Сульпиция Гальбы (68—69 гг.). И в этой главе, так же как и в других томах «Римской истории», отчетливо прослеживается концепция автора о благотворности римских завоеваний и установления римского господства для покоренных народов. Так, жестокое порабощение Галлии Римом представляется благом для галльских племен. По мнению Моммзена, римляне, в частности Цезарь, справедливо относились к галлам, щадили их национальную гордость, способствовали развитию галльской и кельтской культуры (стр. 11).

Однако Рим, распространивший свою власть на другие народы, оказался, как это отмечает Моммзен, неспособным предотвратить восстания в провинциях и в войсках, что особенно обнаружилось в правление Нерона. Антиримское выступление галлов в 68 г. под руководством Гая Юлия Виндекса, наместника Лугудунской Галлии, представляется Моммзену движением за установление республиканского образа правления в Риме. Движение распространилось на всю провинцию и захватило город аллоброгов Вьенну. Лугудун не примкнул к восстанию и остался верным Нерону. В движении принимали участие галлы восточных областей провинции и областей по левому берегу Рейна. Мятежом была охвачена и Нарбонская Галлия. Общее количество вооруженных повстанцев достигло 100 000 человек. Однако расчеты Виндекса на то, что к движению примкнут наместники других провинций и легаты провинциальных легионов, не оправдались. На подавление движения Виндекса Нерон послал в Галлию семь римских легионов под командой Люция Виргиния Руфа. Сражение закончилось поражением восставших. Виндекс покончил самоубийством.

Выступление в этом же году наместника Тарраконской Испании Сервия Сульпиция Гальбы также представляется Моммзену как борьба за провозглашение республики, на верность которой, т. е. сенату и римскому народу, Гальба якобы заставил присягнуть свои войска (стр. 14). Выступление наместника Лузитании Отона и последовавшие затем выступления провинциальных легионов Верхней и Нижней Германии, Британии, Сирии и дунайских провинций также проходили под лозунгом борьбы за республику, хотя Моммзен и ясно понимает, что сами вожди этих армий и движений вовсе не были сторонниками республики: полководцы боролись за власть, а солдаты выдвигали и поддерживали своих командиров, надеясь таким образом реализовать свои требования.

Вторая глава IV тома носит название «Родина и эпитафия Тримальхиона». Здесь Моммзен рассматривает «Сатирикон» Петрония как источник для изучения истории южноиталийских городов и положения вольноотпущенников в империи в I в. н. э. Анализ сатиры дает некоторые сведения по истории Мизена, Кум, Неаполя и Путеол, т. е. именно тех городов, которые упоминаются в сатире. Сейчас история этих городов достаточно известна, однако для того времени, когда писал Моммзен, его сведения, основывающиеся на надписях, представляли для историков большой интерес. Все эти города Моммзен считает по происхождению греческими. В прошлом это маленькие греческие колонии, затем колонии римских граждан. Мизен, например, сравнительно молодой город, возник, по его мнению, из лагеря стоянки легионов (IRN, 2575, 2576). В эпоху Августа здесь была устроена стоянка римского военного флота. По мнению Моммзена, городом Мизен стал в правление императора Клавдия и был приписан к трибе Клавдия. Путеолы как колония римских граждан возникли на месте прежней греческой колонии вскоре после Второй Пунической войны. По свидетельствам античных авторов и по данным надписей, Путеолы являлись значительным

торговым городом в Кампании, в некоторой степени второй гаванью после Рима. Неаполь уже в эпоху ранней империи был италийской муниципией, но в городе, однако, долго удерживался греческий образ жизни: деловой язык был греческий, названия некоторых магистратур города также оставались греческие, например: ἀγορανομήσας. История Кум Моммзену была менее известна. По истории возникновения этой греческой колонии почти нет данных, кроме двух надписей: IRN, 2568, 2569. Повидимому, римской колонией Кумы стали в период ранней империи: при первых триумвирах или в правление Августа. Свидетельство этому Моммзен находит в словах одного из персонажей сатиры — вольноотпущенника Тримальхиона—Гермера: Puer capillatus in hanc coloniam veni: adhuc basilica non erat facta, т. е. в момент посещения Кум Тримальхионом и его вольноотпущенником Гермером Кумы как колония находились в процесе возникновения: здесь не было воздвигнуто даже общественного здания — базилики, что было одним из признаков организации колонии. Так, при организации сулланских колоний ветеранов, например Помпей, обязательным являлось закладка и сооружение общественного здания.

В конце второй главы Моммзен дает полный текст эпитафии, которую предполагал себе поставить Тримальхион. Анализируя и комментируя эту эпитафию, Моммзен определяет социальное и экономическое положение вольноотпущенников в период ранней империи, когда, по его мнению, наступило торжество нового порядка, при котором процветали всякого рода торговцы, вольноотпущенники и ростовщики, поэтому сатира Петрония в данном случае является очень важным источником. Сравнение эпитафии Тримальхиона с сохранившимися подлинными надписями подобного типа, например с эпитафией из Помпей августала Люция Мунация Фауста — IRN, 2346 — свидетельствует, до какой степени близко к действительности держался в своем произведении Петроний. Тримальхион — малоазийский грек, попал рабом в дом богатого римлянина. Затем он сделался поверенным своего господина в торговле вином и рабами, наконец он сам становится ростовщиком и крупным землевладельцем. Свой жизненный путь он пожелал увенчать великолепной надгробной надписью. На фронтоне своего мавзолея Тримальхион приказал высечь изображение кораблей, несущихся на всех парусах, а его самого изобразить восседающим на трибуне. Одет он должен быть в тогу-претексту, с пятью золотыми кольцами на руках, рассыпающим из кошелька в народ деньги. По правую руку от него — фортуна с голубкой и с собачкой на цепочке. Затем следовал текст эпитафии. После слов «Здесь покоится Г. Помпей Тримальхион Меценатинан» — Тримальхион хвастливо записал: «Ему заочно был присужден почетный севират» (Huic seviratus absenti decretus). Моммзен доказывает, однако, что это не могло иметь места в действительности: муниципальный сенат имел право присвоить заочно только консулат или кваттуорвират. Следующая фраза эпитафии: «Он мог бы быть в любой декурии Рима, но не пожелал» (Cum posset in omnibus decuriis Romae esse, tamen noluit) — также критически анализируется Моммзеном. Тримальхион не мог быть членом римской декурии прежде всего потому, что он не жил в Риме.

Таково в общем содержание двух небольших работ Моммзена, объединенных им в IV том его «Римской истории». Небольшой объем тома и ограниченность исследуемого материала делают эту его работу менее значительной для историка. Вместе с тем ознакомление с этим томом «Римской истории», как нам кажется, представляет известный интерес для специалиста-античника.

С. Р. Ким

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ ОБ АСТИНОМАХ ХЕРСОНЕСА

Вопрос о должностных лицах «астиномах» является одним из вопросов государственного устройства. Астиномы в городах Греции и Малой Азии — это городские полицейские власти, стоявшие рядом с ἀγορανόμοι. Астиномы известны преимущественно из ионийских надписей IV—III вв. до н. э. В Афинах астиномы существовали в V в. до н. э. Имелись они и в других городах, в основном приморских.

Функции астиномов в одних городах более, в других менее широкие, в основном были одни и те же. Прежде всего астиномы являлись городскими надзирателями, в обязанность которых входило смотреть за чистотой города, порядком и приличием на улицах. Они обязаны были следить за странствующими артистами, фокусниками и т. д., которых они могли арестовать и наказать за поступки, явно нарушающие правила нравственности[1]. В Пергаме закон, изданный одним из Атталидов, предписывал домовладельцам очистку улиц и ремонт разрушающихся или угрожающих разрушением домов; если же собственник не выполнял своих обязанностей, астиномы должны были оштрафовать его и выполнить работу за его счет[2]. Они также наблюдали за строительством, за соблюдением домовладельцами границ своих участков в городе. По свидетельству Платона и Аристотеля[3], на астиномов было возложено попечение над источниками, колодцами, водопроводами. В некоторых городах на них возлагалось наблюдение за стенами и гаванями. Но в больших городах, как, например, в Афинах, это наблюдение за колодцами и водопроводами возлагалось на особых магистратов. Известны также астиномы, заботящиеся о списках проксенов и о государственной казне[4]. Избрание астиномов, так же как и других должностных лиц в Афинах, происходило на народном собрании путем жеребьевки. Продолжительность службы составляла один год. Занимать должность вторично запрещалось. В Афинах и в других городах астиномы составляли коллегии с более или менее значительным числом членов. Астиномы имели свое служебное место — ἀστυνόμιον[5].

Свидетельства о том, что астиномы наблюдали за торговлей, к сожалению, очень скудны. Имеется всего один эпиграфический памятник, который засвидетельствовал функции астиномов по наблюдению за экспортом, происходящий из города Корезии с о-ва Кеоса[6], и только керамическая эпиграфика дает материал, могущий осветить этот вопрос.

---

[1] RE, s. v. astynomi.

[2] OGIS, № 483.

[3] P l a t o, Leg., VI, 758 E.; A r i s t o t., Athen. polit., 50.

[4] E. P r i d i k, Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland, B., 1928.

[5] P l a t o, Leg., XI, 918a.

[6] CIA, № 546.

Источником для изучения функций астиномов в государственной жизни Херсонеса эллинистического периода служат только керамические клейма. К сожалению, ни один эпиграфический памятник Херсонеса или другого какого-либо города Северного Причерноморья не только не раскрывает функции астиномов, но даже не упоминает о них.

Херсонес Таврический в III в. до н. э. достиг наивысшего расцвета в политической, экономической и культурной жизни. Огромное количество керамических клейм Херсонеса, собранных главным образом при раскопках самого Херсонеса и частично при раскопках других городов Северного Причерноморья, является не только важным датирующим материалом, но и ценным источником для изучения экономической и политической жизни города в эллинистическую эпоху. Учитывая столь большое значение херсонесских клейм, становится понятным и тот интерес, который проявляли и проявляют исследователи к этому виду археологических памятников.

Судя по распространению херсонесских керамических клейм[1] в городах побережий Средиземного моря и Понта Евксинского, можно считать, что Херсонес в эту эпоху был втянут в общую орбиту торговых морских связей. Основными продуктами Херсонесского экспорта являлись не только вино, но, повидимому, и рыба. С развитием экспорта продуктов развивается производство, а затем и клеймение амфор, которые служили не только тарой для перевозки продуктов, но иногда и предметом вывоза. Клеймо сосуда являлось маркой государства или мастерской, указывая, таким образом, на место производства сосуда.

Клеймили свою тару многие города побережий Эгейского и Черного морей. Некоторые из них непосредственно в клейме указывали центр, из которого происходит амфора, другие имеют характерные эмблемы в клейме и присущую тому или другому центру форму клейма. Клейма, в легенду которых включена магистратура астинома, принадлежат Синопе или Херсонесу, причем синопская группа клейм определяется ионийским диалектом, херсонесская же — дорийским. Клейма, происходящие из Синопы, детально исследованы и классифицированы Б. Н. Граковым[2]. К сожалению, подобного труда о херсонесских клеймах еще пока нет, хотя и они не были оставлены без внимания.

Раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича еще в 1900 г. установлено, что Херсонес имел собственное развитое гончарное производство[3]. Гончарные мастерские носили смешанный характер. В них наряду с производством посуды ремесленники-гончары выпускали и терракотовые изделия[4]. Однако производство тары для хранения, а главное для перевозки продуктов имело гораздо большее значение для Херсонеса, где само хозяйство требовало развития этого вида производства. Обнаруженные при раскопках в гончарных мастерских обломки амфор и большое количество амфорных ручек с именами херсонесских астиномов, красноречиво свидетельствуют о развитом производстве этого вида тары. Выделенная В. Н. Юргевичем[5] херсонесская группа клейм привлекла к себе внимание исследователей. Отдельные публикации клейм херсонесских астиномов имеются у В. В. Шкорпила[6]. И. И. Махов[7] пользуясь мате-

---

[1] Б. Н. Граков, Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма (как источник для истории производства и торговли), рукопись, Архив ИИМК, стр. 300.

[2] Он же, Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов, РАНИОН, 1928.

[3] ИАК, № 2, 1902, стр. 20.

[4] Там же.

[5] В. Н. Юргевич, Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышовой и Стрелецкой, ЗООИД, т. XV.

[6] ИАК, вып. 3, стр. 162; вып. 11, стр. 60—61; вып. 51, стр. 122.

[7] И. И. Махов, Амфорные ручки Херсонеса-Таврического с именами астиномов, ИТУАК, №, 48.

риалами Косцюшко-Валюжинича[1], первый издал свод херсонесских клейм. П. Беккер[2], описывая клейма родосских, фазосских и книдских амфор, дает краткую характеристику амфорных клейм, в легенду которых включена магистратура астиномов. Все клейма, включающие в себя слово ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος, он ошибочно отнес к Ольвии. А. М. Придиком[3] был составлен общий каталог клейм эрмитажного собрания. Он же собрал огромный материал для третьего тома IOSPE, в котором представлены все керамические надписи, найденные в Северном Причерноморье[4].

Из работ последнего времени следует отметить ряд работ Р. Б. Ахмерова[5], посвященных астиномным клеймам на черепицах и амфорах Херсонеса и монограммам херсонесских мастеров. Известный интерес представляет исследование А. А. Нейхарт[6] о памятниках керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки, в котором автор, разбирая керамические клейма трех центров Причерноморья — Синопы, Гераклеи Понтийской и Херсонеса, показывает торговые связи Боспорского царства с этими центрами. Наряду с астиномными клеймами, в Синопе[7] и Херсонесе[8] засвидетельствовано по три клейма с магистратурой ἀγορανόμοι[9]. На агораномов был возложен надзор за рыночной торговлей. Они должны были следить за доброкачественностью товаров, за чистотой на рынках, принимать пошлины с иностранцев. Им вменялось в обязанность решать споры между покупателями и продавцами. Агораномы должны были следить за постоянством цен на рынках[10]. В различных государствах функции астиномов и агораномов были различны. Агораномы некоторых государств выполняли функции метрономов. Как в Синопе, так и в Херсонесе функции астиномов и агораномов переплетались, те и другие касались гончарного производства и экспорта и поэтому попали в легенды штемпелей[11].

В эпиграфике же припонтийских городов функции агораномов также почти не освещены. Правда, мы располагаем надписью в честь Агасикла, сына Ктесия[12], который был агораномом и, повидимому, в это время учредил рынок, надписью Евпократа, пожертвовавшего три тысячи денариев на храм Афродиты из средств агорано-

[1] Архив Государственного херсонесского музея, дело № 9.

[2] ЗООИД, т. V, VII, XI.

[3] Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания, П., 1917.

[4] Этот труд остался неоконченным и в настоящее время дополняется и подготавливается Б. Н. Граковым к изданию.

[5] См. его статьи в ВДИ, 1947, № 1; ВДИ, 1948, № 1; ВДИ, 1949, № 4; ВДИ, 1951, № 3.

[6] А. А. Нейхарт, Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источники для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху, диссертация, М., 1951.

[7] Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, стр. 42.

[8] В. В. Борисова, Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса, ВДИ, № 3, 1949, стр. 87.

[9] Б. Н. Граков, достаточно полно и убедительно исследовавший синопскую группу керамических клейм, ошибочно отнес клеймо Ἀπολλώνιος πασιάδα к синопским клеймам. Точку зрения П. Беккера (ЗООИД, XI, стр. 31, 48) как по поводу происхождения, так и по восстановлению этого клейма Б. Н. Граков не принял. Между тем данное клеймо может быть отнесено только к херсонесским, как по характеру самого клейма, так и по качеству глины. В фондах Государственного херсонесского музея имеется тринадцать экземпляров этого клейма. Форма клейма узкая, желобчатая, глина характерная херсонесская — красная с включением черных кристаллических и белых известковых частиц.

[10] Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии, ВДИ, № 3, 1939, стр. 273.

[11] Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма..., стр. 44.

[12] IOSPE, № 418.

мии[1] и надписью Теагена[2], который, будучи агораномом, на собственные средства построил рынок для продажи рыбы. Однако этого материала совершенно недостаточно для раскрытия функций таких должностных лиц, как агораномы, тем более, что две последние надписи относятся к более позднему времени.

Основная масса херсонесских астиномных клейм приходится на конец III и начало II в. до н. э. Усиление клеймения тары в Херсонесе Б. Н. Граков относит ко времени после 220 г., и лишь часть клейм, по его мнению, заходит в ранний III век. Прекращается же это клеймение в начале I в. до н. э. или несколько раньше[3]. Эти хронологические границы подкрепляются исследованием археологического материала из раскопок Херсонеса в 1941 и 1947 гг.[4]. В настоящее время известно около 160 астиномов, что указывает на 160 лет клеймения амфор в Херсонесе (считая, что каждый астином нес свои функции один год), и свыше 70 клейм владельцев мастерских. Установить дату каждого астинома пока не представляется возможным. И. И. Махов считает, что имя астинома ставилось на одной ручке амфоры, имя владельца мастерской — на другой[5]. Монограмма владельца мастерской иногда включалась непосредственно в клеймо астинома (таких клейм известно двенадцать), иногда же она ставилась рядом с астиномным клеймом (таких случаев имеется девять), тогда вторая ручка амфоры, повидимому, была без клейма. Но найденные в 1900 г. Косцюшко-Валюжиничем остатки 28 раздавленных амфор, содержат на ручках клеймо с именем астинома Истрона, сына Аполлонида. В легенду этого клейма не была включена монограмма мастера. Ни имени, ни монограммы мастера не оказалось и на парных ручках. При раскопках Керкинитиды в 1952 г. были найдены две амфоры (ныне реставрированные) с клеймами астиномов Теламона и Ксанфа. Монограммы мастера нет ни в легенде клейма, ни рядом с астиномным клеймом; нет ее и на парных ручках амфор[6]. Мы можем наблюдать, что один и тот же астином одновременно клеймил тару мастерских, принадлежащих разным владельцам. Так, например, астином Агасикл в своих клеймах имеет монограмму мастеров (Ἀθαναῖος) и (Δαμάτριος)[7]. Но иногда разных астиномов сопровождает один и тот же мастер. Так, при астиномах Ἀγασικλῆς, Ἡρέας, Ἡρόδοτος имеется монограмма мастера (Ἀθαναῖος). Имя Ἀθαναῖος является очень распространенным в гончарном производстве Херсонеса. Так, известны клейма с этим именем Ἀθαναίου|ἀστυνόμου, Ἀθαναίου|Ταυρικόν, Ἀθαναίου εἰς ἐμπόριον и, наконец, упомянутая монограмма владельца мастерской , расшифровываемая тоже как Ἀθαναῖος. Если считать, что эти клейма одновременны и, следовательно, как утверждает Ахмеров, принадлежат одному и тому же лицу, то не подтверждается другое его положение, что астиномы являются выходцами из привилегированной рабовладельческой верхушки, а мастера, в отличие от них, происходят главным образом из простых людей[8].

---

[1] IOSPE, № 440.

[2] ВДИ, 1948, № 2, стр. 245.

[3] Б. Н. Граков, Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма, стр. 117.

[4] С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках Херсонеса в 1941 г. и 1947 г. Архив ГХМ, дело № 607, стр. 20.

[5] И. И. Махов, ук. соч., стр. 156.

[6] Приношу глубокую благодарность М. А. Наливкиной, сообщившей сведения о находках в Керкинитиде.

[7] Один из вариантов расшифровки; у Ахмерова то же, см. ВДИ, 1951, № 3.

[8] Р. Б. Ахмеров, О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса, ВДИ, 1951, № 3, стр. 79.

Ряд имен астиномов совпадает с именами магистратов на херсонесских монетах. Это послужило поводом для К. К. Косцюшко-Валюжинича [1], а вслед за ним и И. И. Махова[2], предположить, что за выпуском монет наблюдали астиномы. Такое соображение встретило справедливое возражение со стороны А. В. Орешникова [3], который, оправдывая совпадение имен на амфорных ручках и монетах, предположил, что должность астинома в Херсонесе была переходной к более высоким должностям, между которыми были и магистраты, заведывавшие монетным делом. Так, имен магистратов на монетах гораздо меньше, чем имен астиномов на амфорных ручках. Из тридцати известных имен монетных магистратов с именами астиномов совпадает только семнадцать. Таким образом, можно предположить, что семнадцать астиномов Херсонеса, продвигаясь по должностной лестнице государственного управления, стали магистратами, которым поручалось наблюдение за выпуском монет. Мнение И. И. Толстого[4] о том, что монетным делом заведывали басилевсы, которые в качестве эпонимов ставили на монетах свои имена, справедливо оспаривается А. Н. Зографом [5]. Несомненно, что за выпуском монет наблюдали специальные магистраты, чьи имена помещались на монетах. Но при настоящем состоянии наших источников по истории Херсонеса мы не имеем возможности решить вопрос о том, какие органы городского управления заведывали монетным делом и имена каких магистратов ставились на монетах.

Коллегия астиномов в Херсонесе состояла, повидимому, из нескольких членов. Нам неизвестно, кому из членов коллегии поручалось клеймение амфор и черепиц. Вероятно, коллегия ежегодно поручала клеймение какому-то одному члену. Исследования же клейм одного и того же астинома показали, что печатки имеют отличие одна от другой. Может быть, вследствие большой потребности в таре один астином не успевал клеймить всю керамическую продукцию, поэтому клеймением занимались и другие, которые именем первого астинома клеймили тару и черепицу. Но поскольку должность астинома в государственной жизни была все же второстепенной, вряд ли астинома можно считать эпонимом. Исследование легенд в клеймах херсонесских астиномов, выделенных И. И. Маховым[6], дало возможность Б. Н. Гракову[7] сделать очень важные заключения об изготовлении и экспорте керамической тары Херсонеса. Тара с клеймами, в легенду которых включено только имя астиномов, повидимому, может считаться изготовленной в государственных мастерских. Примером тому могут служить уже упомянутые амфоры с именем Истрона, сына Аполлонида, обнаруженные К. К. Косцюшко-Валюжиничем в Херсонесе, и амфоры с именами Теламона и Ксанфа, открытые М. А. Наливкиной в Керкинитиде. Тара с клеймами, в легенду которых наряду с именем астинома включалась и монограмма мастера (имя астинома на одной ручке, а монограмма или имя мастера на другой ручке), повидимому, изготовлялась в мастерских, находящихся в частном владении. Клеймо Ἀθαναίου εἰς ἐμπόριον, обратившее на себя внимание исследователей, по заключению Б. Н. Гракова[8], свидетельствует о частной мастерской, изготовлявшей амфоры на экспорт. Таким образом, в Херсонесе, видимо, наряду с государственными эргастериями, производившими тару, существовали частновладельческие мастерские. Клейма Σκυθικόν и Ταυρικόν, а также имена астиномов Σκύθας, Νάνων свидетельствуют о том, что в гончарном производстве принимали участие выходцы из местного населения тавров и скифов, живших в Херсонесе, хотя, скажем, имя Σκύθας могло и не принадлежать скифу.

Трудно пока определить место астинома, а также агоранома среди других го-

---

[1] Отчет за 1892 г., Архив ГХМ, дело № 3.

[2] И. И. Махов, ук. соч., стр. 151.

[3] А. В. Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРОИМК, т. II, стр. 114.

[4] И. И. Толстой, Остров Белый и Таврика, Пб., 1918, стр. 115.

[5] А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, вып. 16, стр. 160.

[6] И. И. Махов, ук. соч., стр. 156.

[7] Б. Н. Граков, Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма, стр. 191.

[8] Б. Н. Граков, там же, стр. 169.

сударственных должностей в Херсонесе. Но поскольку в надписи в честь Агасикла должность агоранома в числе других перечисленных должностей, которые занимал Агасикл, стоит на последнем месте, можно считать, что должность агоранома в государстве считалась не первостепенной. Астиномов же, как уже отмечалось, лапидарные надписи вовсе не упоминают. На должность астинома, так же как и на другие государственные должности, выбирали богатых граждан республики, каким был, например, Гимн, сын Скифа[1], и можно думать, что функции астиномов в Херсонесе были такими же, как и в других городах. Но в Херсонесе деятельность астиномов была несколько расширена, так как город являлся крупным центром гончарного производства и, будучи приморским городом, вел оживленную торговлю. Поэтому астиномы должны были следить как за изготовлением тары и черепицы, так и за их экспортом.

В. В. Борисова

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ НИМФЕЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V В. ДО Н. Э.

До опубликования в 1935 г. покойным акад. С. А. Жебелевым статьи под названием «Афины, Нимфей и измена Гилона»[2] общепринятой была точка зрения немецких ученых Кёлера и Кирхгофа, которые рассматривали Нимфей второй половины V в. до н. э. как афинское владение. С. А. Жебелев подверг всесторонней критике все источники, привлекавшиеся сторонниками этой гипотезы, и в результате пришел к выводу, что Нимфей не входил в первый Афинский морской союз, а Гилон, дед знаменитого афинского оратора Демосфена, не предавал Нимфея Спартокидам, но был представителем Афин на Боспоре по закупке и экспорту хлеба (ук. соч., стр. 27 и 35 сл.). Точка зрения С. А. Жебелева была признана убедительной как советской наукой, так и за рубежом[3].

Однако в 1939 г. американские и английские историки Меритт, Уэйд-Гери и Мак-Грегор выступили с голословным утверждением, что гипотеза Жебелева «основана не на свидетельствах [источников], но на предвзятом убеждении в невероятности того, чтобы город в Крыму мог быть обложен податью»[4]. Меритт и соавторы безапелляционно утверждали, что Нимфей входил в Афинский морской союз и притом был в составе якобы существовавшего Евксинского податного округа.

Точка зрения Меритта и его соавторов основана не на новом анализе всей совокупности источников, а единственно только на их собственном восстановлении фрагмента надписи (фрагмент № 38), содержащей список фороса афинских союзников за 425/4 г. до н. э., который был опубликован Мериттом и Уэстом в 1934 г.[5] (см. рис. 1).

Во второй строке этого фрагмента сохранились буквы ЕКТОЕ. Уэст и Мерритт

[1] Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 249.

[2] С. А. Жебелев, Боспорские этюды, II, ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 24 сл.

[3] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, 1949, стр. 53 и 176 сл.; М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, СА, XVI (1952), стр. 232 сл.; Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях..., ВДИ, 1939, № 3, прим. к № 1; E. Diehl, RE, Suppl. VI, s. v. Nymphaion.

[4] B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor, The Athenian Tribute Lists, т. I, Cambridge, 1939, стр. 528. Во II и III томах этой работы (Princeton, 1949 и 1950) авторы остаются на старой точке зрения.

[5] B. D. Meritt a. A. B. West, The Athenian Assessment of 425 B. C., Ann Arbor, 1934, стр. 26, 29, 68 и табл. Ср. ATL, I, стр. 116 (фото) и табл. XXIII; ATL, II (1949), стр. 46, 126 сл.

восстанавливают это место как πόλες]ἐκ τὸ Εὐ[χσείνο, считая это восстановление единственно возможным и бесспорным (ATL, I, стр. 528). Однако от последней буквы второй строки фрагмента сохранилась лишь незначительная часть снизу, и поэтому нельзя категорически утверждать, что это υ[1]. Изучение фотографий ряда фрагментов всей надписи показывает, что υ, находящийся над омикроном, как в интересующем нас фрагменте, а также над другими буквами, всегда расположен или точно над центром нижестоящей буквы, или же имеет тенденцию к отклонению влево, т. е. к предстоящей букве (см. фото фрагментов №№ 1, 5, 8, 9, 10, 13, 14, 16, 19, 36 у Мерритта и Уэста), но никогда не отклоняется вправо. Это необходимо резчику для сохранения стойхедона, который чрезвычайно строго соблюдается в надписи. Если

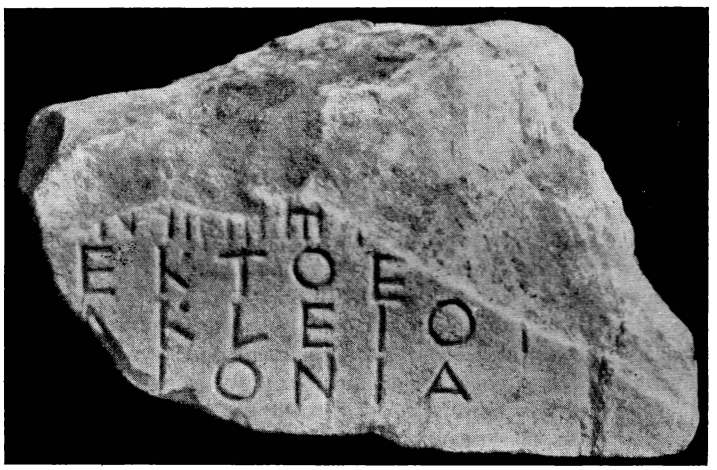


Рис. 1

же допустить, что в данном случае резчик сделал исключение, то оказался бы нарушенным строгий порядок букв по вертикали, так как в таком случае υ неизбежно должен был бы выйти за пределы ряда. Нельзя тогда согласиться и с тем, что за υ следует χ, так как расстояние между этими буквами оказалось бы значительно меньшим, чем расстояния между буквами во всей надписи, которые тоже весьма строго соблюдаются. На основании же одного этого эпсилона при более чем сомнительном ипсилоне вряд ли можно признать правомерным восстановление Εὐ[χσείνο.

Кроме того, восстановление Εὐ[χσείνο неубедительно и потому, что для обозначения Черного моря одно слово Εὔξεινος обычно не употреблялось. В тех редких случаях, когда некоторые поздние авторы употребляют только Εὔξεινος (Strabo, XI, 1,5; Arr., XI, 4), в контексте обычно содержится и полное название Черного моря — Πόντος Εὔξεινος. Следует к тому же учесть, что между временем, когда писали Страбон и Арриан, и временем надписи лежит целая эпоха в пять-шесть веков В более же ранних источниках употребление Εὔξεινος для обозначения Черного моря не засвидетельствовано[2]. Обычно греки, как известно, писали или просто Πόντος или же Πόντος Εὔξεινος, Πόντος ὁ Εὔξεινος, Εὔξεινος Πόντος. Вообще по правилам греческой грамматики нельзя сказать Πόλεις ἐκ τοῦ Εὐξείνου «города из Евксина», а можно сказать только πόλεις ἐν τῷ Πόντῳ «города в (на) Понте».

---

[1] Кирхгоф, опубликовавший этот фрагмент в CIA, I (1873), 225 t, не видел никакой буквы после второго ε (εκτοε...).

[2] Исключение составляет один случай у Аристотеля (Meteor., II, λ), но и там Εὔξεινος служит объяснением к Πόντος в предшествующей фразе. Все предложение с Εὔξεινος взято издателями в скобки и, вероятно, является интерполяцией.

Мейстерханс указывает, что посредством ἐκ с родительным падежом нельзя соединять какой-либо коллектив с географическим определением, если это последнее по своему характеру не создает условий для жизни там данного коллектива[1]. Невозможно сказать πόλεις ἐκ τοῦ Εὐξείνου или ἐκ τοῦ Εὐξείνου Πόντου — города из Евксина, или Евксинского Понта, т. е. из моря, так как употребление Εὔξεινος Πόντος, а тем более одного Εὔξεινος в расширительном смысле, в смысле области, подобно расширительному словоупотреблению Πόντος, ни в эпиграфических памятниках, ни в литературных или исторических текстах, насколько известно автору, не засвидетельствовано.

Относительно существования в составе Афинского морского союза Понтийского, а тем более Евксинского податного округа нет никаких сведений. Отсутствие такого округа подтверждается и надписью, к которой относится интересующий нас фрагмент. В ней говорится, что афинское народное собрание постановляет послать двух послов в Ионию и Карию и по два посла во Фракию, Геллеспонт и на Острова (стк. 5—7 Meritt a. West, ук. соч., стр. 44). Меритт тем не менее объединяет понтийские города, якобы входившие в состав союза, в самостоятельный Евксинский округ. «Теперь этим вопросам (а именно, в какой же округ могли быть включены крымские города, если бы они входили в союз. — *И. Б.*) положен конец, — пишет Меритт, — бесспорными словами в A9, IV, 126 Πόλες ἐκ τõ Εὐ[χσείνο: Евксин в A9 составлял самостоятельный список» (ATL, I, стр. 528). Более того, в конце списка городов, относимых к Евксинскому податному округу, Меритт и Уэст восстанавливают, не располагая ни единой буквой, — [Ποντικõ φόρο κεφάλαιον] «итого (всего) Понтийского фороса», сами ставя под сомнение свое восстановление Εὔξεινος. Почему Понтийского, а не Евксинского? Очевидно, сами авторы чувствуют неправдоподобность употребления Εὔξεινος по отношению к Черному морю[2].

Таким образом, следует признать, что восстановление, предложенное Уэстом и Мериттом, не может быть признано убедительным.

Последняя буква второй строки фрагмента скорее может быть сигмой, которая в некоторых случаях в надписи имеет отогнутый книзу конец (см. фото фр. 10, 17, 18 у Меритта и Уэста). Это предположение подкрепляется и тем, что, как нам кажется, остаток буквы, сохранившейся на фрагменте, образует не строго вертикальную линию, а слегка наклонен влево.

Если допустить, что последняя буква может быть сигмой, то наиболее вероятным восстановлением последнего слова второй строки фрагмента было бы ἐσ[χάτο[3]. Одним

[1] K. Meisterhans, Grammatik der attischen Inschriften[2], 1880, § 83,4, стр. 173.

[2] К сожалению, восстановление Уэста и Меритта было некритически принято Т. В. Блаватской в ее диссертации «Западнопонтийские города в VII—I вв. до н.э.», М., 1947, рукопись, стр. 198. Автор указывает, что «среди податных городов фракийского округа ясно указаны [πόλεις] ἐκ τõ Εὐξεινο Πόντο. Ср. она же, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 68 сл. При этом Т. В. Блаватская без всякой аргументации дополняет восстановление Уэста и Меритта словом Πόντο.

Д. П. Каллистов, Измена Гилона, ВДИ, 1950, № 1, стр. 28; ср. он же, Очерки по истории Северного Причерноморья в античную эпоху, Л., 1949, стр. 207, также считает восстановление Уэста и Меритта неоспоримым. Это привело автора к выводу, будто бы приводимые Мериттом «новые данные доказывают принадлежность Нимфея в течение некоторого времени к первому Афинскому морскому союзу» (стр. 36). При этом Д. П. Каллистов вслед за Т. В. Блаватской дополняет восстановление Уэста и Меритта словом Πόντο, ошибочно приписывая это дополнение Меритту (стр. 28). Это же восстановление принято и В. Д. Блаватским, Архаический Боспор, МИА, вып. 33 (1954), стр. 25, прим. 4, который считает его «окончательно» решающим «вопрос об уплате афинянам фороса многочисленными припонтийскими городами».

[3] Восстановление ἐσ[χάτο предложено акад. [В. В. Струве, которому пользуюсь случаем выразить свою благодарность за помощь и советы.

из распространенных значений слова ἔσχατος является «крайнее владение, предел самое отдаленное (от города) место». Так, например, Фукидид (II, 96), современник надписи, говоря о племенах, населявших самые отдаленные области государства Ситалка, употребляет выражение: ἔσχατοι τῆς ἀρχῆς ὅτοι ἦσαν[1]. Всю же строку фрагмента можно было бы восстановить как φόρος] ἐκ τῶ ἐσ[χάτο (τῆς ἀρχῆς или τῆς θρακῆς «форос из крайних владений (державы или Фракии)»[2]. Если предложенное восстановление оказалось бы правильным, то можно было бы ясно представить крайние границы владений Афинского государства в этот период. В последующих строках фрагмента содержатся названия гераклеотов (ᶜΗρ]ακλειότ[αι) и Аполлонии (ᵓΑπολ]λονία). Очевидно, имеются в виду Гераклея Понтийская и Аполлония на западном побережье Понта. По всей вероятности, крайними владениями Афинской державы были города Южного и Западного Причерноморья, прилегающие к черноморским проливам. Северное Причерноморье, в частности крымские города, не входило в состав Афинского союза. Нет решительно никаких данных, а тем более «новых данных», позволяющих сделать противоположный вывод.

Захватнические устремления Афин на северо-востоке не шли дальше районов, прилегающих к черноморским проливам. Перикл, как известно, был противником захвата слишком отдаленных от Афин районов (Plut., Per., 21; Thuc., II, 65, 7).

Обычно принято считать, что Перикл во время своей известной морской экспедиции в Понт посетил и города Северного Причерноморья. Так, например, С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 25) отмечает, что хотя Плутарх сообщает только о действиях Перикла в Южном Причерноморье, «более чем вероятно», что он побывал и на северном берегу, в частности на Боспоре. В. Д. Блаватский (ук. соч., стр. 26 и 41) идет еще дальше. Он уже определенно связывает с этой экспедицией «захват» афинянами Нимфея и полагает, что этот город постигла та же участь, что и Амис. Нимфей отождествляется им с известным по нумизматическим данным боспорским городом Аполлонией, которая якобы была переименована афинянами в Нимфей, подобно тому, как Амис в Пирей. Аналогия с Амисом-Пиреем является малоубедительной и скорее свидетельствует против тезиса В. Д. Блаватского. Известно, что Амис носил название «Пирей» только в течение времени его принадлежности Афинам. Как только город освободился от владычества Афин, он восстановил свое прежнее название Амис (RE, I, стб. 1839). В Нимфее мы ничего подобного не обнаруживаем, и нет никаких данных, позволяющих признать «Нимфей» новым названием Аполлонии и связывать это с захватом города афинянами во время экспедиции Перикла. Плутарх, единственный источник, свидетельствующий об экспедиции Перикла в Понт (Per., 20), не только не указывает на пребывание Перикла у северных берегов Черного моря, но подчеркивает его действия в Южном Причерноморье. Если бы Перикл приобщил к владениям Афин и города Северного Причерноморья, как это принято считать, то этот факт, как нам кажется, не мог остаться неотмеченным. Экспедиция Ламаха в Понт (424 г. до н. э.), о которой сообщает Фукидид (IV, 75, 1, 2), также достигла только Гераклеи Понтийской.

Нам кажется, что Афины и не были заинтересованы в территориальных захватах в Крыму. Главной целью их северо-восточной политики было обеспечение контроля над черноморскими проливами путем территориальных захватов в районах, приле-

[1] Ср. употребление слова ἔσχατος у Thuc., IV, 43 и др.; Xen., Hell, II, 4,4; Suid.: ἐσχατιά, ἔσχατον. В приведенном случае (Thuc., II, 96) ἔσχατοι употреблено в качестве прилагательного. В качестве существительного чаще употребляется ἡ ἐσχατιά, но известны и случаи употребления τὸ ἔσχατον (или τοὐσχατον).

[2] Автор сознает, что предложенное восстановление является весьма спорным и сомнительным. Ввиду фрагментарности источника пока следовало бы вообще отказаться от попытки его восстановления. Мы считали, однако, нужным предложить свое восстановление главным образом для того, чтобы показать, что восстановление Уэста и Меритта не является «единственно возможным» и неоспоримым, как это за последнее время стало обычным считать, но возможно и иное восстановление.

гающих к проливам. Территориальные захваты в пределах Боспорского царства или в непосредственной близости от него могли привести к нежелательным для Афин, как по политическим, так и по экономическим причинам, столкновениям со Спартокидами. Северное Причерноморье интересовало Афины постольку, поскольку оно было важнейшим поставщиком пшеницы и других товаров, в частности рабов. Контроль над выходом из Понта и неизменно дружественные отношения с боспорскими царями в достаточной мере обеспечивали интересы Афин; для них было слишком большим риском иметь еще какие-то территориальные притязания в Северном Причерноморье[1].

Что касается известного фрагмента той же надписи 425/4 г., содержащего начальные буквы названий ряда городов. (Т..., О..., Κα.., Κιμ.. и др.[2], которые некоторыми учеными восстанавливаются как названия черноморских городов, то следует отметить, что ни одно из предложенных восстановлений не может считаться достоверным. Иных же доказательств принадлежности этих городов к Афинской державе нет. При допущении возможности предложенных восстановлений чрезвычайно странным остается порядок расположения городов в списке. За городом Северного Причерноморья следует город южного берега, затем снова северного, западного и т. д. В надписи восстанавливаются названия таких деревушек (например, Δα[νδάκη]), о которых в источниках нет вообще никаких сведений. Поэтому следует предпочесть точку зрения С. А. Жебелева, полагающего, что указанные города не относились к Причерноморью, во всяком случае к его северному берегу.

Обычно принято считать, что на Северном Причерноморье Афинам принадлежали основанные якобы ими Афинеон (между Киммериком и Феодосией) и Стратоклея (на Таманском полуострове). О первом имеются упоминания в периплах, единственное упоминание о втором содержится у Плиния Старшего (NH, VI, 18). Афинеон признается колонией афинян на основании его названия. Однако следует отметить, что нам известны города того же названия (в Аркадии и Эпире), которые никогда Афинам не принадлежали и никакого отношения к ним не имели. Стратоклею принято считать владением Афин на основании неубедительного предположения, что город назван так по имени афинского архонта Стратокла, который якобы и вывел колонию на Таманский полуостров. Однако имя Стратокл было широко распространенным во всем греческом мире, и нет никаких данных, позволяющих считать, что название города связано именно с афинским архонтом[3].

Таким образом, нам кажется, что нет основательных данных для признания всех упомянутых выше городов афинскими владениями.

Предлагаемое восстановление φόρος] ἐκ τō ες[χάτο (τῆς ἀρχῆς) не противоречит и существованию пяти известных податных округов Афинского морского союза. Города, являвшиеся крайними владениями Афин, не образовывали самостоятель-

[1] К тому же следует отметить, что сбор фороса для Афин был делом далеко не легким. Еще в то время, когда сумма фороса составляла 460 талантов (Thuc., II, 13,3; 428/7 г.), сбор его был небезопасен (Thuc., III, 19). В 425/4 г. сумма взносов была повышена более чем втрое и достигла 1460 талантов. О возросших опасностях сбора фороса повествует Фукидид (IV, 75). Дань взимали стратеги-аргирологи, опиравшиеся на военный флот. Нельзя допустить, что Афины в разгар Пелопоннесской войны, когда им приходилось сосредоточивать все силы для борьбы в Эгейском районе, в проливах и на западе, могли располагать достаточными военными силами для сбора дани со столь отдаленных городов, как города Северного Причерноморья. Нет сомнений в том, что сбор дани с этих городов, если бы они входили в союз, был бы чрезвычайно затруднительным и опасным и потребовал бы огромных усилий со стороны Афин.

[2] См. Б. Н. Граков, Материалы..., № 1 и прим. к нему.

[3] С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, 1953, стр. 161, высказал предположение, что название Стратоклеи, подобно названию Горгиппии, стоит в связи с именем одного из членов династии Спартокидов.

ного округа, да и территориально не могли относиться к уже существующим округам. Они поэтому составляют как бы привесок к общему списку фороса.

Ввиду всего сказанного следует еще раз обратиться и к давно известному фрагменту того же списка фороса 425/4 г. (см. рис. 2), содержащему начальные буквы названий городов — членов Афинского морского союза[1]. До пересмотра этого фрагмента Мериттом и Уэстом начальные буквы одного из городов читали Nῠ, и еще Кёлер и Кирхгоф восстанавливали название города как Nῠ[μφαιον]. Правда, ряд ученых впоследствии подвергали это восстановление справедливому сомнению, но многим оно все же казалось единственно возможным. В том, что вторая буква является ипсилоном, сомнения ни у кого не было.

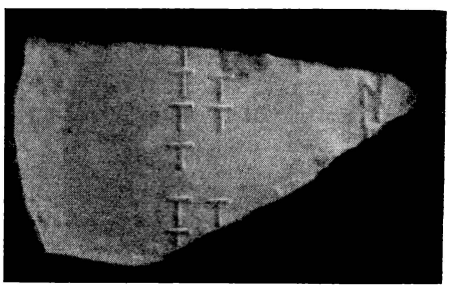


Рис. 2.

Однако, как показали Меритт и Уэст, вторая буква в названии города не может читаться как ипсилон; есть все основания видеть здесь йоту[2]. Таким образом, Меритт и Уэст сами подорвали то здание, которое они воздвигают[3].

Меритт (ATL, I, стр. 157 и 526) предлагает как возможное восстановление названия города восстановление Nι[ψα] (название города, расположенного недалеко от Аполлонии и Месембрии и упоминаемого у Стефана Византийского).

Тем не менее Мерритт, отвергающий восстановление Νύμφαιον в списке фороса за 425/4 г., утверждает, что Нимфей входил в состав Афинской державы. На основании известной заметки из сборника псефисм Кратера в передаче Гарпократиона о том, что Нимфей платил Афинам талант, он восстанавливается в списке фороса за 410/9 г. [Νύμφαιον: Τ][4]. Но вряд ли можно считать убедительным это восстановле-

---

[1] См. Б. Н. Граков, Материалы..., №1; Меритт и Уэст, ук. соч., стр. 28; ср. ATL, I, фр. № 39, стр. 116.

[2] Meritt a. West, ук. соч., стр. 28 и 87; ср. ATL, I, стр. 528. Кстати, нелишним будет отметить, что приведенные фрагменты надписи были хорошо известны акад. С. А. Жебелеву, однако они лишь укрепили его уверенность в своей правоте. На полях его личного экземпляра оттиска статьи «Боспорские этюды», хранящемся в библиотеке ЛОИИ АН СССР, собственной рукой С. А. Жебелева приписано в качестве дополнения к прим. 2 на стр. 27: «В 1934 г. эти ученые (Меритт и Уэст.— *И. Б.*) опубликовали результаты своих исследований этих обломков (B. D. Meritt and A. B. West, The Athenian Assessment of 425 B. C.). Относительно предложенного восстановления (Кёлера и Кирхгофа) Nῠ[μφαιον оказалось,что вторая из сохранившихся на камне букв не υ, а скорее iota (стр. 28, 87)». О фрагменте № 38 С. А. Жебелев не пишет ничего, так как считает, что он не имеет отношения к Северному Причерноморью. Он отмечает лишь (на отдельном листке, вложенном в оттиск), что дальше в списке следуют города, которые все относятся либо к Южному, либо к Западному Причерноморью. С. А. Жебелеву несомненно была известна и книга «The Athenian Tribute Lists», I, так как она поступила в БАН СССР 15 января 1940 г. Однако он, вероятно, не успел выдвинуть свои возражения против утверждений Меритта и его соавторов.

[3] Д. П. Каллистову это, очевидно, осталось неизвестным. Он полагает, что если раньше восстановление Nῠ[μφαιον было сомнительным, то теперь, после появления новых данных (восстановленного Уэстом и Мериттом фрагмента № 38) это восстановление «более чем вероятно» (ук. соч., стр. 28). В. Д. Блаватский, Архаический Боспор, МИА, вып. 33 (1954) стр. 25, также придерживается прежнего восстановления.

[4] ATL, I, стр. 159; ср. ATL, II , стр. 45.

ние, так как заметка о Нимфее у Гарпократиона столь кратка и неясна, что на основании ее нельзя решить, о чем писал Кратер, имея в виду Нимфей, и идет ли речь вообще о боспорском Нимфее.

Чрезвычайно неубедительной представляется и точка зрения Меритта на время предполагаемой принадлежности Нимфея к Афинской державе. Он полагает, что Нимфей принадлежал Афинам с 410 г. и был ими утерян между 410 и 405 гг. (ATL, I, стр. 528), т. е. принадлежал Афинам в течение очень непродолжительного времени[1]. Однако в это время Афины не располагали уже необходимыми силами для подчинения столь отдаленных от них пунктов. После сицилийской катастрофы 413 г. Афинам, как никогда ранее, был нужен понтийский хлеб, основную массу которого они получали от Спартокидов. Трудно предположить, чтобы Афины в это время могли добиваться покрытия своих потребностей в боспорском хлебе силой оружия. Положение было таковым, что распылять свои и без того подорванные морские силы Афины не могли. Афинам были необходимы дружественные отношения с боспорскими царями более чем когда-либо. Может быть, именно в это время на Боспор и был послан Гилон с каким-либо специальным поручением, вероятнее всего в целях организации закупки и экспорта боспорского хлеба в широких масштабах.

Таким образом, как нам кажется, эпиграфический материал не прибавляет ничего нового в пользу вхождения Нимфея в состав Афинского союза. Отсутствие же упоминаний о Нимфее в списках афинских данников, как и общие соображения, основанные на анализе международного положения Афин того времени, подтверждают точку зрения С. А. Жебелева о невхождении Нимфея в состав союза.

Обратимся к монетам Нимфея. Все нимфейские монеты, которые нам известны, относятся к концу V — началу IV в. до н. э., т. е. ко времени предполагаемой принадлежности Нимфея Афинам.

Хорошо известно, что афинские союзники были лишены права собственной чеканки. Декрет 420 г. (SEG, III, 713) не только запрещал собственную чеканку монеты, но и вменял в обязанность обменивать всю иноземную монету на афинскую. Афиняне требовали, чтобы это постановление было высечено на каменной стене и выставлено на агоре во всех союзных городах, копия с него должна была быть написана на белой доске и выставлена эпистатами перед монетным двором каждого из городов. Более того, в случае, если какой-либо из городов не пожелал бы исполнить это требование, то афиняне сами ставили в нем копию постановления. Новый фрагмент этого постановления, найденный в 1933 г. на Косе, написан не на местном материале, а на пентеликийском мраморе, т. е., по всей вероятности, привезен из Афин. К тому же текст надписи написан не на ионийском, а на аттическом диалекте. В случае же искажения надписи провинившийся город должен был уплатить штраф, присужденный ему в гелиее фесмофетов[2].

Нимфейские монеты по стилю, фактуре, весовой системе чрезвычайно близки современным им монетам Пантикапея[3]. Такой авторитетный специалист, как

---

[1] Д. П. Каллистов полагает, что Нимфей пребывал в составе Афинского союза « в течение некоторого времени», а позднее, «в связи с изменившейся обстановкой», вышел из него (ук. соч., стр. 35). Но когда же это было? Основываясь на том, что Д. П. Каллистов находит упоминание Нимфея в списке фороса за 425/4 г., надо полагать этот год датой post qua non. Под изменившейся же обстановкой автор, очевидно, имеет в виду неудачи афинян в конце Пелопоннесской войны, т. е. последние годы V в. до н. э. Следовательно, Нимфей, по мнению Д. П. Каллистова, довольно долго пребывал в составе союза. Однако, как указывалось выше, Д. П. Каллистов исходит из неверного предположения, что название Нимфея имеется в списке 425/4 г. Поэтому, естественно, и его выводы не могут быть признаны убедительными.

[2] Наиболее полное восстановление надписи с учетом вновь открытых фрагментов и комментарии к ней см. M. S e g r e, La legge ateniense sull'unificazione della moneta, «Clara Rhodos», IX(1938), стр. 151 сл.

[3] А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, 16 (1951), стр. 164.

А.Н. Зограф, поэтому и приходит к выводу, что указанные выше особенности нимфейской монеты, сама кратковременность и чисто местный характер чеканки свидетельствуют против вхождения Нимфея в Афинский союз (там же).

Д. П. Каллистов (ук. соч., стр. 35—36) приходит к противоположному выводу, полагая, что именно факт начала собственной чеканки монеты Нимфеем в конце V в. говорит о выходе его за пределы Боспорского государственного объединения. Афины же, учитывая окраинное положение Нимфея, могли в данном случае отступить от своей обычной политики и разрешить Нимфею как чекан, так и пользование собственной монетой. Это предположение, по нашему мнению, является неубедительным. В самом деле, почему, следуя по тому же пути, не предположить, что и Пантикапей входил в состав Афинской державы, как, впрочем, это и делает английский ученый Робинсон?[1] Ведь и по отношению к Пантикапею Афины могли отступить от своей политики. Однако нет никаких объективных данных, позволяющих сделать подобный вывод.

В то время, когда С. А. Жебелев опубликовал свою статью «Афины, Нимфей и измена Гилона», Нимфей систематическим археологическим раскопкам еще не подвергался, но начиная с 1939 г. на городище Нимфея ведутся раскопки экспедицией Государственного Эрмитажа, и в настоящее время мы располагаем уже значительным археологическим материалом, который может быть привлечен к решению рассматриваемого вопроса. Так, Д. П. Каллистов находит косвенное подтверждение вхождения Нимфея в состав Афинской державы в многочисленности афинской керамики VI и V вв. до н. э. в Нимфее (ук. соч., стр. 28)[2]. Однако, несмотря на многочисленность афинской керамики, М. М. Худяк, руководящий раскопками Нимфея, отмечает, что археологический материал Нимфея не дает доказательств в пользу принадлежности Нимфея Афинам[3].

И в самом деле, можно ли в наличии афинских изделий, даже если они преобладают, усматривать принадлежность Афинам того или иного, в данном случае боспорского, города? Разумеется, нет. Если руководствоваться таким признаком, то пришлось бы придти к выводу, что и Пантикапей и прочие боспорские города, в которых в указанное время (V в. до н. э.) афинский материал преобладает, входили в состав Афинского морского союза. Однако этого никто не думает. К тому же следует добавить, что и для первой половины IV в., когда вхождение Нимфея в состав Боспорского царства никем не оспаривается, привозная посуда представлена преимущественно аттическими образцами краснофигурной и чернолаковой керамики[4]. Обилие афинской керамики во второй половине V и начале IV в. указывает на оживленные торговые связи Нимфея с Афинами, на сравнительно высокую товарность хозяйства городов Боспора, в частности Нимфея, но не дает права делать иных выводов.

Таким образом, никаких новых данных о вхождении Нимфея в состав Афинского союза фактически нет, а те источники, которые имелись и раньше, не позволяют сделать такой вывод.

Однако мы все же имеем определенное свидетельство Эсхина в речи против Ктесифонта (III, 171), указывающее на какие-то интересы афинян в Нимфее и на какую-то роль, которую в нем играл афинянин Гилон, дед знаменитого оратора Демосфена[5].

---

[1] E. S. G. Robinson The Athenian Currency Decree and the Coinage of the Allies, «Hesperia», Suppl. VIII (1949), стр. 336.

[2] Ср. М. М. Худяк, Работы Нимфейской экспедиции 1939 г., ТОАМЭ, I (1945), стр. 158; он же, Работы Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа, КСИИМК, VIII (1946), стр. 121, отмечает что для VI в. н. э. характерна ионийская, главным образом самосская, а также коринфская и навкратийская керамика.

[3] М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, СА, XV (1952), стр. 233.

[4] М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, стр. 279.

[5] Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 68, почему-то полагает, что то место из речи Эсхина против Ктесифонта, где говорится о Нимфее, свидетельствует о пребывании Перикла у северных берегов Понта и основании им в Нимфее афинской клерухии.

Все ученые единодушны в определении этой речи как крайне тенденциозной[1]. Очень убедительная критика речи Эсхина дана акад. С. А. Жебелевым в его статье «Афины, Нимфей и измена Гилона». Поэтому мы попытаемся лишь дополнить критику С. А. Жебелева.

На процессе Ктесифонта в 330 г. до н. э. решался вопрос о правильности всей политической деятельности или Демосфена или его злейшего политического противника и личного врага Эсхина. Только учитывая это обстоятельство, и можно решить, заслуживают ли доверия слова Эсхина о том, что Нимфей некогда принадлежал Афинам и был предан Гилоном Спартокидам. Целью Эсхина было убедить афинян, что деятельность Демосфена не могла быть направлена на пользу государства (между прочим и потому, что со стороны своих предков по материнской линии он враг афинского народа (πολέμιος τῷ δήμῳ) и варвар, скиф, говорящий по-гречески (Aesch., III, 171—172). В достоверности этого места из речи Эсхина сомневался еще Плутарх (Dem., 4). Анализ Плутарховой биографии Демосфена, как нам представляется, может дать некоторые доводы против достоверности обвинения Эсхина. Плутарх называет имена восемнадцати авторов, трудами которых он пользовался при составлении биографии. Очевидно, ни у кого из них, кроме Эсхина, не было ничего сказано о Нимфее и «измене Гилона». Притом следует отметить, что ряд авторов, например Феопомп, на которого Плутарх особенно часто ссылается, относились к Демосфену резко отрицательно. Но и Феопомп, посвятивший особый отдел своей φιλιππικά афинским демагогам и определенно говоривший там о происхождении Демосфена (ср. Plut., Dem., 4), не дает основания Плутарху принять версию Эсхина о происхождении Демосфена по материнской линии. При этом нельзя утверждать, что Плутарх вообще не доверяет Эсхину. В ряде случаев данные, приводимые Плутархом, полностью совпадают с данными Эсхина[2], причем дважды (Dem., 12 и 22) он прямо ссылается на последнего.

В своей ответной речи Демосфен обходит молчанием нападки Эсхина на его происхождение, хотя в начале речи говорит, что ответит на эти и другие нападки, не имеющие отношения к делу, если судьи того пожелают (Dem., XVIII, 9). Очевидно, происхождение такого крупного государственного деятеля, как Демосфен, было афинской публике достаточно хорошо известно, и его утверждение, что афиняне знают и считают его и его предков гораздо лучшими, чем самого Эсхина и его предков (XVIII, 10), не вызывало сомнений. Но в речи против Афоба, произнесенной в 364/3 г., т. е. задолго до процесса Ктесифонта, Демосфен указывает, что его дед Гилон был государственным должником (ὤφειλε τῷ δημοσίῳ). Из слов Демосфена можно сделать вывод, что Гилон последние годы своей жизни провел в Афинах, так как он сам погасил долг[3]. Если бы он был государственным преступником, бежавшим от казни, то вряд ли это было бы возможно.

Таким образом, слова Эсхина о том, что Нимфей «принадлежал» Афинам и Гилон его «предал», нельзя принимать на веру. Эсхин сознательно исказил здесь исторические факты или, по крайней мере, чрезвычайно сгустил краски, надеясь, что вряд ли кто-либо из афинян мог в точности знать и помнить о событиях, связанных некогда с Нимфеем, так как с тех пор прошло по меньшей мере лет 75—80[4]. Однако мы все же не вправе допустить, чтобы Эсхин мог полностью выдумать факт каких-то особых интересов афинян в Нимфее. Нимфей, повидимому, действительно в какой-то период времени представлял для Афин особый интерес, и афинянин Гилон играл в нем видную роль.

---

[1] См. С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 33; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 176 сл.; Д. П. Каллистов, ук. соч., стр. 27.

[2] См., например, Plut., Dem., 12, 14, 20, 22; ср. Aesch., III, 52, 77, 152, 156, 187.

[3] Ср. A. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit, I², стр. 267.

[4] Например, Демосфен (XVIII, 50) указывает, что Эсхин, рассчитывая на неведение своих слушателей, фальсифицирует даже события 15—20-летней давности.

Предположение В. Ф. Гайдукевича (ук. соч., стр. 177), что в Нимфее были поселены афинские клерухи, подобно тому, как это имело место в Синопе, не находит подтверждения в источниках и поэтому может считаться лишь интересной гипотезой, которая могла бы быть принята только в случае подкрепления ее какими-то новыми убедительными доказательствами[1]. К тому же аналогия с Синопой в данном случае не убедительна, ибо, как это отмечает и сам В. Ф. Гайдукевич, клерухи в Синопе были поселены после того, как афиняне с помощью военной силы свергли неугодного им тирана Тимесилая (Plut., Per., 20).

Однако несомненно, что Афины имели особые интересы в Нимфее, связанные с закупкой и экспортом боспорского хлеба в Афины[2].

До завоевания Левконом I Феодосии, т. е. как раз в интересующее нас время, Нимфей был, очевидно, самым значительным после Пантикапея портом на европейском берегу Боспора. Страбон (VII, 4, 4) подчеркивает, что он обладает хорошей гаванью — πόλις εὐλιμένος. Кроме того, нимфейская гавань более доступна для морских судов в зимнее время, чем пантикапейская (С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 28). Поэтому естественным будет предположить, что именно через порт Нимфея экспортировалась в Афины часть закупаемой боспорской пшеницы. Об оживленности торговых связей Нимфея с Афинами свидетельствует и археологический материал[3]. В то же время Нимфей был экономически тесно связан с Пантикапеем; он пользовался пантикапейской монетой[4]. Нет ничего удивительного в том, что в Нимфее мы встречаем афинян как представителей Афинского государства. Еще С. А. Жебелев предположил, что Гилон был, если не официальным, то официозным представителем Афин в Нимфее (ук. соч., стр. 36). Нам кажется, что это предположение может быть подкреплено целым рядом соображений.

Подобную постоянную торговую агентуру, как нам представляется, имели и Спартокиды в Афинах. Мы усматриваем официальных или полуофициальных представителей Спартокидов в Афинах в тех «доверенных лицах»[5] Сатира I, о которых сообщает Исократ (XVII, 38). В функции этих агентов могло входить наблюдение за производством торговых операций боспорских царей в Афинах, в частности, заключение торговых сделок от имени и по поручению боспорских царей. «Доверенные лица» Сатира I, проживающие (ἐπιδημοῦντες) в Афинах, были, повидимому, облечены царем полномочиями наблюдать и за деятельностью боспорцев, находившихся в Афинах по торговым делам (κατ'ἐμπορίαν) или просто путешествовавших (κατ'θεωρίαν) с образовательными целями (Isocr., XVII, 4). Нам кажется возможным предположить, что эти агенты Сатира I выполняли также функции дипломатических представителей боспорского царя при афинских властях.

Постоянных торговых агентов по закупке хлеба и сбыту афинских товаров имели и афинские купцы на Боспоре. Это известно из приписываемой Демосфену «Речи против Формиона» (XXXIV, 8). Интересно, что агент Хрисиппа, крупного афинского

---

[1] Взгляд на Нимфей как на афинскую клерухию не является новым, ср. CAH, VIII, стр. 565. Он подвергался критике со стороны С. А. Жебелева (ук. соч., стр. 33). Употребление В. Ф. Гайдукевичем термина «резиденты» для обозначения клерухов вряд ли можно признать удачным. —

[2] О связях Нимфея с Афинами в V в., может быть, сведетельствует и нимфейская надпись, опубликованная В. В. Латышевым (ИАК, 10, № 20), которая является посвящением Гармодию, скорее всего — героизированному в Афинах тираноубийце. Однако и эта надпись ни в коем случае не может свидетельствовать о зависимости Нимфея от Афин.

[3] См. М. М. Худяк, СА, XVI, стр. 232, 279 и 281.

[4] См. В. Скуднова, Два клада монет из Нимфея, ВДИ, 1950, № 4, стр. 78—79; ср. Д. Б. Шелов, К опубликованию двух кладов из Нимфея, ВДИ, 1951, № 1, стр. 263—264.

[5] Дословно — «взыскивающих за Сатира» (τοὺς ὑπὲρ Σατύρου πράττοντας).

купца, для которого написана речь, находится на Боспоре и в зимнее время, когда заморская торговля из-за неблагоприятных условий для плавания по Черному морю приостанавливалась. У Хрисиппа на Боспоре имеется несколько агентов. В речи упоминается также и сотоварищ (κοινονός) агента Хрисиппа.

Естественно, что подобную торговую агентуру, может быть весьма многочисленную, ввиду регулярности торговых сношений должно было иметь на Боспоре и Афинское государство, тем более, что часть торговых операций могла производиться Спартокидами непосредственно с Афинским государством, минуя частных купцов.

Из речи Демосфена против Лептина известно, что у афинян всегда имелись деньги Левкона I (XX, 40). Это говорит о том, что часть торговых операций по закупке боспорского хлеба, очевидно, производилась в кредит[1]. Это же явствует и из афинского декрета 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона I, где между прочим говорится, чтобы им были возмещены причитающиеся деньги, дабы они «не упрекали афинский народ»[2]. Здесь должниками Левкона I выступают не отдельные афинские купцы, с которыми кредитных операций, очевидно, не производилось, а «афинский народ», т. е. Афинское государство. Причитающиеся деньги должны быть выплачены из государственной казны. Проэдрам предлагается провести дело в первую очередь, сразу же после религиозных вопросов, так как Афинам, не имевшим возможности покрывать своим экспортом расходы по боспорскому импорту[3], было черезвычайно важно сохранить право покупки боспорского хлеба в кредит.

Эти свидетельства относятся, правда, к несколько более позднему времени, чем рассматриваемые нами события. Несомненно, во времена Левкона I торговый оборот Боспора с Афинами был значительно бо́льшим, чем в предшествующее время. Но нет никаких оснований сомневаться в том, что уже и в конце V в. до н. э. одним из контрагентов Спартокидов в хлебной торговле выступало Афинское государство. А если это так, то вероятно, что Афины имели на Боспоре целый штат торговых агентов, в функции которых, очевидно, входило и наблюдение за афинскими купцами, бывшими на Боспоре.

Хорошо известно, что Афины еще со времени правления Сатира I пользовались рядом привилегий при покупке боспорского хлеба (Isocr., XVII, 57; ср. IG, II², 212). Они пользовались правом первоочередной погрузки судов и ателией. Но для того, чтобы воспользоваться этими правами, в каждом отдельном случае требовалось соответствующее разрешение от боспорских властей ([Dem.], XXXIV, 36). Очевидно, при этом необходимо было предъявить какое-то заверение в том, что хлеб действительно закупается для Афин. В противном случае Спартокиды потеряли бы контроль за хлебным экспортом и лишились бы значительной части, если не всех, таможенных доходов. Очень может быть, что подобные заверения выдавались купцам афинскими торговыми представителями, которые находились на Боспоре. Этот штат афинских торговых представителей и мог возглавляться в какое-то время Гилоном, избравшим своей резиденцией расположенный в непосредственной близости от Пантикапея порт Нимфей.

Что же касается заметки Кратера в передаче Гарпократиона, то из нее вовсе не следует, что Нимфей принадлежал к Афинскому морскому союзу и платил талант фороса. Гарпократион пишет: Ἀθηναίοις τὸ Νύμφαιον ἐτέλει τάλαντον (s. v. Νύμφαιον = SC,I,589). Талант чего? С. А. Жебелев полагает, что речь может идти о каких-либо неизвестных нам ближе сборах (таможенных или иных), которые Афины получали или получили из Нимфея[4]. Предположение С. А. Жебелева представляется

[1] См. С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИОН, 1934, № 8, стр. 603.

[2] IG, 212 = Б. Н. Граков, Материалы..., № 3, стр. 53 сл.

[3] См. J. Beloch, Zur Finanzgeschichte Athens, RHM, XXXIX (1884), стр. 40. ср. А. Л. Бертье-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене, НС, I (1911), стр. 7 сл. и 17.

[4] С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, ИАН ОГН, 1930, стр. 812 сл., прим. 2; ср. он же, Боспорские этюды, стр. 36, прим. 1.

не лишенным основания. Однако в настоящее время мы не можем еще дать ответа на ряд связанных с этим предположением вопросов и поэтому сознательно не касаемся их в настоящей статье.

Относительно «измены» Гилона соображения С. А. Жебелева (стр. 32 сл.) кажутся нам наиболее справедливыми. В самом деле, невозможно допустить, что при существовавшем в Афинах законодательстве потомки лишенного всех прав государственного преступника, да притом еще от брака с «варваркой», т. е. «незаконнорожденные», могли пользоваться в Афинах таким почетом и занимать такое положение, как это было с потомком Гилона — Демосфеном. Далее, могли ли Спартокиды, с которыми у Афин были наилучшие отношения, быть теми врагами (πολέμιοι), которым Гилон предал (προύδοκε) Нимфей? Нам кажется, что здесь имеется непримиримое противоречие. Возражения К. Э. Гриневича[1], которые принимает и Д. П. Каллистов (ук. соч., стр. 29), что Сатир мог быть и был дружественным по отношению к Афинам, когда дело касалось хлебной торговли, и в то же время мог домогаться вырвать Нимфей у Афин, представляются поэтому малоубедительными.

У Исократа (XVII, 5) мы читаем, что Сатир I приказал своим доверенным лицам в Афинах потребовать у афинских властей выдачи сына известного Сопея, заподозренного в измене, в случае, если тот откажется добровольно подчиниться приказу царя вернуться на Боспор. Этого, правда, не пришлось сделать, так как в связи с изменившейся обстановкой сын Сопея вернулся на Боспор сам. Но для трапезита Пасиона не было никакого сомнения в том, что требование Сатира будет удовлетворено афинскими властями и они выдадут сына Сопея царю, если он откажется добровольно вернуться на Боспор и, вопреки приказу Сатира, останется в Афинах (Isocr., XVII, 6).

Трудно допустить, чтобы афиняне были столь благосклонны к Сатиру и согласились выдать ему боспорского государственного преступника, если бы тот же Сатир был их недавним врагом, захватившим афинское владение Нимфей и, более того, обласкавшим афинского государственного преступника Гилона[2]. Ведь здесь речь идет уже не о сфере торговых отношений, связанных с хлебной торговлей. Здесь речь идет о политических взаимоотношениях между двумя государствами, о политических взаимоотношениях, несомненно дружественных[3]. Поэтому думается, что в данном случае сообщению Эсхина об «измене» Гилона следует предпочесть свидетельство самого Демосфена в речи против Афоба о том, что дед его Гилон был государственным должником[4].

Повидимому, Гилон во время своей деятельности в Нимфее по снабжению Афин боспорским хлебом нанес родному городу материальный ущерб и был поэтому вынуж-

[1] К. Э. Гриневич, Оборона Боспора Киммерийского, ВДИ, 1946, № 2, стр. 162.

[2] Непонятно, почему Д. П. Каллистов (стр. 33—34) трактует известное место Исократа (XVII, 5) в том смысле, что Сатир заподозрил а ф и н с к о г о коммерсанта в связях с боспорской оппозицией. Хорошо известно, что в речи говорится о том, что Сатир заподозрил в связях со своими политическими противниками сына Сопея, который был не афинским, а боспорским купцом. Неправ Д. П. Каллистов и называя сына Сопея ответчиком. В речи он выступает не ответчиком, а истцом, для которого и написана речь. Трудно согласиться и с противопоставлением Спартокидам на Боспоре «проэллинского политического течения» (стр. 34). Получается впечатление, что Спартокиды выражали интересы негреческих, т. е. «варварских», элементов Боспора. Это, конечно, неверно. Спартокиды выражали в одинаковой степени интересы крупных землевладельцев и купцов как греков, так и негреков.

[3] Из речи Лисия в защиту Мантифея (XVI, 4) известно, что Мантифей и его брат были отправлены отцом на жительство к Сатиру на Боспор «до поражения при Геллеспонте», т. е. до битвы при Эгос-Потамах 405 г. Это указывает на несомненно дружественные отношения между Афинами и Боспором как раз во время их предполагаемых раздоров из-за Нимфея.

[4] См. С. А. Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 32 и 36.

ден на время покинуть родину. Нет ничего удивительного в том, что он обосновался на Боспоре и был там принят на службу Сатиром, знавшим его, очевидно, как человека деятельного, который мог и ему, Сатиру, принести пользу.

Афины могли оказывать известное воздействие на боспорскую торговлю, так как в их руках был контроль над ключом к понтийской торговле — черноморскими проливами. Геллеспонтофилаки строжайше следили за хлебным транспортом; без их разрешения ни один корабль не мог войти в Понт и выйти из него. Во время побед Алкивиада в Геллеспонте в 411 г. до н. э. в Хрисополе им была учреждена таможня, где с кораблей, шедших из Понта, взимался 10%-ный сбор (Xen., Hell., I, 1, 22). Однако переоценивать влияние Афин на боспорскую торговлю не следует. Оно ущемляло главным образом интересы городов Эгейского района. Спартокиды же вступают в торговые сношения с Афинами как равноправная сторона. Об этом свидетельствуют и взаимоотношения между обоими государствами, которые остаются неизменно дружественными, начиная по крайней мере со времени правления Сатира I, на протяжении всего IV в. и даже позднее (См. Isocr., XVII, 58; ср. IG, II^2, 212 и 653).

Наконец, необходимо еще рассмотреть вопрос о взаимоотношениях Нимфея с Боспорским царством.

Нет никаких оснований предполагать, что Нимфей был включен в состав Боспорского царства лишь при Левконе I, т. е. не ранее 80-х годов IV в., как это делает М. М. Худяк[1]. Литературные источники свидетельствуют, что Нимфей во всяком случае уже при Сатире I входил в состав державы Спартокидов. Однако надо думать, что он уже и в более раннее время находился в составе первоначального объединения городов, возглавленного Спартокидами[2].

Если бы Нимфей был завоеван Спартокидами, то это, несомненно, должно было бы найти отражение в их титулатуре, подобно тому, как это имело место после завоевания Феодосии, а также территории ряда местных племен. Нимфей в конце V в. был цветущим городом, который, если допустить, что он не входил в состав Боспорского царства, был серьезным конкурентом Пантикапея в хлебной торговле. В таком случае завоевание Нимфея было бы событием первостепенной важности, которое не могло не найти отражения в титулатуре царя. Этого, однако, нет. Очевидно, Нимфей входил в понятие «Боспор», так как он с самого начала возникновения Боспорского объединения был в его составе. Об этом же свидетельствует и отсутствие в Нимфее собственной чеканки монеты, за исключением весьма кратковременного периода на рубеже V и IV вв. Нимфей, как и прочие города Боспора, пользовался пантикапейской монетой.

Основываясь на том, что оборонительная стена Нимфея сооружена на разрушенных зданиях V в., М. М. Худяк приходит к выводу, что Нимфей в начале IV в. был разрушен Левконом во время его похода на Феодосию и включен в состав Боспорского царства[3]. Это предположение, однако, не находит подтверждений. Пока раскопки коснулись лишь небольшой части города, прилегающей к морю, преждевременно делать выводы касательно всего города. Что же касается нескольких открытых разрушенных зданий, то неизвестно, кем и при каких обстоятельствах они были разрушены. Возможно, причиной их гибели был простой пожар, может быть, они были снесены, так как мешали постройке оборонительной стены, или, наконец, погибли во время столкновения с каким-нибудь из местных скифских племен. Трудно предположить, чтобы такое событие, как разрушение цветущего города Нимфея Левконом, не нашло никакого отражения в источниках. Нимфей был не только значительным торговым центром, из которого в Афины экспортировалась часть боспорского хлеба. Он был уже в V в. до н. э. городом, имевшим развитое ремесленное производство[4].

---

[1] М. М. Худяк, КСИИМК, XIII (1946), стр. 122.

[2] См. В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 175; ср. С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, стр. 11.

[3] М. М. Худяк, КСИИМК, XIII (1946), стр. 122.

[4] М. М. Худяк, ТОАМЭ, I (1945), стр. 158.

Дальнейшее изучение взаимоотношений между Спартокидами, Нимфеем и Афинами в конце V — начале IV в. до н. э., возможно, даст новый материал для выяснения роли Нимфея в этот период и его взаимоотношений с Афинами и Боспорским царством.

И. Б. Брашинский

НАДПИСИ АРТАКСИЯ (АРТАШЕСА I), ЦАРЯ АРМЕНИИ

Среди памятников арамейского письма, найденных на территории СССР, число которых все время растет, одними из наиболее интересных и исторически значительных являются две каменные стелы, найденные невдалеке от Севанского озера[1].

История их находки и прочтения подробно изложена в специальной статье выдающегося семитолога А. Я. Борисова[2], которому по праву принадлежит первенство в деле связного чтения, перевода и исторического толкования их текста.

К 1934 г. относится первая попытка А. Я. Борисова прочесть надписи (по фотографиям). Однако ввиду неясности знаков на имевшемся в его распоряжении снимке А. Я. Борисов смог тогда только установить арамейский характер письмен и прочесть начало имени Артаксеркса (?) в первой строке надписи А; от чтения надписей целиком по этой фотографии А. Я. Борисов сознательно отказался. Лишь получив эстампажи с надписей, А. Я. Борисов предложил в 1939 г. полное чтение обеих надписей, но перевести решился лишь три строки надписи А и совпадающие с ними две с половиной строки надписи Б. Дату обеих он определял временем Артаксия (Арташеса I, 189 — ок. 160 гг. до н. э.), царя Армении, при котором Армения освободилась от владычества Селевкидов и стала самостоятельным государством.

А. Я. Борисов читал севанские надписи следующим образом:

А

1. ʾRTḤŠSY$_2$. MLK BR ZY $_3$. ZRYTR $_4$. RWNDKNḪLT[3] $_5$. [. . . . .]

1. Артаксий, $_2$. царь, сын $_3$. Зариатра $_4$ . . . . . $_5$. . . . . .

Б

1. [ʾR]TḤŠSY $_2$. [ML]K BR ZY $_3$. [ZR]YTR ḤL[T] $_4$. . . . BYN . . .
$_5$. . . . . Y. . . . .

1. [Ар]таксий $_2$. [ца]рь, сын $_3$. [Зар]иатра . . . $_4$. . . . . $_5$.

Последняя сохранившаяся строка текста А, по мнению А. Я. Борисова, чтению по-арамейски не поддается. По этой причине, а также учитывая нарушающую законы арамейского синтаксиса конструкцию MLK BR ZY ... (о чем ниже), он высказал предположение, что арамейские слова здесь — идеограммы, скрывающие несемитский язык, быть может — древнеармянский[4].

---

[1] Первая (А) — на юго-западном побережье, у селения Кармир (б. Кулали) близ Нор-Баязета (найдена в 1906 г. Е. Лалаяном), вторая (Б) — в 30 км к востоку от места находки первой стелы, у селения Каранлух (б. Верхний Каранлух) б. Мартунийского района (найдена в 1932 г. С. Бархударяном).

[2] А. Я. Борисов, Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении, ВДИ, 1946, № 2, стр. 97—104.

[3] Или DWNRKNḪLT.

[4] Уже после сдачи настоящей работы в печать вышла в свет монография К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.—IV в. н. э.), М.—Л., 1953, одна из глав которой — «Две надписи арамейским письмом, найденные в районе озера Севан в 1906 и 1932 гг.» позволяет в настоящее время не останавливаться подробно на ряде вопросов, связанных с находкой севанских надписей, ограничиваясь ссылками на указанную монографию. В книге К. В. Тревер над-

Работа А. Я. Борисова была опубликована на армянском языке в газете «Советакан Айастан» от 16 февраля 1941 г., а затем в 1946 г. в «Вестнике древней истории» (№ 2, стр. 97—104). К сожалению, к последней статье не могли быть приложены воспроизведения надписей, так как она публиковалась после смерти автора, погибшего в 1942 г.

В том же 1946 г. французский семитолог-эпиграфист А. Дюпон-Соммер предпринял другую попытку чтения этих надписей[1].

А. Дюпон-Соммер не был еще знаком со статьей А. Я. Борисова в ВДИ, хотя она и была опубликована до выхода в свет XXV тома «Syria». Он читал по фотографиям, присланным в свое время в Париж после находки одной из стел, — повидимому, по тем самым фотографиям, по которым А. Я. Борисов читать отказался. Кроме того, позже он воспользовался статьей в газете «Советакан Айастан»[2].

Дюпон-Соммер читает надписи полностью по-арамейски, следующим образом:

А

1. ʾRTḤŠSY 2.[MLK BR ZY 3.[ZR]YTR 4.NWNʾ KN ḤLṢ
4. Артахшасай, 2. царь, сын 3. Зариатра, 4. рыбу здесь тянул.

Б

1. [ʾR]TḤŠSY 2. [ML]K BR ZY 5. [ZR]YTR ḤL[Ṣ] 4. [K]N BYN[Y] 5. [T]Y
1. [Ар]тахшасай, 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра, тян[ул] 4. [зд] есь ка[р-]
5. -[п]ов.

Итак, в чтении первых трех строк Дюпон-Соммер не разошелся с А. Я. Борисовым[3], приоритет которого он здесь отмечает. Зато в остальном Дюпон-Соммер дает существенно иное чтение, из которого вытекает другое толкование назначения самих стел.

В отношении датировки памятников Дюпон-Соммер не расходится с А. Я. Борисовым, но полагает, что они свидетельствуют о ловле рыбы в Севанском озере царем Артаксием, причем высказывает мнение, что между выступами, которыми стелы заканчиваются сверху, тянулись веревки от сетей, для того чтобы царю не приходилось наклоняться(!)[4].

писи А и Б воспроизведены по А. Дюпон-Соммеру невполне точно; другое воспроизведение надписи «А» (также невполне точное) имеется в кн. «История армянского народа», ч. I, под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Ионисяна, Ереван, 1951, стр. 34.

[1] CRAI, Janv.-mars, 1946, стр. 126 сл.; также A. Dupont-Sommer, Les inscriptions araméennes trouvées près du lac Sévan (Arménie), «Syria», XXV, 1—2 (1946—1948), стр. 53—66.

[2] Неизвестной осталась как А. Дюпон-Соммеру, так и другим западным арамеистам и другая статья А. Я. Борисова, посвященная надписи на блюде из Бори («Сообщения Гос. Эрмитажа», IV, 1947, стр. 8).

[3] За исключением иной — с нашей точки зрения, неправильной — огласовки имени ʾRTḤŠSY.

[4] «Syria», XXV, 1—2, стр. 63. Ошибочность подобного предположения (высота стел — 42 см!) убедительно показывает К. В. Тревер, ук. соч., стр. 170—171. Места находки стел расположены на расстоянии нескольких километров от берега озера Севан. Как известно, береговая линия этого озера в древности лежала значительно ниже (а следовательно, дальше от места находок), чем в настоящее время; поэтому вряд ли стелы первоначально были расположены именно на берегу озера (скорее, скажем, вдоль приозерной дороги).Между выступами одной из стел действительно имеются потертости; их происхождение акад. И. А. Орбели объяснил нам существованием старинного армянского поверия, по которому древние камни с надпи-

В 1950 г. в другом месте побережья Севанского озера была найдена еще одна стела такого же типа — В.

Статья Дюпон-Соммера и находка новой надписи побудили нас еще раз пересмотреть вопрос о чтении севанских текстов. Для работы мы получили прекрасные новые эстампажи с надписей А и Б[1], а также фотографию (с поясняющей ее эскизной прорисовкой) с надписи В[2] и эстампаж с нее.

Не касаясь пока эпиграфической стороны дела, попытаемся показать, что чтение Дюпон-Соммером текста 4-й строки текста А и 3—5-й строк текста Б вряд ли выдерживает критику с позиций семитической филологии. Именно, глагол ḥ^{a}laṣ, на котором прежде всего основывает Дюпон-Соммер свое истолкование надписей, хотя и может, при желании, быть переведен французским глаголом tirer «тянуть, тащить», однако вряд ли может быть применим в контексте, связанном с рыбной ловлей. Как известно, корень ḪLṢ в семитских языках имеет значения «обнажать, совлекать», отсюда — «очищать, стаскивать, тянуть» и даже «грабить» (Ps., VII, 5). В арамейском языке основное его значение — «стаскивать, совлекать, обнажать» и в прямом и в переносном смысле[3]. С этим корнем связывается арабский глагол ḫalaṣa «быть белым, чистым, очищенным (первоначально — от коры, вообще от внешнего покрова)» и аккадское ḫalṣu «очищенный». Усилительная порода дает значения «срывать, вырывать (камни из стены), грабить». Из всех этих значений вряд ли можно подобрать термин, подходящий для обозначения вытаскивания рыбы и рыболовных сетей. Для выражения этих понятий в северосемитских языках при описании рыбной ловли применяются термины «тянуть, вытаскивать, ловить, рыбачить, поднимать, вынимать, брать, собирать», выражаемые различными корнями[4], среди которых, однако, насколько нам известно, глагол ḥ^{a}laṣ в таком смысле не встречается.

Особенно сильные сомнения вызывает чтение Дюпон-Соммера в тексте Б слова binnītā (в чрезвычайно странном написании BYNYTY — по мнению автора, искажен-

---

сями считаются священными предметами; к таким камням привязывают или трут о них вотивные предметы. Что касается карпов, то они в Севане не водятся.

[1] За эстампажи, изготовленные в Музее Армении, приносим горячую благодарность его директору К. Г. Кафадаряну и реставратору Г. И. Аревшатяну, а также А. Г. Периханян и Г. Х. Саркисяну за содействие в их изготовлении и доставке.

[2] Эти материалы, принадлежащие архитектору Л. Садояну, любезно доставила нам К. В. Тревер; сведениями об обстоятельствах находки стелы В мы обязаны также К. В. Тревер и А. Г. Периханян, почерпнувшим их из беседы с Л. Садояном. Всем упомянутым лицам мы приносим искреннюю благодарность.

[3] Так, в вавилонском Талмуде (восточный диалект арамейского языка) встречается выражение: ʿammā dəḥ^{a}laṣ leh māreh minneh (Йебамот, 102^{B}) «народ, который владыка его совлек с себя». В этом значении оно употребляется также в др.-евр., ср., например, «обнажают сосцы» (ḥāləṣū šad, Threni, IV, 3). Производное существительное этого корня — ḥ^{a}l ṣā, «стаскивание, снятие, разувание».

[4] Ср., например, арамейское и еврейско-ханаанейское ṣūd, арабское ʿṣāda «ловить зверя или рыбу»; отсюда название древнего финикийского города Ṣ don «место рыбной ловли», ср. арам. hāhen dəṣāyed kawrā «тот, кто ловит рыбу» (Шаббат, VII, 10-а). Ср. также др.-евр. глагол dāg — общий корень со словом dāg «рыба» (например, Jer. XVI, 16). Далее, в арамейских переводах книг Аввакума и Иова (P. de Lagarde, Prophetae Chaldaice, Lips., 1872, стр. 467; он же, Hagiographa Chaldaice, Lips., 1873, стр. 116) мы встречаем: waʿ^{a}badtā ʾinšā kənūnē yammā ... kulləhōn dəmin ləṣayyādā dəʾāḥid nūnā bəḥakkətā, kāniš bəḥärmeh werāme leh biməṣadteh «поступил с людьми, как с морскими рыбами ... все они — словно у рыболова, который ловит рыбу крючком, собирает ее сетью своей и поднимает неводом своим». В книге Иова (Hi., XL, 24) иронически ставится вопрос о возможности поймать удочкой мифологическое морское чудовище—Левиафана: tingad Liwyātān bəḥakkətā «вытащишь ли Левиафана крючком?» (в др.-евр. оригинале: timšok Liwyātān beḥakkā).

ная форма вместо ожидаемого BNYT')[1] и перевод его как «карпы»[2]. Грубейшее нарушение правил арамейской грамматики в севанских текстах,— если считать, что тексты написаны по-арамейски,— может быть объяснено, как это и объясняет Дюпон-Соммер, очень слабым знанием арамейского языка писцом. Но писец, который знал столь редкое специальное арамейское название даже не породы, а одной из разновидностей породы рыб, не мог не знать простейших правил арамейской грамматики, как, например, употребления состояний имени, с которым приходится сталкиваться с самых первых дней знакомства с арамейским языком. Во всяком случае, если написание Y между B и N еще как-то можно было бы объяснить (например, ошибочным произношением долгого ī вместо краткого), то конечный Y в окончании женского рода -ītā (или в окончании множественного числа -ātā) совершенно необъясним.

Однако в чтении, предложенном Дюпон-Соммером, нет никакой необходимости, если от фотографий мы обратимся к эстампажам: они предполагают текст, снимающий сомнения, вызванные недостатками фотографического воспроизведения.

Эстампажи сразу показали, что поправки Дюпон-Соммера[3] — за исключением, возможно, одной — не имеют под собой почвы, как и следовало ожидать, имея в виду характер материала, которым пользовался автор. «Небольшое продолжение верхней левой черты» четвертой буквы стк. 4 текста А, о которой говорит Дюпон-Соммер, не существует: имеющееся здесь углубление гораздо мельче, чем довольно глубоко врезанные в камень черты знаков. Буква ясно читается как D или R, но никак не [']. Напротив, в противоположность мнению Дюпон-Соммера, в первой букве совершенно отчетливо видно правое ответвление головки R (D), хотя оно и попало на поврежденную и отчасти стертую часть поверхности камня. Замечание Дюпон-Соммера о «бивалентности» буквы T в данном виде арамейского письма по меньшей мере преждевременно, так как, несмотря на отмеченную А. Я. Борисовым близость письма севанских стел к арамейским надписям из Малой Азии, письмо тех и других по своему характеру не тождественно. По существу, севанские стелы представляют один из многочисленных пошибов, восходящих к арамейскому письму ахеменидских канцелярий, в целом отличный от малоазийской разновидности[4]; пока у нас нет достоверных случаев совпадения в данном пошибе T и Ṣ, нельзя утверждать наличие такого совпадения.

С другой стороны, можно дать другое исправление предложенного А. Я. Борисовым чтения последней буквы надписи A вместо данного Дюпон-Соммером. А. Я. Борисов предполагал, что до нас дошла только верхняя часть надписи, а нижняя ее часть, уходившая в землю, и с ней последняя, пятая, строка стелы обломаны. Для чтения последнего знака как T такое предположение необходимо, так как T имеет в данном пошибе левую ножку значительно длиннее и ниже правой, между тем в рассматриваемом знаке обе ножки равной длины и упираются в облом нижнего края камня; А. Я. Борисов, очевидно, предполагал, что конец левой ножки отломан вместе с низом стелы.

Однако новый эстампаж показывает, что нижний край стелы обтесан довольно ровно; если к этому добавить, что стела А и стела Б имеют совершенно одинаковую высоту — 42 см и что стела В также почти равна им по высоте, то окажется маловероятным, что все стелы обломаны совершенно одинаково. Представляется очевидным,

---

[1] Формы BRY, BRTY в Армазской билингве и в авроманском пергаменте III, на которые в качестве аналогии ссылается Дюпон-Соммер, аналогией не являются: эти написания восходят к арамейской форме данных слов с притяжательным местоимением 1-го лица ед. ч. -ī («мой сын, моя дочь»); эти формы употребляются как идеограммы для слов «сын» «дочь», в которых местоименное окончание потеряло значение.

[2] Собственно какой-то род карпа. Скорее можно было бы видеть в этом месте арамейское слово bənaytā «плетение» (в смысле «сеть»), хотя и в этом случае ожидалось бы написание BNYT'.

[3] Расхождение между чтением Дюпон-Соммера и чтением А. Я. Борисова — см. Dupont-Sommer, ук. соч., стр. 59—60.

[4] Впрочем, и в арамейских надписях из Египта и Малой Азии, на которые ссылается Дюпон-Соммер, T и Ṣ вовсе не совпадают.

что стела А дошла до нас целой и что она стояла свободно на подставке или прямо на земле. Поэтому, если раньше можно было предполагать, что нижняя часть левой ножки Т в последней строке отломана, то теперь это предположение отпадает: последняя буква стк. 4 надписи А никогда не имела другой формы, именно — с обеими ножками равной длины[1]. Кроме того, можно обратить внимание на то обстоятельство, что со-

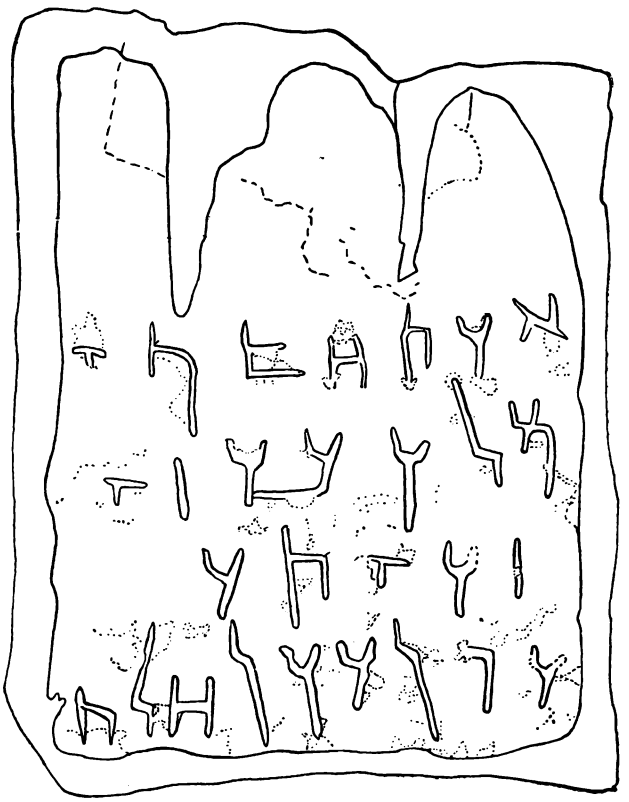


Рис. 3. Севанская надпись А. Прорисовка

единительная черта между ножками этой буквы не горизонтальная, как в букве Т стк. 1 и 3 стелы А и стк. 3 стелы Б, а наклонная. Следовательно, эта буква не может быть Т. Это скорее всего Q (*коф*), имеющий аналогичную форму в парфянских надписях арамейским письмом того же времени (II в. до н. э.) из Нисы[2], в раннесасанидских надписях на парфянском языке (см. таблицу) и весьма сходную (лишь с отрывом левой ножки от верхней черты)—в одном из вариантов канцелярского пошиба ахеменидского времени[3]. Разница заключается лишь в том, что левый верхний вертикальный отросток поперечной черты на нашей стеле имеет вид как бы продолжения ножки, в то время как в ахеменидское время он является лишь загибом этой черты, а в надписях из Нисы продолжает ее наклонно или почти горизонтально влево.

Обоснованным оказывается лишь указание Дюпон-Соммера на наличие буквы N в начале сохранившегося текста стк. 4 надписи Б. Точнее, налицо наклонная черта,

[1] На это указывает и форма нижней части самих этих ножек.

[2] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, Документы из древней Нисы, МЮТАКЭ, вып. 2, стр. 29—30 (далее цитируется как ДДН).

[3] CIS, II, 139, 141. Сходная форма Q наблюдается и в надписи из Теймы (CIS, II, 113). Ср. также пальмирские формы Q в HNSE, табл. XLV.

примыкающая к облому камня, которая может быть головкой N (головкой R или D она в данном случае не может быть, так как вследствие сохранности поверхности камня в этом месте было бы видно и второе ее ответвление); при этом откол камня, идущий здесь почти вертикально, мог, как это часто бывает, пойти по линии вреза самой буквы N, ожидаемое направление которой совпадает с линией откола[1].

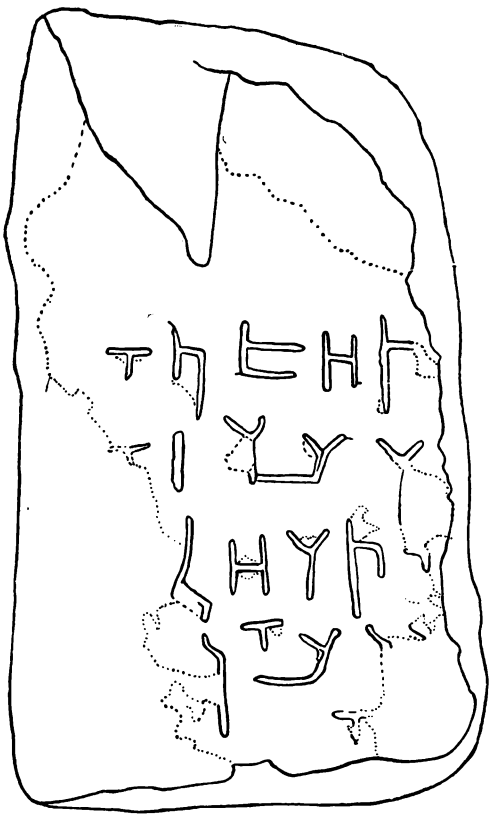


Рис. 4. Севанская надпись Б. Прорисовка

С указанными поправками чтение А. Я. Борисова следует признать совершенно точным[2]. Тем самым отпадает перевод Дюпон-Соммера и производимые из него выводы.

Попытаемся теперь дать свое толкование севанских надписей А и Б.

Опорным пунктом этого толкования служит принятое нами чтение последней буквы стк. 4 текста А как Q. Все слово мы читаем ḥəleq (менее вероятно ḥ^{a}lāq) — хорошо известные термины, отвечающие понятиям «доля, часть, участок, поле»[3]. т. е. земельный участок, принадлежащий определенному владельцу или конкретизированный иначе.

Эти значения весьма распространены как в арамейском, так и в древнееврейском языках. Слово ḤLQ (во множественном числе — ḤLQY^{3}) является, повидимому, также арамейской идеограммой в пехлеви для слова «арык» (yōy). Это указывает на специфическое значение «межа» для слова ḤLQ, так как эти арыки обычно ограничивали полевые участки[4].

При таком чтении грамматическое своеобразие текста заключалось бы в том, что вместо эмфатического состояния

[1] Перед этим видны следы еще одной буквы — возможно, R, D или K.

[2] Чтение Дюпон-Соммером последних двух строк надписи Б как [K]N BYN[YT]Y также неприемлемо, так как N четвертой и Y пятой строки стоят под четвертыми, а не под вторыми буквами остальных строк: правильно читать $_{4.}$[x x x]N(?)BYN[x] $_{5.}$[x x x] Y [. . .].

[3] Ḥəleq, ḥälqā (также ḥulqā) означает по-армейски «доля, часть», отсюда земельный «надел, участок, поле» именно в земледельческой терминологии. В этих значениях слово часто употребляется в арамейских диалектах Мишны, Талмуда и мидрашей, а также в древнееврейском языке (см. Gen. XXXIII, 19; Jos. XXIV, 32; II Reg. IX, 25; Ruth II, 3; IV, 3 и др.; II Reg. IX, 21: ḥälqat Nāḇōt «поле Навуфея»). Ḥ^{a}lāq, ḥ^{a}lāqā имеет значение «доля, часть, жребий, участь», чаще с переносным значением — например: wəᶜim ḥewtā ḥ^{a}lāqeh baᶜ^{a}śab ʾarᶜā «и со зверями доля его в земных злаках» (Dan. IV, 12); wəᶜim ḥewat-bārā ḥ^{a}lāqeh «с полевыми зверями его доля», т. е. он разделяет участь полевых зверей (Dan. IV, 20).

[4] См. H. Junker, Farhang-i Pahlavīk, 1912, стр. 96 Ср. также употребление того же корня для глагола baxtan «дарить, давать, наделять» (идеограмма ḤLQWNtn, Destur Hoshangji Jamaspji Asa and Martin Haug, An Old Pahlavi-Pazand Glossary, Bombay—London, 1870, стр. 70).

Рис. 1. Севанская надпись «А». Зеркальный снимок с эстампажа

Рис. 2. Севанская надпись «Б». Зеркальный снимок с эстампажа

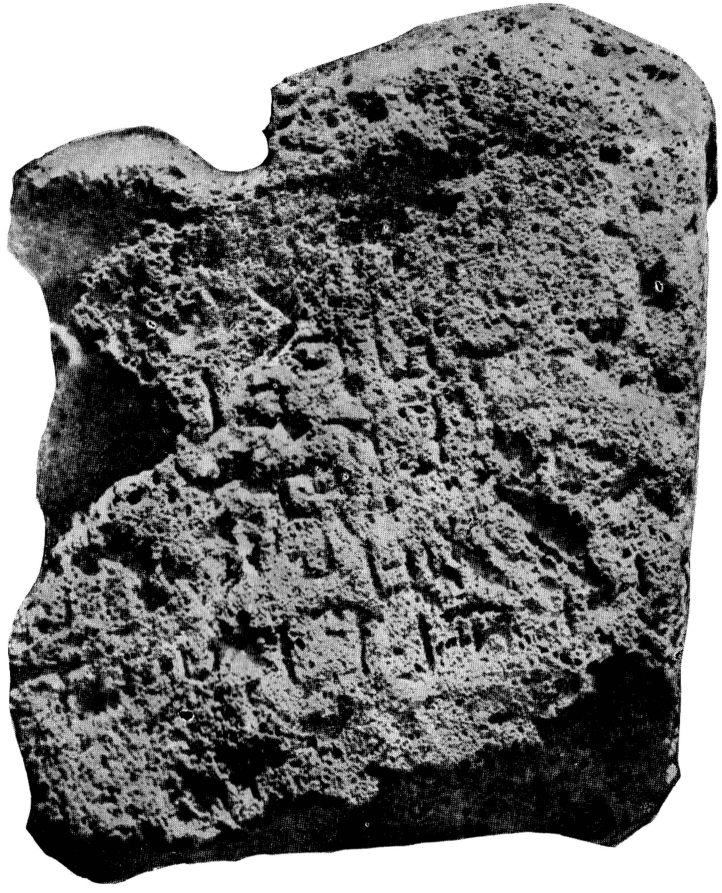


Рис. 6. Севанская стела «В». Лицевая сторона

Рис. 7. Севанская стела «Е». Правая боковая сторона

имени (ḥälqā, ḥ^{a}lāqā) мы имеем здесь абсолютное (или сопряженное?). Но эта особенность отмечена и для самих севанских текстов (MLK BR ZY... вместо MLK^{2} BR...), для малоазийских текстов и для текстов Армази, а также для парфянских

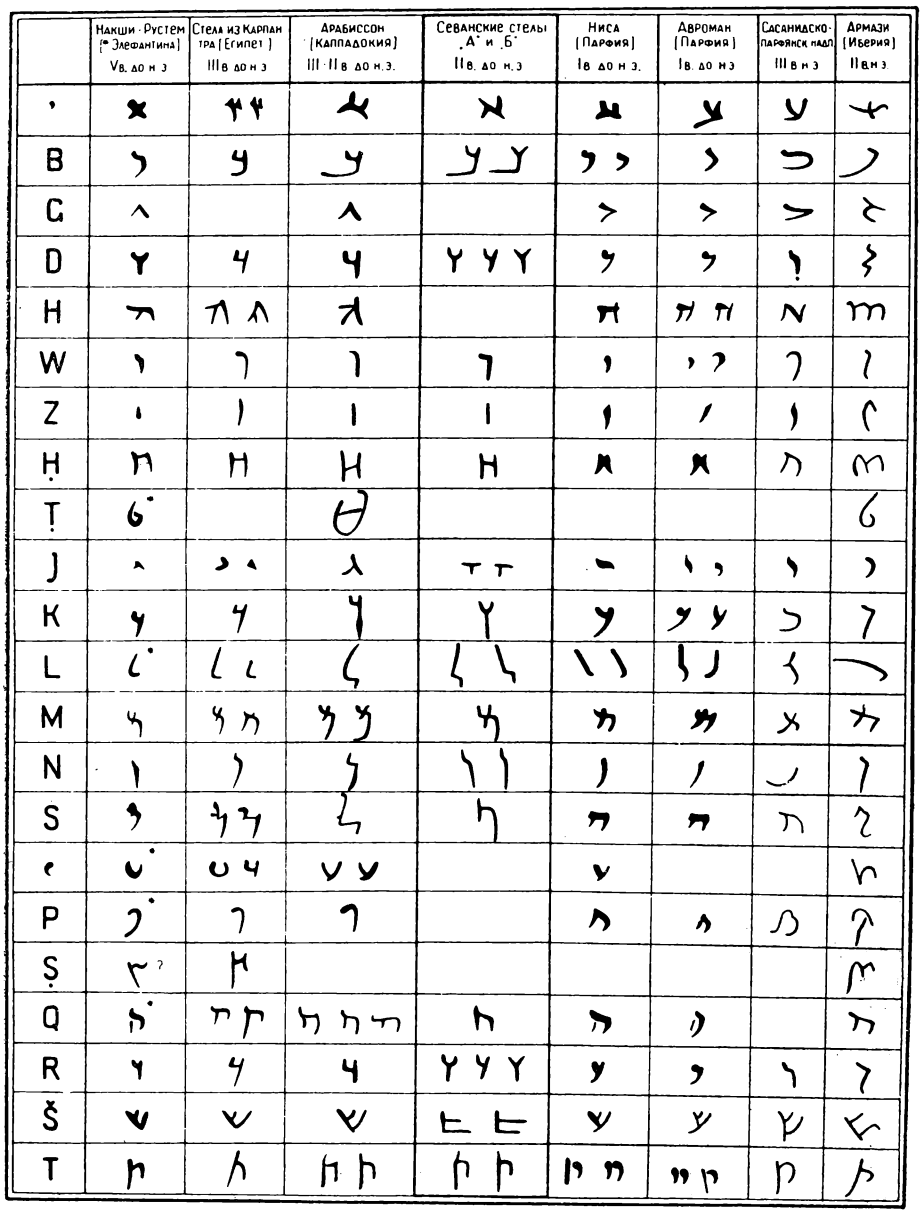


Рис. 5. Сравнительная таблица знаков арамейского письма

текстов из Нисы и, повидимому, может считаться обычным явлением для памятников данного типа письменности[1].

Возможно также понимать ḤLQ как 3-е лицо ед. ч. мужского рода совершенного вида глагола ḥ^{a}laq, со значением «разделил, распределил, размежевал».

[1] См. об этом ДДН, стр. 55 и ср. стр. 51.

Не исключена возможность предшествующие две буквы, K и N, считать, в согласии с толкованием Дюпон-Соммера, арамейским наречием KN «здесь», но более вероятно, что вся группа знаков RWNDKN составляет одно слово. Можно предположить, что это неизвестное слово является названием участка [1]. Близкие по времени к севанским стелам парфянские тексты дают много примеров именно такого образования названий земельных участков — например, DTBKN (Авроман) [2], HYNDWKN, ʾRTḤŠTRKN, ʾRTBNWKN (Ниса) [3]. Отметим также, что на территории Армении -kan является обычнейшим суффиксом географических названий областей (Васпуракан, Анахтакан и др.). Труднее предполагать в RWNDKN имя владельца.

В конце стк. 3 текста Б, как и в стк. 4 текста А, читается, очевидно ḤLQ. Согласные BYN сохранившейся части стк. 4 стелы Б мы склонны считать распространенным в семитских языках, в том числе и в арамейском, предлогом-наречием bēn «между» [4] и полагаем, что в неповрежденном виде это место заключало уточнение расположения земельного участка. Предшествующие две буквы . .K (??) N (?) могли бы быть (особенно, если понимать ḤLQ как глагол) наречием kan «здесь», как полагает Дюпон-Соммер, или, скорее, как и в тексте А, окончанием названия участка.

Мы предлагаем два варианта перевода двух первых севанских надписей, в зависимости от того, означают ли согласные ḤLQ решающего места надписи А глагол, или имя существительное:

1. ʾRTḤŠSY 2. MLK BR ZY 3. ZRYTR 4. RWNDKN ḤLQ

а) 1. Артаксий 2. царь, сын 3. Зариатра 4. (участок) RWNDKN разделил (=размежевал).

б) 1. Артаксий 2. царь, сын 3. Зариатра. 4. Участок RWNDKN (или: RWND-ский).

Б

1. [ʾR]TḤŠSY 2. [ML]K BR ZY 3. [ZR]YTR ḤL[Q] 4. [K?]N BYN[. . .] 5. [. . . .]Y[. . . .]

а) 1. [Ар]таксий 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра разде[лил] [5] 4. [. . .] . . . между [. . .] 5. . . . . .

б) 1. [Ар]таксий 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра. Учас[ток] 4. [. . .] . . . между [. . .] 5. . . . . .

Следует остановиться особо на синтаксической конструкции надписей. Напомним о неправильном для арамейского языка употреблении абсолютного состояния слова məlek «царь» там, где следовало ожидать эмфатического состояния malkā, а также о плеонастическом выражении родительного падежа в конструкции bar zī ZRYTR. Вместо последнего должна была бы стоять единственно употребительная конструкция с сопряженным состоянием имени: bar ZRYTR или хотя бы конструкция bərā zī ZRYTR — не употребительная, но грамматически правильная. Эти факты достаточно освещены в статье А. Я. Борисова.

[1] Хотелось бы видеть в слове RWNDKN прилагательное, образованное от собственного имени Ὀρόντης, арм. Ervand (позже Yervand), распространенного, повидимому, в армянском царском доме, предшествовавшем династии Артаксия (ср. ВДИ, 1946, № 2, стр. 103). Судя по сообщению Моисея Хоренского, межевые камни Артаксия (к числу которых, как будет видно ниже, мы относим исследуемые стелы) назывались «арташисакан»; на них могло бы иметься указание на какое-либо предыдущее межевание, произведенное при царе Ерванде. Однако, к сожалению, для этого иранского имени в это время ожидалась бы форма Arvant(a), c t, а не c d, и в написании *ʾRWNT.

[2] H. Nyberg, The Pahlavi Documents from Avroman, «Le Monde Oriental», XVII, 2—3, стр. 192.

[3] ДДН, стр. 30 и 35; ВДИ, 1953, № 4, стр. 125.

[4] Такой же перевод был предложен А. Я. Борисовым.

[5] Или: «размежевал» (может быть и «наделил»?).

Более подробно следует остановиться на тексте стк. 4 надписи А и стк. 3 и 4 надписи Б.

Сочетание букв RWNDKN мы понимаем как одно слово — наименование участка. Только определение грамматической категории слова RWNDKN могло бы установить правильность арамейской синтаксической конструкции стк. 4 надписи А: от него в значительной мере зависит и понимание грамматической категории, к которой относится слово ḤLQ. Арамейский же или неарамейский характер синтаксиса надписей определяет и вывод о языке, на котором эти надписи сделаны.

Если RWNDKN — самостоятельное существительное (имя собственное), то конструкция правильна для обоих предложенных нами вариантов перевода: а) если ḤLQ — глагол-сказуемое, то оно по-арамейски свободно может стоять в конце предложения, имея перед собой непосредственно дополнение, не выделенное специальной частицей [1]; б) если ḤLQ—существительное, то конструкция также правильна по-арамейски («RWNDKN-поле»].

Если же (что наиболее вероятно) RWNDKN—производное (отыменное) прилагательное, то по-арамейски порядок слов должен быть обратным: «участок RWNDKN-ский». И в том и в другом случае, однако, мы ожидали бы эмфатического состояния для слова ḤLQ (ḤLQ^{ə} с чтением ḥälqā или ḥ^{a}lāqā вместо ḥəleq или ḥalāq). На типичность для текстов этого круга неправильного употребления абсолютного (или сопряженного) состояния имени вместо эмфатического уже указывалось. Такое употребление состояний имени в арамейской речи немыслимо.

Если считать явно неарамейское (и вообще несемитское) слово RWNDKN прилагательным-определением, а ḤLQ определяемым, то необходимо согласиться с мнением А. Я. Борисова: «Не-арамейский состав четвертой строки большей стелы едва ли может вызвать какие-либо сомнения» [2]. Но даже если счесть RWNDKN за самостоятельное существительное или ḤLQ — за глагол (что позволяет рассматривать конструкцию этой строки как арамейскую), все же уже одной конструкции стк. 3 достаточно, чтобы подвергнуть серьезному сомнению арамейский характер языка стелы [3]. Если это арамейский язык, то во всяком случае надпись составлена писцом, для которого он не был родным и который не умел или не хотел выдерживать самые элементарные правила арамейской грамматики.

Но допустимо предположение, что разбираемые тексты выполнены не на арамейском, а на таком языке, для которого арамейские слова являются лишь идеограммами (или гетерограммами),— графическим выражением слов неарамейских, как это было принято в древнеиранской и среднеазиатских видах письменности. В этом случае соблюдение правил арамейской грамматики не обязательно. Речь могла бы здесь идти либо о древнеармянском языке, т. е. языке местного населения, либо о персидском языке — распространенном в качестве культурного наследия ахеменидской державы [4]. На связи с ахеменидской традицией в Армении этого времени указывает уже само имя царя Артаксия. Хотя это имя иранского происхождения (соответствует имени «Артаксеркс»), однако оно не является, подобно многим позднейшим именам, бытовавшим среди армянской нахарарской аристократии, парфянским. Дело в том, что

---

[1] Ср. Dan. II, 30, 36, 48; IV, 2 (ḥeläm ḥ^{a}zet «сон я видел»); IV, 5—6: wəḥälmā q^{o}dāmōh^{ī} ʾamret... ūpišreh ʾ^{e}mar «и сон пред ним я рассказал... и истолкование его скажи». Ср. также Dan. IV, 33; Ezr. IV, 21; V, 7; VII, 25 и др.

[2] ВДИ, 1946, № 2, стр. 103.

[3] Труднее проанализировать синтаксис надписи Б ввиду ее фрагментированности. Вариант перевода, обозначенный литерой «а», может быть лучше объяснен на почве арамейской грамматики.

[4] Несмотря на близость севанских надписей к парфянским текстам из Нисы и Авромана как по характеру использования арамейских слов, так и по характеру самого письма, еще близкого к письму ахеменидских канцелярий, о парфянском языке здесь думать не приходится — по хронологическим соображениям.

древнеиранское *Ṛtaxšaθra на почве северозападно-иранских языков (мидийского и парфянского) должно в среднеиранский период дать форму *Artaxšahr (которую мы и встречаем на парфянских остраконах из Нисы в виде исторического написания ʾRTḤŠTR) и лишь на почве древнеперсидского языка дает форму Artaxšaça. Эту форму арамейские источники ахеменидского времени передают в написании ʾRTḤŠŠ[1], ʾRTḤŠŠTʾ[2], ʾRTḤŠŠTʾ[3], а накши-рустемская надпись на древнеперсидском языке арамейским алфавитом — в написании [ʾ]RTḤŠŠ[4]. К этой же форме закономерно и восходит засвидетельствованная нашими надписями форма имени ʾRTḤŠŠY (читай Artaxšasī[5]) и традиционная древнеармянская форма «Арташес».

Можно предполагать, что род Артаксия, подобно большинству не греко-македонских родов царей и династов Передней Азии эллинистического времени, возводил свою генеалогию к Ахеменидам. Соответственно этому можно думать, что в армянской державе Артаксия могли продолжаться традиции ахеменидских канцелярий.

Как известно, в государстве Ахеменидов — по крайней мере начиная с Дария I — официальным канцелярским языком был арамейский в его древней форме (так называемый западноарамейский, или арамейское «койнэ», Reichsaramäisch). Этот канцелярский язык был распространен по всей державе[6], вплоть до ее наиболее восточных окраин. Об этом свидетельствуют надписи индийского царя Ашоки из Пуль-и Дарунта в Бактрии[7] и из Таксилы (Индия), составленные уже в III в. до н. э. на арамейском языке[8]— факт необъяснимый, если не считать, что в этих областях еще при Ахеменидах в качестве официального привился арамейский язык. Равным образом арамейский язык, как язык канцелярии и официальных надписей, был распространен и в западных областях державы[9].

Что касается собственно иранской письменности на арамейской основе, то в качестве официальной письменности канцелярий она, повидимому, при Ахеменидах еще не применялась. Возникла она при Дарии I[10], повидимому, как письменность без идеограмм; по крайней мере накши-рустемская надпись V в. до н. э. (Артаксеркса I?

---

[1] Так в элефантинских папирусах — E. Sachau, Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militärkolonie zu Elephantine, Lpz, 1911, табл. 5.

[2] Ezr. VII, 7,8 сл.; VI, 14.

[3] Ezr. VII, 1,7, 12,21; VIII, 1; Nehem. II, 1; V, 14; XIII, 6.

[4] E. Herzfeld, Altpersische Inschriften, B., 1938, стр. 12; ДДН, стр. 53, прим. 6.

[5] Это чтение, основанное на наличии Y в конце имени, подтверждается и греческой передачей этого имени как Ἀρταξίας. Окончание -ī представляет этимологически некоторую трудность. Возможно, что имя Артаксия восходит к др.-перс. *Artaxšaçiya со значением «Артаксерксовский»; в таком случае это имя следует толковать как «принадлежащий к роду или потомкам Артаксеркса». Ср. имя Artaxšēsī — F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, стр. 36—47.

[6] Вытеснив на юге Ирана эламский, применявшийся в канцеляриях Персеполя еще в V в. до н. э. (см. G. G. Cameron, The Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948).

[7] W. B. Henning, The Aramaic Inscription of Asoka found in Lampāka, BSOAS, XIII (1949), 1, стр. 80—88.

[8] Надпись из Таксилы, однако, по всей видимости, гетерографическая.

[9] Новейшую сводку материала см. у Fr. Rosenthal, Die aramäische Forschungen seit Th.Nöldeke's Veröffentlichungen, Leiden, 1949, стр. 24—82. Арамейский характер языка по крайней мере некоторых малоазийских надписей подлежит сомнению — быть может, и здесь мы имеем дело с идеограммами.

[10] Акад. В. В. Струве, Реформа письменности при Дарии I, ВДИ, 1951, № 3, стр. 186 сл.; ДДН, стр. 54.

их, как кажется, не содержит (ДДН, стр. 53 сл.). Первые идеограммы мы встречаем повидимому, на монетах III века до н. э.[1]

Проблема происхождения идеограмм в иранской письменности представляет сложнейший исторический вопрос[2], который требует учета исторической обстановки этого времени. Уже ахеменидские канцелярии вряд ли могли повсеместно располагать писцами, хорошо грамотными по-арамейски. Завоевание же Александра Македонского, борьба диадохов и установление селевкидского владычества должны были привести к изменению состава канцелярий. В них вливались новые люди, которые не всегда и не всюду могли хорошо знать арамейский язык. Замена арамейской канцелярии греческой не могла произойти сразу и везде, да и вряд ли греческая канцелярия могла получить действительно всеобщее распространение. Местные писцы вынуждены были переходить на местные языки, фонетически,— а следовательно, и грамматически,— не воспроизводимые с точностью средствами письменности на арамейской основе, не применяющей идеограмм. Применение арамейских идеограмм,—помимо их удобства для определения грамматической конструкции слов, при отсутствии точной огласовки нужной для передачи, например, иранской флексии,—имело еще то преимущество, что позволяло и в неарамейском тексте употреблять общеизвестные готовые арамейские канцелярские формулы; текст, насыщенный арамейскими идеограммами, мог, хотя бы в самых общих чертах, быть понятен [3] разноязычным писцам неустойчивых и охватывавших то одни, то другие этнические территории эллинистических государств[4]. Такая система письма помогала использовать в государственных канцеляриях писцов с различными родными языками. Дело здесь не в том, что арамейский письменный язык, перенасытившись иранизмами, превратился в иранский язык; но для небольших документов, в результате смешения арамейского текста с текстом на местном языке и насыщения текста на местном языке арамейскими идеограммами, письменный канцелярский язык (какие бы чтения — иранские или иные — ни подставлялись под

[1] См. G. F. H i l l, Catalogue of Greek Coins in the British Museum — Arabia, Mesopotamia and Persia, табл. 28; E. H e r z f e l d, Archäologische Mitteilungen aus Iran, VII, 1935, рис. 45.

[2] Ср. E. H e r z f e l d, Paikuli, B., 1924, стр. 73 и особенно H.H. S c h a e d e r, Iranische Beiträge, I, «Schriften der Königsberger gelehrten Gessellschaft», Geisteswiss. Kl., 1930, вып. 5, стр. 94, а также ДДН, стр. 51 сл.

[3] Конечно, речь может идти только о понимании коротких надписей и канцелярских формул; в длинном связном тексте чуждый синтаксис и незашифрованная чужая лексика должны были явиться препятствием для понимания текста.

[4] Этот вид письменности, естественно, должен был применяться в тех из образовавшихся в этот период государств, которые претендовали на продолжение традиций Ахеменидов или вообще находились в оппозиции к селевкидскому государству с его греческой официальной культурой. Так, в Парфии применялись в канцеляриях иранский язык и письменность на арамейской основе с применением арамейских идеограмм (здесь применялся также греческий язык — например, для монет, имевших хождение преимущественно, конечно, в городах,— но также и в низовых канцеляриях, как видно из авроманских документов); то же имело место и в Парсе, вероятно в Каппадокии, а позже, возможно, и в Иберии (там, быть может, уже под влиянием парфянской традиции): по крайней мере есть предположение, что тексты из Армази требуют чтения по-ирански (см. F. A l t h e i m, H. J u n k e r, R. S t i e l, Inschriften aus Gruzinien, I, Bilinguis von Mzcheta, «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», IX, P., 1949, стр. 8), что допускает и издатель Армазской билингвы Г. В. Церетели (Армазская билингва, Тбилиси, 1948, стр. 41). См. также R. N. F r y e, Pahlevy Heterography in Ancient Georgia? «Archaeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld», N. Y., 1952, стр. 89—101. Как предполагает M. L i d z b a r s k i, Ephemeris für semitische Epigraphik, I, Giessen, 1902, стр. 73—74, и надписи II века до н. э. из Арабиссона в Каппадокии, найденные Я. И. Смирновым, представляют сплошь зашифрованные арамейскими идеограммами иранские тексты.

арамейские написания) мог играть роль некоего подобия условного языка—письменной lingua franca[1].

Поэтому трудность, с которой устанавливается языковая принадлежность надписей, подобных севанским, не является результатом лишь недостатка наших знаний в этой области, но отражает объективное положение вещей. В надписях подобного рода, сплошь зашифрованных арамейскими словами, мы можем, самое большее, путем анализа синтаксиса определить — предполагал ли данный текст устную передачу на арамейском, персидском или каком-либо ином языке.

В нашем случае речь могла бы идти, как уже упоминалось, — помимо арамейского,— либо о древнеармянском, либо о персидском. Как сообщил нам акад. И. А. Орбели, древнеармянский синтаксис мог бы удовлетворительно объяснить конструкцию стк. 4 надписи А; но отклонению от норм арамейской грамматики в конструкции BR ZY ZRYTR древнеармянский язык, повидимому, не дает достаточного объяснения.

Что касается иранских языков, то, как нам указал В. А. Лившиц, синтаксис севанской надписи А находит на их почве удовлетворительное объяснение; конструкция BR ZY ZRYTR могла бы передавать иранскую изафетную конструкцию[2]. Это делает весьма вероятным,— хотя и не доказывает окончательно,— что тексты были рассчитаны на устную передачу по-персидски.

Отсюда, однако, нельзя еще заключить, что писцы Артаксия непременно были персами, хотя вполне вероятно, что в канцеляриях новообразованного армянского государства использовались разноязычные, в том числе, возможно, и персидские, писцы, так как кадры грамотных людей должны были быть еще весьма скудными. Скорее иранский характер синтаксиса надписей следует толковать как свидетельство сохранения в государстве Артаксия традиций ахеменидского чиновничества вообще. Акад. В. В. Струве указал нам на широкое распространение знания древнеперсидского языка в ахеменидской Армении, что позволило грекам Ксенофонта (через переводчика, знавшего, конечно, древнеперсидский язык, а не древнеармянский) разговаривать даже с женщинами в армянских селениях.

Учитывая все эти соображения, трудно окончательно определить характер языка, на котором составлены севанские надписи. Нельзя отрицать возможности того, что они были составлены на сильно искаженном арамейском языке, применяемом не идеографически, но вероятно и то, что текст предназначался для устной передачи по-персидски[3]. Быть может, дальнейшие находки и исследования предложат дополнительный материал для решающих выводов.

Во всяком случае, в настоящее время, какой бы из вариантов нашего перевода ни казался предпочтительнее, мы видим в севанских стелах межевые столбы с надписями, обозначающими границы определенных участков. Одновременно эти стелы имели своим назначением увековечить имя того, при ком это межевание было произведено впервые или возобновлено[4].

---

[1] Уже даже чисто арамейские тексты времени Ахеменидов предполагали устное «истолкование» (pārāš) их на персидском языке для руководящих персидских чиновников — см. H. H. Schaeder, ук. соч., стр. 6; ДДН, стр. 54, прим. 1.

[2] Ср. для употребления изафета и вообще с точки зрения синтаксической конструкции севанских надписей, например, Beh. III, 45: kāra hya manā avam kāram tyam Vahyazdātahya aǰaⁿ «войско (Nom.) мое это войско (Acc.) Вахьяздаты разбило». Следует отметить, что в персидском языке ахеменидских надписей изафетная конструкция еще не употребляется для передачи имени и отчества; в подобном контексте эта конструкция выступает лишь в среднеперсидском языке, где графически вполне обычна передача изафета через арамейское ZY.

[3] К такому же выводу приходит M. Lidzbarski, ук. соч., I, стр. 324, в отношении текстов из Каппадокии: «Тексты не свободны от погрешностей против арамейского словоупотребления, но необходимости читать их иначе, чем по-арамейски, нет».

[4] Ср. К. В. Тревер, ук. соч., стр. 172—173.

Мнение о том, что севанские стелы Артаксия представляют собой межевые камни, было высказано впервые акад. И. А. Орбели на основании данных, приводимых в «Истории Армении» Моисея Хоренского. Возражения А. Дюпон-Соммера (ук. соч., стр. 65), приводимые им против исторической ценности этого сочинения, недостаточно убедительны. Бесспорно, Моисей Хоренский, пользуясь для раннего периода истории Армении весьма разнородными источниками — эпосом, сказаниями, старинными песнями, сирийскими хрониками, греческими «языческими» и церковными писателями,— не во всех случаях сумел правильно связать имевшийся у него материал воедино, определить хронологическую последовательность царствования различных лиц и привести в систему синхронизмы.

Так, Артаксий у него раздвоился, причем на первого «Арташеса, царя Армении», основателя династии, перенесены черты Артаксерксов и других ахеменидских царей (что доказывает лишний раз ахеменидские традиции династии Арташесидов), а все исторические черты Артаксия I, почерпнутые преимущественно из эпоса и народной традиции, перенесены на Арташеса II (33—20 гг. до н. э.)[1]. На царствование этого Арташеса, в понимании автора — наиболее выдающейся фигуры раннего периода истории Армении, Моисей Хоренский переносит все важнейшие события внешней истории Армении, вплоть до времени правления Траяна и Адриана в Риме. Тем не менее в описании внутренних событий царствования «Арташеса» Моисей Хоренский опирается на хорошую народную традицию и отчасти на эпос, создание которого должно относиться ко времени, достаточно близкому правлению исторического Арташеса (Артаксия); последний отнюдь не изображается Моисеем Хоренским в виде какого-то мифического создателя человеческой цивилизации вроде Прометея, Девкалиона или Гайомарта, как это можно заключить из замечаний Дюпон-Соммера.

Моисей Хоренский, подводя итоги деятельности Арташеса, говорит лишь о дальнейшем развитии земледелия при нем, об использовании вод для судоходства и организованной рыбной ловли и т. п.[2].

Что касается межевых знаков Артаксия, то о них у Моисея Хоренского говорится в другой связи[3], причем так, что рассказ представляется исходящим от человека, видевшего эти межевые знаки или писавшего со слов очевидца. Очевидно, во времена Моисея Хоренского или его источника межевые камни Артаксия можно было видеть еще довольно часто. Описание их в точности соответствует севанским стелам: они, вероятно, стояли на подставках, «слегка возвышаясь над землей» (на 42 см; ко временам Моисея Хоренского они, возможно, во многих случаях частично ушли под землю). Выступы наверху стел,— или, по Моисею, «башенок»,— по всей вероятности, действительно имитируют зубцы башен. Из описания Моисея Хоренского видно также, что на этих межевых знаках упоминалось имя Артаксия[4].

Несомненно, размежевание земли по всей территории государства, произведенное при Артаксии,— память о чем сохранилась даже через полтысячелетия,— в условиях II века до н. э. было весьма серьезным и сложным предприятием, затрагивавшим многообразные интересы и требовавшим больших затрат и привлечения большого числа грамотных писцов. Такая мера должна была быть связана с какой-то весьма существенной земельной реформой, касавшейся самой сути аграрных отношений

[1] Исключение составляет восстание Артаксия I против Антиоха III, которое Моисей Хоренский смешивает с отпадением Аршака Парфянского от селевкидской державы и связывает (следуя сирийскому автору Мар Абас Катине?) с именем Валаршака, легендарного брата этого Арташеса.

[2] «История Армении Моисея Хоренского», новый перевод Н. О. Эмина, М., 1893, ч. 2, гл. 59.

[3] Там же, гл. 56. О межевых знаках Артаксия см. К. В. Тревер, ук. соч., стр. 172—173.

[4] Письмена стел Артаксия не настолько отличаются от парфянского эпиграфического пошиба, дожившего до III в. н. э., чтобы отдельные грамотеи не могли еще в то время разобрать на них имя Артаксия.

того времени, потому что одно желание увековечить существующие аграрные порядки, уже охраняемые обычным правом общин, вряд ли могло подвигнуть царя на столь сложное мероприятие. Определить вероятный характер земельной реформы Артаксия было бы чрезвычайно важно[1].

Для понимания характера текстов севанских стел имеет значение упомянутая находка третьей аналогичной стелы.

Стела найдена в другом месте севанского побережья — в 8 км от Мартуни и в 4 км от селения Дзорагюх, недалеко от старого берега Севана (к какому времени относится эта береговая линия — нам неизвестно); поблизости находится церковь, воздвигнутая, по некоторым данным, на месте старинного святилища. Стела сделана из базальта; кругом разбросано много камней из того же материала; поверхность стелы — губчатая от множества впадин, местами сильно повреждена, левый край отломан. По верху ее с трех сторон идет как бы венчик, разделяемый на два выступа желобом, просверленным в центре лицевой стороны венчика. Боковые стороны несколько выступали крыльями за заднюю поверхность камня. Для надписи были использованы, кроме лицевой, также и боковые стороны (по крайней мере правая, сохранившаяся), причем первые три (?) строки написаны, повидимому, только на боковой стороне. Общая высота камня 48 см, ширина 34 см (по венчику 38 см), толщина в средней части ок. 10—16 см, длина бокового крыла 20—21 см, ширина ок. 10 см. Нижняя, возможно впускавшаяся в землю, часть имеет посредине толщину 6 см.

Сильно угловатые знаки очень потерты; ни один знак, как кажется, не сохранился полностью. Общий дуктус указывает, как кажется, на написание справа налево, поэтому возможно предполагать в тексте письменность на арамейской основе, однако в этом нет уверенности. Предположительно можно различить букву L в начале стк. 4 (на боковой стороне) и в стк. 1. Если отождествление правильно, то форма этого L отлична от L на стелах А и Б и близка позднепарфянским надписям, что указывает на сравнительно позднюю дату стелы. На то же указывает и буква типа «квадратного» В, различимая, повидимому, в стк. 1 и 2[2].

Ни одной из форм букв, известных нам по севанским стелам А и Б, на стеле В установить не удается. В целом стела В производит впечатление значительно более поздней. Новая находка в том же районе памятника такого же типа, что и стелы А и Б, но, повидимому, относящегося к другому времени, делает еще менее вероятным толкование Дюпон-Соммером стел А и Б как памятников случайных увеселительных экскурсий царя Артаксия. Однако пока трудно сказать что-либо определенное об этой третьей стеле, текст которой в настоящее время не может быть прочтен[3]. Новая находка заслуживает дальнейшего изучения.

И. М. Дьяконов
К. Б. Старкова

---

[1] Яркую аналогию изложенному, с точки зрения реабилитации закавказских исторических источников, мы видим в истолковании Армазской билингвы в работе Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тбилиси, 1941, стр. 68—70.

[2] Повидимому, в повторяющемся сочетании знаков.

[3] Сама подлинность текста В не может быть пока с бесспорностью установлена.

ПУБЛИКАЦИИ

СТЕЛА ГОКОНА

В конце мая 1953 г. машинист экскаватора Н. Г. Горбань, работая в песчаном карьере на территории предполагаемого некрополя Кеп[1], обнаружил на глубине около 5 м каменную плиту. Найденная стела поступила в Темрюкский районный краеведческий музей.

Надгробие высечено из плотного мелкозернистого известняка; оно отличается хорошим качеством отделки и превосходной сохранностью. Размеры стелы: высота с втулкой 1,36 м (втулка длиной 0,23 м), ширина 0,51—0,55 м (плита вверху несколько сужается), толщина 0,13—0,15 м.

Новая стела примечательна тем, что несет рельефные изображения на обеих сторонах. Таких надгробий известны лишь единичные экземпляры. В собрании Керченского государственного историко-археологического музея из 715 плит имеется только три подобных камня[2]. К двусторонним стелам относится интереснейшее надгробие фанагорийца Агафа, хранящееся в Москве в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина[3]. Другой особенностью новой стелы является то, что рельефы на обеих ее сторонах были высечены не одновременно и что при вторичном использовании камня старались сохранить первый рельеф. Это позволяет высказать предположение, что стела была использована в качестве надгробия для членов одного семейства из Кеп.

Судя по стилю, первым был выполнен рельеф с всадником (рис. 1). Он высечен в почти квадратной (0,44 × 0,45 — 0,46 м) нише (глубиной 2,6—3 см) высоким рельефом. Это превосходное реалистическое, с чертами традиционной торжественной героизации, изображение покойного в образе всадника, едущего вправо. Вся фигура всадника трактована с большой пластичностью и соразмерностью членов. Формы и линии его тела правильно прослежены, что свидетельствует о хорошем эстетическом вкусе, художественном мастерстве и знаниях мастера-ремесленника. Особенно тонко переданы контуры ног, туго обтянутых узкими шерстяными рейтузами[4]. Вероятно, для

---

[1] Относя данную находку к некрополю Кеп, мы исходим из того, что ряд исследователей (М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, П., 1925, стр. 261 и 272; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, 1949, стр. 203 и др.) помещают Кепы к северу от станции Сенной, в районе бывших хуторов Артюхова и Пивнева.

[2] Например, надгробие Каллисфении, жены Баста (инв. № К-2913), воспроизведенное во многих работах по Северному Причерноморью — В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 236—237; А. П. Иванова, Искусство аптичных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, стр. 163; G. Kiesecritzky—K. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, B., 1909, № 249 (далее сокращенно K—W).

[3] М. М. Кобылина, Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа, ВДИ, 1948, № 4, стр. 85.

[4] См. М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, т. I, СПб., 1914, стр. 327.

того, чтобы не нарушить рисунка ноги, мастер отказался от изображения короткого кинжала, который нередко помещался на правом бедре (см., например, К—W, № 579, 591, 599, 606, 619).

Голова повернутого в три четверти всадника, на удлиненной открытой шее, дана почти en face. Лицо, несомненно передающее черты индивидуальной портретности, представляет мужчину около 40 лет, с большими миндалевидными глазами, с густой шапкой волос, с короткой курчавой бородкой и усами.

Стремление к портретности сближает новую стелу с такими превосходными боспорскими надгробиями, как надгробие Астрагала начала II в. до н. э. (К — W, № 318), Хрисии, дочери Деметрия, начало I в. н. э. (К — W, № 500), фрагмент с изображением прощающейся четы (инв. № К-3077) в лапидарии Керченского музея.

Входя в группу лучших образцов реалистического портрета в монументальном искусстве Боспора, публикуемая стела приобретает тем большее значение, что является единственной по некоторым своим оригинальным особенностям. Героизированный всадник держит перед собой в седле две детские полуфигурки — мальчика и девочки. Они, очевидно, изображают детей погребенного, вероятнее всего, ранее умерших. На это указывает их рельефное изображение по пояс, что основывается на традиции воспроизводить бюсты покойных, выработавшейся в боспорской скульптуре еще в IV—III вв. до н. э. и восходящей к традициям античного искусства (см. А. П. Иванова, ук. соч., стр. 38).

Помещение мастером-ремесленником детей в седло всадника вносит в традиционные сюжеты и прочно сложившиеся канонические схемы боспорских надгробий нечто новое; таким приемом, очевидно, хотели передать отцовскую привязанность и любовь умершего к своим детям. Художника новой стелы не удовлетворили уже сложившиеся в I в. до н. э. скульптурные каноны, когда умерший часто изображался в кругу семьи, с женой и детьми (например К — W, № 417, 422, 423, 426, 439, 440). Его композицию можно рассматривать как известное обогащение приемов и средств в портретно-реалистических характеристиках покойных.

Это явление в искусстве небольшого боспорского городка следует связать с той тенденцией подъема, которая характеризует всю экономическую и культурную жизнь Боспора в I—II вв. н. э. В боспорской надгробной скульптуре этот период характеризуется такими чертами, как подчеркнутая героизация покойных путем изображения их в виде статуй всадников на пьедесталах (К—W, № 661, 686), неоднократное использование постаментов для изображения ранее умерших детей[1], введение собаки для большей героизации умерших мужчин[2], разработка анфемиев в богатых и усложненных растительно-орнаментальных формах (К — W, № 136, 137, 719 и т. д.).

Некоторым приближением к публикуемой стеле является надгробие Деметрия, сына Аполлония (I в. н. э.) из лапидария Керченского музея[3]. Здесь на массивном постаменте дано изображение мальчика в седле на коне[4].

По традиции всадник на новой стеле представлен без воинских доспехов и вооружения; лишь небольшой лук скифского типа в горите виднеется сзади за правым пле-

---

[1] А. П. Иванова, Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины, КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 23; К — W, № 214, 215, 251, 257, 271, 426, 693; В. В. Латышев, IOSPE, II, № 72, 249, 257; Н. П. Розанова, Неизданные надгробные стелы Таманского музея, ВДИ, 1951, № 3, стр. 92.

[2] К — W, № 561, 585, 604, 661, 678, 688; М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись..., стр. 178.

[3] См. А. П. Иванова, ук. соч., стр. 161, рис. 60. Не могу согласиться с автором, считающим высеченную фигуру изображением взрослого всадника. Напомню, что и В. В. Шкорпил считал, что здесь изображен мальчик (ИАК, вып. 63, 1917, стр. 114).

[4] К — W, № 215 и 257. Авторы истолковывают детские фигуры на постаментах как изображения ранее умерших.

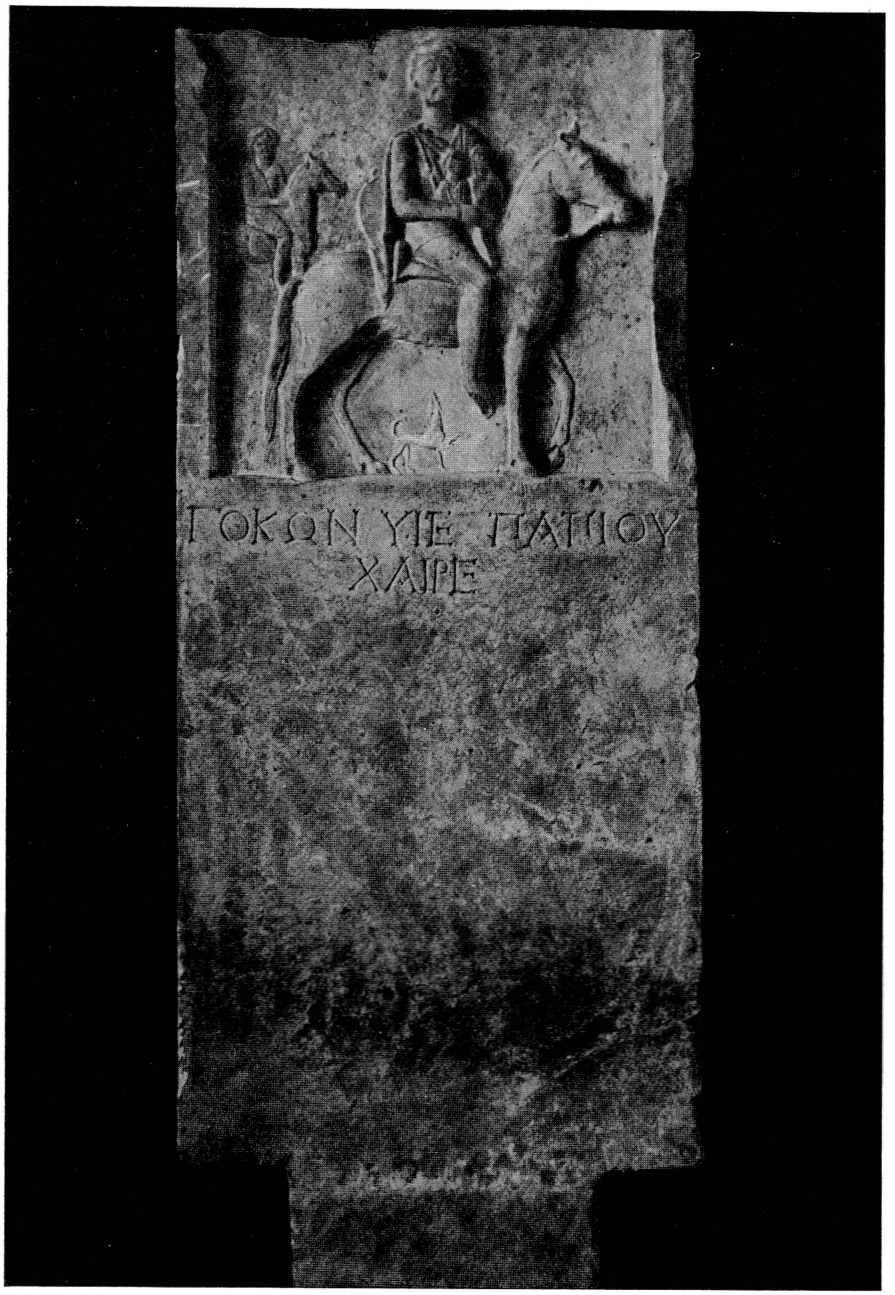


Рис. 1. Рельеф лицевой стороны плиты

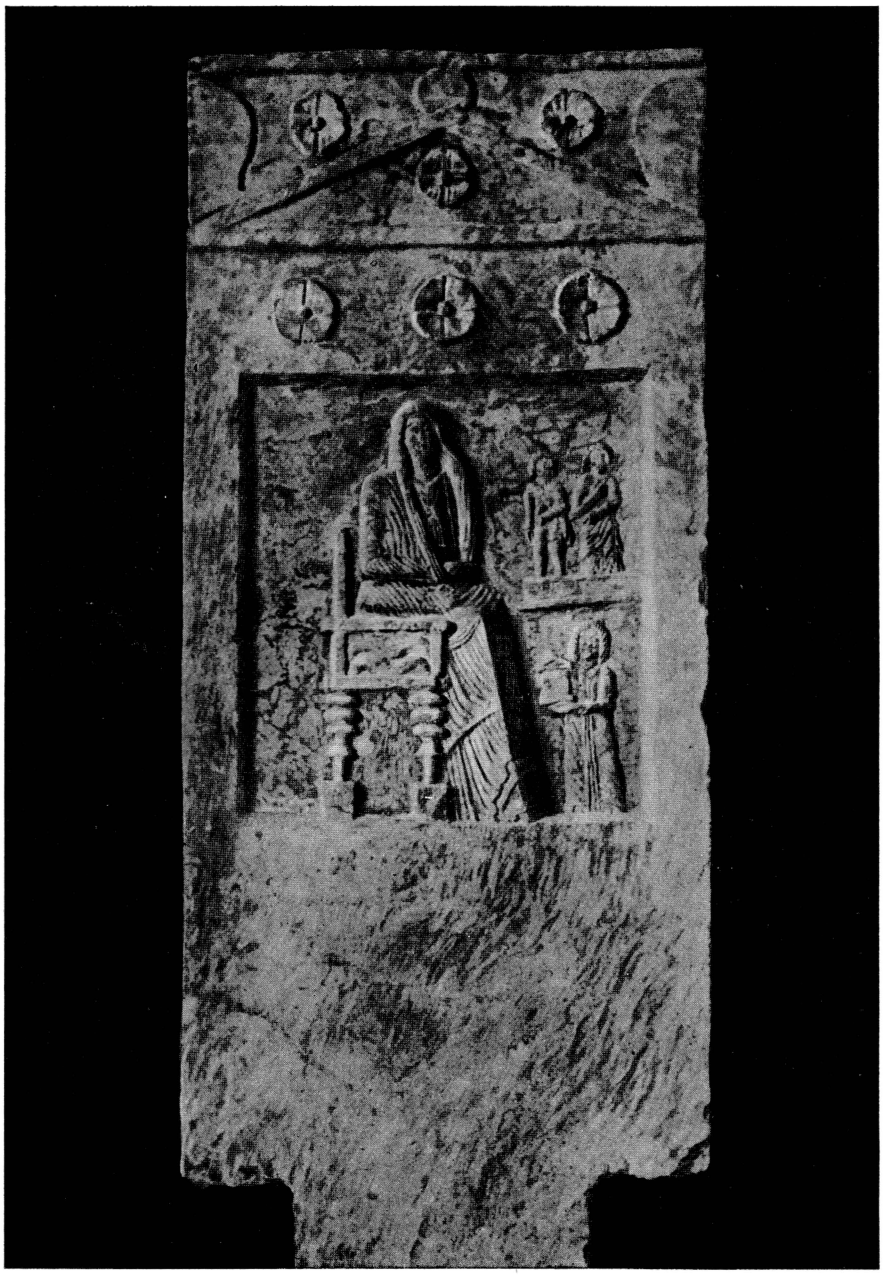


Рис. 2. Рельеф оборотной стороны плиты

чом. Интересно по своим необычным формам седло с высокими передней и задней луками и с отсутствием нижнего выступа для ног. Едва ли не единственной аналогией ему можно считать седло на рельефе стелы К — W, № 628. Характерно отсутствие трех ремней, свисающих из-под седла, которые изображены на большом количестве надгробий, найденных в гор. Керчи и ее окрестностях[1].

Как известно, эти ремни служили знаком высокого социального ранга[2]. Отсутствие данной детали, однако, еще не может служить доказательством того, что погребенный не принадлежал к боспорской знати. Возможно, у зажиточных обитателей Кеп, в отличие от жителей Пантикапея и Фанагории, не было в обычае иметь в составе сбруи такую принадлежность.

В костюме всадника наблюдается сочетание греческой и местной одежды: он одет в гиматий, укороченный для удобства при верховой езде и скрепленный фибулой на правом плече. Под плащом надета короткая куртка с длинными облегающими рукавами и облегающие шерстяные штаны (рейтузы). Складки верхнего одеяния спереди даны не пластичными, а условно-схематизированными линиями. Последние лучше всего соответствуют передаче героизированного облика умершего. Нужно отметить, что мастер проявил большое умение в показе торжественной величавости всадника.

Рельефное изображение коня трактовано в последовательно выдержанном реалистическом плане. Оно является одним из самых выдающихся в надгробной скульптуре Боспора по безупречной пластичности форм и линий, правильной пропорциональной соразмерности туловища, ног, шеи и морды, по точеной стройности конечностей. Грива коня подстрижена короткими городками. Следует особо отметить мастерство и наблюдательность мастера, высекавшего фигуру животного.

Образ коня получил особенно широкое распространение в надгробных боспорских рельефах при изображении героизированных умерших именно в I в. н. э. С конца этого столетия реалистическая трактовка коня уступает условно-стилизованной манере с чертами декоративной схематизации и плоскостности. Вместо тенденций пропорциональной соразмерности (правда, не всегда выдержанной до конца) возобладает и утверждается тенденция диспропорциональной геометризации. В конце I — начале II в. н. э. появляется серия изображений всадников с резким нарушением анатомических пропорций, с непомерно удлиненными «палкообразными» ногами животных и людей (см. К — W, № 574, 575, 626, 648, 650, 669, 725). В них ярко отражается процесс сарматизации, развивающийся в искусстве и укладе жизни Боспорского государства (В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 469—470).

Стиль изображения коня на публикуемой стеле позволяет отнести ее к I в. н. э. Наиболее близкими ее аналогиями являются надгробия К — W, № 599, 600, 608, 624, 628, 657. Все они датированы I в. н. э. Конь описываемой стелы Темрюкского музея имеет еще один признак, подтверждающий ее датировку I столетием н. э.,— движение тихой поступью[3]. Образ скачущего всадника характерен для более позднего времени — для II века н. э. Об этом свидетельствуют немногие дошедшие до нас стелы (лапидарий Керченского музея, инв. № 3134 и 3135; эти же плиты см. К — W, № 561 и 617). М. И. Ростовцев дает весьма правдоподобное объяснение причин, породивших тип спокойно шагающего или стоящего коня на боспорских надгробных рельефах

---

[1] К — W, № 575, 599, 600, 608, 614, 619, 622, 634, 657, 664 — 666, 668, 670, 675, 679, 680, 681, 683, 686; Ю. Ю. Марти, Новые эпиграфические памятники Боспора, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 79—80.

[2] М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись..., стр. 176 и 324; М. М. Кобылина, Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа, ВДИ, 1948, № 4, стр. 88.

[3] Н. Н. Бритова, Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора, КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 54.

фах I в. н. э., указывая, что это было время, когда жители Пантикапея вели сравнительно мирный образ жизни, не испытывая натиска причерноморских племен[1].

Фигура всадника на новом памятнике сопровождается фигурой другого всадника, помещенного на заднем плане в уменьшенном масштабе. Это слуга-оруженосец, скорее всего раб, изображение которого вводится в композицию надгробных рельефов для того, чтобы подчеркнуть высокое социальное положение умершего. «Вспомогательная» фигура также трактована в духе реалистического этнографизма. Слуга-оруженосец высечен в более низком рельефе, чем героизированный всадник и его конь; у него также непокрытая голова и курчавая шевелюра, но лицо безбородое; одет слуга в короткий кочевнический казакин, имеющий косой вырез под шеей спереди и скошенную линию бортов, и в узкие шерстяные рейтузы, которые облегают ноги. Оружия у него нет никакого. Мешковатая посадка слуги контрастирует с величаво-выпрямленной фигурой господина. Такое рельефное воспроизведение двух всадников — господина и слуги — имеет наиболее близкие аналогии в надгробиях К — W, № 618, 619, 622, 624, 627, 628, 633, 634, 635а, 639, 650.

Под лошадью главного всадника легчайшим рельефом обозначена фигурка собаки, тянущейся мордой вверх, с хвостом, поднятым крючком, и тоже поднятой одной передней лапой.

Фигурка собаки подкрепляет датировку рельефа I веком н. э., так как именно к этому времени относится подавляющее большинство надгробий с изображениями животного (К —W, № 561, 585, 591, 604, 661, 676, 688)[2]. Однако изображение собаки на новой стеле имеет некоторые отличия. Так, например, фигурка животного на стеле № 561 трактована грубо-натуралистичнее и примитивнее, на стелах № 585 и 591 — она более жизненна, на стеле № 661 — невыразительнее, натуралистично-непритязательнее. Фигурка животного публикуемой стелы отмечена большей жизненной непосредственностью и художественной выразительностью. В этом, так же как и в главных образах рельефа, проявились наблюдательность и художественное уменье мастера. Интересно применяемое им сочетание натуралистических черт со стилевыми приемами абстрактной геометрической схематизации. Последняя проглядывает в передаче контурных линий морды собаки с ушами острым равнобедренным треугольником, очертания которого напоминают наконечник стрелы. Можно указать еще на схематизированно-вытянутые линии пальцев руки всадника-господина и на неправомерно малую ладонь, как единственные детали, выполненные в стиле плоскостной декоративности и схематизированной условности, несколько противоречащем всему реалистическому характеру анализируемого надгробия.

Под рельефом всадника высечена надпись в две строки; высота букв — 3,2—3,5 см; «о» — заметно меньше — 2,7—2,8 см.):

Γόκων, υἱὲ Παπίου χαῖρε.

Имя Гокона уже встречалось в боспорской эпиграфике (например, К — W, № 165) так же как и сарматское имя Паппия (см. IOSPE, II и IV, Indices). Начертание букв также определяет данный памятник монументального искусства Боспора I веком н. э.

Повидимому, стела Гокона простояла сравнительно недолгое время и затем подверглась переделке — на обратной стороне плиты был высечен новый рельеф. При

---

[1] М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись..., стр. 179.

[2] В. В. Латышев также отмечает их в IOSPE, II, № 175, 258, 355. См. также надгробие Стратоника — В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, рис. 64. По суждению М. И. Ростовцева (ук. соч., стр. 178), фигурка собаки используется в боспорских надгробиях в качестве приема подчеркнутой героизации покойного, принадлежавшего к господствующим слоям рабовладельческого общества, тогда как В. Ф. Гайдукевич (ук. соч., стр. 386) рассматривает фигурку собаки как символ верности.

этом верх плиты был отбит, и таким образом погибло верхнее поле над рельефом всадника, несомненно имевшее украшение в виде фронтона.

Обратная сторона плиты сверху украшена карнизом и фронтоном с двумя громоздкими, округлыми в контурах акротериями по краям и небольшим аналогичным акротерием посредине, с двумя четырехлепестковыми розетками над покатостями имитируемой кровли храма и одной такой же розеткой посредине фронтона. Под последним размещены еще три розетки о четырех лепестках (рис. 2).

В почти квадратном углублении (высота 0,46 м, ширина 0,42—0,43 м) со скошенными гранями высечено рельефное изображение женщины. Она восседает в три четверти в традиционной величаво-торжественной позе с траурным канонизированным жестом — поднятой к щеке левой рукой. Широкое лицо en face с тяжелым подбородком и массивной шеей, с выпуклыми крупными глазами, очевидно, передает местный этнический тип. На голове покрывало, из-под которого выглядывает не то край головного убора, не то волосы. Покойная облачена в гиматий и хитон. Их многочисленные и частые ниспадающие складки прослежены не пластично-гармоническими линиями, а графически, схематично. Местами они переданы рядами параллелей. Такая трактовка одеяния вместе с позой возвышают образ покойной до полубогини. В религиозных представлениях боспорцев умерший, как известно, становился героем. Эти взгляды, естественно, отражали и художники, создававшие памятники надгробной скульптуры.

Героизированная покойная восседает на подушках в парадном кресле с прямой невысокой спинкой, прямоугольными подлокотниками и фигурными точеными ножками. Ногами она опирается на скамеечку. Графически изображенные ниспадающие складки длинных одеяний усиливаются линиями удлиненных размеров ног. Вместо ощущения живой телесной округлости женских колен и голеней на новом рельефе дана линейная прямая острая грань. Посредством ее боковая сторона рельефа — перед одеяния — переходит в его плоскость. Эта деталь принципиально отлична от пластично-объемных складок одежд сидящих женщин на аналогичных изображениях стел К — W, № 157, 160, 169, 171, которые датируются I веком до н. э. и началом I столетия н. э. Такая трактовка фигуры сидящей женщины связана с усилением сарматизации боспорского искусства. Сказанное побуждает нас отнести изображение оборотной стороны стелы к более позднему времени, чем рельеф передней стороны, а именно к концу I в. н. э.

Наиболее близкими аналогиями к анализируемому рельефу надгробия являются изображения стел из лапидария Керченского музея за инв. № 3032, 3045, 3090 (К — W, № 178 и 183).

На рассматриваемом рельефе перед женщиной стоит фигурка девочки-прислужницы в длинном одеянии, исполненная низким рельефом. В руках она держит сосуд с крышкой, повидимому шкатулку. Как известно, фигурка прислужницы в надгробных сюжетах вводилась ради передачи идеи обожествления покойницы-госпожи.

Над фигуркой прислужницы, на невысоком и широком постаменте, расположены две другие детские фигурки — мальчика и девочки. Они, очевидно, связаны с усопшей женщиной родственными узами и, вероятно являются ранее умершими. Правая рука мальчика опущена вдоль бедра, левая полусогнута, под плащом отчетливо видны рукава туземного казакина. У девочки левая рука расположена так же, но правая, согнутая в локте под острым углом, поднята вверх к левому плечу. Головы детей не покрыты, густые волосы, спускающиеся ниже висков у мальчика и до плеч у девочки, показаны схематизированно. В чертах лиц, особенно носа, имеет место обобщенность с элементами геометризации, складки одежд трактованы в небрежно схематизированной, условной манере. Надгробные рельефы с такими детскими фигурами на постаментах по преимуществу относятся к I — началу II в. н. э.

Новооткрытая двусторонняя стела, поступившая в Темрюкский краеведческий музей, представляет собой интереснейший памятник того своеобразного искусства Боспора, которое сложилось в процессе взаимодействия эллинской и местной культуры. В этом надгробии ярко отразилось творческое восприятие античной традиции с ее пластически-объемными формами и линиями в сочетании с тенденциями плоскост-

ной и условно-схематической «варварской» трактовки, этнографический натурализм и реализм индивидуального портрета боспорцев с чертами нарастающей геометризации, связанной с сарматским воздействием.

Образ героизированного всадника-воина обогащен необычной для боспорской надгробной скульптуры деталью, передающей в личности покойного качества отца.

Нам кажется, что стела Гокона и безымянной женщины представляет немалый интерес для истории боспорской культуры сарматского времени.

Б. А. Шляев

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА БАЗЕ СТАТУИ ИЗ ОЛЬВИИ

В Киевском государственном историческом музее хранится значительный обломок белого мрамора (рис. 1), найденный во время раскопок 1938 г. в Ольвии в так называемом Нижнем городе на участке НГ кв. 42, на юг от кладки № 3, как значится в полевой описи, находящейся в Институте археологии АН УССР.

Обстоятельства находки камня не дают возможности отнести его к какому-нибудь известному комплексу. Теперь плита имеет форму, приближающуюся к прямой трехугольной призме, на наименее поврежденной боковой поверхности которой сохранилось десять строк греческой надписи. Сторона с надписью оббита со всех сторон, за исключением части верхней грани, и имеет в ширину 0,34 м, а в высоту приблизительно 0,25 м. На верхней плоскости камня (на левой грани, образованной линией разлома) имеется правильной формы неглубокая круглая выбоина (диаметром 0,02 м, глубиной 0,06 м), отстоящая от края лицевой стороны на 0,145 м. Наличие такой выбоины и вся форма камня заставляют думать, что данный обломок является частью мраморной базы какой-то бронзовой статуи, некогда поставленной в Ольвии[1].

В теперешнем своем состоянии надпись на базе читается следующим образом:

[...] ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡ...]
[Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ?]

	[ΚΑΙ ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ		ΛΕΩΚΡΑΤ[Η]Σ	Ι[ΠΠΟΚΡΑΤΕΟΣ?]
	[ΕΥ]ΡΗΣΙΒΙΟΣ	ΛΕΩΚΡΑΤ[Ε]ΟΣ	ΗΡΑ[Γ]ΟΡΗ[Σ]	ΠΡΑ[ΞΑΓΟΡΕΩ?]
5.	[ΠΟ]ΛΥΚΡΑΤΗΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΑΡΡΕΝΕΙΔΗΣ	[.....]
	[ΠΟ]ΛΥΜΗΔΗΣ	Λ[Ε]ΩΚ[Ρ]ΑΤΕ[Ο]Σ	ΕΥΜΕΝΗΕΣ	ΛΕ[ΩΚΡΑΤΕΟΣ]
	[ΠΟΛ]ΥΣΤΡΑΤΟΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΣ	Ε[ΥΡΗΣΙΒΙΟΥ?]
	[ΠΟΛΥ]ΧΑΡΜΟΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΛΕΩΠΡΕΠΗΣ	ΕΥ[ΡΗΣΙΒΙΟΥ?]
	[ΠΟΛΥΔ]ΗΜΟΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΣΥΡΙΣΚ[ΟΣ]	[.....]
10.	[ΠΟΛΥΜΕΔ]ΩΝ	ΛΕΩΚΡΑΤ[ΕΟΣ]	[.....]	[.....]

Шрифт этой надписи — простой и довольно правильный, не имеющий каких-либо выдающихся особенностей.

Буква Π здесь с правой ножкой короче левой, т. е. той формы, которая на аттических надписях встречается с начала IV в. до н. э. и до начала I в. н. э. Буква Σ еще архаической формы, но из тех, которые дольше других были в употреблении (с параллельными, считая сверху, 1-й и 3-й, 2-й и 4-й чертами). Ей соответствует и форма буквы Μ (которая на аттических надписях была до I в. н. э.)[2]. Буква Ω — средней величины и той формы, которая встречается на аттических

[1] Относительно других баз статуй из Ольвии см. IOSPE, I², № 186—192, 196, 198—200.

[2] В буквах Μ и Σ внешние наклонные черточки заметно длиннее внутренних приблизительно 3 : 2).

Обломок базы статуи с надписью

надписях середины IV в. до н. э. и до середины II в. н. э. (дуга ровно на полкруга или немного больше полукруга с двумя короткими черточками, которые как бы являются продолжением диаметра за кругом). Буквы А, Δ и Λ точно соответствуют друг другу и все представляют одинаковые равнобедренные треугольники. Буква Е имеет такие пропорции, что верхняя горизонтальная черточка равняется отрезку вертикальной черточки от верха до средней горизонтальной, причем средняя и нижняя горизонтальные немного меньше верхней горизонтальной (особенно во второй строке). Буква Т имеет горизонтальную черточку несколько длиннее вертикальной. Буквы В и Р точно соответствуют друг другу, причем верхняя дуга делит вертикальную черточку на две почти равные части. Буква К имеет наклонные черточки такие, что каждая из них равняется половине вертикальной черточки (внутренний угол почти 90°, внешние по 45°). Буква Υ имеет вполне обычную форму. Буква О представляет вполне правильный круг и по величине несколько меньше прочих букв (кроме Ω). Расположение букв по большей части — στοιχηδόν, особенно в 3—10-й строках. Высота букв в 1—2-й строках — 0,02 м (расстояние между ними 0,04 м), а во всех прочих строках — 0,01 м.

Значительные утолщения букв отсутствуют, но у большинства букв хорошо заметны поперечные «украшающие» черточки (так называемые апексы), которые часто встречаются в лапидарных надписях, начиная с 200 г. до н. э.

Итак, из 24 букв «ионийского» алфавита в сохранившемся тексте имеется 19, т. е. все за исключением Γ, Ζ, Ξ, Φ, Ψ. Указанные выше особенности шрифта дают возможность установить для данной надписи очень широкие хронологические пределы: IV—III вв. до н. э. Но, учитывая тенденцию украшать буквы дополнительными черточками, эти пределы можно сузить до одного III в. до н. э.

Восстановить первоначальные размеры надписи, учитывая ее теперешнее состояние, дело весьма не легкое. Во всяком случае несомненно, что надпись продолжалась направо, по крайней мере на расстояние 10 букв. Это пространство было заполнено отчествами при именах: ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ (стк. 3), ΗΡΑΓΟΡΗΣ (стк. 4), ΑΡΡΕΝΕΙΔΗΣ (стк. 5), ΕΥΜΕΝΗΣ (стк. 6), ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΣ (стк. 7), ΛΕΩΠΡΕΠΗΣ (стк. 8) и ΣΥΡΙΣΚΟΣ (стк. 9).

Для понимания содержания памятника нужно было бы восстановить прежде всего первую строку надписи, где сохранилось всего пять букв: . . . ΥΣ ΣΩΤ . . . Нет сомнения только в том, что последние три буквы относились к какой-то форме слова ΣΩΤΗΡ. Менее вероятным представляется то, что они составляли начало слова ΣΩΤΗΡΙΑ. Последнее слово встречается в посвятительных надписях, но с предшествующим предлогом или с предшествующей формой родительного падежа (например, ὑπὲρ σωτηρίας, ὑπὲρ τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας и т. п.). Не забудем и о третьей возможности: здесь могло быть еще слово (τὰ) σωτήρια «награда за спасение» (ср., например, τὰ ἐλευθέρια «награда за освобождение»).

Гораздо труднее, чем для букв ΣΩΤ . . . (которые мы склонны считать началом слова σωτήρ), установить, к какой форме и какого слова относились буквы . . . ΥΣ первой строки. Можно представить не меньше пяти вариантов восстановления первой строки, хотя все они не вполне удовлетворяют нас:

1) [ΖΕ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡ]
2) [ΤΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΑΣ]
3) [ΘΕΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΑΣ]
4) [ΗΡΑΚΛΕΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΟΣ]
5) [ΙΕΡΕ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΟΣ] или ΣΩΤ[ΗΡΩΝ].

Рассмотрим сперва одновременно второй и третий варианты. Принимая одно из этих чтений, мы тем самым предполагаем, что содержание первой строки было связано с культом θεοὶ Σωτῆρες, т. е. Диоскуров. Возможно, что в Ольвии существовал культ Диоскуров, хотя прямых свидетельств о его существовании пока нет[1].

[1] Г. М. Гирст, Ольвийские культы, ИАК, вып. 27 (1908), стр. 75—144; о культе Диоскуров — стр. 132.

Вполне понятно, что не исключается возможность иного толкования предложенных здесь второго и третьего вариантов. Так, например, τοὺς σωτῆρας могло относиться не только к Диоскурам, но и к другим неизвестным нам героям или героизованным мифическим и историческим предкам, архегетам, ктистам, ойкистам (см. ниже), каким-нибудь правителям, властителям, архонтам. Наряду с чтением θεοὺς σωτῆρας, конечно, нельзя исключить и вариант θεοὺς σωτηρίους, хотя его смысл так же неясен, как и третьего варианта.

Кроме Диоскуров, сочетание слов θεοὺς σωτῆρας могло относиться и к иным богам, имена которых в таком случае предшествовали бы названным словам. Однако этому предположению противоречит отсутствие места на поверхности плиты.

Иное возможное чтение (вариант 1) — ΖΕΥΣ ΣΩΤΗΡ, хотя и оно вызовет возражения. Можно указать прежде всего, что для начала надписей эллинистического времени нехарактерно употребление именительного падежа, к тому же не связанного со всем содержанием эпиграфического памятника. В архаическую и классическую эпохи можно найти примеры такого употребления[1].

Другое дело, если бы здесь стоял дательный или винительный падеж: ΔΙΙ ΣΩΤΗΡΙ, ΔΙΑ ΣΩΤΗΡΑ. В таких случаях связь этих форм с текстом надписи была бы понятной (см. IOSPE, I², № 25, 161, 162 — дательный падеж в надписях из Ольвии, также № 438 из Херсонеса; IOSPE, II, № 29 из Пантикапея; ср. еще CIG, I, № 157, 246; II, 1798, 1799, 2084, 2525, 2852 и др.; родительный и винительный — не так часто).

О возможности употребления сочетания слов Ζεὺς Σωτήρ как сакральной формулы в начале надписи даже в позднейшее время свидетельствует надпись CIG, III, № 5852. Эта сакральная формула в названной надписи является частью boni eventus apprecationis: [ΑΓ]Α[Θ]ΗΙ ΤΥΧΗΙ, ΖΕΥΣ ΣΩΤΗΡ, по примеру обычного для неаттических надписей упоминания θεός (также в сочетании с Τύχη ἀγαθή в именительном, дательном и винительном падежах).

Такая сакральная формула, очевидно, не была чем-то исключительным в эпиграфических памятниках разных времен и стран, а поэтому можно считать, что наличие ее не исключается и на данном мраморном фрагменте. Для восстановления остальной части текста данной надписи чтение первой строки [Ζε]ὺς Σωτ[ήρ] представляет несомненные удобства, так как 1) в первой строке восстанавливаются на основании этой рабочей гипотезы только две начальные буквы слова Ζεύς, а что касается восстановления двух последних букв слова Σωτήρ, то наличие их не подлежит сомнению; 2) относительно двух столбцов с личными именами и отчествами (стк. 4—10) слова первой строки занимали бы, как и следовало ожидать, центральную позицию.

Однако не совсем понятным при таком допущении остается взаиморасположение первой и второй строк: под девятью буквами первой строки во второй строке должны были помещаться, как мы увидим ниже, по крайней мере восемнадцать букв. Учитывая заметное стремление резчика располагать буквы одну под другой, надо думать, что под двумя буквами первой строки во второй высекали три буквы. Однако расстояние между буквами предполагаемого слова Ζεὺς должно было быть меньше расстояния между буквами слова Σωτήρ, как это станет понятным из восстановления второй строки.

Так как все края надписи, кроме верхнего, не сохранились, для восстановления ее содержания очень важно установить, где была средняя вертикальная линия, т. е. линия, приблизительно делившая ее на две половины, левую и правую. По всей видимости, эта средняя вертикаль проходила между буквами Σ и Ω первой строки, Р и Н второй строки и после отчества Λεοκράτεος первого столбца имен всех прочих сохранившихся строк.

---

[1] Ср., например, формы ΘΕΟΣ и ΘΕΟΙ в начале надписей — F. Solmsen, Inscriptiones Graecae ad inlustrandas dialectos selectae, Lipsiae, 1910, № 16, 33. 34, 43.

Это подтверждается таким распределением букв в сохранившихся 4—10-й строках[1] в обоих столбцах:

стк. 4—20 (10 + 10) и 18 (8 + 10!)
стк. 5—20 (10 + 10) и ? (10 + ?)
стк. 6—19 (9 + 10) и 17 (7 + 10!)
стк. 7—21 (11 + 10) и 20 (10 + 10!)
стк. 8—20 (10 + 10) и 19 (9 + 10!)
стк. 9—19 (9 + 10) и ? (8 + ?)
стк. 10—19 (9 + 10) и ? (? + ?)

Над вторым столбцом четвертой строки было (в третьей строке): ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ Ι[ΠΠΟΚΡΑΤΕΟΣ ?], т. е. 20 (9 + 11?).

Таким образом, для первой и второй строк симметрии, вероятно, не требовалось, а в третьей ее, повидимому, совсем не было. Понятно, что признание именно двух столбцов собственных имен, а не большего числа, остается рабочей гипотезой.

Если можно полагаться на сделанную нами попытку установить среднюю вертикаль, то сторона мраморной плиты с надписью не была (сравнительно с прочими известными нам базами статуй и похожими на них плит) очень большой: ее длина видимо, не превышала 0,60 м[2].

Для второй строки мы предлагаем чтение: 1) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ]. Прежде чем остановиться на таком чтении, мы должны были отвергнуть варианты: 2) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΝ τοῦ δεῖνος]; 3) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΥ] и 4) [Ι]ΕΡΕΙΣ, ΕΥΡΗΣΙΒ-[ΙΟΣ τοῦ δεῖνος], за которыми в третьей строке восстанавливалось [ΚΑΙ ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ.

В древнегреческой ономастике известно много собственных имен с конечной составной частью -βιος (ср., например, Ἀλεξίβιος, Ἀλκίβιος, Ἀναξίβιος, Ἀντίβιος, Ἀριστόβιος, Ἀρχέβιος, Ἀρχίβιος, Ἐργόβιος, Ἑρμόβιος, Εὔβιος, Εὐρύβιος, Ζηνόβιος, Καλλίβιος, Κτησίβιος, Λυσίβιος, Μητρόβιος, Οἰνόβιος, Ὀρεσίβιος, Πολύβιος, Ῥηξίβιος, Στησίβιος, Σωσίβιος, Ὑπέρβιος. От некоторых из них были образованы производные имена с патронимическим суффиксом -(ι)άδης, например Ἀλεξίβιος — Ἀλεξιβιάδης, Ἀλκίβιος — Ἀλκιβιάδης, Ἀρχέβιος или Ἀρχίβιος — Ἀρχεβιάδης или Ἀρχιβιάδης, Πολύβιος — Πολυβιάδης. Нам представляется вполне правдоподобным, что от весьма распространенного в Ольвии собственного имени Εὐρησίβιος (Гевресибий, Эврисивий или Еврисивий) могло существовать производное Εὐρησιβιάδης и соответствующее ему название какого-то рода или семьи Εὐρησιβιάδαι, каковы, например, имена известных аттических жреческих родов Βουτάδαι и Εὐμολπίδαι.

Если предложенное нами чтение второй строки «жрецы Гевресибиады (*или* Эврисивиады)» можно считать верным, то из него вытекают такие выводы:

1) в городе Ольвии IV—III веков до н. э. существовали жрецы Гевресибиады; 2) этот жреческий род должен был вести свое начало от какого-то исторического или мифического Гевресибия; 3) возможно, что в связи с этим существовал и местный культ родоначальника Гевресибиадов (ἥρως ἀρχηγέτης), 4) возможно, что с существованием Гевресибиадов связано широкое распространение в Ольвии собственного имени Гевресибий, о котором свидетельствуют эпиграфические памятники.

Наряду с вариантом [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ] необходимо принять во внимание второй вариант, а именно: [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΝ] — дальше πατρωνυμικόν и подразумевая ἀνέθεσαν, ἀνέθηκαν или ἀνέστησαν.

Этот последний вариант второй строки можно связать с указанным выше чет-

---

[1] Здесь вопросительный знак обозначает неизвестное количество, а восклицательный — восстанавливаемое количество.

[2] Ср. IOSPE, I², № 186 (в. 0,28 × д. 0,69 × ш. 0,58), 188 (в. 0,23 × д. 0,75 × ш. 0,68), 189 (в. 0,32 × д. 0,85 × ш. 0,70), 190 (в. 0,36 × д. 1,35 × ш. 0,99), 191 (в. 0,35 × д. 0,71 × ш. 0,71), 192 (в. 0,36 × д. 0,73 × ш. 0,675).

вертым вариантом чтения первой строки; тогда обе первые строки надписи читаются так:

1. [Ἡρακλέο]υς Σωτ[ῆρος
2 ἱ]ερεῖς Εὐρησίβ[ιον τοῦ δεῖνος]...

Недостатком этого варианта надо признать то, что он плохо согласуется с чтением третьей строки: [καὶ θι]ασῖται.

Рассмотрим еще такие варианты этой строки, как: 3) [I]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ [ΙΟΥ] и 4) [Ι] ΕΡΕΙΣ, ΕΥΡΗΣΙΒ [ΙΟΣ] . . .

Представленный здесь третий вариант был бы возможным при условии существования в Ольвии до сих пор неизвестного местного культа какого-то Гевресибия. Однако вполне сомнительной остается возможность существования жрецов героя как особой коллегии, а что в данной надписи речь идет о коллегии — это безусловный факт. Характерной чертой культа героев была их связь с официальными культами государственной религии (ср., например, надпись на мраморном кресле в театре Диониса в Афинах, CIG, III, 290: ἱερέως Ἀνάκων καὶ ἥρωος ἐπιτεγίου).

Отвергая упомянутые здесь варианты: третий (из-за того, что существование «жрецов Гевресибия» весьма сомнительно) и четвертый (из-за того, что связь слов «жрецы, Гевресибий . . .» со словами прочих строк остается непонятной), мы имеем право на основании принятого нами первого варианта («жрецы Гевресибиады») высказать мысль о возможности существования в Ольвии местного родового культа героя — архегета Гевресибия.

Ответ на вопрос, какому божеству государственной религии служили упомянутые здесь жрецы, очевидно, надо было бы искать в первой строке, чтение которой представляется весьма затруднительным.

У Плутарха в биографии Арата (LIII, 2—3) можно найти ценное указание на связь культа героизованного умершего с культом Зевса Сотэра, причем и самый праздник в честь героя назывался «сотериями» (τὰ σωτήρια). На основании этого места и возможного чтения первой строки (ΖΕΥΣ ΣΩΤΗΡ) данной надписи представляется вероятным, что названные здесь жрецы Гевресибиады служили именно Зевсу Сотэру, с культом которого они соединяли почитание своего родоначальника Гевресибия.

Собственное имя «Гевресибий» или «Эврисивий» (Εὐρησίβιος) хорошо известно из ольвийских эпиграфических памятников[1], а также после открытия Б. В. Фармаковским в 1901 г. склепа Гевресибия и Ареты на территории древней Ольвии за Северной балкой[2]. Факт довольно значительного распространения этого имени в Ольвии достаточно убедительно истолкован Б. В. Фармаковским (ук. соч., стр. 16—17): «Что Евресивий принадлежал к древней аристократической фамилии Ольвии, с большою вероятностью можно вывести из его имени и имен его отца и тестя (Каллисфена и Папия.— *А. Б.*). Известно, что у древних греков в каждом роде одни и те же имена переходили по наследству от одного поколения к другому. Имя Εὐρησίβιος в Ольвии встречается неоднократно».

Понятно, что о культе Гевресибия, родоначальника жрецов Гевресибиадов, можно говорить лишь в том случае, если не считать само имя Εὐρησίβιος эпитетом (πρόσκλησις) какого-нибудь уже известного эллинского божества. Известно, что Ζεὺς Σωτήρ был связан с олимпийскими (τὰ Ὀλύμπια) и немейскими (τὰ Νέμεια или Νέμεα) празднествами, которые устраивались в его честь. Среди эпитетов Зевса был и такой, как Εὑρέσιος (Juppiter Inventor, ср. также Εὑρεσίτεχνος, Orphica, 32, 14). Однако из са-

[1] Ср. IOSPE, I², № 39, 83, 101, 105, 106, 130, 131, 134, 151, 155, 175, 187, 201 (несколько раз), 209.

[2] Б. В. Фармаковский, Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, ИАК, вып. 3 (1902), стр. 1—20. Там упоминается граффито с именем Гевресибия на килике начала IV в. до н. э.— см. И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.—Л., 1953, № 44: ΕΡΜΕΩ ΕΥΡΗΣΙΒΙΟ.

мого текста публикуемой надписи очевидно, что Εὐρησίβιος не могло здесь быть эпитетом Зевса, если раньше это божество уже было названо [ΖΕ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡ].

С этой же основой существовало прозвище Зевса Εὐρέσιος (Dionysii Halicarn., Rom. ant., I, 39). В связи с этим стоит отметить, что и само имя Εὐρησίβιος могло быть одним из эпитетов названного божества, хотя прямых свидетельств об этом у нас нет [1].

В третьей строке наиболее интересным представляется упоминание о фиаситах, т. е. членах какого-то общества или корпорации. Такое упоминание мы находим здесь впервые в ольвийских надписях. Сохранившееся сочетание букв . . . ΑΣΙΤΑΙ в третьей строке, вероятно, нельзя иначе дополнить, чем [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ, т. е. θιασῖται. Неясным остается, что̀ именно предшествовало здесь в надписи слову θιασῖται, так как представляется неестественным, чтобы оно непосредственно следовало за словами [ἱ]ερεῖς Εὐρησιβ[ιάδαι].

Вследствие невозможности точно установить первоначальные размеры надписи трудно также ответить на вопрос, могли ли поместиться перед словом [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ слова . . . καὶ οἱ λοιποί, обычные на боспорских (пантикапейских, фанагорийских, танаитских) памятниках позднейшего времени [2].

Заслуживает обсуждения также вопрос о размещении слов в этой строке: почему рядом с упомянутым названием корпорации в этой же строке на расстоянии приблизительно 0,15 м оказалось собственное имя ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ [ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΥ?]? Не связано ли это с тем, что налево от столбца, который в четвертой строке начинается именем [ΕΥ]ΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ, существовал еще один столбец собственных имен с отчествами? В таком случае слово θιασῖται должно было стоять в центре этой строки, а пробелу справа должен был соответствовать пробел слева. Этот вариант композиции надписи означает увеличение числа членов фиаса по крайней мере на одну треть. Однако пока что в этой строке мы не можем с уверенностью ничего восстановить, кроме слова θιασῖται и собственного имени Λεωκράτης.

Вполне правдоподобно, что упомянутые здесь ольвийские фиаситы очень мало общего имеют с хорошо известными в гораздо более позднее время боспорскими фиаситами или фиасотами [3]. Если боспорские фиаситы были, очевидно, весьма своеобразным общественным явлением в Северном Причерноморье в позднейшую эпоху, то упоминаемые в публикуемой надписи наряду со жрецами фиаситы, конечно, были гораздо ближе к собственно эллинским фиаситам, т. е. к членам возглавляемых жрецами религиозных коллегий [4].

Можно быть вполне уверенным в том, что в данной надписи речь идет об определенной организации (коллегии, корпорации или обществе) ольвийских граждан, а не о случайной группировке людей, для обозначения которой иногда употреблялось слово θιασώτης, как, например, у Ксенофонта (Conv., 8, 1).

Вопрос об упоминаемых здесь фиаситах безусловно заслуживает более подробного обсуждения, чем это возможно в пределах данной статьи, задачей которой является публикация эпиграфического материала и лишь краткое комментирование его. Мы хотели бы прежде всего обратить здесь внимание исследователей на значение, которое имеет для истории города Ольвии это первое, насколько нам известно, упоминание о фиаситах наряду со жрецами (Гевресибиадами?). Есть основание предполагать, что фиас, о котором здесь идет речь, был замкнутой аристократической организацией. Само ее существование подтверждает обострение социального антагонизма в Ольвии раннеэллинистического периода.

[1] Ср. Juppiter Inventor (Bruchmann, Epitheta deorum, приложение к W. H. Roscher. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie).

[2] Варианты этой формулы в IOSPE, II, № 19 и 455; 63, 441—443, 445—448, 451 и 454; 389, 438 и 460.

[3] Н. И. Новосадский, Боспорские фиасы, «Труды секции археологии РАНИОН», III, 1928, стр. 55—68.

[4] C. Daremberg et E. Saglio, Dictionnaire des antiquités, s. v. Thiasus.

В последующих строках надписи, от четвертой до десятой, обращает на себя внимание присутствующее в левом столбце в качестве отчества имя Леократа, повторенное семь раз, встречающееся также в третьей строке и, возможно, еще в правом столбце, в шестой строке (ΕΥΜΕΝΗΣ ΛΕΩ . . .). Вероятно, такое повторение упомянутого имени объясняется не тем, что в надписи речь шла о сыновьях одного и того же ольвиополита Леократа, а скорее тем, что перечисленные здесь лица принадлежали к одному и тому же замкнутому аристократическому коллективу в качестве жрецов и фиаситов.

Несомненный интерес представляет имя первого лица в левом столбце списка стк. 4: Гевресибий Леократа. Подобное сочетание имеется в большом списке граждан Ольвии — IOSPE, I², № 201, стк. 1. Имя Εὑρησίβιος выступает в названном каталоге еще два раза в других сочетаниях: I стб., стк. 45 и II стб., стк. 32. Там же находим имя Λεωκράτης еще в сочетаниях с именем ΠΟΛΥΜΕΔΩΝ (I стб., стк. 39 и 62).

Каталог IOSPE, I², № 201 имеет большое значение для публикуемой надписи не только в связи с наличием в нем сочетания имен «Гевресибий Леократа», но и потому, что на обоих памятниках высечены подобные в отношении содержания надписи (перечень имен какой-то общественной организации), а также в связи с проблемой датировки названных памятников. В. В. Латышев считал непонятным назначение ольвийского каталога: «Жаль, что в перечне нет ничего, дающего возможность точнее определить его характер и происхождение; я не останавливаюсь на догадках, которые легко могут возникнуть у каждого» (IOSPE, I², 201).

Среди надписей с перечислением собственных имен из Северного Причерноморья имеются (кроме хорошо сохранившихся посвятительных надписей с именами архонтов и стратегов, агонистических каталогов и упомянутых выше боспорских списков фиаситов) каталоги, значение которых остается пока неизвестным, как отметил еще В. В. Латышев относительно большого списка имен из Горгиппии (IOSPE, II, 402): «Эта надпись и непосредственно следующие за ней являются списками имен, составленными неизвестно для чего».

В отличие от этих списков назначение нового ольвийского списка определяется словами ἱερεῖς и θιασῖται. Не исключена возможность, что и среди списков неопределенного назначения были подобные ему.

Мы не берем на себя смелости утверждать на основании совпадения нескольких имен, что упомянутый каталог (IOSPE, I², 201) хронологически близок к публикуемому памятнику. Однако следует напомнить, что В. В. Латышев в отношении датировки связывал названный каталог с другими памятниками, хронологически недалекими[1] от рассматриваемого здесь. Из этих памятников стоит упомянуть знаменитую псефизму в честь Протогена, надпись Клеомброта, сына Пантакла, с посвящением башни Гераклу, его же надпись о строительстве пилона и одного прясла стены, надписи с посвящением Гевресибия, сына Деметрия, Зевсу Басилевсу, с посвящением Пантакла, сына Клеомброта, Гераклу, с посвящением Дионисия (отца Агрота и Посидея) Аполлону Дельфинию (IOSPE, I², № 32, 179, 180, 187, 188, 189).

Надписи IOSPE, I², № 188 и 189 вырезаны на базах статуй. На них еще сохранились по два круглых отверстия для ног бронзовых статуй. Безусловно заслуживает внимания и то обстоятельство, что надписи IOSPE, I², № 179, 187, 188, 189, как

[1] Конечно, насколько можно судить по формальным признакам. Позволим себе сослаться на тот же авторитет: «Нам остается еще поставить вопрос о времени памятника, который тем более сложен, что некоторые другие памятники теснейшим образом с ним связаны и прежде всего следующий здесь по номеру памятник, о котором поэтому можно думать, что он возведен этим же Клеомвротом. Сам шрифт надписи таков, разумеется, который без труда может быть отнесен к IV в. до н. э. и настолько похож на следующий, т. е. на шрифт декрета в честь Протогена (32), что вполне можно подумать, будто бы оба вырезаны одним и тем же резчиком, если исключить то, что 180 букв этой надписи вырезаны гораздо бо́льшим резцом, а буквы M и Π имеют более древние формы» (IOSPE, I², 179).

и рассматриваемая здесь, связаны с культами богов — Геракла, Аполлона Дельфиния и Зевса Басилевса.

В начале седьмой и восьмой строк нам представляется возможным восстановить имена [ΠΟΛ]ΥΣΤΡΑΤΟΣ и [ΠΟΛ]ΥΧΑΡΜΟΣ по аналогии с пятой и шестой строками, где единственным возможным чтением является [ΠΟ]ΛΥΚΡΑΤΗΣ и [ΠΟ]ΛΥΜΗΔΗΣ. Имя Πολύχαρμος встречается также в IOSPE, I², 32, A, стк. 15. Если считать доказанным наличие в начале первого столбца рассматриваемой надписи четырех таких составных имен, как Πολυκράτης, Πολυμήδης, Πολύστρατος, Πολύχαρμος, обнаруживающих стремление резчика поместить одно под одним собственные имена с компонентом πολυ-, то на этом основании можно приступить и к восстановлению имен в начале двух последних сохранившихся строк.

В девятой строке мы предлагаем читать [ΠΟΛΥ]ΔΗΜΟΣ, а в десятой — [ΠΟΛΥ-ΜΕ]ΔΩΝ. В девятой строке может показаться сомнительным имя *Πολύδημος (оно, повидимому, не засвидетельствовано в известных документах). Однако при восстановлении его можно сослаться на вторичное, производное от него Πολυδᾱμίδᾱς (спартанец у Фукидида), на основании которого предполагается существование соответственного первичного *Πολύδᾱμος и ион. аттич. *Πολύδημος. Кроме соображений, связанных с пространством, на котором должно было поместиться названное имя, мы здесь полагались на подмеченное стремление составителя или резчика поместить в начале первого сохранившегося столбца имена с составной частью πολυ- (в 5—10-й строках).

Надо признать, что для восстановления в начале десятой строки имени Πολυμέδων не очень много оснований. Для восстановления этого последнего мы пользовались аналогией с IOSPE, I², 201, I стб., стк. 39, где находится Πολυμέδων Λεοκράτους. На исследуемом памятнике хорошо сохранились только две последние буквы предполагаемого имени Πολυμέδων, но рядом с ними вполне ясно можно различить поврежденную букву Δ. Греческих имен с окончанием -δων не так уж много, а по расположению имен в данной надписи здесь должно быть восстановлено не простое (ср. Κέρδων, Φαίδων), а составное из двух основ собственное имя. Среди таких имен сравнительно много со второй частью — μέδων (ср. Ἀλκιμέδων, Ἀμφιμέδων, Ἀντιμέδων, Ἀριστομέδων, Αὐτομέδων и т. п.). Следовательно, восстановление здесь имени с сохранившимся окончанием -δων, как содержащего во второй части компонент -μέδων, является довольно вероятным.

Меньше всего оснований для восстановления «отчеств» в правом, наиболее поврежденном столбце. Только в шестой строке, учитывая общий характер надписи, можно сделать попытку при имени ΕΥΜΕΝΗΣ восстановить «отчество» ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ (от него сохранился компонент ΛΕΩ-). Еще меньше оснований для восстановления в восьмой строке при имени ΕΥΠΡΕΠΗΣ «отчества» ΕΥ[ΡΗΣΙΒΙΟΥ]. Более вероятным, чем предыдущее, нам представляется восстановление в четвертой строке при имени ΗΡΑΓΟΡΗΣ «отчества» ΠΡΑ[ΞΑΓΟΡΕΩ], хотя оно, повидимому, не засвидетельствовано в севернопричерноморских надписях.

Несомненными ионизмами в тексте нового памятника можно признать только форму имени (р. п.) Λεωκράτεος, вместо аттического Λεωκράτους, и форму (и. п.) Ἡραγόρης, вместо аттического Ἡραγόρας. Для уточнения датировки рассматриваемой надписи эти ионизмы не являются надежной опорой.

В известном списке ольвийских граждан, IOSPE, I², № 201, I стб., мы находим уже упомянутого Πολυμέδων Λεωκράτους (стк. 39), затем Ἀρίστων Ἀριστοκράτους (стк. 52) и, наконец, Ἡροσῶν Πρωτογένους (стк. 63), но этот памятник так же, как знаменитую псефизму в честь Протогена, сына Геросонта (IOSPE, I², № 32), нельзя считать точно датированным. Отожествление Геросонта, сына Протогена, в обоих памятниках (№ 32 и 201) кажется весьма заманчивым, но его нельзя считать безусловным. Если считать форму имени Λεωκράτεος в ольвийской эпиграфике более древней, чем форму Λεωκράτους, как и все вообще аналогичные формы, то указанное различие в формах между рассматриваемой надписью и надписями № 32 и 201 будет основанием для их относительной датировки: рассматриваемую нами надпись пришлось бы считать более древней, чем № 32 и 201.

Имя Ἡραγόρης уже встречалось в ольвийских эпиграфических материалах несколько более позднего времени[1]. Такие же ионийские формы имен встречаются нацарапанными на фрагментах чернолаковых сосудов из Ольвии (ср. 0/51—519 и 0/51—1514): ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ и ΠΡΩΤΑΓΟΡΗΣ в соответствии с общегреческими Πυθαγόρας и Πρωταγόρας[2]. Однако точная датировка этих эпиграфических памятников затруднительна. Относительно возможности датировки на основании ионизмов мы можем сослаться на замечание В. В. Латышева по поводу IOSPE, I², № 195: «Формы букв и ионийские формы родительных падежей, а именно Δημαγόρεω и Φιλτέω, доказывают, что эта надпись никак не позже четвертого века до н. э.». Однако на упомянутой надписи наряду с ионийскими формами родительного падежа имен первого склонения мужского рода ясно читается уже не ионийская форма ΑΝΑΞΑΓΟΡΑΝ. Здесь необходимо учесть возможную неравномерность фонетического развития собственных имен сравнительно с нарицательными. Наряду с ионийским Ἡραγόρης здесь, очевидно, можно отметить и чисто аттическую форму имени Ἀρρενείδης — Арренейд[3]. Как известно, такой случай прогрессивной ассимиляции, как ἄρρην ‹ἄρσην характерен для аттического диалекта — ср. еще ион., эол., дор. ἔρσην без ассимиляции. Имя Ἀρρενείδης, повидимому, было не очень распространенным в древнегреческой ономастике, в Ольвии же оно встречается впервые.

Новым для Ольвии (а может быть, и других городов Северного Причерноморья) является также и имя Λεωπρέπης. Это последнее известно как из литературы (например, Нег., VI, 85, где упоминается Θεασίδης ὁ Λεωπρέπεος), так и из эпиграфических памятников (ср. Р—В). Само собой разумеется, что имя спартиата (Λᾱοπρέπης) могло быть «ионизовано» Геродотом. Оно в отношении второго компонента имеет аналогию в составном прилагательном εὐπρεπής (ср. Εὐπρέπης и Εὐπρέπιος).

Таким образом, на сохранившейся части надписи можно прочесть не меньше 15 собственных имен (Ἀρρηνείδης, Εὐμένης, Εὐρησίβιος и Εὐρησιβιάδαι (?), Ἡραγόρης, Λεωκράτης, Λεωπρέπης, Πολύδημος, Πολυκράτης, Πολυμέδων, Πολυμήδης, Πολύστρατος, Πολύχαρμος, Πραξαγόρης (?), Συρίσκος, из которых имя Λεωκράτης повторяется восемь раз (если не больше) и Εὐρησίβιος — два раза (и еще Εὐρησιβιάδαι).

Контрастом для всех составных имен данной надписи является несоставное имя девятой строки Συρίσκ[ος]. Это имя мы находим в уже неоднократно упомянутом каталоге IOSPE, I², № 201 — Εὐμένης Συρίσκου, II стб., стк. 26, а также в херсонесской псефизме в честь историка Сириска, сына Гераклейда, IOSPE, I², 344. Его нельзя признать аристократическим (ср. Σῦρος, Σῦρα и Συρίσκος, Συρίσκα — Р—В), так же как херсонесское Συρίων Συρίωνος (IOSPE, I², 456).

В отличие от перечисленных в надписи I², № 201, о которых мы знаем только, что они свободные, а не рабы, ольвийские граждане, названные в публикуемой надписи, были жрецами (ἱερεῖς) и фиаситами (θιασῖται).

Как видно из предыдущего, по своему назначению данную надпись следует сопоставить с надписью на базе статуи IOSPE, I², № 187, которую В. В. Латышев связывает с каталогом № 201 в статье IOSPE, I², № 179 по наличию в каталоге имен Εὐρησίβιος Δη[μητρίου], а на базе — Εὐρησίβιον Δημητρίου.

Учитывая значительную величину базы (в. 1,555 м, ш. 0,76 м, т. ок. 0,305 м), которая впоследствии была использована для псефизмы в честь Карзоаса, сына Аттала (IOSPE, I², № 39), В. В. Латышев высказал предположение, что статуя Гевресибия, сына Деметрия, была изображением всадника. Конечно, вполне естественно думать, что на базе с посвящением такого-то гражданина такому-то божеству стояла

---

[1] В. Шкорпил, Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии, ИАК, вып. 27 (1908), стр. 68—74, особенно стр. 72—73.

[2] Т. Н. Книпович, Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции, КСИИМК, № 51 (1953), стр. 112—120.

[3] Ср. также Ἀρρενίδης — Pape-Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen³, 1884, s. v. (сокращенно Р—В).

статуя, изображающая именно гражданина, а не божество. В рассматриваемой нами надписи, нет определенных указаний на то, кого изображала статуя, стоявшая на базе.

Так же осторожно следует подойти к вопросу о датировке данного памятника. В. В. Латышев, хотя и датировал многие памятники приблизительно на основании палеографических указаний, все же неоднократно предостерегал исследователей относительно неточности такой датировки. Например, по поводу надписи на посвятительном памятнике Гевресибия, сына Деметрия, он еще раз напоминает: «Я также отнес бы ее (надпись.— *А. Е.*), по крайней мере, к третьему веку до н. э., насколько вообще в вопросах о времени надписей можно полагаться на палеографические данные» [1].

Если учесть сказанное выше об ионизмах рассматриваемой надписи, позволительно сомневаться также и в том, что[Е]ΥΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ и [Е]ΥΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑ[ΤΟΥΣ] первой строки первого столбца каталога № 201 одно и то же лицо. Однако речь может идти об одном и том же аристократическом (соответственно жреческом) роде, в котором традиционными были упомянутые имена.

После рассмотрения всех затронутых здесь вопросов вернемся к вопросу о возможности восстановления первых двух строк рассматриваемой надписи. Совершенно достоверным в них остается только слово [Ι]ΕΡΕΙΣ. Так как в третьей строке под ним читается [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ, то есть основание предполагать, что нижеследующие имена с отчествами являются именами жрецов и фиаситов, относящихся к одному и тому же «фиасу». Так как общий вид мраморного обломка с данной надписью позволяет думать, что это обломок базы какой-то статуи, мы должны в двух первых строках искать указания на то, кого изображала стоявшая на плите бронзовая статуя.

Наиболее простой (т. е. связанный с восстановлением наименьшего числа букв слева и справа) первый вариант возможного чтения —*[Ζε]ὺς Σωτ[ῆρ] — оказывается наименее удовлетворительным, как указано выше, из-за отсутствия обоснованной связи с прочими строками текста [2].

При чтении (варианты 2 и 3) [το]ὺς Σωτ[ῆρας] или [θεο]ὺς Σωτ[ῆρας] можно сослаться на широкое распространение культа Диоскуров и наличие его в Ольвии.

Остановимся еще на четвертом упомянутом выше возможном чтении первой строки:

*[Ἡρακλέο]υς Σωτ[ῆρος].

Как известно, с упоминанием имени Геракла в ольвийских надписях связано интересное предположение о происшедшем в городе общественном перевороте, одним из следствий которого было уничтожение названного имени на некоторых эпиграфических памятниках. Это отметил еще В. В. Латышев (IOSPE, I², 186): «Следует упомянуть то, что также и другая надпись почти того же времени с посвящением Гераклу в Ольвии (№ 179) подобным же образом преднамеренно повреждена острым орудием. Легко предположить, что культ Геракла в то время по какой-то причине был упразднен в Ольвии и самое имя его умышленно выскоблено на памятниках». Э. Миннз объясняет это обстоятельство борьбой партий в Ольвии [3]. Вследствие победы демократической партии над аристократической возникло стремление уничтожить в надписях имя (а может быть, и все надписи полностью) Геракла — покровителя аристократической партии.

Нам представляется правдоподобным, что культ Геракла Сотэра в Северном Причерноморье находил опору в существовании местных культов, перетолкованных на свой лад жителями греческих античных городов [4]. На распространение культа Герак-

[1] Сомнение относительно того, что в вопросе о датировке памятника можно основываться только на палеографических данных, высказано им в статье IOSPE, I², № 179.

[2] Ср. W. Larfeld, Griechische Epigraphik, № 252, об употреблении форм именительного падежа.

[3] E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 480—481.

[4] Б. Н. Граков, Скифский Геракл, КСИИМК, XXXIV (1950), стр. 7—18.

ла-Сотэра у фракийских племен указывают фракийские имитации позднейших (II и I вв. до н. э.) тетрадрахм [1].

Если считать возможным такой вариант, как [ΗΡΑΚΛΕΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΟΣ], то текст первой, второй и третьей строк публикуемой надписи представится в следующем виде:

[Ἡρακλέο]υς Σωτ[ῆρος
ἱ]ερεῖς Εὐρησιβ[ιάδαι
καὶ θι]ασῖται. . .

Принимая во внимание упомянутые ионизмы рассматриваемой надписи, казалось бы, надо отвергнуть этот вариант, потому что форму родительного падежа Ἡρακλέους нельзя считать ионийской. Действительно, у составных имен со второй частью -κλέης родительный падеж в древнеионийском диалекте мог быть -κλῆος, а в новоионийском -κλέος. Однако уже у Геродота обычной формой родительного падежа для этого первоначально неионийского героя является Ἡρακλέους.

На основании высказанных соображений среди возможных вариантов не следует исключать и этого (№ 4). Само собой разумеется, что такое чтение предполагает возможность дополнить рассматриваемый обломок памятника значительным по величине отсутствующим фрагментом с левой стороны от сохранившейся надписи. В этом случае пришлось бы допустить также существование с левой стороны еще одного столбца с именами и отчествами. Неясным при допущении данного варианта остается размещение слов в двух первых строках. Для объяснения этого размещения понадобилось бы добавить какое-то слово между σωτ[ῆρος] и [ἱ]ερεῖς, ср. Ἡρακλέους Σωτῆρος Θασίων, Ἡρακλέους Σωτῆρος Θρᾳκῶν. При этом, однако, вполне естественное Ολβιοπολιτέων или Ὀλβιοπολιτῶν оказалось бы слишком длинным.

Последний вопрос, который уместно здесь затронуть,— это вопрос о причине широкого распространения в Ольвии имени Εὐρεσίβιος (Гевресибий, Еврисивий). Если правильным будет предложенное нами восстановление второй строки рассматриваемой надписи [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ], то существование жреческого рода Гевресибиадов может служить косвенным свидетельством присутствия в Ольвии культа родоначальника этих жрецов Гевресибия. На существование местных культов героев (родоначальников и основоположников, ἀρχηγέται, κτίσται, οἰκίσται) в Ольвии указывает, например, упоминание героя Сосия в начале второй части (В) знаменитой псефизмы в честь Протогена, сына Геросонта (. . .ἕως οὗ ὁ ἥρως ὁ Σωσίας «. . .до того места, где герой Сосия. . .»; Σωσίας — производное от Σωσίβιος). Есть и другие свидетельства [2].

Относительно возможной связи Гевресибия, сына Каллисфена (см. IOSPE, I², № 221) со жрецами Гевресибиадами рассматриваемой надписи вполне естественно возникает догадка о принадлежности и его к этому же жреческому роду. Даже в том случае, если бы чтение Εὐρησιβ[ιάδαι] оказалось неправильным, несомненным остается существование в Ольвии на протяжении ряда веков традиции, сохранившей в каком-то социально важном коллективе имя Εὐρησίβιος.

Наиболее важным свидетельством рассмотренного нового памятника можно считать упоминание в нем фиаситов, о существовании которых в Ольвии, насколько нам известно, до сих пор не было прямых указаний. Нет сомнения также и в том, что перечисленные в надписи ольвийские граждане были жрецами и фиаситами, т. е. членами какого-то религиозного общества. На внутренние родственные связи или замкнутость упомянутого коллектива может указывать и семикратное повторение в качестве отчества имени Λεωκράτης в ионийской форме родительного падежа (Λεωκράτεος). О почитании в Ольвии Геракла-Сотэра можно говорить лишь после новых

[1] B. Head, Historia numorum², стр. 229, рис. 166, оборот: Ἡρακλέους Σωτῆρος Θασίων (обнаженный Геракл с дубиной и львиной шкурой), а также стр. 243.

[2] Например, фрагмент мраморной плиты со словом ΗΡΩΑ[Ν], Ольвия, т. I, К., 1940, стр. 266, № 6 (обнаружен в 1935 г., случайная находка).

неопровержимых доказательств в пользу возможности чтения:

[Ἡρακλέο]υς Σωτ[ῆρος].

Во всяком случае рассмотренная здесь надпись на мраморном обломке является немаловажным историческим памятником города Ольвии, и нашей основной задачей было обратить на него внимание исследователей.

А. А. Белецкий

МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ СКИФСКИИ КУРГАН

(Предварительное сообщение)

Летом 1954 г. Мелитопольской экспедицией Института археологии АН УССР[1] был раскопан скифский курган в привокзальной, северо-западной части гор. Мелитополя (Первомайская улица), на гребне степной возвышенности. Курган находился среди надворных построек. От насыпи его, имевшей первоначально около 6 м высоты, к моменту раскопок сохранилась лишь центральная часть в виде обрывистого земляного останца, имевшего не более 3 м высоты.

На выровненном основании северной части кургана, ближе к его центру, хозяин усадьбы при рытье колодца обнаружил на глубине 0,7—0,8 м ниже погребенной почвы полузаваленное подземелье, тянущееся с севера на юг. Через некоторое время свод подземелья полностью обрушился, образовав на поверхности продолговатую яму.

Сотрудники Мелитопольского краеведческого музея Ф. Ф. Круглик и Н. И. Волчкова, желая исследовать подземелье, дошли в его юго-западной части до глубины 5,5 м от поверхности грунта. Здесь в слое рыхлого песка и комьев глины были обнаружены 194 мелкие золотые орнаментированные бляшки, золотая диадема в виде узкой орнаментированной ленты, бронзовые ромбические пластинки с отверстиями для нашивания, бронзовый же колокольчик, железные гвозди и нижняя челюсть человека. Эти находки позволили определить время кургана IV—III вв. до н. э.

Характер подземного помещения и находки в нем дали основание предположить, что здесь обнаружена завалившаяся катакомба большого погребального сооружения. В ходе дальнейших работ, проведенных экспедицией Института археологии АН УССР, выяснилось, что, так же как и большинство степных скифских курганов IV—III вв., Мелитопольский курган содержал два отдельных погребения, со сложными погребальными сооружениями, и конскую могилу, принадлежавшую одному из них.

Широкий объем земляных работ, определяемый глубиной входных колодцев и открываемых катакомб, и непрочность грунта создавали большие трудности при исследовании кургана. В глубоких местах пришлось применять деревянные крепления.

Раскопки кургана начаты были с исследования центральной части насыпи, которая состояла из последовательно чередующихся шести слоев плотно слежавшейся морской травы и земляных «вальков» (неформованные земляные кирпичи), четко прослеживавшихся в разрезе насыпи. По определению почвоведа проф. Пархоменко, эти вальки были изготовлены в пойме р. Молочной. Нижний слой морской травы лежал непосредственно на глиняном выкиде входной ямы, обнаруженной в центре кургана. Слои морской травы и земляных вальков над ямой были прорыты грабительским ходом, который проходил через насыпь с вершины (рис. 1). Применение прослоек морской травы для укрепления насыпи при сооружении скифских курганов давно засвидетельствовано в Приазовье: в кургане у с. Шульговки (12 км от Мелитополя) слои земли в насыпи чередовались со слоями морской травы (ОАК за 1889 г., стр. 18).

[1] Раскопками руководил А. И. Тереножкин, участие в работе принимали Е. Ф. Покровская, Д. Т. Березовец, сотрудник Мелитопольского музея Н. И. Волчкова, горный инженер Л. П. Забелин.

Точно так же уже известен принцип устройства основной массы насыпи кургана из отдельных кусков верхнего дернового покрова земли, хорошо выделяющихся как по цвету, так и по форме в разрезе насыпи[1]. Однако кладка насыпи из специально изготовленных земляных «вальков» при раскопках степных курганов до сих пор не прослеживалась.

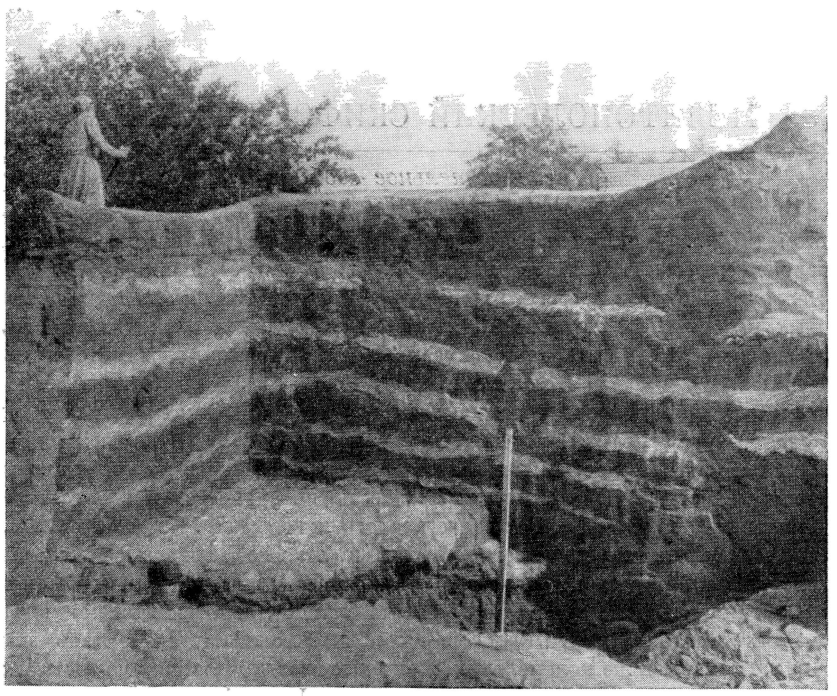


Рис. 1. Разрез насыпи кургана с прослойками морской травы и земляных вальков

В своей верхней части входная яма центрального погребения имела округлую форму, диаметром 5 м; с глубины 3 м она приняла правильную прямоугольную форму, размером 3,70 × 2 м, ориентированную с востока на запад. Начиная с этой глубины яма была заполнена большими известняковыми плитами и землей, а ближе ко дну — каменными плитами и морской травой. В заполнении ямы встречались разбитые кости животных и человека, выброшенные грабителями из могилы. Между камнями найдена несколько попорченная в древности железная кирка с длинной втулкой.

Дно входной ямы находилось на глубине 12 м от подкурганной поверхности. Оно было выложено слоем земляных вальков. С западной стороны к нему примыкала погребальная камера. Вход ее был тщательно заделан, для чего на дне входной ямы, вдоль ее западной стены, против входа, была сделана ступень, достигавшая 1 м высоты, заставленная большой прямоугольной плитой. Эта плита вместе с другой овальной плоской плитой, поставленной сверху на ребро, плотно закрывали устье входа.

Камера соединялась со входной ямой небольшим широким проходом, длиной 1 м. Она представляла собой прямоугольное помещение, размером 3 × 2,5 м. Свод камеры обвалился, дно ее почти на 1 м ниже дна входной ямы. Глиняные стены и дно камеры были тщательно заглажены.

[1] Н. Макаренко, Первый Мордвиновский курган, «Гермес», № 11-12, 1916, август, стр. 270.

Рис 2. Центральная могила. Золотая обкладка горита

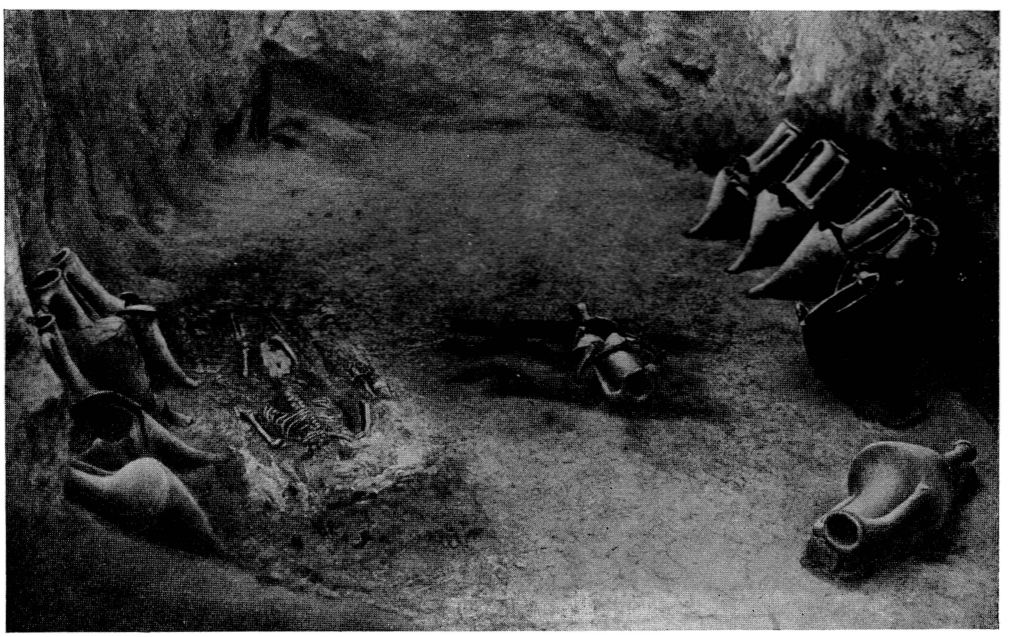


Рис. 8. Часть катакомбы с погребением рабыни и заупокойным инвентарем

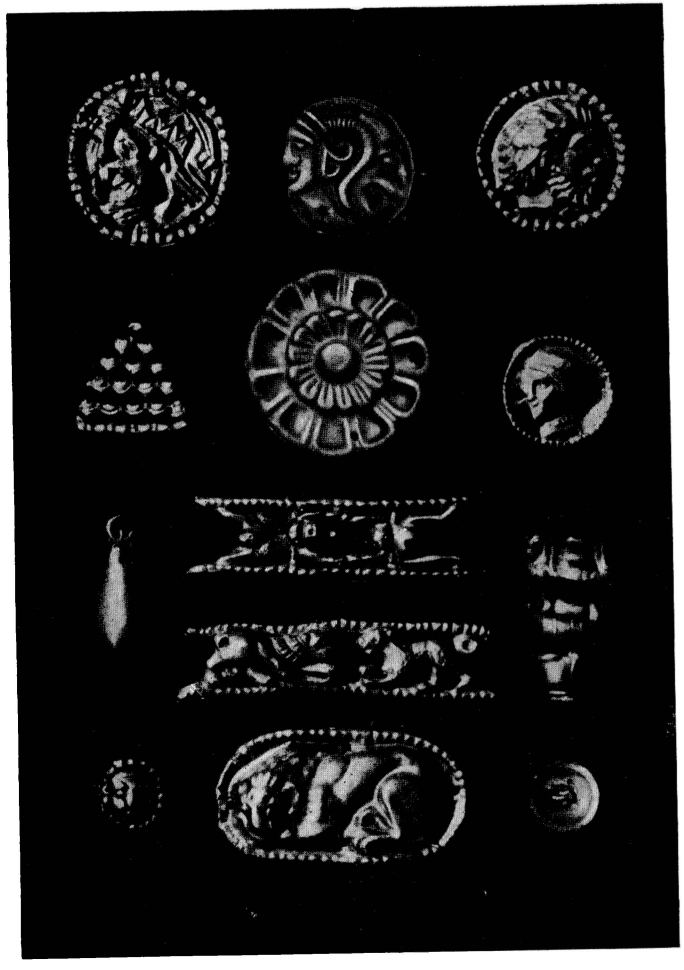


Рис. 5. Золотые бляшки из погребения скифянки

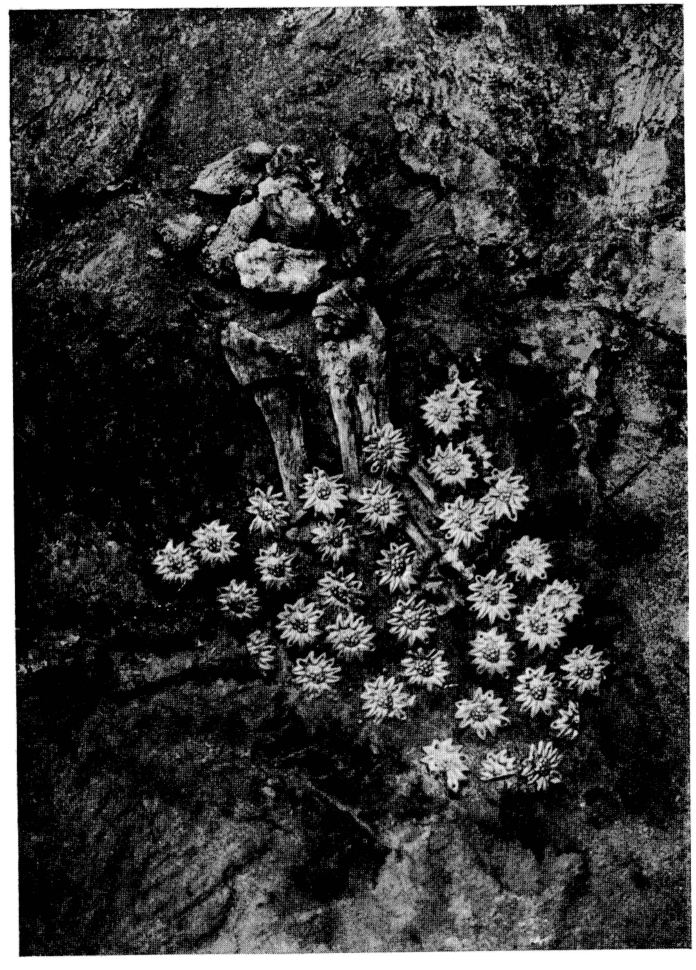


Рис. 6. Погребение скифянки. Левая нога покойной с золотыми бляшками, нашитыми на носок обуви

Грабители, не добравшись до дна входной ямы, прорыли на глубине 9 м в северо-восточной части стены ямы нишу, глубиной 1 м. Минуя каменные плиты, заполнявшие входную яму, а также укрепленный плитами вход, они узким вертикальным ходом проникли в погребальную камеру сверху, пробив свод ее в северо-восточном углу.

В заполнении входной ямы, на уровне грабительской ниши, были найдены фрагменты железного чешуйчатого панцыря, пучок скипевшихся железных трехгранных наконечников стрел и костяная (?) поделка в виде пластины с закругленным верхним краем. На дне этой ниши среди обломков костей животных и человека находилась часть рога благородного оленя с двумя отростками и со следами отпила с двух сторон.

Погребение оказалось полностью ограбленным. На дне камеры лежали в беспорядке сдвинутые к юго-восточному углу кости двух человеческих скелетов (череп одного из них сохранился в целости), отдельные обломки костей барана и лошади. Часть костей барана была пропитана окисью меди — очевидно, они были выкинуты из унесенного грабителями медного котла.

У входа в камеру, поперек его, обнаружен частично сохранившийся на месте скелет ребенка 4—5 лет, лежащий вытянутым на спине, головой на север.

Из вещей в центральном погребении сохранились лишь немногочисленные бронзовые и костяные наконечники стрел, мелкие обломки железного панцыря, бронзовый небольшой предмет в виде шпоры, обрывки тонкого листового золота, небольшая гладкая золотая пластина-набивка с золотыми гвоздиками, составлявшая часть какого-то крупного, украшенного золотом, предмета. На дне погребальной камеры, ближе к ее северо-восточному углу, против входа, удалось обнаружить не замеченный грабителями тайник, в виде овальной ямки (размер 60 × 40 см, глубина до 20 см), забитой глиной. В нем был спрятан горит, верхняя золотая набивка которого, прекрасной греческой работы, в точности воспроизводит набивки горитов Чертомлыцкого и Ильинецкого курганов[1], с орнаментом, передающим сцены из жизни Ахилла, борьбы животных и растительные мотивы (рис. 2). Сверху на горите лежал боевой пояс из тонких узких бронзовых пластинок и 50 золотых квадратных бляшек с изображением богини с зеркалом, сидящей на троне, и фигурой скифа перед ней, пьющего из ритона. Бляшки, повидимому, были нашиты на портупею горита. Внутри горита лежали пучком около 70 бронзовых трехгранных наконечников стрел с остатками древков.

Несмотря на то, что центральное погребение разграблено, находка такого ценного предмета, как золотой горит, и грандиозность погребального сооружения свидетельствуют о высоком социальном положении, которое занимал погребенный здесь скифский воин. Остатки второго скелета указывают на то, что в загробный мир его сопровождал слуга. Детский костяк (повидимому, принесенная жертва) был специально положен поперек входа в гробницу, как бы охраняя его.

Этому погребению воина принадлежало и конское захоронение, открытое к западу от входной ямы, на расстоянии 4 м от нее. Могила была обнаружена благодаря резкому прогибанию слоев морской травы над ней, четко вырисовывающихся в разрезе насыпи. Сверху конская могила была покрыта большими каменными плитами, на которых лежал слой морской травы. Яма имела прямоугольную форму (размером 2,5 × 1,3 м, глубиной 1,5 м), ориентирована по длине с востока на запад.

Могила оказалась не тронутой грабителями. На дне ее лежали два конских скелета, положенные один на другой, на правом боку, головами на восток. На черепах и грудных костях скелетов сохранились уздечные наборы, лежавшие in situ. Массивные железные удила, усложненные у внешних концов крупными шипами, лежали под нижними челюстями лошадей. В удила были вдеты псалии, представлявшие собой длинные стержни, согнутые у верхней лошади, и прямые, заканчивающиеся кнопками, у нижней. На нижней части черепа обеих лошадей находились бронзовые

[1] Б. В. Фармаковский, Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах, «Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому», 1911, стр. 45—112, таблицы.

наносники в виде рельефной головки ушастого зверя. С двух сторон черепа, вплотную к нему прилегали нащечники в виде тонких бронзовых фигурных пластин с гравированным изображением птиц. Уздечный набор дополняли многочисленные ременные круглые бляхи разных размеров, кольца с шишечкой или с треугольной петлей, а также железное кольцо, пряжка с отростком и костяные и бронзовые мелкие ворворки. У затылочных костей черепа обеих лошадей были найдены отдельные мелкие предметы: костяные просверленные подвески, бусины, просверленный клык, которые, повидимому, были вплетены в гривы лошадей.

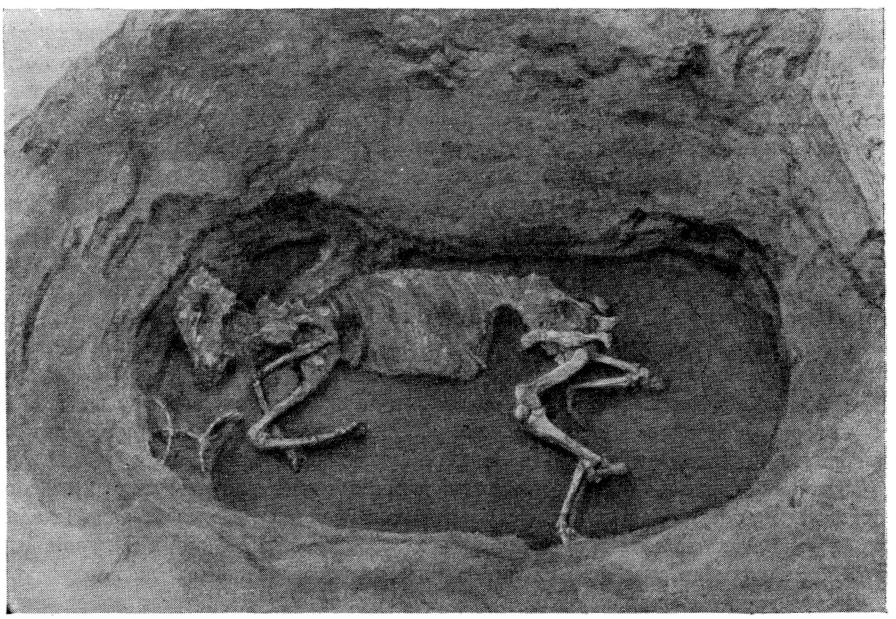


Рис. 3. Конская могила. Скелет второй лошади. В левом углу — железные удила, оставшиеся после снятия черепа первой лошади

На скелете нижней лошади сохранились следы седла в виде остатков кожи и тонкой бронзовой обивки с тисненым орнаментом. Последняя заходила двумя концами на грудь лошади, и с них свисал на железных цепочках набор нагрудных украшений, состоящий из двух плоских тонких круглых блях, фалар, с плоско срезанным верхним краем, нескольких больших лунниц с железными петельками сверху и пяти бронзовых колокольчиков с железными язычками (рис. 3).

Все найденные при конских скелетах предметы известны по аналогичным скифским степным погребениям того же времени. Однако, находка в Мелитопольском кургане особенно ценна, так как здесь все уздечное снаряжение и украшения были открыты совершенно нетронутыми.

Как показали исследования, в северной части кургана находилось другое погребение, женское, которое являлось отдельным захоронением и, как выяснилось по стратиграфии насыпи кургана, было более ранним, чем центральное. Это раннее погребение имело свой собственный курган и ров, перекрытые впоследствии общей высокой насыпью нового кургана при сооружении погребения воина. В разрезе кургана четко прослеживались контуры этой первоначальной насыпи и окружавший ее ров.

Непрочность грунта вокруг обвалившейся катакомбы создала основную трудность в раскопках женского погребения и вызвала большие дополнительные земляные работы.

Погребальное сооружение женского погребения состояло из входной ямы и большой катакомбы. Входная яма находилась в центре первоначальной насыпи, позднее перекрытой северной полой большого кургана. Она имела вид колодца прямоугольной формы, ориентированного с востока на запад, размером 3,2 × 2,2 м, глубиной 6,5 м от древнего горизонта почвы. Яма была засыпана черноземом, смешанным с суглинком, в котором встречались отдельные небольшие камни. Дно ямы, покато спускавшееся к югу, ко входу в катакомбу, было покрыто слоем песка. Свод входа, ничем не отделенный от катакомбы, обвалился, и вся стена, в которой он находился, осела.

Катакомба представляла собой вытянутое с севера на юг помещение в виде коридора, сужавшегося ко входу (длиной 10 м, шириной 2—3 м). Дно ее, открытое на глубине 7 м от уровня дневной поверхности, слегка повышалось к южному концу. Коридор заканчивался в южном конце двумя нишами: правой, четко выделенной, большой округлой нишей, где находилось главное погребение, и левой, отходящей от первой под острым углом, в виде длинной, узкой пещерки (длиной 4 м). Аналогию такой планировке погребального сооружения находим в боковом погребении кургана Солоха, в котором, однако, имелись две боковые ниши — одна для амфор, вторая для другой посуды (ОАК за 1912—1913 гг., стр. 107, рис. 175).

По остаткам сохранившейся части стен главной ниши можно полагать, что первоначальная высота катакомбы равнялась 2 м. Грабители попали в катакомбу через входную яму, когда глиняный свод входа и самой катакомбы уже обвалился и слой завала толщиной в 1—$1\frac{1}{2}$ м покрыл собой погребения. Проникнув в образовавшейся пустоте в южный конец катакомбы, грабители перерыли здесь слой завала, частично расхитив и разрушив находившееся под ним погребение.

В перерытом грабителями слое обвалившейся земли, покрывавшем дно основной погребальной камеры, найдены в полном беспорядке, на разных уровнях, разбросанные хорошо сохранившиеся кости человека: череп, нижняя челюсть которого найдена была выше, кости рук, таза, позвонки и ребра. Здесь же были обнаружены в обломках два чернолаковых сосуда: килик на кольцевой подставке с обломанными ручками и краснофигурная крышка леканы с изображениями четырех женских головок (рис. 4). При женском погребении найдено множество золотых бляшек с отверстиями для нашивания на ткань, украшенных тридцатью разнообразными типами орнамента: это изображения мужской и женской головы, бородатой головы с короной, бляшки с человеческими масками разных размеров, бляшки с головой Афины в львином шлеме, с изображением лежащего льва, кабаньей головы, ажурные бляшки со львом и пантерой, с мухой и пауком, пуговицы гладкие, выпуклые с петелькой на обратной стороне, треугольнички с зернью, пальметы, розетки большие и мелкие, грушевидные подвески, золотые бусы и рубчатые пронизи (рис. 5). Найдена была серьга из золотой проволоки в виде кольца с заходящими один за другой концами, а также множество разнообразных стеклянных бус, крупных и мелких: глазчатых, круглых и в виде кувшинчиков, в виде амфорок, каменных и очень мелких из стекловидной массы (зеленого, синего и желтого цвета). Кроме того, в толще завала найдено было много обломков железных гвоздей и бронзовых пластинок, ромбических и круглых.

Несмотря на то, что множество мелких собранных здесь вещей находилось в беспорядке в толще земли завала, все же можно было проследить некоторую закономерность в их расположении. Так, например, все бусы и золотые рубчатые пронизи были сосредоточены у западной стенки, в южной части катакомбы. В средней части обнаружены треугольные бляшки с лежащим львом. Основная масса бляшек с изображением человеческого лица находилась в северной части ниши, ближе к коридору.

На самом дне ниши, в ее средней части, сохранилась неповрежденной часть скелета: кости ног, частично таза и правой стороны грудной клетки. По их расположению выяснилось, что погребенная лежала на спине, головой к выходу (на северо-восток), с вытянутыми конечностями, т. е. так же, как и мужское погребение в кургане Солоха. Возле костей и под ними прослежены остатки широкого деревянного гроба(?). Вокруг гробовища и на дне ниши были найдены железные гвозди и крюки, соединенные с костылями.

На костях скелета и по всему дну средней части ниши разбросано было множество золотых нашивных бляшек, пронизей и бус, таких же, как и найденные выше, в перерытом грабителями слое земли над погребением. Часть из них сохранилась на месте, не потревоженной. Так, на ступнях обеих ног лежали золотые бляшки в виде звездчатых розеток, в том самом порядке, в каком они были нашиты на носки обуви (рис. 6). В области поясницы сохранилась часть пояса в виде ряда бляшек с изображением

Рис. 4. Крышка леканы из женского погребения

Афины в львином шлеме. Такие же бляшки в сочетании с рубчатыми пронизями и малыми розетками лежали с правой стороны от плеча вдоль руки, составляя, повидимому, кайму по краю одежды. На костях груди лежали сдвинутые крупные бляшки, имеющие орнамент — розетки, пальметки, изображения лежащего льва (рис. 7). Эти последние, вместе с бляшками с изображением человеческих лиц, украшали, повидимому, верхние части одежды погребенной. Всего собрано было, как в обвале над скелетом, так и вокруг костяка на дне ниши, до 3500 мелких золотых украшений. Среди них было много грушевидных, гладких и рубчатых, подвесок, которые украшали головной убор погребенной — золотую диадему, найденную в обвале в стороне от черепа.

Можно предположить, что грабители, роясь в слое обвала в темноте, захватили с собой лишь более крупные ценные вещи; остались незамеченными только височное золотое кольцо, диадема и золотой перстень с плоским широким щитком, лежавший на дне катакомбы, недалеко от кисти правой руки.

С правой стороны скелета, в пределах гробовища, на уровне плеч погребенной стояла раздавленная деревянная коробочка с отделкой из костяных пластинок и с деревянной позолоченной крышкой. В ней и вокруг нее лежало много крупных стеклянных глазчатых бус, в виде амфорок, и рубчатых круглых, синего и коричневого цвета. Здесь же были обнаружены овальная плоская стеклянная гемма с изображением летящей птицы и сидящей на ней человеческой фигуры, зуб ископаемой акулы (по определению И. Г. Пидопличко), использованный, возможно, как амулет, и подвеска в виде птички из стеклянистой разноцветной массы.

С той же стороны, у колен погребенной лежало в куче множество мелких и крупных стеклянных бус, частично разбросанных грабителями.

С левой стороны скелета, на уровне грудной клетки, найдена смещенная с места костяная поделка в виде длинного стержня, с орнаментированным резьбой, заостренным нижним концом. Тут же лежал венчик небольшого металлического сосуда (серебро?) и металлическая ручка плоского сосуда. Повидимому, в пределах гробовища возле погребенной стояли и упомянутые выше чернолаковые сосуды, найденные в обломках в слое земли над погребенной.

Рис. 7. Часть грудной клетки женского скелета с золотыми бляшками in situ. Ниже — ряд золотых бляшек пояса

Непосредственно за пределами гроба, в головах погребения найдены следы коробочки, каменные (розоватые) и пастовые бусы и остатки тонких железных стерженьков В той же стороне на дне главной ниши найдено несколько бронзовых, ромбических и круглых, плоских пластинок. На одной из них сохранились остатки грубой ткани, на которую эти пластинки были нашиты.

Золотые треугольные бляшки, бляшки с изображением лежащего льва и многочисленные пуговки были рассыпаны на склоне дна, при переходе его из главной ниши в остальную часть катакомбы. Здесь же найдена была небольшая металлическая (оловянная?) пластинка в виде лунницы, с рельефным геральдическим изображением двух львов.

Боковая узкая пещерка, расположенная рядом с главной нишей, служила, повидимому, местом для хранения инвентаря погребенной. Она не пострадала от обвала. На стенах и на своде четко видны следы древнего орудия — кирки, которым была прокопана ниша. Грабители, расчищая доступ к основному погребению, часть земли из главной ниши перебросили в эту пещерку, предварительно ограбив ее. В переброшенном грунте найдено было много золотых мелких бляшек, а также много тонких желез-

ных заостренных стержней в виде шильев, из которых некоторые имели костяные или деревянные рукоятки, и обломки железных гвоздей. В конце пещеры обнаружены обломки костей животного (остатки напутственной пищи покойной) и венчик чернолаковой пелики, корпус которой был найден у входа в катакомбу, на уровне обвала. В северной части катакомбы у входа, на том же уровне, встречены отдельные золотые бляшки и костяная ручка ножа.

Остальная часть катакомбы, в виде широкого длинного коридора, соединявшего входную яму с погребальной камерой знатной скифянки, представляла собой помещение для хранения хозяйственного инвентаря и место погребения сопровождавшей покойницу рабыни. Подчиненное положение последней подчеркивается как ее скромным убранством, так и местом захоронения (рис. 8).

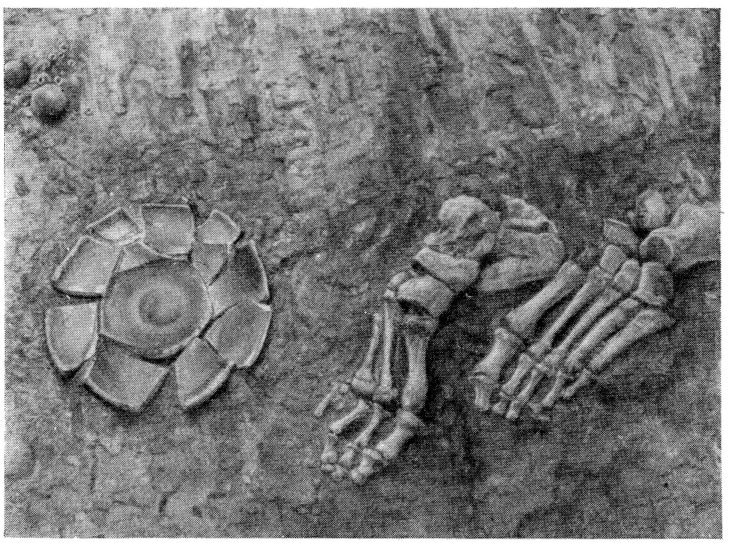


Рис. 9. Глиняная чашечка у ног рабыни

Грабители, проникнув в нишу с главным погребением, не тронули вовсе эту часть катакомбы: все находилось на месте и лишь частично было сдвинуто и испорчено обвалом свода.

Вдоль западной стены помещения, на остатках деревянного помоста — гроба (?), находился скелет рабыни, покрытый сверху слоем камыша. Скелет лежал в вытянутом положении, на спине, головой к главному погребению (на юг).

Возле остатков плохо сохранившегося черепа найдены две серьги в виде колец: с правой стороны головы—серебряная с перекрещивающимися концами и с остатками вдетого в нее бронзового кольца, с левой стороны — бронзовая. Здесь же под черепом и у шейных позвонков находилось много бус, составлявших ожерелье: пастовых глазчатых, стеклянных в виде амфорок, очень мелких синих стекловидной массы и пронизей, сделанных из отрезков клешней крабов. На костях правой руки, у запястья, был надет бронзовый рубчатый браслет и повязка, составленная из мелких стеклянных бус. На левой руке находились остатки двух железных браслетов и такие же стеклянные бусы. У ног, выше ступней, с правой стороны, лежали среди нитки белых и синих бус два глиняных пряслица и остатки какого-то железного предмета, оплетенного нитками; с левой стороны костей ног найдены три овальные костяные пронизи, несколько мелких бус из какого-то органического вещества(?), а также остатки небольшого железного предмета. У ступни правой ноги стояла небольшая красноглиняная мисочка на кольцевой подставке греческой работы (рис. 9).

Слева от рабыни, под стенкой коридора, стояли в ряд пять остродонных амфор, раздавленных завалом свода. По середине помещения находились остатки деревянного ярма, в которое, повидимому, были впряжены волы, привезшие погребенных. Сверху на ярме лежала разбитая амфора. Еще пять амфор стояли вдоль восточной стены. Таким образом, всего здесь было 11 амфор, что опять-таки сближает эти погребения с боковым погребением кургана Солоха, где количество амфор было такое же. У восточной стены, около амфор, найден медный котел на высокой ножке, украшенный по корпусу пересекающимися рельефными полосками. Стенки котла были закопчены, в нем лежали остатки костей барана, разрубленного на куски.

Во входной яме, вдоль западной ее стенки, частично заходя и в катакомбу, лежали, сброшенные в кучу обломки массивных железных частей четырехколесной повозки, среди которых найдены отдельные бронзовые ромбические пластинки, подобные обнаруженным у главного погребения. Рядом с остатками повозки находилось деревянное сильно истлевшее дышло.

Мелитопольский курган относится к группе скифских, так называемых «царских», степных курганов IV—III вв. до н. э. Его конструкция, обряд погребения и богатый инвентарь находят свои аналогии в таких выдающихся и известных памятниках, как курганы Солоха, Чертомлыцкий и ряд других. Проведенные впервые в советское время раскопки такого грандиозного памятника позволили детально выяснить структуру насыпи кургана и конструкцию его погребальных помещений. Тем самым они дали возможность яснее представить себе устройство степных курганов. Исследование Мелитопольского кургана значительно дополнило наши представления о погребальном ритуале скифов. Обильные вещевые находки: разнообразные золотые бляшки, изделия из стекловидной массы, посуда и прекрасный по художественному исполнению и сохранности золотой горит, добытые при раскопках, доставляют новые интересные материалы для изучения торговых связей скифов с государствами Северного Причерноморья, в частности с Боспором.

Монументальность и сложность погребальных сооружений, а также богатые приношения, найденные в могилах, указывают, что лица, погребенные в Мелитопольском кургане, занимали какое-то высокое социальное положение в кочевой скифской среде.

Е. Ф. Покровская

ХРОНИКА

Академик Р. Ю. Виппер

1859—1954

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. На 96-м году жизни скончался крупнейший ученый огромной эрудиции, специалист по самым различным периодам истории, автор около 300 научных монографий и статей — академик Роберт Юрьевич Виппер. Научная деятельность Р. Ю. Виппера началась в стенах Московского университета, в котором свыше 40 лет он занимал профессорскую кафедру по всеобщей истории. Окончив в 1880 г. университет, Р. Ю. Виппер пять лет преподавал историю в средних учебных заведениях. После научной заграничной командировки, где Р. Ю. Виппер собирал научные материалы для будущей магистерской диссертации, в 1891 г. он был зачислен в качестве приват-доцента в университет, и в 1894 г., минуя степень магистра, за свою работу «Церковь и государство в Женеве XVI в., в эпоху кальвинизма», удостоенную большой премии имени С. М. Соловьева, он получил степень доктора всеобщей истории. В 90-е годы XIX в. внимание Р. Ю. Виппера было сосредоточено на изучении общественных учений и теорий XVIII—XIX вв. на Западе: он публикует в эти годы ряд научных статей и монографий на эту тему. В 1905 г.

появляются его «Лекции по истории Греции», переработанные позднее в объемистый труд под названием «История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х.» (1916). В этой работе впервые в отечественной историографии экономическая, социальная, политическая и культурная история Греции предстала как единый исторический процесс. Применив сравнительно-исторический метод исследования, Р. Ю. Виппер поставил и по-новому осветил некоторые вопросы греческой истории. В 1908 г. вышли лекции Виппера по истории Рима под названием «Очерки истории Римской империи», переизданные затем в 1923 г.

Отличаясь широкой постановкой исторических проблем и давая им всестороннее объяснение, эти работы Р. Ю. Виппера тем не менее отмечены элементами модернизации исторического процесса, хотя и выразившимися преимущественно в употреблении несоответствующей для рабовладельческой формации терминологии. Р. Ю. Виппер не подчеркивает рабвладельческого характера римской экономики и считает возможным применять к рабовладельческому обществу такие термины, как, например, «римские капиталисты», употребляя их в современном смысле, но, в отличие от идеалистических школ на Западе привносивших в историю возникновения Римской империи субъективный фактор, история Римской империи рассматривается Р. Ю. Виппером в тесной связи с экономическими проблемами римского государства этого времени и с учетом напряженной социальной борьбы, отличающей этот период. В этой работе Р. Ю. Виппера отчетливо прозвучали демократические симпатии автора, находившегося под впечатлением революции 1905 г. и наступившего затем периода реакции. В «Очерках» Р. Ю Виппер решительно выступил против распространенного тогда в исторической науке утверждения о якобы демократическом характере императорской власти в Риме.

Внимание Р. Ю. Виппера привлекала также история древневосточных стран и центров эгейского мира. В 1913 г. вышла его работа «Древний Восток и эгейская культура», переизданная потом трижды.

С 1924 по 1940 г. Р. Ю. Виппер находился в Латвии и был профессором Рижского университета. Научные интересы Р. Ю. Виппера в этот период были сосредоточены на изучении истории латышского крестьянства. Он публикует ряд статей по этой теме, а также издает лекции по новой истории.

По возвращении в Советский Союз Р. Ю. Виппер обращается к отечественной исторической тематике и переиздает свою монографию «Иван Грозный» (1944), в которой личность и деятельность Ивана Грозного получила правильную историческую оценку. В последние годы жизни Р. Ю. Виппер, работая очень интенсивно, опубликовал «Возникновение христианской литературы» (1946), «История средних веков» (1947); ряд статей по античной тематике печатается в эти годы в ВДИ и в «Вопросах истории».

В 1954 г. вышла последняя монография Р. Ю. Виппера — «Рим и раннее христианство», в которой история христианства излагается с учетом социально-экономического развития Римского государства.

До последних дней своей жизни Р. Ю. Виппер не переставал напряженно работать: им наполовину написана большая монография «Социальная борьба в Римской империи накануне падения рабовладельческого строя», подготовлена статья «Атеизм Лукреция».

Р. Ю. Виппер является также автором учебников по древней истории, средневековой и новой. Рассматривая политическую историю в тесной связи с социально-экономической, Р. Ю. Виппер старается рассматривать исторический процесс синхронно и во всемирно-историческом плане. На учебниках Р. Ю. Виппера училось несколько поколений историков нашей страны.

Память о Р. Ю. Виппере, замечательном ученом, человеке исключительного личного обаяния, навсегда останется среди его многочисленных учеников и друзей, а его научный вклад составляет значительный фонд среди достижений отечественной науки.

Список научных трудов академика Р. Ю. Виппера по древней истории

Либертины. Энц. сл. Брокг. и Ефр., СПб., т. 34, стр. 639.

Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука, «Вестник воспитания», 1898, № 1, стр. 20—67.

Учебник древней истории, М., 1900, 201 стр., выдержавший затем 13 изданий.

Общественно-исторические взгляды Грановского. К 50-летию со дня смерти. «Мир божий», СПб., 1905, № 11, стр. 179—193.

Лекции по истории Греции, ч. 1, М., 1905, 230 стр.; изд. 2-е, М., 1907, 230 стр.; изд. 3-е, М., 1909, 230 стр.

«С Востока свет», публ. лекция в Москве 2.XI.1906, М., 1907, 29 стр.

Очерки истории Римской империи, М., 1908, 405 стр.; изд. 2-е., Берлин, 1923, 433 стр.

Несколько замечаний о происхождении церкви—в Сборнике статей, посвященном В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 640—650.

Древний Восток и эгейская культура, пособие к университетскому курсу, М., 1913, 139 стр.; изд. 2-е, доп., М., 1916, 151 стр.; изд. 3-е, Рига, 1926, 144 стр.

Древняя Европа и Восток, Учебник для младших классов гимназии, М., 1914.

История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916, 575 стр.; изд. 2-е, испр., ч. 1, М., 1918.

Возникновение христианства, М., 1918, 118 стр. Культурно-историческая библ-ка, Всеобщая история... VII; то же, «Работник», М., 1923, 86 стр.

Древняя Европа и Восток, изд. 2-е, М., Госиздат, 1923, 148 стр; изд. 2-е, М.—Пг., Госиздат, 148 стр.; Орел, 1924, 98 стр.; изд. 3-е, М., 148 стр.

Seno laiku vesture (История древнего мира). Riga, 1920, 1922, 151 стр.

Возникновение христианства, М., «Рабочее просвещение», 1923, 87 стр.

Круговорот истории, М.— Берлин, «Возрождение», 1923, 201 стр.

Очерки истории римской империи, Берлин, 1923, 434 стр.

Стародавня історія, Подручник, Друг. виддання, Київ, 1924, 177 стр. с илл.

Учебник истории, ч. 1, Древность, Рига, 1925, 238 стр.; ч. 2. Средние века, с карт. и илл. Рига, 1925, 290 стр.

Vispareja vesture. (Всеобщая история, ч. 1. Древность). Riga, 1925, 232 стр. Vispareja vesture. II dala (Всеобщая история, ч. 2. Ср. века). Riga, 1926, 170 стр.

Romiešu tiesības zemnjeku brivibas zaudešanas veēsture (Римское право в истории закрепощения крестьян). «Filology Biedrības Raksti», № 10, стр. 237—249. Riga, 1930.

Возникновение христианства, ВДИ, 1941, № 1, стр. 64—84.

Возникновение христианской литературы, М.— Л., 1946, 285 стр.

Социальные идеи евангелия от Луки, Сборник «Средние века», вып. 2, М.— Л., 1946, стр. 59—72.

Просветительный век Римской империи, ВДИ, 1947, № 1 стр. 46—59.

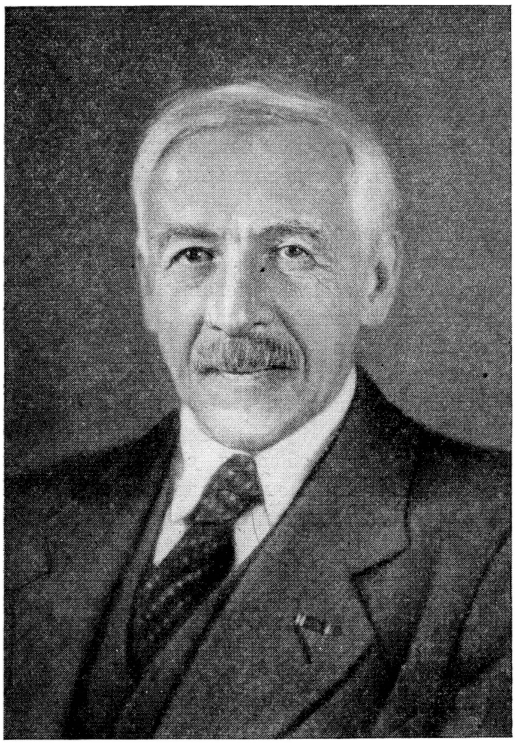
Моральная философия Авла Геллия, ВДИ, 1948, № 2, стр. 58—64.

Этические и религиозные воззрения Сенеки, римская рабовладельческая аристократия I в. н. э., ВДИ, 1948, № 1, стр. 43—63.

Цельс — обличитель христианства, Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», СССР, 1950, стр. 282—302.

Рим и раннее христианство, М., изд. АН СССР, 1954, 266 стр.

Культура античности и христианство, «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 35—47.



Иван Иванович Толстой

1880—1954

27 октября 1954 г. наша наука понесла тяжелую утрату: скончался один из крупнейших ученых, филолог-классик и историк, академик Иван Иванович Толстой.

Научное творчество Ивана Ивановича Толстого отличалось не только поразительной тонкостью и глубиной, но и необыкновенной широтой исследований, на что прежде всего указывает список его научных трудов. «Хронологический перечень печатных работ ученого это — его ученая биография, это — правдивая, нелицеприятная повесть его научных исканий», писал сам И. И. Толстой в предисловии к списку трудов своего учителя — акад. С. А. Жебелева. И это определение как нельзя лучше подходит к повести научных исканий самого И. И. Толстого. И. И. Толстому принадлежат работы и по археологии, и по языкознанию, и по истории античной литературы, и по эпиграфике, и по ряду других проблем и вопросов классической филологии.

Деятельность И. И. Толстого имеет также ту замечательную отличительную черту, что всю свою жизнь он делился своими обширными знаниями и наблюдениями со своими учениками и научными соратниками, а равно и со всеми, кто обращался к нему за помощью и советом. Он отнюдь не был «кабинетным» ученым, а поистине общественным деятелем, открывавшим всем, кто стремился расширить круг своих знаний, широкие научные горизонты и указывал наилучшие пути для овладения разнообразными областями филологической науки.

Стремясь ознакомить самые широкие круги с античной культурой, желая показать глубокий смысл ее изучения, И. И. Толстой помогал этому своими прекрасными переводами памятников античной литературы, лучшим примером чему служит его

недавний перевод романа Харитона «Повесть о любви Херея и Каллирои», снабженный превосходными комментариями.

Тонкий знаток греческого языка и великолепный стилист, И. И. Толстой всегда умел найти лучший эквивалент в русском языке для точной и художественной передачи смысла и стиля переводимого им подлинника, делая его истинным сокровищем для читателей.

С любовью и искренним увлечением отдавался И. И. Толстой в течение всей своей жизни также и педагогической деятельности. Он был опытным и проницательным педагогом и талантливым оратором, всегда увлекавшим свою аудиторию.

Помимо специальных исследований в области античности, И. И. Толстому принадлежат такие работы, в которых античный мир возрождался и оживал; таковы, например, его статьи «Неудачное врачевание», «Возвращение мужа в „Одиссее“ и в русской сказке», «Пушкин и античность», «Гекала Каллимаха и русская сказка о бабе-яге» и др.

Все, кто знал И. И. Толстого, общался с ним устно или письменно, беседовал, навсегда запечатлели в своем уме и сердце образ крупнейшего ученого, блестящего, тонкого и остроумного собеседника, и прежде всего искреннего, доброго и очаровательного человека.

Можно с уверенностью сказать, что вся научная и педагогическая деятельность И. И. Толстого, вся его жизнь во всех ее проявлениях была направлена к истинному знанию и ко благу нашей Родины.

Лян Сы-юн

(К годовщине со дня смерти)

2 апреля 1954 г. историческая наука нового Китая понесла тяжелую утрату. После продолжительной болезни в Пекине скончался известный китайский археолог, заместитель директора Института археологии Академии наук КНР, профессор Лян Сы-юн. Со смертью Лян Сы-юна мировая наука потеряла неутомимого труженика, участника многих археологических раскопок, автора крупных работ по неолиту и бронзовому веку Китая, одного из первооткрывателей культуры Луншань.

Раскопки, произведенные ученым, вместе с написанными им исследованиями, заложили основу комплексного изучения культур позднего неолита и раннего бронзового века в Китае. Установив наличие в одних и тех же районах остатков культур Яншао и Луншань, Лян Сы-юн поставил вопрос об их взаимосвязях и о преемственности, связывающей с ними культуру Инь. Вопрос этот стал впоследствии в центре внимания историков и археологов, занимающихся проблемами возникновения классового общества в Китае. Работы Лян Сы-юна в значительнейшей мере способствовали поднятию общего научного уровня китайской археологии.

Советские историки и археологи в лице товарища Лян Сы-юна потеряли искреннего друга советской науки и советского народа.

Лян Сы-юн родился в местечке Синьхой, провинции Гуандун, в 1904 г. После окончания в 1924 г. университета «Цинхуа» он выезжает за границу, где пополняет свои знания в области археологии и антропологии. Научные интересы молодого ученого определились уже в то время, когда, занимаясь в Гарвардском университете, он принимал участие в раскопках, организованных для изучения культуры древних обитателей Америки; в это же время он занимался специальными исследованиями в области архео-

логии Восточной Азии. Чтобы ознакомиться с состоянием отечественной археологии, Лян Сы-юн в каникулы приезжал в Китай. Здесь он исследовал хранившиеся в пекинском университете «Цинхуа» фрагменты относящихся к эпохе неолита глиняных сосудов; ученый впоследствии опубликовал об этом статью. Вернувшись в 1930 г. на родину, Лян Сы-юн принимает активное участие в археологических экспедициях Института истории и филологии. Одновременно с этим он ведет преподавательскую работу в Пекинском университете. Осенью этого же года он принял участие в раскопках в Ананси (провинция Хэйлунцзян), а зимой производил рекогносцировку в провинции Жэхэ. За 38 дней, проведенных ученым в Жэхэ, он проехал свыше 600 км и во многих местах собрал каменные орудия и обломки керамики, относящиеся к эпохе неолита.

Весной 1931 г. Лян Сы-юн участвовал в раскопках иньской столицы в Хоугане под Аньяном. Осенью 1931 г. он принял участие в раскопках близ села Чэнцзыяй уезда Луншань (пров. Шаньдун), а затем снова вернулся в Хоуган. С весны 1932 г. до лета 1934 г. ученый был оторван от работы тяжелой болезнью. Осенью 1934 г. Лян Сы-юн возглавил раскопки иньских гробниц в Сибэйгане под Аньяном. Масштаб этих раскопок, продолжавшихся до осени 1935 г., превосходил все, что до тех пор предпринималось в китайской археологии. Благодаря тщательной, филигранной работе археологов удалось добыть огромное количество интересных предметов.

В условиях реакционного режима, когда гоминдановское правительство бесстыдно продавало свою страну империалистам, деятельность китайских археологов встречала большие трудности. И если в те годы китайская наука добилась значительных успехов в области археологического изучения своей страны, то в этом прежде всего заслуга самоотверженных ученых-патриотов. Несмотря на материальные трудности и лишения, на отказ правительственных органов предоставлять им издательства и средства, они делали все новые и новые открытия, расширяя знания об истории своей родины.

В эти годы историки ряда империалистических государств, на основе находок расписной керамики на стоянке Яншао и утверждения об отсутствии дальнейших связей ее с культурой периода Инь, выдвинули теорию о «западном происхождении китайской культуры». Таким образом, решение вопроса о месте культуры Яншао в историческом развитии Китая встало перед китайскими археологами и историками как проблема чрезвычайной важности. Решение этой проблемы с подлинно научных позиций принадлежит Лян Сы-юну.

Открытие археологом У Цзинь-динем неолитической стоянки Чэнцзыяй в Шаньдуне позволило Лян Сы-юну, принявшему сразу же после обнаружения этого памятника участие в раскопках, установить новую культуру Луншань и отвергнуть тезис иностранных ученых о западном происхождении китайской культуры.

Лян Сы-юн на основе изучения материала стоянки Чэнцзыяй с самого начала отстаивал в своих трудах принципиальное положение о преемственности культур Яншао и Луншань и об их тесной связи с культурой Сяотунь—культурой иньского периода истории Китая. Это положение, характеризующее последовательную смену культур Яншао — Луншань — Сяотунь, стало общепризнанным и легло в основу теории об автохтонном происхождении китайцев.

Теоретические труды и публикации материалов Лян Сы-юна всегда отличались безукоризненной точностью, настоящей научной страстностью, обилием добротных фактических данных. Первые свои большие труды Лян Сы-юн опубликовал на английском языке: «Неолитическая керамика доисторической стоянки Сииньцунь провинции Шаньси» (1930 г.) и «Некоторые вопросы археологии Восточной Азии» (1931 г.).

В 1933—1934 гг. на китайском языке одна за другой выходят его работы: «Доисторическая стоянка Ананси», «Заметки о раскопках в Хоугане», «Луншань и Яншао Сяотуня», «Чэнцзыяй». В них разбираются вопросы о связях культуры Ланшань с культурами Яншая и Сяотунь. В 1939 г. Лян Сы-юн опубликовывает свой доклад «Культура Луншань». В этот же период он неоднократно выступает с отчетными докладами и лекциями перед археологами и студентами университета.

Развязанная в 1937 г. Японией «большая война» против Китая явилась причиной прекращения археологических работ на всемирно известных стоянках.

В 1937 г., когда началась война сопротивления китайского народа японской агрессии, Лян Сы-юн вместе с учреждениями Академии наук эвакуировался в Чанша. Отсюда ученому пришлось перебраться в Гуйлин, затем в Куньмин и, наконец, в Наньци (пров. Сычуань). Во время этих скитаний он пользовался каждой возможностью для сбора и обработки археологического материала.

Неутомимая работа, лишения, вызванные постыдным равнодушием чиновников реакционного правительства, подорвали здоровье Лян Сы-юна, и в 1942 г. тяжелая болезнь надолго приковала его к постели. Впервые он пытается встать с постели после разгрома японских захватчиков, чтобы перебраться в Нанкин к своим материалам и закончить подготовку рукописи о раскопках в районе Сибэйган иньского городища. Болезнь вновь одолела ученого.

Тяжело больным, прикованным к постели Лян Сы-юн встретил светлый день освобождения — победу своего народа, провозглашение Китайской Народной Республики. По его просьбе друзья перевозят его в Пекин. В 1950 г. создается Академия наук, Лян Сы-юна избирают его членом и назначают заместителем директора Института археологии. Новая жизнь как бы влила новые силы в больного археолога. Лян Сы-юн встает с постели, спешно готовит свои материалы к изданию, посещает научные заседания, делится своим опытом с молодыми археологами, консультирует студентов.

В эти радостные дни возрождения Китая больной Лян Сы-юн неоднократно повторял: «Наступила эпоха больших археологических открытий в Китае, и как жалко, что старый Китай оставил мало талантливых археологических работ». Он призывал ученых наверстать упущенное и сам стремился сделать это, но болезнь не позволяла ему осуществить новые планы. В сентябре 1953 г. наступило резкое ухудшение состояния здоровья. Через несколько месяцев Лян Сы-юн умер.

Подорванное здоровье ученого не позволяло ему в последние годы принимать участие в полевых раскопках. Все свои силы ученый отдавал делу планирования археологических работ, руководству полевыми раскопками и внутриинститутскими исследованиями и воспитанию молодых археологов.

Замечательными качествами Лян Сы-юна-археолога были широкий кругозор в сочетании со скрупулезной точностью и тщательностью в работе. Возглавляя раскопки большого масштаба, он прежде всего расценивал каждый вопрос с точки зрения перспектив всей работы в целом, но в то же время не допускал ошибок и погрешностей в мелочах.

Особенно значительный вклад Лян Сы-юн внес в изучение китайского неолита. Написанные им отчеты о раскопках в Ананси и о рекогносцировке в Жэхэ позволяют наметить решение ряда вопросов, относящихся к микролитической культуре степей Монголии и Маньчжурии. Важнейшим трудом ученого является обстоятельный отчет о раскопках в Чэнцзыяй, издание которого было большим событием в истории китайской археологии. Лян Сы-юн написал, кроме того, отдельную статью о культуре Луншань. В ней он подробно охарактеризовал луншаньскую культуру и проанализировал ее специфические черты. На основании материалов раскопок в Хоугане ученый написал две работы об остатках культур Яншао и Луншань в Сяотуне, на месте раскопок столицы Инь. Тщательное наблюдение над расположением слоев земли, как сказано выше, дало возможность Лян Сы-юну установить последовательность культур Яншао и Луншань и связи с ними культуры Иньского государства.

Одной из тем, особенно интересовавших Лян Сы-юна, было исследование техники древнекитайского ремесла. Лян Сы-юн считал, что разрешению загадок, перед которыми ставят исследователя замечательные по технике выполнения изделия древнекитайского ремесла, может помочь сравнение с орудиями, которые употребляют современные китайские ремесленники. Ученый занимался изысканиями в области техники изготовления яшмовых сосудов в Пекине; будучи в Куньмине, он изучал гончарную технику.

Самозабвенная преданность Лян Сы-юна своему делу вдохновляет китайских археологов на дальнейшие достижения. Светлый образ Лян Сы-юна будет жить в сердцах ученых — исследователей древнего Китая.

Обзор основных археологических открытий в Греции за послевоенные годы

Возобновление после второй мировой войны раскопок в Дельфах, Аттике, Коринфе, а также в Микенах, Аргосе, Пилосе и других пунктах Пелопоннеса дало чрезвычайно интересные результаты для исторической науки.

Одними из наиболее важных являются раскопки в Афинах. Основные работы сосредоточились на афинской агоре; продолжалось также, хотя и в меньших масштабах, исследование Акрополя. Археологические работы, прерванные второй мировой войной, были возобновлены в 1946 г. На Акрополе исследовался северо-восточный угол Парфенона, с целью локализации статуй, описанных Павсанием. На агоре раскопки шли в восточной, северо-восточной и главным образом в юго-западной части площади. В 1950 г. в северо-восточном углу агоры были открыты небольшие здания, завершающие агору с северо-востока. Был в основном выяснен план агоры раннеримского времени, а также в результате раскопок последующих лет, определены границы агоры в архаический, классический и эллинистический периоды. На агоре были открыты интересные архитектурные и скульптурные памятники, большое количество керамики, надписи, имеющие важное историческое значение[1].

В результате раскопок 1952 г., выявивших южную границу ранней агоры, можно с достаточной определенностью говорить о периодах ее существования[2]. Агора возникла на месте некрополя. Как показал в своем исследовании Р. Юнг, на территории агоры[3] были обнаружены захоронения — как трупоположения, так и кремации — от периода поздней бронзы до архаического периода (к более позднему времени — IV—III вв.— относятся кремации детей). В VI в. до н. э. агора стала центром всей жизни города. На агоре собиралось народное собрание, на специальной орхестре здесь происходили драматические представления. В VI—V вв. до н. э. площадь агоры с севера на юг равнялась 200 м. Около 500 г. до н. э. драматические представления бы были перенесены с орхестры на агоре на южный склон Акрополя, а народное собрание стало собираться на Пниксе. В это время на агоре сосредоточиваются различные общественные учреждения: булевтерий, здание, где помещался государственный архив, здание, где хранились государственные стандарты мер и весов. Эти здания занимали юго-западный угол агоры. Во время раскопок 1949 г. в том же районе было открыто небольшое здание также общественного характера. Перед ним находился монумент из мрамора. Одна из сторон каменного блока, на котором был установлен монумент, была покрыта слоем красной штукатурки. Штукатурка датируется V в. до н. э. (само здание более позднего времени — около I в. н. э). После тщательного исследования археологи пришли к выводу, что монумент представляет собой изображение кровельной черепицы и является не чем иным, как городским стандартом, по образцу которого должны были крыться дома в Афинах[4]. Существование такого стандарта указывает на строгий контроль, осуществляемый афинским полисом за городским строительством. В V—IV вв. вокруг площади сооружаются здания, предназначенные для заседаний судов.

В эллинистический период на агоре происходят радикальные изменения. Изменяется само назначение агоры: часть площади постепенно превращается в место для производства торговых операций. Это постепенное превращение начинается с III в. до н. э., когда в южной части агоры сооружается здание с колоннадой, предназначенное

[1] К сожалению, отчеты и статьи об этих раскопках, опубликованные в журнале «Hesperia», носят вещеведческий характер, историческое же значение того или иного памятника почти не отмечается.

[2] См. H. A. Thomson, Excavations in the Athenian agora, 1952, AJA, 1953, 1, стр. 21 сл.

[3] R. S. Young, Sepulturae intra urbem, «Hesperia», 1953, 2, стр. 67 сл.

[4] G. P. Stevens, The tile standard in the agora of ancient Athens, «Hesrperia» 1950, 3, стр. 174 сл.

для заключения деловых и торговых соглашений. Во II в. до н. э. южная часть площади окончательно превращается в рынок. То обстоятельство, что часть центральной площади города используется для рынка, что является характерным для эллинистического периода, свидетельствует, по нашему мнению, о падении значения различных общественных учреждений города и указывает на резкое понижение политической активности граждан в это время. Повидимому, это превращение можно связывать с вырождением в Афинах полисной демократии. В римское время в остальной части агоры воздвигаются различные парадные здания. Южная часть ее продолжает служить рынком, но широкие улицы, ведущие к этой части агоры, были в римский период застроены и проезд на агору был закрыт. Со времени II в. н. э. торговая площадь могла быть использована только для мелкой, внутригородской торговли. Застройка проезда к рынку была связана, по всей вероятности, с сокращением торговли Афин.

В позднеримский период на агоре, так же как и в других районах города, происходит разрушение многих старых зданий, камни которых идут на оборонительные сооружения: здания агоры, поскольку они давали для этих построек прекрасный строительный материал, дошли в сильно разрушенном виде.

Одним из наиболее интересных районов, раскопанных за послевоенные годы, является ремесленный район Афин. Этот район был расположен в долине, на юго-запад от торговой площади города. Он примыкал на востоке к Ареопагу и на западе к Пниксу и холму Нимф. Исследование ремесленного района Афин в основном было завершено уже работами 1949 г.[1] Раскопки обнаружили три главные улицы древних Афин. Одна улица вела с агоры на Пникс, другая связывала Акрополь и Ареопаг с Пирейскими воротами Афин, третья соединяла юго-западные районы Афин с Пирейскими и Дипилонскими воротами. Улицы эти соответственно названы археологами: улица Ареопага, Пирейская улица и Мелитская улица. Последняя названа по имени дема, через который она проходила. Кроме того, в этом районе были и другие улицы, примыкавшие к главным. В более ранние периоды на месте расположения ремесленного района Афин находился некрополь. Склоны Ареопага в римский период были застроены домами богатых граждан. Дома эти украшены расписной штукатуркой, полы выложены мраморными плитами. Жилища богатых людей были построены на более высоких местах в восточной и западной частях города, в то время как дно долины занимали небольшие дома, лавки и мастерские. В этом районе жило большое количество мастеров по бронзе, кузнецов, мастеров по изготовлению изделий из терракоты. Особенно была развита обработка мрамора. Одна из улиц этого района даже была названа археологами улицей Мастеров по мрамору (к юго-западу от агоры). Застройка этой улицы относится к V—IV вв. до н. э. Остатки домов и мастерских ремесленного района Афин относятся к концу VI—IV вв. до н. э. , эллинистическому и римскому периодам. Создание же в Афинах специально ремесленного квартала совпадает с развитием и расцветом полисной демократии. В этом же районе была обнаружена дренажная труба, сооруженная из крупных каменных блоков в начале V в. до н. э. В начале IV в., в том месте, где эта труба проходила по улице, ведущей к Пирейским воротам, через нее был выстроен мост из крупных прямоугольных блоков, шириной около четырех метров, кронштейновой конструкции. Это сооружение свидетельствует о довольно высокой технике строительства у афинян.

Раскопки ремесленного района Афин дают также возможность отметить степень развития той или иной отрасли ремесла в различные периоды истории города. В V в. до н. э. была особенно развита обработка мрамора. Начиная с IV в. до н. э. особенно в классический и римский периоды развивается коропластика— изготовление терракотовых изделий. Интересно отметить, что остатков ремесленных мастерских эллинистического времени почти не сохранилось. Обнаружены остатки лишь одной гончарной мастерской II в. до н. э. и мастерской по изготовлению терракотовых изделий. Р. Юнг

[1] R. S. Young, An industrial district of ancient Athens, «Hesperia», 1951, 3, стр. 135 сл.

высказывает предположение, что некоторое время в течение эллинистического периода ремесленный район Афин был заброшен. Возможно, такую «заброшенность» одного из важнейших районов города следует объяснить общим сокращением ремесленного производства в Афинах, в связи с потерей ими экономического могущества. В римское время здесь опять строятся мастерские.

Из крупных зданий ремесленного района интересно здание, построенное у северо-западного склона Ареопага и относящееся к V в. до н. э. Здание состоит из большого открытого двора и маленьких комнат по обеим сторонам центрального коридора. В западном крыле дома находилось пять комнат, в восточном крыле — три. В северо-западном углу две комнаты, в северо-восточном, возможно, четыре. Судя по размерам здания и его прекрасной строительной технике (стены здания сложены из крупных, тщательно обтесанных блоков), оно, повидимому, имело общественное назначение. Однако асимметрия, наблюдаемая в здании, вообще не свойственна общественным сооружениям Афин. Подобное здание было открыто на агоре несколько раньше, и относится оно ко второй половине V в. до н. э. По мнению одних археологов, это здание имело получастный характер и служило для операций, производимых трапедзитами. По мнению других,— оба здания являются дикастериями. Юнг не склоняется в пользу ни одного из этих предположений, считая, что ни для той ни для другой точки зрения нет пока еще достаточных оснований. Мне кажется первое предположение более вероятным: в связи с развитием ремесла и увеличением торговых операций в ремесленном районе Афин строится дом для конторы трапедзита, которая и обслуживает все сделки между владельцами находившихся здесь мастерских. Большие размеры дома свидетельствуют о богатстве и влиянии этой конторы, вполне возможных при величине торговых оборотов Афин того времени. Судя по незначительным размерам ремесленных мастерских, преобладающим в Афинах было, видимо, мелкое ремесло. В одной из таких мастерских найдена надпись IV в. до н. э., сделанная от имени кузнеца Аристомаха, кузнеца Пиррия и еще какого-то Сосия — ламийца, профессия которого не определена. Надпись посвящена подземным богам. Юнг предполагает, что один из этих людей был владельцем дома-мастерской, где была найдена надпись. Следы обработки металла подтверждают, что в доме жили кузнецы: кузнец— владелец мастерской, его сотоварищ и их помощник— Сосий, который, как предполагает Юнг, был рабом или метеком (по моему мнению, скорее метеком,— *И. С.*). По всей вероятности, эти трое людей и составляли всю кузнечную мастерскую.

Раскопки западных склонов Ареопага также дают материалы по ранней истории Афин. Здесь открыто большое количество погребений микенского и геометрического периодов. В геометрический период сосуществовал обряд трупоположения и трупосожжения. При раскопках одного из домов в 1946 г. во дворе дома была открыта кремация V в. до н. э., причем дом продолжал быть обитаемым и до и после времени погребения. На западном склоне Ареопага был раскопан (сезон 1946 г.) водосток, построенный во второй половине V в. до н. э. для стока воды с холма. В начале IV в. до н. э. направление водостока было изменено, причем, как отмечает Томсон, стены нового водостока сделаны столь различно, что можно подумать, что они делались по частям владельцами соседних участков[1].

Из отдельных наиболее важных сооружений, открытых на афинской агоре, интересен акведук VI в. до н. э., раскопанный в 1953 г. Размеры акведука — 0,6 × 1 м. в нижнем сечении. Он шел под улицей, а затем выходил в дом с фонтаном. Такие дома с фонтанами, как показали раскопки, существовали в архаический период в юго-западном и юго-восточном углах агоры, что свидетельствует о том, что уже в архаический период было налажено снабжение агоры водой.

В 1946 г. были возобновлены раскопки Одеона, который начал раскапываться еще в 1934 г. Постройка Одеона относится ко времени Августа, но в течение I—II вв.

---

* H. A. T h o m s o n, Excavations in the Athenian agora, 1952, «Hesperia», 1953, 1, стр. 29 сл.

н. э. он подвергался перестройке. Одеон был расположен на оси площади, ведущей с севера на юг. Его главный — северный — фасад выходил на Панафинейскую дорогу. В первоначальной своей конструкции Одеон не имел внутренних подпорок крыши, после перестроек такие подпорки были введены. Второй этаж Одеона, занимавший меньшую площадь, был украшен пилонами. Внутри Одеона находился большой зал с небольшой сценой и каменными скамьями. Места были рассчитаны на тысячу зрителей. Сцена Одеона скорее была приспособлена для музыкальных состязаний и выступлений ораторов, чем для драматических представлений, и после перестроек в I —II вв. н. э. Одеон окончательно перестал использоваться для драматических представлений[1]. Постройка Одеона — крытого театра с ограниченным, по сравнению с театром на склоне Акрополя, количеством мест для зрителей — указывает на то, что культура эллинистическо-римских Афин перестала быть культурой всех афинских граждан, но только аристократической верхушки.

Также на агоре было открыто большое количество храмов и различных парадных зданий. Исследовались Южный портик, Средний портик, Алтарь двенадцати богов, храм Ареса. В 1950 г. на площади к северу от Одеона и к востоку от храма Ареса (недалеко от последнего) был обнаружен алтарь Ареса.

В восточной части агоры все послевоенные годы заняты тщательным исследованием Портика Аттала, который должен быть реконструирован и превращен в музей раскопок афинской агоры. При раскопках района вокруг Портика Аттала была открыта стена V в. н. э., построенная из камней вторичного использования, принадлежавших ранее находившемуся здесь зданию. Камни сохранили следы росписи. По мнению археологов, камни принадлежат Цветному портику — знаменитой «Стоа пойкиле», которая находилась недалеко от Портика Аттала и была построена в середине V в. до н. э.

Исключительно интересны материалы афинских раскопок, относящихся к микенскому времени. Уже в результате довоенных раскопок было установлено, что система укреплений древнего афинского Акрополя была идентичной тому типу строительства, который отличает главные ворота Микен. Так называемая Пелазгическая, или Киклопическая стена вокруг Акрополя датируется второй половиной XIII в. до н. э. За стенами были обнаружены небольшие дома, которые, как выяснили археологи, были покинуты вскоре после их постройки. В одном из домов был найден горшок, стоявший прямо на золе в очаге — ясное свидетельство того, что дом был покинут внезапно. По всей вероятности, это оставление домов следует связывать с нашествием дорийцев хотя, как показывают археологические данные, Акрополь не был взят. Раскопки обнаружили остатки древней системы водоснабжения Акрополя, благодаря которой он смог выдержать осаду[2].

За послевоенные годы в Афинах открыто большое количество погребений микенского времени. Каждый сезон раскопок приносит все новые и новые данные. В настоящее время нет ни одного района агоры, где бы не было обнаружено остатков микенских погребений. Микенские захоронения открыты в северо-восточной части агоры, в районе Одеона, при постройке которого эти погребения были потревожены, около Южного портика, около Портика Аттала, в районе к западу от Ареопага и др. Как показали раскопки сезона 1951 г., агора находилась на месте некрополя, который использовался непрерывно в течение XV—X вв. до н. э. Во время раскопок 1951 г. было открыто одно из наиболее ранних погребений микенского времени — погребение молодой девушки, в котором были найдены вазы, подобные вазам, найденным в Микенах в погребении под Львиными воротами. В погребении найдены также гребень и булавка слоновой кости, ожерелье из пасты и другие вещи[3].

[1] H. A. Thomson, The Excavations of the Athenian agora, 1940—1946, стр. 200 сл.

[2] AJA, 1948, 1, стр. 111 сл.

[3] AJA,1952, 2, стр. 121 сл.

На северном склоне Акрополя и на склонах холма Нимф также раскрыты многочисленные захоронения микенского времени. Погребения, вырытые в этих холмах имеют маленькие камеры и крутые дромосы. Такое строение могил вызывалось тем, что они сооружались в очень мягком и глинистом холме.

Интересно погребение, открытое в 1951 г. около храма Ареса. В нем обнаружено тринадцать захоронений, вероятно людей, принадлежавших к одному роду, использовавших это погребение в течение трех веков. В погребениях найдено большое количество керамики. Исследование керамики микенского времени показывает, что так называемые «микенские вазы» производились в различных центрах микенского мира: в Афинах, Фивах, Коринфе, Пилосе и других местах Греции. С середины XIII в., после появления дорийцев , когда ослабляются связи между отдельными центрами микенской культуры, каждый из них, в том числе и Афины, вырабатывает в керамике свой особый стиль.

Микенские погребения встречаются по всей Аттике. В 1953 г. греческими археологами в различных местах Аттики было раскопано более десяти захоронений микенского времени. Одно из них представляет собой кремацию и относится не к геометрическому периоду, когда кремация была обычным обрядом погребения, а к позднемикенскому. Среди вещей, найденных в этой могиле, находился фаянсовый диск с картушем Рамсеса II (XIII в), что дает основание для приблизительной датировки могилы[1].

Таким образом, в результате раскопок, открывших многочисленные памятники микенской эпохи, Афины предстают перед нами как один из крупнейших центров того времени.

Раскопки агоры за послевоенный период дали ряд ценных эпиграфических памятников. К таким памятникам относятся опубликованные М. Кроссби постановления о сдаче Лаврийских рудников в аренду[2]. Все надписи относятся к IV в. до н. э., но издатель предполагает, что и в V в. Лаврийские рудники сдавались в аренду (см. Aristoph., Equit, 36,2). Ставились эти надписи на агоре около Булевтерия. Каждый год особые должностные лица — полеты — в конце своего срока ставили стелу с указанием, что рудники сданы в аренду, а конфискованное имущество продано. Обычно такая стела об аренде рудника включает имя арендатора, цену, иногда имена людей, которые обследовали рудник, название, местонахождение и классификацию рудника, описание границ рудника с четырех сторон. В том случае, если рудник был расположен на частной земле, указывалось имя владельца этой местности. Рудники обычно назывались по именам божеств, героев или демов.

Арендные договоры можно разделить на два типа: возобновление аренды или передача рудника в новые руки. Срок аренды, как предполагает Кроссби, в первом случае был три года, во втором — семь лет. Если аренду рудника возобновляет прежний арендатор, то срок аренды определяется в три года, если рудник переходил к новому арендатору,— семь лет. При первой аренде рудника арендная плата устанавливалась от двадцати драхм. К концу IV в. арендная плата резко возрастает и достигает 150 драхм. Такое возрастание арендной платы не может объясняться повышением доходности рудников; напротив, доходность рудников после завоеваний Александра Македонского резко пала. Увеличение арендной платы, повидимому, было вызвано общим повышением цен в Греции того времени.

Раскопки обнаружили другой интересный документ по истории Афин IV в. до н. э. — закон против тирании[3]. Этот закон был принят через два года после Херонейской битвы. По этому закону, убивший тирана или намеревающегося захватить власть остается безнаказанным. В случае, если демократический образ правления будет свергнут, в Афинах запрещается членам Ареопага выходить на Ареопаг, заседать

---

[1] AJA, 1954, 3, стр. 231 сл.

[2] «Hesperia», 1950, 3, стр. 189 сл.

[3] «Hesperia», 1952, 4, стр. 355.

в совете Ареопага и совещаться о каких бы то ни было делах. В противном случае члены Ареопага будут лишены гражданских прав с конфискацией имущества. Это постановление было принято, по всей вероятности, для того, чтобы Ареопаг не был использован для легализации тирании. Принятие этого закона указывает также на то, в какой напряженной обстановке социальной борьбы жили Афины после битвы при Херонее.

Важное значение имеет также найденная стела о продаже конфискованного имущества гермокопидов[1]. В ней подробно перечисляется имущество, выставленное на продажу, и указываются цены, за которые оно продается. Стела дает сведения относительно уровня цен в Афинах. В нескольких фрагментах стелы называется поле, земельный участок, дом; из сельскохозяйственных культур упоминаются оливы, фиги и виноград. Стела сообщает также о продаже урожая на корню. В одном из фрагментов ее, к сожалению недостаточно ясном, упоминается какая-то собственность из Троады. Продаются также рабы, которые нигде не названы их общим термином — δοῦλοι, но везде по их профессии — τραπεζοποιός, ὀβελισκοποιός и т. д. Помимо этих крупных надписей, интерес представляют и более мелкие — например, ὅροι, в большом количестве найденные по всей Аттике[2], и остраконы. Во время сезона 1952 г. был найден остракон с именем Перикла, сына Ксантиппа. Это — второй остракон, найденный за все время раскопок афинской агоры (первый был обнаружен в 1940 г.). Остракон относится, повидимому, к 445 г. до н. э., когда был изгнан Фукидид, сын Мелесия[3]. В 1951 г. была открыта стела над могилой воинов, павших во время Пелопоннесской войны. В их числе упоминаются лучники-варвары, по всей вероятности наемники, которых афиняне использовали на своей службе[4].

Помимо Афин, довольно значительные раскопки на территории Аттики производились также в Элевсине. В результате этих раскопок была выяснена топография города. Наиболее ранние следы заселения Элевсина обнаружены на южной и восточной частях холма, расположенного в Элевсинской долине. В восточной части находился Акрополь, который был укреплен уже в микенское время. В начале I тысячелетия до н. э. заселяется и северная часть. В геометрический период с восточного склона исчезают частные дома, и это место занимает святилище Деметры, возникшее на месте какого-то другого святилища, воздвигнутого здесь раньше. Наибольшего размера площадь, занятая храмом, достигает в IV в. до н. э. Священная округа от остальной части города была отделена стеной. Внутри она была поделена на две части стеной — одну часть занимал храм, другую — служебные постройки и жилища жрецов. Раскопки производились и в самом городе Элевсине. Были открыты стены, примыкающие к стенам, окружавшим территорию святилища, городские ворота: Южные и Мегарские. В городе были обнаружены остатки улиц, домов, цистерн. Как показали раскопки, город простирался значительно дальше на запад, чем предполагалось раньше. В эллинистический период в западной части холма была сооружена крепость[5]. В 1953 г. при раскопках дороги, ведущей из Элевсина в Мегары, открыто большое количество погребений среднеэлладского и микенского времени[6].

Интересные материалы, относящиеся к микенскому времени были найдены в различных районах Греции.

В 1953 г. при раскопках в Фарсале был открыт Некрополь микенского времени[7] — первое свидетельство того, что в Фарсале уже в микенский период находилось какое-то поселение.

Французская археологическая экспедиция продолжала раскопки храма Аполлона

---

[1] Там же, 1953, 4, стр. 225 сл.

[2] См. M. J. Finley, Studies in land and credit in ancient Athens, 1951.

[3] AJA, 1952, 2, стр. 122 сл.

[4] «Hesperia», 1952, 4, стр. 340.

[5] J. Travlos, The topography of Eleusis, «Hesperia», 1949, 1, стр. 138 сл.

[6] AJA, 1954, 3, стр. 231 сл.

[7] Там же, стр. 237.

в Дельфах. Раскопки обнаружили большое количество фрагментов микенской керамики; во время сезона 1949 г. были найдены остатки великолепной расписной вазы, а также терракотовые изделия. Предполагают, что в микенский период на местах будущего храма Аполлона уже существовало какое-то святилище. В Дельфах обнаружены следы обитания также и в геометрический период[1], что свидетельствует о непрерывности обитания Дельф, начиная с микенского времени. Повидимому, можно предполагать и преемственность между храмом Аполлона и древним микенским святилищем Дельф.

Ведутся также раскопки агоры в Коринфе хотя и в значительно меньших масштабах, чем раскопки афинской агоры. Тем не менее раскопки выявили план Коринфа II в. н. э. Прослежено постепенное расширение агоры, начавшееся с середины VI в. до н. э. Наиболее интересные материалы коринфских раскопок относятся к раннему времени. В 1947 г. в Коринфе были найдены фрагменты неолитических сосудов. Был открыт также колодец, вырубленный в скале. Глубина его достигает 6,5 м, диаметр равен 1 м. Сооружение колодца относится к III тысячелетию до н. э. Этим же временем датируется стена, раскопанная в 1952 г. к северу от Южного портика на агоре.

До последних лет в Коринфе не было обнаружено следов микенских поселений, хотя раскопками 1947 г. обнаружены погребения IX в. и стена VIII в., параллельная древней стене[2]. Но в 1948 г. при раскопках на агоре базилики Юлия, построенной при императоре Клавдии, было найдено большое количество домашней утвари, датируемой XIII в. до н. э. Таким образом, сейчас встает вопрос о существовании микенского поселения на месте классического Коринфа[3].

В Аргосе производилось исследование храма Геры. При раскопках вокруг храма во время сезона 1949 г. были открыты стены домов микенского времени. Несколько зданий было расположено тесной группой на восточном склоне холма. Все здания небольших размеров. Раскопки в Аргосе дают основание считать, что Аргос был обитаем в микенский, геометрический и последующие периоды. Первые следы поселений относятся к раннеэлладскому периоду, т. е. к III тысячелетию до н. э. Обнаружены также памятники XV, XIV и XIII вв. до н. э. Не сохранилось только следов позднемикенского и раннегеометрического периодов. Возможно, в связи с появлением дорийцев поселение это было покинуто или разрушено. Около конца VIII в. этот район использовался для свалки, а затем был застроен вновь. В середине VI в. до н. э. здесь появляется святилище[4].

В 1952-1955 гг. производились раскопки в небольшом поселении Лерна, находящемся недалеко от Аргосского залива. Лерна была обитаема уже в период неолита. Найдены остатки дома III тысячелетия, так называемого «дома черепицы», получившего свое название от большого количества найденной здесь черепицы, перекрывавшей крышу. Дом напоминает постройки Трои II. Найденные в доме предметы: крышка с каймой кикладского происхождения, кувшин, по всей вероятности привезенный из района Трои,— свидетельствуют о сношениях Лерны с внешним миром. В первой половине II тысячелетия поселение разрастается. Обнаружены многочисленные погребения. В этот период у жителей Лерны существовал обычай трупосожжения детей и взрослых, причем умерших хоронили внутри домов и в пространстве между ними. Однако наряду с этими захоронениями существовало и отдельное кладбище. В позднемикенский период поселение сосредоточивается главным образом на восточном склоне холма; так же как поселения микенского времени в Элевсине и Аргосе Лерна была обитаема непрерывно во всяком случае до конца эллинистического периода[5].

---

[1] AJA, 1950, 3, стр. 257 сл.

[2] «Hesperia», 1949, 1, стр. 148 сл.

[3] Там же, стр. 156.

[4] J. L. Caskey and P. Amandry, Investigations at the Heraion of Argos 1949, «Hesperia», 1952, 3, стр. 165 сл.

[5] «Hesperia», 1954, 1, стр. 1 сл.

В 1950 г. английские археологи возобновили раскопки в Микенах. Раскапывалась стена, относящаяся к среднеэлладскому периоду, а также здания, открытые еще до войны. Шли раскопки Киклопической террасы к юго-западу от гробницы Клитемнестры. Как показывают раскопки, это сооружение погибло в результате грандиозного пожара. В 1953 г. производились работы в двух домах к северу и югу от так называемого «дома торговца маслом». И в том и в другом доме найдено большое количество табличек с линейным письмом В. Повидимому, пользование этим письмом было широко распространено среди микенского населения [1].

Анализ материалов раскопок показывает, что после 1240 г. до н. э. Микены оказались отрезанными от островов и поселений на малоазийском берегу. Торговля Микен резко сократилась. Но благодаря своим обширным владениям на материке Микены продолжали оставаться значительным городом. Так, раскопки обнаружили в Микенах большой амбар, вероятно для хранения сельскохозяйственных продуктов, построенный после 1240 г. до н. э. [2]

Одними из наиболее интересных раскопок, производившихся за последние годы, являются раскопки Пилоса. Еще в 1939 г. совместно греческими и американскими археологами были начаты предварительные исследования в западной Мессении, около небольшого местечка Эпано Энглианос, к северу от Наваринской бухты. На холме было обнаружено здание микенского времени, погибшее от пожара. Здание представляло собой большой дворец, занимавший юго-западную часть холма. Уже при первых работах 1939 г. была открыта комната с большим количеством табличек, исписанных линейным шрифтом В, которую археологи назвали Архивом. Во время раскопок 1952 г. было раскрыто несколько небольших комнат, одна из которых, возможно, являлась кладовой, так как там было найдено огромное количество простых киликов. В другой комнате находилась часть жертвенного стола. За этими помещениями была открыта комната больших размеров, по своему типу напоминающая классический мегарон. Помещение это состояло из большого зала, вестибюля и двухколонного портика, который выходил во двор. Помещение оказалось во многих отношениях сходным с аналогичными помещениями во дворцах Микен и Тиринфа. Длина большого зала равняется 12,9 м, ширина —21,2 м. Крыша поддерживалась четырьмя колоннами, от которых сохранились каменные базы. Возможно, сами колонны были из дерева. Сохранились следы фресок, которыми были покрыты стены. Стены в настоящее время возвышаются от одного до одного с четвертью метра. Можно предположить, что был и второй этаж. В зале сохранился очаг — круглое каменное сооружение 4,02 м в диаметре. Очаг был покрыт штукатуркой. Пол также был покрыт слоем раскрашенной штукатурки. Весь пол разделен двойными врезанными линиями на шахматные квадраты. Сторона такого квадрата около 1,006 м. Квадраты заполнены различными узорами — волнистыми линиями, прямоугольниками, кругами и т. п., различных цветов. Продомос, или вестибюль, имел около 4,6 м в глубину. Прямо против двери в зал находился другой дверной проем меньших размеров, который вел к портику. Пол вестибюля расписан так же, как и пол зала. Направо от двери сохранилось возвышение из штукатурки без четко очерченных границ. Это возвышение могло служить базой для стула или трона. Подобное же возвышение имелось в полу зала. В вестибюле найдены две таблички с надписями.

Рядом с мегароном, по направлению к северо-востоку, существовал какой-то узкий проход или коридор, за которым был обнаружен комплекс комнат. Чтобы выяснить границы дворца, были заложены траншеи, одна из которых прошла через Архивную комнату, открытую в 1939 г. К югу от этой комнаты было обнаружено другое помещение, где были найдены осколки огромного пифоса с ребристой поверхностью, большое количество обожженных костей животных и рядом с костями больше дюжины маленьких вотивных киликов. Возможно, здесь помещалось святилище сбитателей дворца. На одном из каменных квадратных блоков стены, на внешней стороне, сохра-

[1] AJA, 1954, 3, стр. 233.

[2] AJA, 1948, стр. 108.

нился вырезанный знак двойного топора. На полу в северо-восточной части комнаты оказалось триста штук полных табличек с надписями.

Дворец носит следы двух периодов обитания: пол в комнате, находящейся за архивной, положен на более ранний слой. Дворец датируется тем же временем, что и дворец Микен и Тиринфа. В районе, примыкающем ко дворцу, обнаружены захоронения. Вероятно, здесь был Некрополь для обитателей дворца. Сопоставляя данные раскопок с греческой традицией, которая рассказывает о Несторе, правившем в юго-западном Пелопоннесе, археологи назвали этот дворец дворцом Нестора [1].

В течение сезона раскопок 1953 г. был раскрыт район дворца к юго-западу от мегарона [2]. В этой части дворца были обнаружены комнаты, где сохранилось большое количество фрагментов стенной росписи. В северо-западной части дворца исследовался комплекс из трех комнат, соединенных дверными проемами. К ним примыкает четвертая комната с отдельным входом. В этих комнатах найдено большое количество простой керамики без всякой росписи. На юго-восточном склоне холма (к востоку от портика) обнаружен комплекс маленьких комнат, проходов и стен. Здесь было найдено много табличек с линейным письмом В. В одной из комнат открыт большой фрагмент расписной штукатурки, напоминающий фрески Кносского дворца.

В результате раскопок 1953 г. оказалось возможным точно установить периоды обитания дворца, которых было уже не два, а, возможно, три. Дворец возник до микенского периода и погиб, повидимому, от пожара во время дорийского завоевания. Следы обитания обнаружены к югу, юго-востоку, юго-западу и западу от дворца. Вся долина, примыкающая к холму, на котором находился дворец, была густо заселена. Раскопками 1953 г. раскрыто несколько толосных погребений.

Открытие Пилосского дворца и большого количества табличек, исписанных линейным письмом В, так же как и новые таблички из Микен дали возможность на более широком материале поставить вопрос о дешифровке микенского письма [3].

В 1954 г. продолжались раскопки различных помещений Пилосского дворца [4]. Было обнаружено большое количество табличек, фрагментов керамики, серебряных чаш с золотой инкрустацией, фрагментов росписи. Роспись представляет собой миниатюрные изображения человеческих фигур, сидящих, стоящих или двигающихся в процессии, а также орнаменты с условными изображениями цветов. Росписи эти напоминают росписи Кносского дворца. Во время раскопок был открыт вход во дворец. Особенность фасада состоит в том, что, в отличие от Микенского и Тиринфского дворцов, он оформлен одной, а не двумя колоннами.

Материалы, обнаруженные при раскопках 1954 г. дают возможность датировать дворец позднеэлладским периодом III В — примерно временем XIII в. до н. э.

Таким образом, археологические открытия в материковой Греции расширили прежние представления о границах микенского мира и дали более глубокое исследование центров этой культуры: Афин, Коринфа, Пилоса, Аргоса, возможно Дельф.

И. Свентицкая

---

[1] C. W. Blegen, The Palace of Nestor, Excavations at Pylos 1952, AJA, 1953, 2, стр. 59 сл.

[2] C. W. Blegen, Excavations at Pylos 1953, AJA, 1954, 1, стр. 27 сл.

[3] M. Ventris and J. Chadwick, Evidence for Greek dialect in the Mycenean Archives, JHS, 1953, стр. 84 сл.

[4] C. W. Blegen, The palace of Nestor, Excavations 1954, AJA, 1955,1, стр. 31 сл.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗБРАННЫЕ ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ИЗБРАННЫЕ ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Подбор, перевод и комментарий **Е. М. Штаерман**
под редакцией **Ф. А. Петровского**

Настоящий сборник состоит из следующих разделов: I. Частное землевладение, II. Императорское землевладение, III. Ремесло, IV. Рабы и отпущенники, V. Торговля и финансы, VI. Муниципальные надписи, VII. Народные движения. Внутри указанных разделов надписи подобраны в общем по тематическому принципу. Так, например, в разделе I «Частное землевладение» материал расположен в следующем порядке: тяжбы о земельных участках, межевание земли, завещание и продажа земель и т. д. Внутри же этих более мелких подразделений документы приведены в хронологической последовательности.

Сборник не претендует на исчерпывающую полноту, а имеет целью познакомить читателя лишь с наиболее характерными надписями каждого раздела. В некоторых случаях тематическое распределение материала приводило к его дроблению. Так, например, материал о колонах и вилликах помещен и в разделе о частном, и в разделе об императорском землевладении; надписи, в которых упоминаются ремесленники, частично вошли в раздел, посвященный вольноотпущенникам; надписи о ремесленных коллегиях включены в раздел ремесла, о культовых и погребальных коллегиях — в раздел муниципальных надписей, о торговых коллегиях — в раздел торговли.

Подавляющее большинство надписей снабжено переводом; исключение составляют лишь Велейская таблица и список заложенных имений из Ligures Baebiani. Стандартность и однотипность формулировок этих надписей позволяют, с нашей точки зрения, оставить их без перевода. Наличие переводов сделало возможным ограничить до минимума комментарии к надписям. В конце сборника будет приложен список сокращений и указатель. Некоторые надписи даны не полностью, их номера снабжены звездочкой.

Перевод надписей в стихах выполнен Ф. А. Петровским.

I. ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

№ 1 Сардиния. 18 марта 69 г.

Imp. Othone Caesare Aug. cos. XV k. Apriles descriptum et recognitum ex codice ansato L. Helvi Agrippae procons(ulis), quem protulit Cn. Egnatius Fuscus scriba quaestorius, in quo scriptum fuit it quod infra scriptum est tabula V ɔ[1] VIII et VIIII et X. III idus Mart. L. Helvius Agrippa proco(n)s(ul) caussa cognita pronuntiavit: cum pro utilitate publica rebus iudicatis stare conveniat et de caussa Patulcensium M. Iuventius Rixa vir ornatissimus procurator Aug(usti) saepius pronuntiaverit fines Patulcensium ita servandos esse, ut in tabula ahenea a M. Metello ordinati essent ultimoque pronuntiaverit Galillenses frequenter retractantes controversia [m] nec parentes decreto

suo se castigare voluisse, sed respectu clementiae optumi maximique principis contentum esse edicto admonere, ut quiescerent et rebus iudicatis starent et intra k. Octobr(es) primas de praedis Patulcensium recederent vacuamque possessionem traderent. Quod si in contumacia perseverassent, se in auctores seditionis severe anima adversurum; et post ea Caecilius Simplex [2] vir clarissimus, ex eadem caussa aditus a Galillensibus dicentibus tabulam se ad eam rem pertinentem ex tabulario principis adlaturos pronuntiaverit humanum esse dilationem probationi dari et in k. Decembres trium mensum spatium dederit, intra quam diem nisi forma allata esset, se eam, quae in provincia esset, secuturum; ego quoque aditus a Galillensibus excusantibus, quod nondum forma allata esset, in k. Fabruarias quae — p(roximae) f(uerunt) spatium dederim, et mora[m] illis possesoribus intellegam esse iucundam: Galillenses ex finibus Patulcensium Campanorum, quos per vim occupaverant, intra k. Apriles primas decedant. Quod si huic pronuntiationi non optemperaverint, sciant se longae contumaciae et iam saepe denuntiatae animadversioni obnoxios futuros.

In consilio fuerunt: M. Iulius Romulus leg(atus) pro pr(aetore); T. Atilius Sabinus q(uaestor) pro pr(aetore); M. Stertinius Rufus f(ilius); Sex. Aelius Modestus; P. Lucretius Clemens; M. Domitius Vitalis; M. Lusius Fidus; M. Stertinius Rufus.

Signatores: Cn. Pompei Ferocis; Aureli Galli; M. Blossi Nepotis; C. Cordi Felicis; L. Vigelli Crispini; C. Valeri Fausti; M. Lutati Sabini; L. Coccei Genialis; L. Ploti Veri; D. Veturi Felicis; L. Valeri Pepli (CIL, X, 7852; Dessau, 5947).

В консульство Отона Цезаря Августа в XV день до апрельских календ списано и проверено по архивному списку проконсула Луция Гельвия Агриппы, который представил Гней Эгнатий Фуск, квесторский писец, и где было написано то, что написано ниже, на доске V, в главах VIII, VIIII и X. В III день до мартовских ид проконсул Луций Гельвий Агриппа, рассмотрев дело, вынес решение: так как при вынесении решения надлежит соблюдать общественные интересы и так как о деле Патульциев неоднократно выносил решение прокуратор Августа почтеннейший муж Марк Ювенций Рикса, чтобы границы Патульциев сохранялись такими, какими они были определены на медной доске Марком Метеллом, и, наконец, объявил, что желает наказать своим декретом Галилленов, часто возобновляющих тяжбы и не соблюдающих постановления, но из уважения к милости всеблагого величайшего принцепса он довольствовался тем, что увещевал их в эдикте, следует им успокоиться и придерживаться вынесенного по делу [решения] и к первым календам октября уйти с владений Патульциев и передать [им] имение свободным. Если же они будут упорствовать в [своем] сопротивлении, он будет сурово преследовать инициаторов возмущения. И затем светлейший муж Цецилий Симплекс, когда к нему по тому же делу обратились Галиллены, говоря, что они принесут постановление, относящееся к этому делу, из архива принцепса, решил, что будет разумно дать отсрочку, и дал срок в три месяца до декабрьских календ, [с тем, что], если до этого дня не будет принесено постановление, он будет следовать тому, которое существует в провинции. Я также, по просьбе Галилленов, которые извинялись, что еще не принесено постановление, дал срок до ближайших февральских календ и знаю, что промедление этим владельцам приятно: к апрельским календам пусть Галиллены уйдут из владений кампанских Патульциев, которые они захватили силой. Если они не будут сообразоваться с этим решением, то пусть они знают, что вследствие долгого и уже часто обличенного упорства они будут подлежать преследованию.

В совете были: Марк Юлий Ромул, легат пропретор, Тит Атилий Сабин, квестор пропретор, Марк Стертиний Руф, сын, Секст Элий Модест, Публий Лукреций Клемент, Марк Домиций Виталий, Марк Лусий Фид, Марк Стертиний Руф.

Свидетельства: Гнея Помпея Ферокса, Аврелия Галла, Марка Блоссия Непота, Гая Корда Феликса, Луция Вигелла Криспина, Гая Валерия Фавста, Марка Лутация Сабина; Луция Кокцея Гениалия, Луция Плотия Вера, Децима Ветурия Феликса, Луция Валерия Пепла.

[1] capitibus.

[2] Проконсул Сардинии в 67/68 г., консул 69 г.

№ 2 Около Campomarino, Италия. 70 г.

C. Helvidius Priscus [1] arbiter ex conpromisso inter Q. Tillium Eryllum procuratorem Tilli Sassi [2] et M. Paquium Aulanium actorem municipi Histoniensium utrisq(ue) praesentibus iuratus sententiam dixit in ea verba q(uae) inf(ra) s(cripta) s(unt).

Cum libellus vetus ab actoribus Histoniensium prolatus sit, quem desideraverat Tillius Sassius exhiberi, et in eo scriptum fuerit eorum locorum, de quibus agitur, factam determinationem per Q. Coelium Gallum: M. Iunio Silano L. Norbano Balbo cos. [3] VIII k. Maias inter P. Vaccium Vitulum auctorem Histoniensium fundi Herianici et Titiam Flacillam proauctorem Tilli Sassi fundi Vellani a(ctum) e(sse) in re praesenti de controversia finium, ita ut utrisq(ue) dominis tum fundorum praesentibus Gallus terminaret, ut primum palum figeret a quercu pedes circa undecim, abesset autem palus a fossa — neque apparet quod pedes scripti essent propter vetustatem libelli interrupti in ea parte, in qua numerus pedum scri[p]tus videtur fuisse—: inter fossam autem et palum iter commune esset, cuius prop[r]ietas soli Vacci Vituli esset. Ex eo palo e regione ad fraxinum notatam palum fixum esse a Gallo et ab eo palo e regione ad superciliu(m) ultimi lacus Serrani in partem sinisterio[rem d]erectam finem ab eodem Gallo... (CIL, IX, 2827, Dessau, 5982).

Гай Гельвидий Приск, третейский судья по соглашению между Квинтом Тиллием Эриллом, управителем Тиллия Сассия, и Марком Пакием Авланием, представителем Гистонийской муниципии, в присутствии обоих, приняв присягу, вынес решение в словах, которые написаны ниже.

Так как представители Гистонийцев подтвердили старый документ, который пожелал предъявить Тиллий Сассий, и в нем было написано определение относительно тех участков, о которых идет спор, сделанное Квинтом Целием Галлом в консульство Марка Юния Силана и Луция Норбана Бальба в VIII день до майских календ [при разборе спора] между Публием Вакцием Витулом, представителем Гистонийцев из имения Герианского, и Титией Флациллой, от которой ведет род Тиллий Сассий из имения Велланского, то в настоящем случае следует решать спор о границах на основании того, как разделил Галл тогда, в присутствии обоих хозяев имений: первый столб он поставил на расстоянии около одиннадцати футов от дуба, однако столба у канавы не было, а сколько было написано футов, нельзя было выяснить из-за старости документа, прерывающегося в том месте, где, очевидно, было написано число футов, а между канавой и столбом проходила проезжая дорога по земле, принадлежавшей Вакцию Витулу. От этого столба по направлению к отмеченному ясеню Галлом был поставлен столб, и от этого столба по направлению к дальнему краю пруда Серрана с левой стороны тот же Галл [установил] прямую границу...

[1] Претор 70 г.

[2] Тиллий Сассий упомянут в арвальских актах 63—91 гг. в качестве жреца этой коллегии.

[3] 19 г. н. э.

№ 3 Vanacini, Корсика. 72 г.

Imp. Caesar Vespasianus Augustus magistratibus et senatoribus Vanacinorum salutem dicit. Otacilium Sagittam amicum et procuratorem meum ita vobis praefuisse ut testimonium vestrum mereretur delector. De controversia finium quam habetis cum Marianis pendenti ex is agris quos a procuratore meo Publilio Memoriale emistis ut finiret Claudius Clemens procurator meus scripsi ei et mensorem misi. Beneficia tributa vobis ab divo Augusto post septimum consulatum quae in tempora Galbae retinuistis confirmo. Egerunt legati: Lasemo Leucani f. sacerd. Aug. Eunus Tomasi f. sacerd. Aug. C. Arruntio Catellio Celere M. Arruntio Aquila cos. IIII idus Octobr. (CIL, X, 8038).

Император Цезарь Веспасиан Август приветствует магистратов и сенаторов Ванацинов. Меня радует, что Отацилий Сагитта, мой друг и прокуратор, так управлял вами, что заслужил ваш хороший отзыв. Я написал моему прокуратору Клавдию Клементу, чтобы он окончил споры о границах, которые идут у вас с Марианами в связи

с теми полями, которые вы купили у моего прокуратора Публилия Мемориала, и послал землемера. Я утверждаю те привилегии, которые были пожалованы вам божественным Августом после седьмого консулата [и] которые вы удерживали [и] во времена Гальбы. Подписали послы Лаземон, сын Левкана, жрец Августа; Эвн, сын Томаза, жрец Августа, в консульство Гая Луция Аррунция Кателлия Целера и Марка Аррунция Аквилы в IV день до октябрьских ид.

№ 4 Falerio, Италия. 82 г.

Imp. Caesar divi Vespasiani f. Domitianus Augustus pontifex max. trib. potest. imp. II cos. VIII designat. VIIII pp. salutem dicit IIII viris et decurionibus Falerien-sium ex Piceno. Quid constituerim de subsicivis[1] cognita causa inter vos et Firmanos ut notum haberetis huic epistulae subici iussi.

P. Valerio Patruino... cos. XIIII k. Augustas imp. Caesar divi Vespasiani f. Domitianus Aug. adhibitis utriusque ordinis splendidis(simis) viris cognita causa inter Falerienses et Firmanos pronuntiavit quod suscriptum est.

Et vetustas litis quae post tot annos retractatur a Firmanis adversus Falerienses vehementer me movet cum possessorum securitati vel minus multi anni sufficere possint et divi Augusti diligentissimi et indulgentissimi erga quartanos suos principis epistula qua admonuit eos ut omnia subsiciva sua colligerent et venderent quos tam salubri admonitioni paruisse non dubito propter quae possessorum ius confirmo. Valete. D. XI k. Aug. in Albano, agente curam T. Bovio Vero legatis P. Bovio Sabino P. Petronio Achille d. d. p. (CIL, IX, 5420).

Император Цезарь, сын божественного Веспасиана, Домициан Август, великий понтифик, облеченный властью трибуна, дважды император, консул в восьмой раз, избранный в консулы в девятый раз, отец отечества, приветствует кваттуорвиров и декурионов Фалерийцев из Пицена. Я приказал изложить в этом письме во всеобщее сведение то, что я постановил о землях, оставшихся после разделения полей [между солдатами-колонистами], рассмотрев дело между вами и Фирманцами. В консульство Публия Валерия Патруина и... в XIIII день до августовских календ император Цезарь, сын божественного Веспасиана, Домициан Август в присутствии обоих сословий сиятельных мужей, рассмотрев дело между Фалерийцами и Фирманцами, вынес нижеследующее решение.

Меня очень беспокоит давность тяжбы, которая после стольких лет возобновляется Фирманцами против Фалерийцев, хотя безопасность владельцев могла бы быть обеспечена и меньшим количеством [протекших] лет, а также письмом божественного Августа, принцепса самого заботливого и милостивого в отношении своих солдат из четвертого легиона; [в этом письме] он их увещевал, чтобы они объединили все земли, оставшиеся при разделе полей, и продали их. Я не сомневаюсь, что они последовали столь спасительному увещеванию, вследствие чего утверждаю права владельцев. Будьте здоровы. Дано в XI день до августовских календ в Албане; заботами Тита Бовия Вера [и] легатов Публия Бовия Сабина [и] Публия Петрония Ахилла опубликовано по декрету декурионов.

[1] Subsiciva назывались участки земли, которые при наделении землей колонистов оставались вне центурий. Право распоряжаться ими принадлежало тому, кто выводил колонию. Иногда они, в качестве пастбищ, предоставлялись в совместное пользование колонистам. Нередко они захватывались частными собственниками. Часть subsiciva была роздана Августом, часть продана Веспасианом. Еще оставшиеся после этого в Италии subsiciva были проданы или уступлены фактически владевшим ими частным собственникам Домицианом (См. «Die Schriften der Römischen Feldmesser», hrsg. von F. Blume, K. Lachmann, A. Rudorff, B., 1848, т. I, стр. 8,20).

№ 5 * Perrhaebia, Фессалия. 101 г.

(В начале надписи перечислены титулы Траяна).

Descriptum et recognitum ex commentario Vergini Publiani iudicis dati ab imperatore Traeiano quod protulit Caelius Niger in quo scriptum erat id quod infra scriptum fuit. Cum probatum sit mihi in stella lapidea quae posita est in foro Dolichanorum[1] inscriptos esse fines convenientes definitioni regiae factae ab Amynta Philippi patre inter Dolichanos et Elemiotas placet finem esse a termino qui est in via supra Geranas inter Azzoris[1] et Onoareas et Petraeas in Dolichis per summa iuga ad canpum qui Pronomae vocatur, ita ut canpus in parte sit Elemiotarum et per summa iuga at... (A. E., 1913, № 2).

Списано и проверено по записи Вергиния Публиана, судьи, назначенного императором Траяном, которую представил Целий Нигер и в которой было написано то, что написано ниже. Так как мне было доказано, что на каменной стеле, поставленной на площади Долиханов, были записаны установленные границы из царского постановления, сделанного Аминтой, отцом Филиппа, между Долиханами и Элемиотами, то надлежит границам быть: от межевого столба, который находится на дороге над Геранами между Аззорами и Оноареями и Петреями, в направлении Долихов через вершину хребта до поля, которое называется Прономы, так чтобы поле было в части Элемиотов, и по вершине хребта до...

[1] Dolicha и Azoros — города северной Фессалии в области перребов.

№ 6 Tarraco, Испания. 193 г.

Imp. Caes. P. Helvio Pertinace princip(e) senatus patre patriae, Q. Sosio Falcone C. Iulio Erucio Claro cos. III idus febr. sententiam quam tulit L. Novius Rufus leg. Aug. pr. pr. v. c. inter compaganos rivi Larensis et Val. Faventinam, descriptam et propositam pr. non. Novembr. in v(erba) i(nfra) s(cripta). Rufus leg(atus) c(um) c(onsilio) c(ollocutus) decretum ex tilia recitavit... (CIL, II, 4125).

При императоре Цезаре Публии Гельвии Пертинаксе, принцепсе сената, отце отечества, в консульство Квинта Сосия Фалькона и Гая Юлия Эруция Клара, в III день до февральских ид, решение, которое вынес Луций Новий Руф, легат Августа, пропретор, светлейший муж, [в споре] между жителями пага реки Ларензы и Валерией Фавентиной, списано и представлено накануне нон ноября в нижеследующих словах. Руф, легат, переговорив с советом, прочел декрет по лубяной табличке...

№ 7 Aunobaris, Африка, район Дугги.

... idia... inter Aunobaritanos et Iulium Regillum pronuntiasse in ea verba quae infra scripta sunt: postquae Marcellus procos. collocutus cum consilio decretum ex tabella recitavit cum acta inter Iulium Regillum et Aunobaritanos causa solum aput me Cornuti decretum clarissimi viri prolatum sit nihil ex eo mutari placet (Cagnat, 591).

[Рассмотрев дело] между Авнобаритами и Юлием Региллом, он вынес нижеписанное решение: после того как проконсул Марцелл, переговорив с советом, зачитал по табличке декрет, так как мне был представлен декрет светлейшего мужа Корнута во время разбора дела между Юлием Региллом и Авнобаритами, то ничего не следует в нем менять.

№ 8 Roma. 47 г.

[Ti. Claudius Caes. Aug. L. Vitellius P. f. ex] s.c. censores loca a pilis et colum[nis] quae a privatis possidebantur[1] causa cognita ex forma in publicum restituerunt (CIL, VI, 919, аналогичная надпись от 75 г.— там же, 933).

Тиберий Клавдий Цезарь Август и Луций Вителлий, сын Публия, цензоры по сенатусконсульту, места от столбов и колонн, которые находились в частном владении, рассмотрев дело по документам, передали в общественную собственность.

[1] Постоянные захваты городских общественных земель частными владельцами неоднократно упоминают агрименсоры («Die Schriften der Römischen Feldmesser», т. I, стр. 15, 17, 21, 79). Септимий Север издал закон, согласно которому земли, купленные частными владельцами у городов, должны были после смерти покупателя выкупаться у их наследников и возвращаться городу (Dig., XXXI, 78, 1).

№ 9 Pompeii.

Ex auctoritate imp. Caesaris Vespasiani Aug. loca publica a privatis possessa T. Suedius Clemens tribunus causis cognitis et mensuris factis rei publicae Pompeianorum restituit (CIL, X, 1018; Dessau, 5942).

Властью императора Цезаря Веспасиана Августа, Тит Свсдий Клемент, трибун, исследовав обстоятельства дела и произведя измерения, общественные участки, находившиеся во владении частных лиц, возвратил республике Помпеянцев.

№ 10 Tebessa, Нумидия. 116 117 г.

Ex auct(oritate) imp. Nervae Traiani Caes. Aug. Ger. Dacici cos. VI imp XIII. L. Acilius Strabo Clodius Nummus leg. Aug. pr. pr. inter Aug(ustum) et Musul(amios) (A. E., 1907, № 20).

Властью императора Нервы Траяна Цезаря Августа Германского, Дакийского, консула в VI раз, императора в XIII раз, Луций Ацилий Страбон Клодий Нумм, легат Августа, пропретор [поставил межевые камни] между [землями] Августа и [племени] Музуламиев.

№ 11 Cannae, Италия. 76 г.

Imp. Caesar Vespasianus Aug. cos. VII fines agrorum public. m(unicipii) C(annensis) ex... publicis restituit (A. E., 1945, № 85).

Император Цезарь Веспасиан Август, консул в VII раз, восстановил границы общественных земель Каннской республики [по постановлению сената?].

№ 12 Moussa, Нумидия.

Iussu imp. Caes. Traiani Hadriani Aug. termini repositi Capitonis Pomponiani [1] per Perergrinum Aug. ser. mensorem missum ab ipso inter Suppenses et Vofricenses [2] (A. E., 1942/43, № 35).

По приказанию императора Цезаря Траяна Адриана Августа посланный им раб Августа, землемер Перегрин, восстановил межевые камни Капитона Помпониана между Суппенами и Вофриценами.

[1] Консул 84 г.

[2] Жители сел между городами Тагаста и Тагора на северо-западе Нумидии.

№ 13 Leptis, Африка. 36 г. Надпись на триумфальной арке в честь Тиберия.

Ti. Caesari divi Aug. f. Augusto divi Iuli n. pont. max. cos. II imp. VIII, trib. potest. XXXVII C. Rubellius Blandus q. divi Aug. tr. pl. pr. cos. procos. pont. patronus ex reditibus agrorum quos Lepcitanis restituit vias omnis civitatis Lepcitanae sternendas silice curavit M. Etrilius Lupercus leg. propr. patronus sub hasta f(aciendum) l(ocavit) (A. E., 1948, № 1).

При Тиберии Цезаре Августе, сыне божественного Августа, внуке божественного Юлия, великом понтифике, консуле во II раз, императоре в VIII раз, облеченном властью трибуна в XXXVII раз, Гай Рубеллий Бланд, квестор божественного Августа, народный трибун, претор, консул, проконсул, понтифик, патрон, озаботился за счет доходов с полей, которые он возвратил жителям Лепты, вымостить камнем дороги города Лепты. Марк Этрилий Луперк, легат, пропретор, патрон, сдал работу с публичных торгов.

№ 14 Ain Saccar, Нумидия.

С одной стороны: A(grum) p(ublicum) C(irtensium).

С другой стороны: Ex auct(oritate) imp. Caesaris Traiani Hadriani Aug. agri accept. Cirt(ensium) separati a publ(ico) (CIL, VIII, 19104, аналогичная надпись — там же, 7084; Dessau, 5978).

Общественная земля жителей Цирты. Властью императора Цезаря Траяна Адриана Августа поля, полученные жителями Цирты, отделены от общественных.

№ 15 Isakciea, Мезия.

Iussu et ex decreto v(iri) c(larissimi) Ovini Tertulli [1] co(n)s(ularis) termini positi inter Siampudi villam et vican(os) B...ridaventates ... (A. E., 1901, № 52).

По приказу и постановлению светлейшего мужа Овиния Тертулла, консуляра, поставлены межевые камни между виллой Сиампуда и сельчанами Б...ридавы.

[1] Легат нижней Мезии при Септимии Севере и Каракалле.

№ 16 Hauran, Аравия.

Fines Marci Herennii P... iussu Avidii Cassii [1] consularis per Favonium Priorem [2] praefectum (A. E., 1909, № 131).

Границы [земли] Марка Геренния П... по приказу Авидия Кассия, консуляра, [проведены] Фавонием Приором, префектом.

[1] Авидий Кассий управлял Аравией при Антонине Пие.

[2] Фавоний Приор был начальником лагерей III Киренского легиона.

№ 17 Roma.

Terminus positus ex conventione Ferocis Liciniani et Aithalis Aug. lib. inte hortos Marsianos quos possidet Aithalis Aug. lib. et hortos Volusianos quos possidet Ferox Licinianus (A. E., 1928, № 12).

Знак поставлен по соглашению Ферокса Лициниана и Этала, отпущенника Августа, между Марсиевыми садами, которыми владеет Этал, отпущенник Августа, и Волузиевыми садами, которыми владеет Ферокс Лициниан.

№ 18* Sidi-Soltane, Тунис.

(Сверху посвящение Септимию Северу). Cives Romani pagani veter(es) pagi Fortunalis quorum parentes beneficio divi Augusti... Sutunurca agros acceperunt... (A. E., 1909, № 158).

... римские граждане, старые жители пага Фортуны, родители которых милостью божественного Августа... получили земли в Сутунурке....

№ 19 Corduba, Испания.

L. Valerio Poeno L. Antistio Rustico II vir(is) a(nte) d(iem) III K(alendas) Septembres L. Valerius C. f. Kapito alvari locum occupavit (CIL, II, 2242).

В год, когда дуумвирами были Луций Валерий Пен и Луций Антистий Рустик, в III день перед сентябрьскими календами, Луций Валерий, сын Гая, Капитон занял землю пасекой.

№ 20 Шотт-эль-Ходна, юг Нумидии. 198—204 гг.

Ex auctoritate imppp. Caes. L. Septimi Severi et M. Aurelii Antonini et P. Septimi Getae Auggg.>agri et pascua et fontes adsignata ... curantibus Epagatho et Manilio Caeciliano corniculario praef. iussu Anici Fausti leg. cos. per M. Gennium Felicem evocatum leg. III Aug. (A. E., 1946, № 38).

Властью императоров Цезарей Луция Септимия Севера, Марка Аврелия Антонина и Публия Септимия Геты Августов, наделены центурией поля и пастбищами и источниками... под наблюдением Эпагата и Манилия Цецилиана корникулярия префекта, по приказу Аниция Фауста легата консуляра; [производил наделение] Марк Генний Феликс, эвокат III Августова легиона.

№ 21 Hetez, Бетика. Форма букв — времени Августа.

Dama L. Titi ser(vus) fundum Baianum, qui est in agro qui Veneriensis vocatur, pago Olbensi, uti optumus maxumusq(ue) esset (sestertio) n(ummo) I et hominem Midam (sestertio) n(ummo) I fidi fiduciae causa mancipio accepit a L. Baianio libripend[e] antest(ato). Adfines [f]undo dixit L. Baianius L. Titium et C. Seium et populum et si quos dicere oportet. Pactum comventum factum est inter Damam L. Titi ser(vum) et L. Baian(ium) ‹uti› quam pecuniam L.‹Titius L.›Baian‹i›io dedit dederit, credidit crediderit,expensumve tulit tulerit, sive quid pro eo promisit promiserit, spopondit ‹spoponderit› fideve quid sua esse iussit iusserit, usque eo is fundus eaque mancipia fiducia ‹e› essent, donec ea omnis pecunia fidesve persoluta L. Titi soluta liberataque esset; si pecunia sua quaque die L. Titio h(eredi)ve eius data soluta non esset, tum uti eum fundum eaque mancipia sive quae mancipia ex is ‹‹vellet›› L. Titius h(eres)ve eius vellet, ubi et quo die vellet, pecunia praesenti venderet; mancipio pluris (sestertio) n(ummo) I invitus ne daret neve satis secundum mancipium daret neve ut in ea verba, quae in verba satis s(ecundum) m(ancipium) dari solet, repromitteret neve simplam neve [duplam..... (CIL, II, 5042; Fontes juris Romani Antejustiniani, Pars III, Negotia, ed. V. Arangio, Ruiz, Florentia, 1943).

В своей основной части перевод этого документа приведен в труде «Римское частное право» (М., 1948), стр. 357.

№ 22 Petelia, Италия.

M'. Megonio M'. f. Cor. Leoni aed. IIII vir leg. Cor(nelia) quaest pec. p. patrono municipi Augustales patrono ob merita eius l. d. d. d. Kaput ex testamento.

Hoc amplius rei p. Petelinorum dari volo hs $\overline{X}$ n. item vineam Caedicianam cum partem fundi Pompeiani ita uti optima maximaq. sunt, finibus suis qua mea fuerunt. Volo autem ex usuris semissibus hs $\overline{X}$ n. comparari Augustalium loci n(ostri) ad instrumentum tricliniorum duum, quod eis me vibo tradidi, candelabra et lucerna[s] bilychnes arbitrio Augustalium, quo facilius strati[o]nibus publicis obire possint. Quod ipsum ad utilitate[m] rei p. n. pertinere existimavi, facilius subituris onus Augu[s]talitatis, dum hoc commodum ante oculos habent. Ceterum autem temporum usuras semisses hs $\overline{X}$ n. ad instr[u]mentum Ausgustalium arbitrio ipsorum esse volo, qu[o] facilius munus meum perpetuum conservare possint; neque in alios usus usuras, quas ita a re p. acceperint traferri volo quam si necesse fuerit in pastinationem. Vineam quoq. cum parte fundi Pompeiani sic ut supra dixi hoc amplius Augustalibus loci n(ostri) dar[i] volo. Quam vineam vobis, Augustales, idcirco dari volo — quae est Aminea — ut, si cogitationi meae, qua prospexisse, me utilitatibus vestris credo, consenseritis, vinum usibus vestris, dumtaxat cum publice epulas exercebitis, habere possitis. Hoc autem nomine relevati inpendis facilius prosilituri hi, qui ad munus Augustalit[a]tis conpellentur. Locatio vineae, partis... Pompeiani vin[e]am colere poterint. Haec ita ut cavi fieri praestariqu[e] volo. Hoc amplius ab heredibus meis volo praestar[i] rei p. Petelinorum et a re p. Petelinorum corpori Augustalium ex praedis ceteris meis palum ridica[m] omnibus annis, sufficiens pedaturae vineae quam Augustalibus legavi. [A v]obis autem, Augustales, peto hanc voluntatem meam ratam habeatis et ut perpetua forma observetis curae vestrae mandetis. Quo facilius autem nota sit corpori vestro haec erga vos voluntatem totum loco kaput, quod ad vestrum honorem pertinet (CIL, X, 114; Dessau, 6469).

Манию Мегонию, сыну Мания, из Корнелиевой трибы, Леону, эдилу кваттуорвиру по закону Корнелия, квестору общественной казны, патрону муниципия; Августалы патрону за его заслуги на месте, данном по декрету декурионов. Глава из завещания.

Далее, я желаю дать Петелийской республике 10 000 сестерциев, а также Цедициийский виноградник с частью Помпейского имения, так, чтобы они были в наилучшем состоянии, в тех границах, в которых они были моими. Я желаю, чтобы на шесть годовых процентов с 10 000 сестерциев были куплены для украшения двух триклиниев, которые я при жизни передаю Августалам нашей местности, подсвечники и лампы

с двумя светильниками по усмотрению Августалов, чтобы они могли легче предпринять украшение коврами общественных зданий (?) Я считаю, что это будет ко благу республики нашей, что более легко будет исполняться повинность августалитета, пока будет наглядна эта выгода. В остальное время я хочу, чтобы шесть процентов, получаемых с 10 000 сестерциев шли на обзаведение Августалов по их собственному выбору, чтобы они легче навеки могли сохранить то, что я поставил им в обязанность; и я не желаю, чтобы проценты, которые они таким образом получат от республики, они употребили на другие нужды, разве что, если понадобится, на выкапывание земли под виноградник. Кроме того, как уже я говорил выше, я желаю дать Августалам нашего места виноградник с частью Помпейского имения. Этот, именно Аминейский, виноградник я хочу дать вам, Августалы, чтобы, если вы согласны с моими намерениями, предусматривающими, я уверен, вашу пользу, вы могли иметь вино для ваших нужд в надлежащей мере, когда вы будете устраивать общественные угощения. А при облегчении расходов легче будут привлекаться те, которым вменяется исполнять повинность августалитета. Сдача в аренду виноградника, части... Помпейского могли бы обрабатывать виноградник. Так я хочу, чтобы это было сделано и обеспечено. Далее, я хочу, чтобы мои наследники предоставляли Петелийской республике, а Петелийская республика союзу Августалов из остальных моих имений ежегодно колья для подпирания виноградника в достаточном количестве согласно с площадью виноградника, который я завещал Августалам. Вас же, Августалы, я прошу эту мою волю точно выполнить и поручить вашим заботам, чтобы все по этой форме вечно исполнялось. Чтобы вашему союзу легче было знать эту мою волю относительно вас, вот глава, которая относится к вашей чести.

№ 23 Ariminum, Италия.

C. Faesellio C. f. An. Rufioni eq. publ. L (aurenti) L(avinati) cur. reip. Forodr(uentinorum) patr. col. Arim. itemq. vicanorum. vicorum VII et coll. fabr. et cent. optimo et rarissimo civi quod liberalitates in patriam civesque a maioribus suis tributas exemplis suis superavcrit, dum et annonae populi inter cetera beneficia saepe subvenit et praeterea singulis vicis munificentia sua hs. $\overline{XX}$ n. ad emptionem possessionis cuius de reditu die natalis sui sportular(um) divisio semper celebretur, largitus sit, ob cuius dedicationem hs. n. IIII vicanis divisit. Vicani vici Dianensis (CIL, XI, 379).

Гаю Фезеллию, сыну Гая из Аниенской трибы, Руфиону, всаднику общины Лаврента Лавината, куратору республики Фородруэнта, патрону колонии Аримина, а также сельчан семи сел и коллегии ремесленников и пентонариев, лучшему и редкостному гражданину, который превзошел своими благодеяниями благодеяния своих предков, оказанные [ими] родине и согражданам; среди других благодеяний он часто помогал народу продовольствием и, кроме того, щедро пожертвовал отдельным селам 20 000 сестерциев на покупку владений, чтобы из доходов с них справлялся его день рождения раздачей подарков. По случаю какового посвящения он роздал сельчанам по 4 сестерция. Сельчане села Дианы.

№ 24 Philippi, Македония.

P. Opimio P. f. Vol. Felici an. XX Taginia Quarta quae et Polla filio f. c. Hic ab herede matre post obitum eius legavit libertis matris et suis posterisq. eorum fundos Aemilian(um) et Psychian(um) ne unquam de familia exeant sed ut ex reditu eorum ii qui s. s. s. moniment[um eiu]s et parentium eius colant et ipsi alantur item vicanis Media[nis eadem] condicione ex fundo Psychiano vinear(um) pl[ethra... (CIL, III, 656).

Публию Опимию, сыну Публия из Волтиниевой трибы, Феликсу, 20 лет, Тагиния Кварта, она же Полла, сыну. Он, при наследнице матери, завещал после ее смерти вольноотпущенникам матери и своим и их потомкам имения Эмилиевское и Психийское, чтобы они никогда не вышли из семьи, но чтобы из доходов с них те, кто выше упомянут, заботились о его и родительских надгробных памятниках и сами питались. А также Медийским сельчанам на том же условии из Психийского имения виноградников в ... плетров...

№ 25 Silarum, Италия.

Silvano sacrum voto suscepto pro salute Domitiani Aug. n. L.Domitius Phaon ad cultum tutelamque et sacrificia in omne tempus iis, qui in collegio Silvani hodie essent quique postea subissent, fundum Iunianum et Lollianum et Percennianum et Statuleianum suosn cum suis villis finibusque attribuit, sanxitque uti ex reditu eorum fundorum q. s. s. s. k. Ianu., III idus Febr. Domitias Aug. n. natale et V k. Iulias dedicatione Silvani et XII k. Iulias rosalibus et IX k. Novembr. natale Domitiani Aug. n. sacrum in re praesenti fieret, convenirentque ii qui in collegio essent ad epulandum curantibus sui cuiusque annis magistris. Huic rei dolum malum afuturum quo minus ea quae supr. scripta sunt fiant, manifestum est, cum pro salute optumi principis et domini i(nfra) s(cripti) fundi consecrati sint diesque sacrificiorum conprehensi praeterea locus sive ea pars agri silvaeque est, in vicario quae cippis positis circa Silvanum determinata est, Silvano cedet, et via aditus ad Silvanum per fundum Quasicianum omnibus patebita Lignis quoque et ex fundo Gallicano et aqua sacrifici causa et de vivario promiscue licebit uti. Haec sic fieri praestari sine dolo malo iussit permisitque L. Domitius Phaon cuius omnis locus fuit (CIL, X, 444; Dessau, 3546).

Жертва Сильвану по принятому обету за благополучие нашего Августа Домициана. Луций Домиций Фаон передает на вечные последующие времена для обработки, охраны и жертвоприношений тем, кто состоят в коллегии Сильвана или войдут в нее позже, имения свои Юнийское, Лоллийское, Перценнийское и Статулейское с их виллами и угодьями и постановляет, чтобы из доходов с этих имений, которые выше перечислены, в январские календы, в III день перед идами февраля, день рождения нашей Августы Домиции, в V день перед календами июля, день посвящения Сильвану, и в XII день перед календами июля, день поминовения мертвых, и в IX день перед календами ноября, день рождения нашего Августа Домициана, совершался священный обряд по теперешнему обычаю и чтобы те, кто состоит в коллегии, сходились для трапезы под руководством соответственных ежегодных магистратов. Ясно, что это будет делаться без обмана, дабы то, что писано выше, исполнялось, так как перечисленные имения посвящены во здравие нашего всеблагого принцепса и господина и включают также жертвоприношения богам. Кроме того, земля или та часть поля и леса, которая окружающими Сильвана колышками обозначена как зверинец, отходит к Сильвану, и дорога, идущая к Сильвану через Квазицийское имение, всем доступна. Можно употреблять дрова из Галликанского имения и воду для жертвоприношения и зверинца без разбора. Чтобы это совершалось и соблюдалось без обмана, приказал и разрешил Луций Домиций Фаон, которому принадлежала вся земля.

№ 26 Capua, Италия.

P. Pescennio p. f. Secundo IIII vir(o) i(ure) d(icundo) quod agrum Lucan. reciperavit sine inpensa reipublicae sen. cons. (CIL, X, 3917).

Публию Песцению, сыну Публия, Секунду, кваттуорвиру по судоговорению, за то, что он без затрат вернул в собственность республике луканскую землю по сенатусконсульту.

№ 27 Ferentinum, Италия.

A. Quinctilio A. f. Pol. Prisco IIII vir(o) aed. potest. IIII vir. iure dic. IIII vir. quinq. adlecto ex s. c. pontif. praef. fabr. [Hu]ius ob eximiam munificent(iam), quam in munic(ipes) suos contulit, senat. statuam publice ponend. in foro, ubi ipse vellet censuere. H. a. i. r. Hic ex s. c. fundos Ceponian(um) et Roianum et Mamian(um) et pratum Exosco ab r. p. redem(it) hs $\overline{\text{LXX}}$ m(ilibus) n(ummum) et in avit(um) r. p. reddid(it), ex quor. reditu de hs $\overline{\text{IV}}$ m(ilibus) CC quodannis VI id. Mai die natal. suo perpet(uo) daretur praesent(ibus) municip(ibus) et incol(is) et mulierib(us) nuptis crustul(i) p(ondo) I, mulsi hemin(a) et circa triclin(ia) decurionib(us) mulsum et crust(ulum) et sportul(a) hs X n(ummum), item puer(is) curiae increment(is) et IIIIII vir. Aug. quibusq(ue) u(na?)

v(escendum?) e(st?) crustul(um) mulsum et hs VIII n. et in triclin(io) meo ampl(ius) in sing. h(omines) hs I n. et in orn(atum) statuae et imag(inum) mear(um) resp. perpet(uo) hs XXX n(ummos) inpend(at) arbitr(atu) IIII vir. aedilium cura. Favorabil(e) est, si puer(is) plebeis sine distinctione libertatis nucum sparsion(em) mod(iorum) XXX et ex vini urnis VI potionum eministration(em) digne incrementis praestiterint (CIL, X, 5853; Dessau, 6271).

Авлу Квинтилию, сыну Авла, из Поллиевой трибы, Приску, кваттуорвиру с эдильской властью, кваттуорвиру по судоговорению, кваттуорвиру, квинквенналу, избранному по сенатусконсульту, понтифику, начальнику ремесленников. Ввиду его выдающейся щедрости, которую он проявил в отношении своих сограждан, сенат решил поставить ему статую на форуме, где он сам хочет. Расходы за почет он возместил. Он, по сенатусконсульту, выкупил за 70 000 сестерциев у республики имения Цепонийское и Ройское и Мамийское и Экзоскское пастбище и вернул навечно республике, чтобы из доходов с них, на сумму 4200 сестерциев, ежегодно в VI день перед идами мая, в день его рождения, всегда раздавались присутствующим гражданам муниципии и поселенцам и замужним женщинам по 1 фунту пирожных и по $^1/_2$ секстария меду, и около триклиния декурионам мед и пирожные и в подарок по 10 сестерциев, а также подрастающим мальчикам курии и севирам Августалам, тем, которым надлежит угощаться вместе,— пирожные, мед и по 8 сестерциев и, сверх того, в моем триклинии на каждого человека по 1 сестерцию; и пускай на украшение моей статуи и изображений республика всегда выдает 30 сестерциев по усмотрению кваттуорвиров, чтобы об этом заботились эдилы. Было бы желательно, чтобы мальчикам из народа, без различия свободным или рабам, предоставлялось 30 модиев орехов и в качестве напитка, подходящего для молодого поколения, 6 урн вина.

№ 28 Ameria, Италия.

Masoniae Faustiae C. Masonio C.Clus. Laeto f. C. Masonio Laeto viro idem patrono ex voluntate patronae piae optumaeque heredes IV quod eis eorum natis nepotibusque vel ex eorum familia agrum Tresianum Masonianum usibus fruendum reliquerit posterisque eorum (CIL, XI, 4488).

Мазонии Фавстии, Гаю Мазонию, Гаю Клузию, Лету сыну, Гаю Мазонию Лету мужу и также патрону, по желанию благочестивой и наилучшей патроны, четыре наследника, ради того, что она оставила им, их детям и внукам или [лицам] из их фамилии и их потомкам в пользование Трезийское Мазонийское поле [воздвигли статую].

№ 29 Aurigi, Испания.

C. Sempronius C. f. Gal. Sempronianus II vir bis pontufex perpet(uus) Sempronia Fusca Vibia Anicilla filia thermas aqua perducta cum silvis agnuar.[1] trecentarum pecunia impensaque sua omni d. d. (CIL, II, 3361; Dessau, 5688).

Гай Семпроний, сын Гая, из Галериевой трибы Семпрониан, дважды дуумвир, понтифик [и] Семпрония Фуска Вибия Аницилла, [его] дочь, дали в дар термы с рощей в 300 агнуй, проведя воду и взяв на себя все расходы и издержки.

[1] Agnua, или acnua,— земельная мера = 120 кв. футов = 9,5 кв. м. (Varro, De re rustica, I, 10,2; Colum., Res rust, V, 1,5).

№ 30 Brundisium, Италия.

M. Lollius Arphocras v. f. s. et Paelinae uxori v. et lib. libertab. post. q. eorum. M. s. s. e. h. n. s. neque ulli liquebit locationis causa in annis centum quandoq. transvendere quod si qui adversus it fecerint eorum bona pertinere debebunt ad rem publicam Brundisinorum (CIL, IX, 136; Dessau, 8238).

Марк Лоллий Арпократ при жизни сделал [гробницу] себе и жене Пелине и своим вольноотпущенникам и вольноотпущенницам и их потомкам; этот памятник не передается по наследству, и никому не дозволяется на протяжении 100 лет, на которые

земля под него взята в аренду [1], в какое-либо время перепродавать его. У тех, кто поступит против этого, их имущество конфискуется в пользу республики Брундисийцев.

[1] Общественные земли часто сдавались на 100 лет, это перешло и на частные.

№ 31 Pupput, Африка.

F(undus) Bonare(n)sis iug(era) LXXX item ex(cepta) Zocliana C(aesarum) n(ostrorum) iug. CXXXIII ste (?) > LXXX (A. E., 1937, № 31).

Бонаренское имение в 80 югеров и также Зоклиана наших Цезарей 133 югера (?) изъяты из 80 центурий (городской территории).

№ 32 Aix-les-Bains, Галлия.

[Decemlecti posse]ssorum Aquensium donaver(unt) lucum cum sua vinea vicanis Aquens(is) ad ludos celebrand(os) pro salute imp. Aug. Zmertuccius Titianus patronus vici aram de suo dat (A. E., 1934, № 165).

Избранные 10 человек из землевладельцев Аквы дали сельчанам Аквы рощу с виноградником для празднования игр за здоровье императора Августа. Змертуцций Тициан, патрон, ставит селу алтарь на свой счет.

№ 33. Genava, Галлия.

Loc(us) empt(us) ex d(ecreto) d(ecurionum) fact(us) privat(us) ita ut consaeptus est Florus scribit (CIL, XII, 2610).

Земля, купленная по декрету декурионов, сделана частной [1]; [в это поле включается все] то, что обнесено изгородью. Пишет Флор.

[1] Очевидно, декурионы Генавы передали кому-то в частное владение купленную ими землю.

№ 34. Aezani, Азия.

Exempl(um) epistulae [Cae]saris scriptae ad Quietum [1]. Si in quantas particulas, [q]uos [cle]ros apellant, ager Aezanensi Iovi dicatus a regibus divisu[s sit], non apparet, optimum est, sicut tu quoque existimas, [eum modu]m, qui in vicinis civitatibus clerorum nec maximus [nec mi]nimus est, observari. Et si, cum Mettius Modestus [1] cons[tituit], ut vectigal pro is penderetur, constitit qui es[se]nt [cle]rici agri, aequom est ex [illo] rempore vectigal pendi; si [non co]nstitit, iam ex hoc tem[po]re vec[tig]al pendend[u]m e[rit, nis]i si quae morae qu[andoque] us[u veneru]nt. Inte[rpones itaque tuam auctoritatem].

Exempl(um) epistulae Quieti scriptae ad Hesperum.

Cum variam esse clerorum mensuram cognoverim et sacratissimus im(perator) constitutionis suae causa neq(ue) maximi ne(que) [min]imi mensuram iniri iusserit in ea re[gione], quae Iovi Aezanitico dicata dicitur, [quaeso, m]i Hesper carissime, explores, qu[ae maximi cl]eri mensura, quae minimi [...i]n ipsa illa regione sit et id [quam primum n]otum mihi facias.

Exempl(um) epistulae scriptae Quieto ab Hespero.

Quaedam negotia, domine, non aliter ad consummationem perduci possunt quam per eos, qui usu sunt eorum periti. Ob hoc cum mihi iniunxisses, ut tibi renuntiarem, quae mensura esset clerorum circa regionem Aezaniticam, misi in rem praesentem. Iei... (CIL III, 355).

Копия письма Цезаря, написанного Квисту: Если не ясно, на сколько частей, называемых клерами, разделена царями земля, посвященная Эзанскому Юпитеру, было бы лучше всего, чтобы ты наблюдал [и] мерил той же мерой, что и в соседних городах, чтобы клеры были не больше и не меньше. И если Меттий Модест установил, чтобы за них платилась подать, установил, кто будут съемщики земли, то правильно будет с этого времени выплачивать подать; если не установил, то уже с этого времени должна вноситься подать, разве что кто-нибудь пользуется какими-нибудь отсрочками. Действуй своей властью в этом направлении.

Копия письма Квиета, написанного Гесперу. Так как я знаю, что мера клеров разная и святейший император своим постановлением приказал не употреблять ни наибольшей, ни наименьшей меры в том районе, который считается посвященным Юпитеру Эзанитику, я прошу, мой дражайший Гесперу, чтобы ты исследовал, каков размер наибольшего клера, каков наименьшего... в этом самом районе, и это первым же делом сообщи мне.

Копия письма, написанного Квиету Геспером. Это поручение, господин, может быть завершено только теми, которые опытны в данном деле. Поэтому, так как ты возложил на меня, чтобы я тебе сообщил, каков размер клеров вокруг Эзанитского района, я послал при настоящих обстоятельствах...

[1] Плиний (Epist., I, 5) говорит о Меттии Модесте и Авидии Квиете как о легатах Домициана и упоминает, что Квиет был среди сенаторов во время убийства Домициана. В этой надписи приведено, вероятно, письмо Траяна.

№ 35 Volubilis, Мавретания Тингитанская. 158 г.

Imp. Caes. T. Aelio Hadriano Antonino Aug. Pio p. m. tr. pot. XXI, imp. II, cos. IIII, p. p. cultores domus Aug. area privatam emptam templum cum porticibus a solo sua pecunia fecerunt et statuam posuerunt quorum nomina tabulae aereae incisa sunt dedi-[cante] Q. Aeronio Moniano proc. (CIL, VIII, 21825).

Императору Цезарю Титу Элию Адриану Антонину Августу благочестивому, верховному понтифику, наделенному трибунской властью в XXI раз, императору во II раз, консулу IV раз, отцу отечества; почитатели дома Августа, имена которых вырезаны на бронзовой доске, купив частную землю, соорудили там на свой счет храм с портиками и поставили статую. Посвятил прокуратор Квинт Эроний Моннан.

№ 36 Ostia, Италия.

P. Lucilio P. f. P. n. P. pronep. Gamalae[1] aed. sacr. Volk. aedili d. d. allecto gratis decurioni pontifici II vir. censoriae pot. quinquennal. in comitis facto curatori pecuniae publicae exigendae et adtribuendae in ludos cum accepisset public. lucar.[2] remisit et de suo erogationem fecit. Idem sua pecunia viam silice stravit quae est iuncta foro ab arcu ad arcum. Idem epulum trichilinis CCXVII colonis dedit. Idem prandium sua pecunia colonis Ostiesibus bis dedit. Idem aedem Volkani sua pecunia restituit. Idem aedem Veneris sua pecunia constituit. Idem aed. Fortunae sua pecunia constituit. Idem aed. Cereris sua pecunia constituit. Idem pondera ad macellum cum M. Turranio sua pecunia fecit. Idem aedem Spei sua pecunia constituit. Idem tribunal in foro marmoreum fecit. Huic statua inaurata d. d. p. p. posita est item ahenea d. d. p. p. posita proxume tribunal quaes. [r]opt[e]rea quod cum res publica praedia sua venderet ob pollicitationem belli navalis[3] HS XV̄CC rei publicae donavit. Hunc decuriones funere publico efferendum censuerunt (CIL XIV, 375; Dessau, 6147).

Публию Луцилию, сыну Публия, внуку Публия, правнуку Публия, Гамале, из храма Вулкана (?), избранному бесплатно, по декрету декурионов, эдилом, декуриону, понтифику, дуумвиру с властью цензора, квинквенналу, назначенному в комициях куратору по сбору и расходованию на игры общественных средств; когда он получил общественные деньги на празднование дня священных лесов, он их возвратил и устроил праздник на свой счет; а также на свои деньги он вымостил камнем дорогу, которая около форума ведет от арки к арке; а также устроил пир в триклинии для 217 колонистов и дважды на свой счет дал колонистам Остии обед; а также на свой счет восстановил храм Вулкана; также на свой счет соорудил храм Венеры, также на свой счет соорудил храм Фортуны, также на свой счет соорудил храм Цереры; также, совместно с Марком Турранием, на свои деньги сделал гири для рынка; также на свой счет соорудил храм Надежды; также сделал на форуме мраморную трибуну; [вследствии этого] ему на общественный счет по декрету декурионов поставлена эта позолоченная статуя, а также бронзовая, на общественный счет по декрету декурионов, около трибуны; вследствие того, что когда республика продавала свои земли

из-за потребностей, вызванных войной на море, он дал республике 15 200 сестерциев, декурионы решили почтить его погребением на общественный счет.

[1] Из другой надписи в его честь (CIL, XIV, 376) явствует, что он был префектом Л. Элия Цезаря и, следовательно, жил при Адриане и Марке Аврелии.

[2] Lucaria — справлялись 19 июля.

[3] Война при Марке Аврелии.

№ 37 Praeneste, Италия.

... Ager ad aedifici defensionem relictus a Flavia T. f. Phoebe sicut in titulis monimenti et tabernarum scriptura conplectitur continet p(lus) m(inus) iug(era) XI p(edes) DC terrae cultae praeterea et silvae p(lus) m(inus) iug(era) V(semissem)... (semunicam) p(edes) quingentos (CIL, XIV, 3342).

... Земля, оставленная для поддержки здания Флавией Фебой, дочерью Тита, согласно тому, как указано в надписях памятника и описях строений, имеет около 11 югеров 600 футов возделанной земли и около $5^1/_2$ югеров леса... $^1/_{24}$ в 500 футов.

№ 38 Auxium, Италия.

... ius tr. mil. praef. fabr. pr. [rei p. reliquit] hs. ш et fundum Hermedianum [et praedia duo] Herenniana ex quo reditu quo[tannis] ... daretur hostiaque Fidi Augustae inmol[atur] (CIL, IX, 5845 : Dessau, 3775).

... войсковой трибун, префект ремесленников, претор, оставил республике 5000 сестерциев и Гермедийское имение и два Гереннийских имения, из доходов с которых ежегодно... пусть раздается и приносится жертва Верности Августе.

№ 39 Cnossos, о-в Крит.

Nero Claudius Caesar Aug. Germanicus Aesculapio iugera quinque data a divo Aug(usto) confirmata a divo Claudio restituit Coloniae Iuliae Nobili. Cnoso per P. Licinium procuratorem (A. E., 1901, № 240).

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик 5 югеров, данные Эскулапу божественным Августом, утвержденные божественным Клавдием, возвратил колонии Юлии Благородной на Кноссе, через посредство прокуратора Публия Лициния.

№ 40 Segusiavi, Лугдунская Галлия.

Ex auctoritate imp. Caes. Traiani Hadriani Aug. nemini arandi serendi pangendive ius est intra id spatium agri quod Tutelae ductus destinatum est (CIL, XIII, 1623).

Властью императора Цезаря Траяна Адриана Августа никому не разрешается пахать, сеять, копать на этом пространстве поля, которое посвящено Тутеле.

№ 41 Capua, Италия. 77 г.

Imp. Caesar. Vespasianus Aug. cos. VIII fines agrorum dicatorum Dianae Tifat(inae) a Cornelio Sulla ex forma divi Aug. restituit (CIL, X, 3828; Dessau, 3240).

Император Цезарь Веспасиан Август, консул в восьмой раз, восстановил границы земли, посвященной Корнелием Суллой Диане Тифатине по определению божественного Августа.

№ 42 Utica, Африка.

Fl. Faustiniana hortos ad Dian(am) iug(erum) XX (habens dedit) p(edes) VI; item Sabinius Munianus f(undum) Sextia(num) iug(erum) XXVIII (habens dedit) p(edes) VIII[1] (CIL, VIII, 14313).

Фл. Фаустиниана, владеющая садами Дианы в 20 югеров, дала 6 футов; также Сабиний Муниан, владеющий Секстийским имением в 28 югеров, дал 8 футов.

[1] Очевидно, земля давалась на постройку общей дороги.

№ 43 Puteoli, Италия.

Ager religiosorum C. Iulius Aquilinus porticus et sedilia de suo exstruxit (CIL, X, 1894).

Земля молящихся. Гай Юлий Аквилин за свой счет соорудил портик и сидения.

№ 44 Puteoli, Италия.

Hic ager iug(erum) VII cum cisterna et tabernis eius eorum possessorum iuris et qui in cultu corporis Heliopolitanorum sunt eruntve atque ita is accessus iusq. esto per ianuas itineraque eius agri qui nihil adversus lecem (*sic*!) et conventionem eius corporis facere perseveraverint (CIL, X, 1579; Dessau, 4291).

Это поле в 7 югеров с его колодцем и хижинами принадлежит тем, кто входит или входил в объединение почитателей Гелиополитанских [богов?], и пусть будет так, чтобы имели право прохода через ворота и дороги этого поля те, кто ничего не будет делать против закона и обычая этого объединения.

№ 45 Puteoli, Италия, 165 г.

In praediis Augustalium corporat(orum) quae eis L. Laecanius Primitivos curator ipsor(um) perpetuus dedit ita ut ex reditu eorum quodannis die natalis sui XI k. Ian. divisio fiat et epulentur (CIL, X, 1880).

В имениях корпорации Августалов, которые им навечно отдал Луций Леканий Примитив, их куратор, чтобы за счет доходов с них они ежегодно в день его рождения, в XI день до январских календ, собирались на трапезу и производили раздачи.

№ 46 Roma.

Ad subsi[gnandum]... Severi et An[tonini... ad statuendam] rem legatos mit[tere placuit...] huic decreto n(ostro) a[pponendam curavimus epistulam?] cum sciamus vos d[ominos...] vico paganico m... [terram] petemus arandam [1]... (A. E., 1913, № 72).

Для наделения... Севера и Антонина... для устройства дела соизволили послать легатов... согласно этому нашему декрету, мы озаботились приложить письмо (?), так как мы знаем, что вы, землевладельцы... в селе пага... просим [о предоставлении нам] земли для обработки...

[1] Фрагмент декрета о передаче императорами земли какому-то объединению или поселению.

№ 47 Obrigheim, Германия.

In h. d. d. Mercurio aed(em) sig(num) agr(um) (centuriarum) IIII L. Bellonius Marcus a Mer(curio) iussus fecit et consacravit (CIL, XIII, 6488).

В честь божественного дома по приказанию Меркурия устроил и посвятил Меркурию Луций Беллоний Марк храм, статую и поле в IV центурии (?).

№ 48 Veleia, Италия.

Obligatio praediorum ob HS deciens quadraginta quattuor milia ut ex indulgentia optimi maximique principis imp. Caes. Nervae Traiani Aug. Germanici Dacici pueri puellaeque alimenta accipiant legitimi n. CC XLV in sungulos hs XVI n. f(iunt) hs $\overline{\text{XLVII}}$ XL n. legitimae n. XXXIV sing. hs $\overline{\text{XII}}$ n. f(iunt) hs IV $\overline{\text{DCCCXCVI}}$ spurius I hs CXLIV, spuria I hs CXX summa hs $\overline{\text{LIICC}}$ quae fit usura sortis supra scribtae (Далее 8 строк из которых сохранились отдельные слова). 1. C. Volumnius Memor et Volumnia Alce per Volum. Diadumenum libertum suum professi sunt fundum Quintiacum Aurelianum collem Muletatem cum silvis qui est in Veleiate pago Ambitrebio adfinibus M. Mommeio Persico Satrio Severo et pop. hs $\overline{\text{CVIII}}$ accipere debet hs $\overline{\text{VIII}}$ DCLXXXXII n. et fundum s. s. obligare.

2. M. Virius Nepos professus est praedia rustica deducto vectigali hs $\overline{\text{CCCX}}$ DXXXXV n. accipere debet hs. $\overline{\text{XXV}}$ CCCLIII n. et obligare fundum Planianum qui

est in Veleiate pago Iunonio adfinibus Prisco Palameno et Velleio Severo et pop. quem professus est hs XIIII et fundum Suigianum cum casis III pago s. s. adfine C. Calidio et Velleio Proculo et pop. quem professus est hs XX et fundum Petronianum pago et adf. s. s. quem professus est hs IIII et fundum Manlianum Hostilianum cum casa pago s. s. adf. Coelio Vero et Baebio Vero et pop. quem professus est hs XI in hs III CCCLIII n. item fundum Manlianum Storacianum Calpurnianum pago s. s. adf. Ulvis Stolicinis fratribus et Vettis fratribus quem professus est hs XX et fund(um) Munatianum Attianum cum casis III pago s. s. adf. Valerio Adulescente et Baebio Vero et pop. quem professus est hs XXVIII et fundum Munatianum Attianum cum casis pago s. s. adf. Naevis fratribus et Syllaelis fratribus quem professus est hs XIIII in hs V. Item fund. Arsuniacum cum casis pro parte dimidia et tertia et duodecima pago s. s. adf. Coelis fratribus et pop. quem professus est hs XXCIIIICCCXXXIII n. in hs VI, item fundum Propertianum pago s. s. cum casa adf. Atilio Palameno et Aiasis fratribus et pop. quem professus est hs. XXI CCCCX n. et fundum Messianum Allelianum pro parte quarta qui est in Veleiate pago Domitio adf. Volumnio Crescente et Novellis frat. et pop. quem professus est XIIII et fund. Licinianum Virianum pro parte dimidia qui est in Veleiate pago Iunonio adf. Palameno Prisco et Pullieno Prisco quem professus est hs VII DC n. in hs III item fund. sive saltus Narianos Catusanianos pro parte dimidia et IIII qui sunt in Veleiate pago Iunonio adf. c. Coelio Vero et Dellio Proculo quos professus est hs LXIIII in hs IIII, item fundum Munatianum Praestanum Vibianum Vaculeianum pago s. s. adf. Stonicelis fratribus et pop. quem professus est hs XIIII et fund. Cornelianum Collacterianum Flaccelliacum cum colonia Munatiana artefigia pro parte dimidia et coloniam Vettianam Cornelianam pro parte quarta pago s. s. adf. Coelio Vero et Catunio Pupillo et pop. quem professus est hs XXVICCC n., item fund. Acilianum Albonianum Caninianum pro part. dimidia pag. s. s. adf. Dellio Proculo et Aebutis frat. et pop. quem professus est hs XCDXXXII n. in hs IIII.

3. T. Naevius Verus per Naevium Nepotem f. professus est praedia rustica deducto vectigali hs LXXVII CXXII accipere debet hs VICXCVII n. et obligare colonias II in Veleiate pag. Bagienno vico Iuanelio adf. C. Naevio et M. Appio et pop. quas professus est hs X et coloniam pago s. s. vico Nitelio adf. Licinio Catone et populo quem professus est hs. IX et fundum Ebureliam cum silvis pp quarta in Veleiate pag. Domitio adf. Sulpicia Priscilla et pop. quem professus est hs XII DCCC XXIX n. et fundum Messianum pag. s.s. adf. Apthoro et C. Volumnio et pop. quem professus est hs XI in hs III n., item fund. Iuanelium qui est in Veleiate pag. Bagienno adf. Naevio Firmo et Appio Vero et Virio Firmo et pop. quem professus est hs LXX in hs III CLXXXXVII n.

4. C. Valerius Verus professus est suo nomine et L. Valeri fratris sui et P. Valeri Ligurini praedia rustica hs CVII CD n. accipere debent hs XII CCXXXIII n. et obligare fundos Terentianos et Melapacios qui sunt in Veleiate pag. Statiello adf. rep. Lucensium et Licinio Ruparcellio et pop. quos professus est hs LIIID. n. in hs V, item fund. Ibitiam pag. et adf. s. s. quem professus est hs XX DIII n. item fundum Crossiliacum pag. et adf. s. s. quem professus est hs XX DIII n. item fundum Crossiliacum pag. et adf. s. s. quem professus est hs II C n. in. hs II, item fund. Buelabras et Tuscluatum pro parte dimid. qui sunt in Veleiate pag. Salutare adf. M. Vario et Coelio Pudente et pop. quem professus est hs XXX in hs IICCXXXIII n., item fund. Mettunia pag. s. s. adf. rep. Veleiatium quos professus est hs XXXIDC n. in hs III.

5. M. Antonius Priscus professus est praedia rustica hs CCXXLIIIXXC n. accipere debet hs XVIII XXVIII n. et obligare fundos II Antonianum et Cornelianum qui sunt in Veleiate pag. Albense vico Seceniae adf. Antonia Vera et se ipso quos professus est hs XXIII in hs II, item fundos II Albonianos Vibullianos loco s. s. adf. Aulio Prisco et s. s. et fundos Antonianos II loco s. s. adf. Antonia Sabina et Vera et popul. quos professus hs XVIII et Vetutianum Acutianum adf. Calidio Proculo et pop. loco. s. et fund. Ancharianum loco s. s. et adf. Calidio Prisco et Antonia Vera et pop. quos professus est pluribus summis hs XLIII DCLVIII n. in hs IIII, item fund. Calidianum Lucinianum pag. s. s. vico Blondelia adf. Antonio Sabino et Calidio Prisco et fundum Calidianum Sarvellianum

Papirianum loco s. s. adf. Calidis Vero et Proculo et pop. et fundos Virianos Calidianos Salvianos duos loco s. s. adf. Antonio Sabino et Calidio Vibio quos pluribus summis professus est hs XXIIII DCCCXXX n. in XII XXVIII n., item fund. duos Valianos Antonianos Messianos Caturnianos loco s. s. adf. Virio Sivero et Albio Secundo et C. Cominio et pop. quos professus hs XXXII in hs III item fund. Bassilianum Caturnianum loco s. s. adf. Atilio Firmo et Annis fratrib. et pop. it. fund. Atilianum loco s. s. adf. Atilio Firmo et pop. it. fund. Saccuasicum Sextianum loco s. s. adf. Annis fratrib. L. et C. et fund. Atilianum cum silvis communionibus Annis frat. et Atilio Firmo quos pluribus summis professus est hs XLVI in hs IIII, item fund. Ennianum loco s. s. sive pag. Domitio adf. Virio Severo et Albio Secundo et pop. quem professus est hs XXXV in hs III.

6. P. Afranius Apthorus professus est praedia rustica hs CDXXV accipere debet hs XXXIIII CCVI n. et obligari saltum Helvonum qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Annis fratribus et Volumnio Crescente et pop. quem professus est hs CCI XXV in hs XXV, item coloniam Solicelos pag. s. s. adf. Sulpicia Prisca et s. s. quem professus est hs XXV in hs II, item saltum Atieliam pag. s. s. adf. Licinio Catone et Antonio Prisco et pop. quem professus est hs CXXV in hs VII CCVI n.

7. L. Cornelius Onesimus professus est saltum Tuppelium Volumnianum pro parte dimidia qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Cornelio Helio et Sulpicio Nepote et pop. hs II accipere debet hs IIII CIIII n. et pro parte saltum s. s. obligare.

8. P. Atilius Saturninus per Castricium Secundum professus est fund. Fonteianum qui est in Veleiate pag. Iunonio adf. Atilio Adulescente et Moelio Severo et pop. hs L accipere debet hs IIII XXV n. et obligare fund. s. s.

9. Sulpicia Priscilla per Sulpicium Subarum lib. suum professa est praed. rustica CCCCL XXXX accipere debet hs XXXVIII DCXXX n. et obligare salt. sive fund. Rubacotium et Solicelo in solidum et saltum Eboreliam pro parte dimidia qui est in Veleiate pago Domitio sive Ambitrebio adf. Afranio Apthoro et Coelio Vero et pop. quem professa est hs CCCC in XXXIIII item saltum Rubacaustos in Veleiate pag. Domitio adf. Afranio Apthoro et Sulpicia Prisca et populo quem professa est hs XL in hs IIII DCXXX n.

10. M. Vibius Q. f. per M. Vibium Verum f. suum professus est praedia rustica hs XXC accipere debet hs VI CCCCXXXVIII n. et obligare fund. Mucian. Veturianum cum meride qui est in Veleiate pag. Floreio adf. Petron. Epimele fratribus Atedis et pop. quem professus est hs LVI in hs V, item fund. Gellianum Flavianum pag. s. s. adf. Atedis fratribus et se ipso et pop. quem professus est hs XXIIII in hs I CDXXXVIII n.

11. L. Sulpicius Verus professus est praedia rustica hs LXXIDXXII n. accipere debet hs V DCC XIIII n. et obligare fund. Lubautinos Obsidianum Arrianum qui est in Veleiate pago Valerio adf. rep. Lucensium et Minicio Vero et Vicrio Sabino et L. Atilio et fund. Marianum in Veleiate pag. Salvio adf. Granio Prisco et Tarsunio et Sulpicio Baccho quas duabus summis professus est hs XXVIII DC n. in hs II CCX III n., item fund. Lucilianos Didianos qui sunt in Veleiate pago Valerio adf. Lucensibus et Valeria Polla quos professus est hs XL in hs III D n.

12. C. Vibius Probus per Vibium Sabinum professus est praedia rustica hs LVIII DCCC n. accipere debet hs IIII DCLXVIII obligare fund. Maticianos cum casis in Veleiato pago Salutare adf. Attielio et Naevis fratrib. quos professus est hs XXIIII in hs II item fund. Geminianos Pisuniacum pag. s. s. adf. Atilio Attielao et pop. quos professus est hs XII DCC n. in hs ∞ item casas pag. et adf. s. s. et fund. Vecalenium Cottasianum pro parte dimidia pag. s. s. adf. Atilio Attielao et Velleio Ingenuo quos duabus summis professus est hs XXII in hs ∞ DCI XVIII n.

13. M. Mommeius Persicus professus est praed. rustica in Veleiate et Placenteno deducto vectigali et eo quod Cornelius Gallicanus obligavit IXI CLXXX DC n. accip. deb. hs XCIIII DCCLXV n. et oblig. fundum Attianum in Veleiate pago Ambitrebio adf. Pontis frat. et fundum Albianum pag. s. s. adf. fund. s. s. et fund. Furianum pro parte quatra pag. s. s. et fund. Metellianum pro parte Dimid. et VI pag. s. s. adf. Battis fratrib. et fund. Mucianum Vettianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. Virio Severo et Minicia Polla quos professus est pluribus summis hs LVI CDLX n. in hs III item fund. Statianum cum

colonia Gentiana pag. s. s. adf. Licinio Catone et Vibio Severo quem professus est hs XL n. in hs IIII D n., item fund. Lereianum p. p. dimid. pago s. s. adf. rep. Placentinorum quem professus est hs XXII D n. et fund. Aestinianum Antistianum Cabardiacum p. p. dimid. pag. et adf. s. s. quem professus est hs XLV in hs V, item fund. Vellium pag. s. s. adf. M. Baebio quem professus est hs LVI in hs V, item fund. Vibianum Baebianum pag. s. s. adf. L. Atilio quem professus est hs L in hs IIII D n., item fund. Olympianum pro p. dimid. pag. s. s. adf. Virio Severo et Volumnio Memore quem professus est hs XXVI in hs II item saltum Attianum cum fundo Flaviano Vipponiano p. p. dimidia, item fund. Messianum p. p. III et XXIIII pag. s. s. adf. Cornelia Severa et Licinio Catone quos professus est hs LXXVII D. in hs VII D n., item fund. Castricianum pag. s. s. vico Flania adf. se et Alis quem professus est hs LX in hs VCCCCXL IV n., item fund. Calventianum quem professus est hs XL in hs III D n., item fund. Calidianum quem professus est hs XXXV in hs III, item fund. Gallianum quem professus est hs XII in hs ∞ item fund. Murrianum quem professus est hs XXCV in hs VII D n., item fund. Ligusticum quem professus est hs XL in hs III D n., item fund. Ennianum p. p. dim. professus est hs XV in hs ∞, item fund. Valerianum quem professus est hs LXXXV in hs VII D n., item saltum Canianum quem professus est hs XVI in hs ∞, item fund. Cabardiacum Veterem in Veleiate pag. s. s. adf. C. Valumnio Memore et rep. Placentinorum et Metello Firmino quem professus est hs CCX in hs XVII, item fund. Licinianum p. p. dimidia qui est pag. s. s. adf. Licinio Vero quem professus est hs VIII et fund. Delianum cum colonia qui est in Veleiate pag. Floreio adf. Granio Prisco et Baebio Vero quem professus est hs XXIII DC n. in hs II CCC XXI n., item fundum Atilianum qui est in Placentino pago Venerio adf. L. Atilio quem professus est hs XXX in hs II D, item fund. Clennanum p. p. dimid. pag. s. s. quem professus est hs XXV in hs II, item fund. Granisium Furianum Munatian. in Placentino pag. s. s. adf. Licinio Catone quem professus est hs XII in hs ∞, item fund. Cinnianum pag. s. s. adf. fund. s. s. et fund. Bittianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. L. Atinio et fund. Canianum pag. s. s. adf. fundis s. s. quos professus est pluribus summis hs XVI LVI n. in hs ∞, item fund. Satrianum in Plac. pag. Vercellense adfin. Domitio Primo et Atilio Saturnino quem professus est hs LVI in hs V, item fund. Vennuleianum pag. Vercellensi adf. Clodio Grapto et fund. Solianum et fundi Avillinlani pro partem dimidiam in placentino pag. Veronense adf. P. Atilio et Arruntio Nepote, et fund. Blossianum p. p. VI pag. Lurate adf. Mirulinis quos pluribus summis professus est hs XIIX in ∞ n.

14. P. Albius Secundus per Albium Severum fil. suum professus praed. rustica hs CLI CC n. accipere debet hs XIICIIII n. et obligare fundum Iulianum cum figlinis et coloniis VIIII pagis Iunonio et Domitio adf. Maelio Severo M. Velleio Fisio Dioga et pop. quem professus est hs CXX in hs XCLIII n. item fund, sive Saltum Betutianum p. p. tertia quae est in Veleiate pag. Domitio vico Caturniaco adf. Antonio Prisco et C. Antonio et pop. quem professus est hs XXVI CC n. in hs II n.

15. C. Dellius Proculus per C. Dellium Hermen lib. suum professus est praedia rustica deducto vestigali hs CCXCII DCCCXX n. acciper. debet hs XXIIII DI n. et obligare fund. Mucianum pp dimid. qui est in Veleiate pag. Floreio adf. M. Petronio Epimlle (sic) et L. Granio Proculo et pop. et fund. Cornelianum Terentianum pag. s. s. adf. Calidio Censore et L. Granio et pop. et fundum Vitillianum Rufianum pro parte III pag. Floreio adf. se et Valeris fratr. et fund. Pulleliacum p. p. dimid. pag. s. s. adf. Aebutio Secunto (sic) et Dama et fundum Virocaesium pro parte sexta in Ullei (sic) pago Salutare adf. Vetelatibus quos pluribus summis professus est hs XLIVDCXXX n. in hs IIII item fund. Asellianum Egnatianum p. p. dimidia cum meridibus qui est in Veleiate pag. Iunonio adf. Vibio Proculo et pop. quem professus est hs XXXIII in hs III item fund. Afranianum Mancianum Bittelum Arruntianum pag. s. s. adf. rep. Lucensium et Minicia Polla et pop. quem professus est hs CLV in hs XIII item fund. sive saltum Narianum Catucianum p. p. IIII qui est in Veleiate pag. Iunonio adf. Virio Nepote et pop. quem professus est hs XXI D n. et fund. Corbellianum Asellianum Fgatianum cum meridib. pag. s. s. adf. Avillio Optato et Vibio Proculo et pop. quem professus est hs LIII in hs III DI n.

16. C. Caelius Verus per Onesimum ser(vum) suum prof. est praed. rustica in Plac.

et Veleiate et Libarnensi deducto vectigali et is quae ante Cornellius Gallicanus et Pomponius Bassus obligaverunt hs DCCCXLIIII DCCCLXXVIIII n. accipere debet hs LXVII DCCCL n. et oblig. fund. Collacterum p. p. dimid. et colonia Cinnerum p. p. IIII qui sunt in Veleiate pag. Iunonio adf. Valerio Adulescente et Virio Nepote et pop. et fund. Antonianum in Veleiate pag. Medutio adf. Attis fratrib. et Attilio Expectato et pop. quos duab. summis prof. est hs XXXVII CD n. in hs IIICCCL item fund. Vembrunium paternum qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Licinio Catone et Sulpicia Priscilla quem professus est hs LXXI CD in hs VI n. item fund. Satrianum qui est in Veleiate pag. Velleio adf. Lucensib. et Annis fratrib. et pop. quem prof. est hs XXXII in hs III, item fund. Vibianum Librelium in Veleiate pag. Statielo adf. s. s. quem professus est hs XXXCC n. in hs II, item fund. Gittianum Roudelium p. p. dimid. qui est in Veleiate pag. Albense adf. s. s. quem professus est hs XXXVI in hs III, item fund. Dirrianum in Veleiate pag. Iunonio adf. Verio Nepote et Attis fratrib. et fund. Graecanasium totum et fund. Patern. p. p. quinta et parte X et Claris p. p. III et fund. Aterelanum p. p. IIII qui sunt in Veleiate pag. Domitio adf. Vibio Severo et Attis frat. et pop. et fund. Mucianum Cloustrum Tullare p. p. dimid. qui est in Veleiate pag. Albense adf. Aebutio Saturnino et Annis et Pop. et fund. Antonianum Sevuonianum Tullar. p. p. dimid. in Veleiate pag. Albense adf. Aebutio Saturnino et pop. quos pluribus summis prof. est hs XXXI LX n. in hs III, item saltum Bitiniam Albitemium qui est in Veleiate et in Lucensi pagis Albense et Minervio et Statiello adf. rep. Lucensium et Annis frat. et pop. quem professus est hs CCCL in hs XXX, item fund. Atilianum Nitielium qui est in Veleiate p. p. VIII pag. Bagienno adf. Licinio Catone et Cornelia Severa et fund. Valerianum Amudis in Veleiate et Parmensi pagis Salutare et Salvio adf. Lucensib. et Vettis frat. et pop. et Senianum in Velei pag. Meducio adf. Flavis frat. et L. Attio et pop. quos plurib. summis professus est hs XXIIII in hs II, item fund. Baebianum Flavianum qui est in Placentino pag. Vercellense adf. Appio Sabino et M. Minicio et pop. quos professus est hs XI DCCCC n. in hs III CDCXVIII n., item fund. Calidianum Epicandrianum Lospistum Valerianum Cumallia p. p. dimid. et IIII pag. s. s. adf. Virio Nepote et Maelio Severo et Atilio Successore et pop. quos professus est hs LVIIII XXIV n. in hs V Dn., item fund. Cerellianum Gumallian. p. p. dimid. et IIII pag. s. s. adf. Volumnio Crescente et fundo Messiano et Berullianum in Placentino pag. Herculano adf. M. Minicio quem professus est duab. summis hs XXIII DCCXXC in hs II, item fund. Polionianum in Plac. pag. Farraticano adf. L. Delio Publicio Stephano p. p. III quem professus est hs X et fund. Dellianum Afranianum et fund. Dellianum p. p. dimid. qui sunt in Veleiate pag. Floreio adf. Q. Baebio Aebutio Pudente et pop. quos duab. summis professus est hs CXXII in hs IV DXXXII n.

17. L. Annius Rufinus nomine suo et C. Anni Veri frat. professus est praed. rustica deducto vectigali et quod Pomponius Bassus obligavit hs IXI XIIII XC n. accipere debent hs XXCIII DCCCCL et obligare fundos Solonianum cum communionibus qui est in Veleiate pag. Bagiennio adf. Naevis Firmo et Memore et pop. quem professus est hs LXXIIII in hs II, item fund. Bivelium cum communionib. pag. s. s. adf. Antonio Prisco et pop. quem prof. est hs. CXXIII CD n. in hs X, item fund. Spenellam cum communionibus qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Cn. Antonio Prisco et Licinio Catone quem professus est hs XXVI in hs II, item fund. Ibocelis pag. s. s. cum communionib. adf. Cn. Antonio et Atilis et pop. quem professus est hs XX in hs I CDL, item Vatinanos Tovianos p. p. dimid. qui sunt in Veleiate pag. Statiello adf. re p. Lucensium et Annia Vera et pop. quos professus est hs CL in hs XII D n., item fund. Atidianum Tovianis cum communionib. qui est in Veleiate pag. s. s. adf. Coelio Vero quem professus est hs XXV in hs II, item fund. Undigenis cum communionib. pag. s. s. adf. Lucensibus et C. Coelio et pop. quem professus est hs XLIV in hs IIII, item fund. Roudelium Glitianum cum commounionib. qui est in Veleiate pag. Albense adf. re p. Lucensium et popul. quem professus est hs XXXVI in hs III, item fund. Mucianum Cloustrum p. p. dimid. pag. s. s. adf. Aebutio Saturnino et Coelio Vero et pop. et fund. Antonianum Sevonianum Tullare p. p. dimid. pag. s. s. adf. s. s. quos duabus se professus est hs XIIX n. in hs ∞, item saltum sive fundos Avegam Veccium Debelis et saltum Velvias Leucumellum q. s. in Veleiate pag. Albense et Velleio adf. re p. Lucensium et Veleiatium et Aebutio Saturnino quos professus est hs CLXXIIX

in hs XVI, item saltum Bituniam et Albitemium Betutianum qui est in Veleiate et Lucense pagis Albense et Minervio et Statielo adf. r. p. Lucensium et Coelio Vero quem professus est hs CCCL in hs XXX.

18. L. Lucilius Collinus prof. est praed. rustica hs IXXV DCCCCLXXV n. accipere debet hs VI XXXVI n. et obligare fund. Minicianum Vettianum p. p. dimidia qui sunt in Veleiate pag. Ambitrebio adf. Mommeio Persico et Virio Severo et pop. et fundo Olympianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. Licinio Firmo Sal. Metelio Firmino Volumnio Memore et pop. quos professus est duabus summis hs XLIV DCCCCLXXV n. in hs IIII, item fund. Minicianum cum silv. Herennianis p. p. III pag. s. s. adf. Vibio Severo Mommeio Persico et fund. Passenniano pag. s. s. adf. Volumnio Epaphrodito Attio Sabino quos pluribus summis professus est hs XXVIII in hs II VI n.

19. L. Granius Priscus per Victorem ser. suum prof. est praed. rustica deducto vectigali CXLIIX CDXX accipere debet hs XIDCCCCXII n. et obligare fund. Iunianum p. p. dimid. et III qui est in Veleiate pag. Floreio adf. Petron. Epimele et Avillis frat. et pop. et fund. Latinianum qui est in Velei, pag. Iunonio adf. Dellio Senino Publicio Sene et pop. quos duabus summis prof. est hs XXIII CCCC n. in hs II item fund. Metilianum in Veleiate p. p. dimid. et III pago Floreio adf. fundo Iuniano et fundos Summetis Valerianis in Veleiate pag. Statiello p. p. dimid. adf. re. p. Lucensium et Veturis fratrib. quos duab. summis professus est hs, XLIII CCCC n. in hs III DCCCC n. item fundos Caesianos Naevianos Firmianos Arranian. Carigenum qui sunt in Veleiate pag. Salvio adf. P. Terentio Floro et P. Sulpicio Baccho et C. Caesio et pop. et fund. Atilianum Arruntian. Innielium Antiate et Veleiate pag. Floreio adf. Afranio Prisco et Valerio Parra quos duabus summis professus est hs XXXVII in hs III XII n., item fund. Calidianum et Triccellianum pag. s. s. adf. Coelio Vero et Aebutio Secundo et fund. Mucianum pag. s. s. adf. Virio Fusco et Dellio Senino et Minicia Polla et fund. Cassianum pag. s. s. adf. Avillis fratrib. et silvas Suffitanas p. p. dimid. pag. s. s. adf. Petronio Epimele quos plurib. summis professus est hs XXXI in hs ∞ item fundos Granianos Afranianos cum Appennino Laevia p. p. dimidia, item fund. Valerianum Laeviam in Veleiate pag. s. s. adf. Coelio Vero et Caerellio Vero et pop. et fund. Marianum qui est Placentino pag. Herculan. adf. M. Minicio et Terentio Sabino et pop. quos plurib. summis prof. est hs XLIIII n. hs II n.

20. P. Antonius Sabinus prof. est praed. rustica hs CXXXIICCCCL acciper. debet hs X DC XXIIII n. et obligare fund. Valerianum. qui est in Veleiate pag. Albense adf. Antonia Vera et Antonio Prisco et pop. quem prof. est hs LXXIII DCL in hs VI C ∞ II n., item fund. Ancharianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. M. Antonio et Calidio Proculo et fund. Virtianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. Coelio Vero et L. Annio et pop. et fund. Calidianum pag. s. s. adf. M. Anton. Decimio Basso et pop. et fund. Serranillianum p. p. dimidia pag. s. s. adf. Sextis fratrib. et Antonio Prisco et pop. et fund. Virianum Vicanianum Mammuleianum p. p. dimid. et fund. Mammuleianum p. p. VIII in Veleiate pag. Domitio adf. Antonio Prisco et Afranio Apthoro quos plurib. summis prof. est hs LVI DCCC n. in hs III DCCXXII n.

21. C. Calidius Proculus prof. est praed. rustica hs CCXXIII DXXX n. accipere deb. hs XVI CCCXXXVIII n. et obligare fund. Paternum in Veleiate pag. Albense Blondeliae Seceniae adf. Calidio Vero et Antonis Vera et Prisco quem professus est hs XCIV DC n. in hs VIIII, item fund. Maternum Munatianum pag. s. s. adf. Antonis Prisco et Vera et fund. Deciminianum pag. s. s. adf. Calidio Vero et fund. sive agros Acutianos Vetulianos Virianos pag. et adf. s. s. quos plurib. summis professus est hs XXXI CCX n. in hs III, item fund. Calidian. Laetianum pag. s. s. adf. Sextio Secundo et Virtio Vero et fund. Antonian. pag. s. s. adf. Virtis Pollione et Vero et fund. Crestianum pag. s. s. adf. Albonio Pusillo et Virio Basso et fund. Cornelianum Meppedianum Vetulianum p. p. dim. pag. s. s. adf. Calidio Vero et fund. Vetulianum Secundianum pag. s. s. adf. M. Antonio et fund. Virtianum Lucianum pag. s.s. adf. Vettis Vero et Secundo quos plurib. summis prof. est hs XL in hs III, item fund. Aurelian. Virtianum Cornelianum qui est in Veleiate et Libarn. pag. Moninate adf. M. Ennio et P. Albio quem prof. est hs XXIII DC n. in hs I CCCXXXIIX.

22. C. Volumnius Epaphroditus prof. est in Veleiate per C. Fisium Diogan. et in Pla-

centin. et in Veleiate per Volumnium Graptum praed. rustica deducto vectigali hs CDXIIX CCL n. accipere debet hs XXXIIII DLXII n. et obligare fund. Metilianum Lucilianum Anneianum cum casis et silvis et meredib. et Debelis qui est in Veleiate pag. Ambitrebio adf. Cornelia Severa Lucilio Collino Q. Appio Vibio Severo quem prof. est hs L in hs IV D, item fundum Alfiam Munatianum Anchariannum cum fundo Paspidiano et Rosiano et Mariano et Aconiano et Tarquitiano cum casis in Carricino et silvis Sagatis et loco agri Nasulliani in Placentino pag. Vercellense et Velleiate pag. Ambitrebio adf. Cornelia Severa et Olia Calliope Lucilio Collino et pop. item fund. Caecilianum in Placentino pag. Vercellense adf. Castricio Nepote Olia Calliope C. Decimio et pop. quos prof. est hs CCL in hs XXII DCC XXXVI n., item fund. Paternum qui est Placentino pag. Vercellense adf. Castricio Nepote et pop. quem professus est hs XXXII in hs III et fund. Fabianum in Placentino pag. s. s. adf. Licinia Tertullina P. Albio et pop. quem prof. est hs XXIV in hs II item fund. Anneianum cum casa et praed. Valerianis ex parte dimid. in Plac. pag. Vercellense et in Veleiate pag. Ambitreb. adf. P. Olio Hymno et pop. quem prof. est hs XXVII D in hs ∞ CCCXXVI n.

23. L. Licinius L. f. per Veturium Severum prof. est fund. Valerianum et Metilian. et Tudinum et Clodianum et Veturianum in Veleiate pag. Dianio hs L CCCL n. accipere debet hs IV XXV n. et fund. s. s. obligare.

24. L. Maelius Severus prof. est praed. rustica deducto vectigali hs CDXX CX n. ip. debet hs XXXIII DCCCIII n. et obligare fund. Iulianum Tursianum Cambelian. Lucilianum Naevianum Varianum Vippunianum q. s. in Veleiate pago Medutio adf. imp. n. et re p. Lucensium et re p. Veleiatium et Vibullis fr. et C. Novellio et pop. quos plurib. summis prof. est hs CXXVI DCC n. in hs XII CCCXXXIV, item fund. Baetianum p. p. IIII pag. s. s. adf. Vibio Severo et C. Novellio quem prof. est hs X in hs ∞ item fund. Vettianum in Veleiate pag. Velleio adf. r. p. Lucensium et rep. Veleiat. et Naevis frat. et fund. Petronianum p. p. dim. pag. Iunonio adf. Vettio Fortunato quos duab. summis prof. est hs XII in hs ∞ CC n. item fund. Varronium pag. s. s. adf. C. Calidio et C. Vettio Secundo et pop. quem prof. est hs XIII C n. in hs ∞ CCC n., item fund. Milleliac. p. p. III pag. Floreio adf. Coelio Vero et Virio Nepote et Dellio Proculo et fund. Braetianum Caninianum p. p. IIII adf. C. Vibio Severo et C. Novellio quos duab. summis prof. est hs XVIII D n. in hs ∞ DCCCL n., item fund. Cassianum Novianum Rutilianum Plautianum Antonianum Coceiasium adf. Albio Secundo et Volumnio Verecundo pag. Iunonio sive quo alio in Veleiate quem prof. est hs CXXX in hs XIII, item fund. Domitianum p. p. IIII pag. Iunonio adf. Virio Nepote et T. Blaiunio et fund. Demetrianum Cassianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. C. Volumnio Verecundo et pop., item fund. Marianum pag. Floreio in Veleiate adf. imp. n. et Minicia Polla et C. Sulpicio et pop. item fund. Petronian. in Veleiate pag. Iunon. adf. Vettio Fortunato et Gaecilio Gallo et pop., item fund. Novellian. Petronianum p. p. dimid. pag. s. s. sive alio adf. C. Volumnio Verecundo et se, quos professus est plurib. summis hs XXCL n. in hs II, item fund. Asscevam. p. p. III qui est in Veleiate pag. Floreio adf. Minicia Polla et Dellio Proculo, quem prof. est hs XVIIII in hs ∞ CXX n.

25. Antonia Vera per Annium Rufinum prof. est praed. rustica hs CCXDCCCLXVI, accipere deb. hs XVIDCCCCII n. et oblig. fund. Antonianum Collianum Valerianum Cornelianum cum communionib. qui est in Veleiate et in Libarnensi pagis Martio et Albense adf. Calidis Proculo et Prisco et pop. quem prof. est hs CXXC in hs XVI, item fund. Antonianum p. p. dim. et VI cum communionib. in Veleiate pag. Albense adf. Antonio Sabino et Calidio Proculo quem prof. est XXVI DCLXVI n. in hs D CCCCII n.

26. C. Vibius C. f. prof. est praedia rustica hs CLVDCCCXLII n. accipere deb. hs XII CDLXXV n. et oblig. fund. Satrianum paternum qui est in Veleiate pag. Bagienno adf. Cornelia Severa C. Naevio Firmo et pop. quos prof. est hs XL in hs IIICDII, item fund. Aurelianos Vettianos p. p. III pag. s. s. adf. s. s. et fund. Muttienanos Vibianos q. s. pago et adf. s. s. et fund. Vibullianum Calidianum pag. s. s. adf. Appis fr. et C. Vicrio Firmo p. p. dimid. quos pluribus summis prof. est hs XLVDCLX in hs IV, item fund. Vibian. p. p. dimid. pag. s. s. adf. P. Licinio Catone et pop. et fundos Betutianos Aurelianos p. p. IIII pag. s. s. quos duab. summis prof. est hs LIIDCCCXXCII n. in hs IV LXXIII n.

item fund. Vibullianum Calidianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. Meturicialis et Vicrio Firmo quem prof. est hs XV in hs I.

27. M. Varius Felix. prof. est praed. rustica hs LIIX CCCL n. accip. deb. hs IV D CLXIIX et obligare in Veleiate pag. Dianio adf. Valerio Probo et Vera et Allelis fratrib. et socis Taxtanulatibus et Baebia Tertulla et Valerio Veccunio et pop. fundos Naevianos duos quos prof. est hs XXIIII in hs II item fund. Orbianiacum quem prof. est hs XII in hs ∞ item fund. Taxtanulas. et Budacelium pro indiviso ex parte sexta quos prof. est hs XVI L n. et fund. Iu — inatum p. p. IIII quem prof. est hs VICCC n. in hs ∞ DCLXVIII n.

28. Cn. Antonius Priscus prof. est praed. rustica hs CCCL ∞ DCXXXIII n. accip[ere] debet hs XXVIII CCL n. et obligare fund. Vicirianum Mammuleianum cum communionib.p.p. dimid. qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Afranio Apthoro et Licinio Catone et L. Licinio et pop. quem prof. est hs XXX in hs ∞ CDLXXVII, item fund. Muttienianum Cornelianum cum silvis p. p. dimidia pag. s. s. adf. Licinio Catone et Cornelia Severa et pop. quem prof. est hs XXXX in hs III D n., item fund. Calidianum Atedianum Maternum pro p. dimid. p. p. s. s. adf. Lucio et C. et Annis et pop. quem prof. est hs XX et fund. Trantianum p. p. dimid. pago et adf. s. s. quem prof. est hs X in hs II CCLXXIII n., item fund. Licinianum p. p. dimid. et IIII et VIII qui est pag. s. s. adf. Antonio Sabino et Afranio Apthoro et pop. et fund. Petilianum p. p. dimid. pag. s. s. adf. Antonio Prisco et pop. quos duabus summis prof. est hs XIII in hs ∞ item fund. Veturianum Virianum Vibianum Satrianum paternum pag. s. s. adf. L. et C. Annis et Afranio Apthoro et pop quem prof. est hs CXXXIII in hs XII, item fund. Vorminianum precele cum iure Appennini Areliasci et Caudalasci et communionibus qui est in Veleiate et in Libarnensi pag. Domitio Eboreo adf. C. et L. Annis et Licinio Catone et Valerio Nepote et pop. quem prof. est hs XX et fund. Vibianum Syrellianum in Veleiate pag. Domitio ad. s. s. quos prof. est hs VII in hs IID n., item fund. Macatianum Ennianum pag. et adf. s. s. et fund. Valerianum p. p. IIII pag. et adf. s. s. et Valerio Nepote quem duab. summis prof. est hs XVII in hs ∞ D n. item fund. Antonian. p. p. III cum communionib. in Veleiate pag. Albense adf. Antonis Sabino et Prisco et fund. Minicianum Lapponianum Histrianum patrnum. (sic) in Veleiate pag. Bagienno adf. L. et C. Annis et pop. et fund. Attianum pag. et adf. s. s. quos plurib. summis prof. est hs XLV DXXXIII in hs IIII.

29. L. Cornelius Helius per Fortunatum ser(vum) suum prof. est fund. Tuppiliam Vibullianum Volumnianum p. p. dimid. in Veleiate pag. Domitio adf. Sulpicio Nepote et Licinio Catone et pop. hs I accipere debet hs III LXXV n. et fund. s. s. obligare.

30. C. Vibius Severus per Vibium Calvum lib. suum prof. est praed. rustica hs DCLXXIII DCLX n. in Veleiate et in Placentino deducto vectigali et quod Cornelius Gallicanus obligavit accipere deb. hs LIII CCCLXII n. et obligare fund. Aeschinianum p. p. dimid. qui est in Veleiate pag. Ambitrebio adf. Lucilio Collino et Minicia Polla et pop. quem prof. est hs XLV in hs IV item saltum sive fundos Ulilam sive Velabras et Craedelium qui sunt in Veleiate pag. Medutio adf. Licinio Catone et Coelio Vero et Caerellio Vero quem prof. est hs CCCI in hs XX, item fund. Coilianum qui est in Veleiate pag. Ambitrebio adf. Licinio Firmino quem prof. est hs XXVI in hs II LXII n. item fundum Vetutianum Scantiniacum qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Antonio Prisco quem prof. est hs XXVI DCLX n. in hs II item fund. Virianum qui est in Placentino pag. Valerio adf. Licinia Tertullina et Vibio Favore et pop. quem prof. est hs LXXII in hs VII item fund. Statianum pag. et adf. s. s. quem prof. est hs LXXII in hs VII item fund. Tresianum pag. et adf. s. s. quem prof. est hs XXXVII et fund. Antonianum in Veleiate pagis Venerio et Lurate adf. Atilio Saturnino et P. Atilio Adiutore et pop. quem prof. est hs XII utrosque in hs III D n. item fund. Caturniacum pag. s. s. quem prof. est hs XLI CL n. in hs III DC n. et fund. Cornelianum qui est in Placentino pag. Venerio adf. Licinio Firmino quem prof. est hs XL in hs III CC n.

31. Cornelia Severa prof. est praed. rustica in Veleiate per Primigenium ser. suum et in Placentino Zosimum ser. suum deducto vectigali et quod Cornelius Gallicanus obligavit hs undeciens LVIII CL n. accipere debet hs LXXXXI CX n. et obligare fund. Covanias et Ovilia in Veleiate pag. Ambitrebio adf. Mommeio Persico Vibio Severo

et pop. quem prof. est hs CC in hs XVIII, item fund. Ollianos Pomponianos Sulpicianos Covanias Veconianum pag. et adf. s. s. quos prof. est hs XXCVIII in hs VIDCCC XXCV n. item fund. Bettonianum pag. et adf. s. s. quem prof. est hs XXXII D n. in hs III, item fund. Protianum pag. et adf. s. s. quem prof. est hs XLVIII in hs IIII D n., item fund. Aulianum Tituronianum pro p. trib. qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Afranio Apthoro et Trebellio Memore et fund. Vlamunium p. p. s. qui est in Veleiate pag. Bagienno adf. Fabio Firmo et C. Vibio quos duab. summis prof. est hs CXII in hs V, item fund. Moschianum qui est Placentino pag. Vercellensi adf. Albio Secundo et Varronia Apollonia et pop. quem prof. est hs XLVIII in hs III, item hortos Publilianos Fadianos qui sunt in Placentino pag. Salutare adf. Ennio Primo et Munatio Martiale, quos prof. est hs XXVI in hs ∞ , item fund. Statianum Campianum qui est in Placentino pag. Novioduno adf. Attiolino Paullino et Vibio Secundo quem prof. est hs L in hs III, item fund. Appianum Passianum qui est in Placentino pago Briagontino adf. Cornelio Strabone et Solonio Adepto et pop. quem prof. est hs CII in hs VIII, item fund. Oclavianum Betutianum qui est in Placentino pag. s. s. adf. Tertio Feigone et Licinio Catone et pop. quem prof. est hs XXXIII CC n. in hs ∞ DCCC XXV n., item fund. Tirenteanos Firmianos Annisidianos in Placentino pag. Ceriale adf. Albis fratribus et Licinia Tertullina quos prof. est hs LII in hs IV, item fund. Larconianum in Placentino pag. Valentino adf. Geminio quem prof. est hs XXIIII in hs ∞ D item fund. Nattianum Fabricianum qui est in Parmense pag. Mercuriale adf. Popillis fratrib. Terentia Vera et pop. quem prof. est hs XXC in hs V D, item fund. Putuanum Vetutian. in Parmensi pag. Mercuriale adf. Mammia Polla et Arruntio Burdone et pop. et Arbistriano in Parmense pag. s. s. adf. fund. Nattiano quos duab. summis prof. est hs XXII in hs ∞ CC n. item fund. Scaevianum p. p. dimid. qui est in Placentino et Veleiate pag. Vercellense et Ambitrebio adf. Volumnio Verecundo et C. Pomponio et pop. quem prof. est hs XXIV in hs II, item fund. Scrofulanum et Succonianum in Placentino pag. Minervio adf. Cassis fratrib. L. Labinco quem prof. est hs CLXXX in hs XXII, item fund. Pomponianum Antonianum p. p. dim. in Placentino pag. Cereale adf. Afrania Musa et pop. et fund. Littonianum Appianum Ucubatianum qui est in Placentino pag. Iulio adf. Vibullio Severo it pop. et silvas Castricianas et Picianas qui sunt in Plac. pag. Vercellense adf. Cornelia Severa, itim agellos Vibullianos in centino (*sic*) pag. Apollinare adf. Afranio Prisco et pop. quos plurib. summis prof. est hs XXVI in hs ∞ ∞ item fund. Egnatianum Safinianum Pupianum Mestrianum Biturritam in Placentino pag. Herclanio adf. Munio Severo et Cassio Iuvene et pop. quem professa est hs LIII in hs III D n.

32. Minicia Polla prof. est praed. rustica hs LXV CCCC n. accipere debet hs LII CCXXXI n. et obligare fund. Veneclanum Terentianum Domitianum Petronianum qui est in Veleiate pag. Floreio adf. imp. n. et re p. Lucensium quem prof. est hs XXXV in hs III CC n., item fund. Sextianum pag. s. s. adf. L. Sulpicio et C. Dellio et pop. quem prof. est hs XXIIII in hs II XXXI n.

33. T. Naevius Titulius per Naevium Cinnamum prof. est praedia rustica hs LIII DCCCC n. accipere debet hs IIII CCLXV n. et obligare fund. Trim. ... Tarquitianos Locresian. in Veleiate pag. Domitio adf. [Licini]o Catone et [Valer]io Nepote quem [prof.] est hs XIII DCCC n. in hs ∞ LX... item fund. Tarquitianum adf. Cornelis Helio et Onesimo et pop. quem prof. est hs XL in hs III CC n.

34. C. Pontius Ligus per L. Pontium fil. prof. est fund. Aulianos Caerellianos Pullienianos Sornianos et fund. Paternum et fund. Naevianum Titianum et fund. Metilianum Velleianum Helvianum Granianum in Veleiate pag. Salvio sup(er) vic(o) Irruacco hs LXII D CCCCXX n. accipere debet hs IIII DCCCCLXXXX n. et fund. s. s. obligare.

35. Valeria Ingenua per Valerium Lucrionem lib. suum prof. est praed. rustica hs LXVIIII CCLX n. accipere debet hs V DLIII n. et obligare fund. Varpros in Veleiate pag. Statiello adf. re p. Lucensium et pop. quem prof. est hs XII CCLX n. in hs ∞, item fund. Aemilianum Arruntianum in Veleiate pag. Velleio vic(o) Ucciae adf. re p. Lucensium et pop. quem prof. est hs LVII n. in hs IIII DLIII n.

36. L. Veturius Severus prof. est praed. rustica hs LVDCCC n. accipere debet hs IVCCCC XXVI n. et obligare fund. Valerianum Genaviam p. p. dimid. et fund. Liccolev-

cum p. p. quarta in Veleiate pag. Dianio adf. Clodis et Licinio quos duabus summis prof. est hs XVIIII DCCC n. in hs ∞ CCXXVI n. item fund. Caudiacas p. p. dim. in Veleiate pag. Statiello adf. Coelio Vero et Cornelio Probo quem prof. est hs XXXVI in hs III CC n.

37. L. Valerius Parra per Valerium Acceptum fil. suum prof. est praed. rustica deducto vectigali hs XCVIII accipere debet hs VIIDCCCLXXXVII n. et obligare fund. Aminianum Atilianum Propertianum cum casis vectigalia Eburcianis Pollianum Ferramianum pag. Floreio adf. Petronio Epimele et Herennio Nepote et Arruntia Tertullina quem prof. est hs XXC in hs VII, item fund. Velabras p. p. dimid. qui est in Placentino pag. Herculanio adf. Dellio Proculo et Volumnio Carpo, quem prof. est hs XX in hs DCCCLXXXVII n.

38. Betutia Fusca per Betutium lib. suum prof. est deducto vectigali fund. Popilianum et Valerianum in Veleiate pag. Medutio adf. imp. n. et re p. Lucensium et Aelio Severo et Satrio Severo hs XC CC n. accipere debet hs VII CC XLIII n. et fund. s. s. obligare.

39. Glitia Marcella prof. est saltum Drusianum cum colonis duabus Magi Magiana (*sie*) et Ferrania in Veleiate pag. Salvio adf. Antonio Vero et Popilio Agente et C. et L. Herennis Naevis fratrib. qui ex reditu aestimatus est hs C accipere debet hs VIIIL n.

40. Petronius Epimeles prof. fund. Carrufanianum et Ventilianum cum casis in Veleiate pag. Floreio et in Placentino pag. Herculanio adf. Q. Baebio Vero et Virio Nepote et pop. deducto vectigali hs LXXI CCLVI n. accipere debet hs VDCCXIIII n. et oblig. fund. s. s.

41. Q. Accaeus Aebutius Saturninus per Aebutium Hermen lib. suum prof. praed. rustica deducto vectigali hs CLVIII DCCC n. accipere debet hs XII DCC VI n. et obligare fund. Antonianum in Veleiate pag. Albense vico Lubelio adf. Coelio Vero Annis Arruntis et re p Lucensium quos prof. est hs CC.

42. C. Naevius Firminus et Pupill. Naevius Memor per L. Naevium prof. sunt. praed. rustica deducto vestigali hs CXIII DC n. accipere debent Naevius Firmus et Naevius Pupillus tutore auctore hs VIIII XCIV n. et obligare fund. Didianum Albianum Vibianum in Veleiate pag. Bagienno adf. L. et C. Annis et Naevis Vero et Prisco et Sulpicia Priscilla et pop. quos prof. sunt hs LXXIIII DCC n. in hs IIII XC IIII n. item fund. Betutianum Ulamonium. pag. s. s. adf. Naevius Vero et Prisco et Appis Vero et Marcello et Licinio Catone et Antonio Prisco et pop. quos prof. sunt hs XCIIXD in hs V.

43. Coloni Lucenses publice professi sunt saltus praediaque Bitunios sive quo alio vocabulo sunt pro indiviso pro parte tertia quae pars fuit C. Atti Nepotis et quascumque partes habuit Attius Nepos cum Annis fratrib. et re p. Lucensium et Coelio Vero, item saltus praediaque iuncta qui montes apellantur quae fuerunt Atti Nepotis propria universaque item saltus praediaque Ucciae et saltus praediaque Latavio vectigalia et non vectigalia et saltus praediaque Laeveli et saltus praediaque Berusetis et saltus praediaque Coeliana et saltus praediaque Baratiolae et saltus praediaque Varisto et saltus praediaque Lesis et saltus praediaque Dinium et saltus praediaque Poptis et saltus praediaque Tigulliae et saltus praediaque Mettiae et saltus praediaque Bargae et saltus praediaque Boielis et saltus praediaque Tarboniae et saltus praediaque Velianum vectigal et non vectigal sive alis nominib. vocabulis qui sunt, qui sunt in Lucensi et in Veleiate et in Parmense et in Placentino et montibus adf. compluribus exceptis praedis Caereliano colle et praediis quae Attius Nepos cum Priscilla aliquando possedit hs vicies quinquies deductis reliquis colonorum et usuris pecuniae et precis mancipiorum quae in ineptione eis cesserunt habita ratione etiam vectigalium hs XVI accipere debent hs CXXVIII DCCLXXX n. et obligare saltus sive praedia quae s. s. s. deducta parte quarta.

44. T. Valius Verus prof. est praed. rustica deducto vectigali hs CCXLVI DCCC XXXXII n. accipere debet hs XVIIII et obligare fund. Caninianum in Placentino pag. Vercelense ad. Fisio Jacintho et Petronis fratribus quos prof. est hs XL in hs III, item fund. Cornelianum Dellianum pag. Ceriale adf. Valeris fratrib. et Alis quos prof. est hs XXXVIII DCC n. in hs III, item fund. sive saltum Calventianum Sextianum cum Vadis et fund. Salvianum et Campum vectigal et non vectigal et fund. Epiano Titiolano His-

trioduno et fund. Taurianis duob. et fund. Afriano Dextriano cum meridib. omnib. et alluvionibus iunctis praedis s. s. quae sunt in Placentiano pag. Sinnense adf. Gallis fratrib. et Quarto Modesto et rei p. Placentinorum et Alis quos prof. est hs $\overline{CL}$ CC n. in hs $\overline{VIII}$, item fund. Vitulianum in Placentino pag. Vercellense adf. Licinia Tertullina et paganis pagi Ambitrebi quem prof. est hs $\overline{XXC}$ in hs $\overline{LII}$.

45. P. Publicius Senex prof. est praedia rustica hs $\overline{CCLXXI}$ C. n. accipere debet hs $\overline{XXI}$ CC ∞ XI et obligare fund. Numerianum qui est in Placentino pag. Herculanio adf. Novellio Fusco et Sulpicia Erato quem prof. est hs $\overline{XXXVII}$ et fund. Petronianum pag. s. s. adf. Cornelis fratrib. et fund. s. s. quem prof. est hs $\overline{XI}$ in hs $\overline{IV}$, item fund. Stantacum totum cum casa Valeriana p. p. sexta pag. s. s. adf. s. s. et Novellio Fusco et pop. quem prof. est hs $\overline{VI}$ et fund. Birrianum vel Leianum cum meridib. qui est pag. s. s. adf. C. Lucilio L. Virio et pop. quem prof. est hs $\overline{XLVI}$ in hs $\overline{IIII}$ D n. item fund. Baebianum pag. s. s. adf. Aurelia Exorata et P. Aurelio et pop. quem prof. est hs $\overline{VI}$ et fund. Pescennianum pag. s. s. adf. Minicia Polla et Calidia Vibia et populo quem prof. est hs $\overline{XX}$ in hs ∞ ∞, item fund. Vicrianum pag. s. s. adf. Velleio Ingenuo et Cerellio Vero et pop. quem prof. est hs $\overline{VIII}$ et fund. Balbinianum pag. s. s. adf. pop. quem prof. est hs $\overline{XL}$ in hs $\overline{IIII}$, item fund. Lucilianum pag. s. s. adf. L. Marcilio Avilia Philaena et fundi Sivuoniani partem quartam pag. s. s. adf. Sulpicia Erato et fund. Calidianum pag. s. s. adf. C. Marcilio L. Ennio et fund. Marcillianum pag. s. s. adf. Marcilio Pietate et Sulpicia Erato et fund. Homusianum pag. s. s. adf. Sulpicia Erato et Sertoria Polla quos pluribus summis prof. est hs $\overline{XLII}$ D CCC n. in hs $\overline{III}$ D n., item fund. Papirianum pag. s. s. adf. M. Vibio et Pol. et fund. Matellianum pag. et adf. s. s. et fund. Veleianum pag. s. s. adf. L. Sitrio et Sulpicia Erato et fund. Calpurnianum pag. s. s. adf. Dellio Vero et pop. et fund. Lucilianum Petronianum pag. s. s. adf. Dellio Vero et Valerio Vero quos pluribus summis prof. est hs $\overline{XXVIII}$ in hs ∞ DCCCXI n., item fund. Plautian. qui est in Placentino pag. Verontensi adf. Pompeio Primigenio et pop. et fund. Philetianum cum meride Vicriana in Placenteno pag. Herculanio adf. Caerellio Vero et pop. quem duabus summis prof. est hs $\overline{XXIII}$ DC n. in hs $\overline{II}$.

46. L. Virius Fuscus prof. est praed. rustica hs $\overline{CCLXVIIII}$ accipere debet hs $\overline{XXI}$ DCL n. et obligare fund. Octavianum qui est in Placentino pag. Herclanio adf. Glitia Marcellina Albio Prisco et pop. quem prof. hs $\overline{XXXVI}$ in hs $\overline{III}$ CL n., item fund. Virtianum qui est in Placentino pag. s. s. adf. Velleio Ingenuo Licinio Senino et pop. quem prof. est hs $\overline{XL}$ in hs $\overline{III}$ D n. et fund. Numisianum pag. s. s. adf. Petronio Servando et Raecio Fortunato et pop. quem prof. est hs $\overline{LXV}$ in hs $\overline{VI}$ D n., item fund. Hostilianum pag. s. s adf. T. Avillio et Licinio Senino et pop. quem prof. est hs $\overline{X}$ item fund. Virtianum pag. s. s. adf. Publicio Senino et Pomponia Procula quem prof. est hs $\overline{XXXVI}$ in hs $\overline{IIII}$, item fund. Pistil. pag. s. s. adf. M. Vibio et Olio Crescente et pop. quem prof. est hs $\overline{XXX}$ et fund. Calvianum pag. s. s. adf. Tullio Primigenio et Olio Pudente quem prof. est hs $\overline{XX}$ in hs $\overline{IIII}$ D. n. Item obligatio praediorum facta per Cornelium Gallicanum ob hs $\overline{LXXII}$ ut ex indulgentia optimi maximique principis imp. Caes. Nervae Traiani Augusti Germanici pueri puellaeq. alimenta accipient, legitimi n. XIIX in singulos hs XVI n. fiunt hs $\overline{III}$ CCCCLVI, legitima hs XII fit summa utraque hs $\overline{III}$DC quae fit usura = = — summae s. s. [1]

47. C. Caelius Verus professus est saltus Avegam Veccium Debelos cum figlinis, saltus Velvias Leucomelium qui sunt in Veleiate pag. Albense et Velleio adf. re p. Lucensium et re p. Veleiatium hs $\overline{XC}$ accipere debet hs $\overline{IX}$, item prof. est fund. Valerianum Tovianas Adrusiacum Lucilianum p. p. dim. et fundum Noniacum pro p. IIII qui sunt in Veleiate pag. Statiello adf. Annia Vera re p. Lucensium et pop. hs $\overline{LX}$ accip. debet hs $\overline{VI}$.

48. L. Cornelius Severus professus est saltum Blaesiolam qui est in Libarnese et Veleiate pagis Bagienno et Moninate adf. Vibio Severo et pop. hs $\overline{CCCL}$ accipere debet hs $\overline{XXXV}$.

49. C. Vibi Severi profitente ipso fundi Aurelianus Coelianus qui s. in Veleiate pag. Ambitrebio adf. C. Volumnio Memore et pop. hs $\overline{XXX}$ accipere debet hs $\overline{III}$.

50. Item saltus Attinava cum fundo Flaviano Messiano Vipponiano qui est in Veleiate pag. Ambitrebio adf. L. Cornelio Severo et pop. hs $\overline{XXX}$ accipere debet hs $\overline{III}$.

51. M. Mommei Persici profitente ipso saltus Nevidunus in Veleiat. pag. Sulco adf. Licinio Catone Vettis fratribus et pop. hs $\overline{LX}$ accip. debet hs $\overline{VI}$.
52. Vibiae Sabinae profitente Vibio Idaeo saltus Carucla et Velius et fund. Naevianus p. p. dim. pagis Salvio et Valerio inter adfines remp. Lucensium et P. Naevium Probum et C. Titium Graphicum et Q. Cassium Faustum et pop. hs $\overline{C}$ accip. debet hs $\overline{X}$. (CIL, XI, 1147).

[1] Т. е. 5% годовых.

Эта, так называемая Велейская, таблица содержит перечень имений в пагах городов Велеи, Луки, Пармы, Вероны и Плацепции. Под залог этих имений на сумму в 440 000 000 сестерциев владельцы получали определенные суммы, проценты с которых шли в алиментарный фонд и употреблялись на содержание бедных детей. В начале таблицы указано, что пособие должны были получать: 245 законнорожденных мальчиков по 16 сестерциев в месяц, т. е. 47040 сестерциев в год; 34 законнорожденные девочки по 12 сестерциев в месяц, т. е. 4896 сестерциев в год; 1 незаконнорожденный мальчик 144 сестерция в год, т. е. по 12 сестерциев в месяц, и 1 незаконнорожденная девочка 120 сестерциев в год, т. е. по 10 сестерциев в месяц. Мы не даем перевода этой таблицы, так как рубрики ее построены однотипно и содержат в основном данные, не нуждающиеся в переводе. На первом месте стоит имя владельца или владельцев, которые лично или через доверенных лиц — отпущенников, рабов, сыновей — зарегистрировали свои земельные владения. Далее указывается общая стоимость имений и сумма, которую владельцы должны получить. Иногда отмечается, что из этой суммы вычтена причитающаяся с них поземельная подать (deducto vectigali) или сумма, причитающаяся с них по первому залогу имения. Затем перечисляются отдельные имения (fundi, coloniae, saltus), иногда с болотами, лесами, холмами, с отдельными хуторами (casae); указывается, в каком паге они расположены и с какими землями граничат — с имениями других владельцев, общественной землей (pop., что значит populus) или с землями вышеупомянутых городов, например, rep. Lucensium, или с землями императора — imp(eratore) n(ostro). Затем следует стоимость указанного имения и сумма, полученная за него по залогу. Иногда указывается, что заложена лишь часть имения, например pro parte quarta или IIII, т. е. его четвертая часть. Знак HS или hs обозначает сестерции; знак ∞ — 1000. В числах на первом месте под горизонтальной чертой стоят тысячи, затем сотни и десятки сестерциев; например $\overline{XII}$DCCCXXIX—12 829. Велейская таблица, как и следующая аналогичная надпись из района Беневента, представляет важнейший документ для характеристики относительных величин земельных владений, сосредоточенных в руках отдельных лиц. Абсолютная величина владения в югерах не указана, но может быть определена предположительно, исходя из того, что средняя цена земли равнялась 1000 сестерциев за югер. Предполагается, что свои наименования имения получили при Августе или при выведении колоний триумвирами от имени своих владельцев (например, fundus Petronianus — от имени владевшего им Петрония). Сосредоточение многих таких имений в руках одного собственника указывает на рост земельной концентрации. Если имение носит два или более названий, например fundum Vettianum Cornelianum, можно предположить, что оно принадлежало двоим или нескольким владельцам, например Веттию и Корнелию, что указывает на дробление земли. Названия имений, не восходящие к римским именам, очевидно, представляют собой их первоначальные кельтские или лигурийские наименования. Особо следует отметить разбросанность земельных владений; некоторые из них входят в состав сел — in vico, другие непосредственно в территорию пагов. Интересны упоминания coloniae и casae — возможно, что это отдельные или входившие в состав имения мелкие участки и хутора, сдававшиеся в аренду. Упоминающиеся в § 14 figlinae означают гончарные мастерские при имении. Иногда упоминается fundus cum communionibus — очевидно, часть общественной земли, лесов или пастбищ, находящихся во владении собственника имения. В одном случае (§ 43) собственниками земли выступают граждане Луки, владения которой находились в различных пагах. Относительно некоторых из этих имений указываются их прежние собственники, владевшие ими единолично или совместно с го-

родом. Сумма, которую они должны получить, высчитывается на основании стоимости их земель и за вычетом долгов колонов, процентов на деньги, ими полученные, и цены закупленных ими рабов, а также причитающейся с них поземельной подати.

№ 49 Ligures Baebiani, 101.

[Imp. Caes.] Nerva Traiano Aug. G[ermanic]o IIII [Q] Articuleio Paeto [cos.] [qui i(nfra) s(cripta) s(unt) ex praecepto optim]i maximiq(ue) principis obligarunt prae[dia, ut ex em]pto Ligures Baebiani [usuras semestres i. s. percipiant e]t ex indulgentia eius pueri puellaeq(ue) al[imenta a]ccipiant

. . . . . .

Item fund(um) Pastoriani pertica Beneventana pago Aequano adf. Priscia Restituta et pop(ulum) aest. hs $\overline{LX}$ f(iunt) hs $\overline{CXXV}$ in hs $\overline{VIII}$ n. Callistus Rutili Lupi Crispia Restituta fund. Pomponiani pertica Benevent. pago Aequano in Ligustino adf. Nasidio Vitale aest. hs $\overline{L}$ n. in hs $\overline{III}$ DXX (dare debet) hs LXXXIIX L. Naeratio Diadumeno fund. Rubriani in Beneventano pago Ligustino aest. hs $\overline{XXXIIII}$ in hs ∞ (dare debet) hs XXV.

T. Amunio Silvano fund. Trebelliani et Appiani cum circeis pago Romano aest. hs $\overline{XXXXVI}$ in hs $\overline{IIII}$ (dare debet) hs C.

Neratio Corellio fund. Pacciani et casae Aureliani adf. Iulio Saturnino aest. hs $\overline{XXII}$ in hs $\overline{II}$ (dare debet) Neratius Marcellus hs L.

Cn. Marcio Rufino fund. Marciani et Satriani aest. hs $\overline{CXXX}$ item fund. Iuliani aest. hs $\overline{XIIII}$ item fund. Avilliani aest. hs $\overline{XXXXII}$ item fund. Vitelliani et Nasenniani et Marcelliani adf. Suellio Flacco aest. hs $\overline{CXX}$ in hs $\overline{X}$ item fund. Curiani et Satriani pago Herculaneo adf. Tettio Etrusco aest. hs $\overline{XXXV}$ in hs $\overline{III}$ item fundi Albiani cum casis pago Meflano adf. Nonio Restituto aest. hs $\overline{CX}$ in hs $\overline{X}$ item oblig. VIIII fund. Caesiani in Benevent. pago Tuciano adf. Messio Apro aest. hs $\overline{Z}$ in hs ∞∞∞ f(iunt) hs $\overline{CCCCLXVI}$ in hs $\overline{XXXXII}$ CCCC XXXX (dare debet) hs ∞ L XI.

L. Tettio Etrusciano fund. Albiani et Amarantiani Suriani Anniani in Benevento pago Saeculano adf. Mario Restituto aest. hs $\overline{CL}$ in hs $\overline{XII}$ (dare debet) hs CCC.

P. Titio Aiace fund. Veiaeni in Benevent. pago Romano in Ligustino adf. Caes. n. aest. hs $\overline{XIIII}$ in hs ∞ (dare debet) hs XXV.

Valgia Secunda fundi Curiani et Munatiani in Benevent. pago Mefano adf. Octavio Modesto aest. hs $\overline{XXIIII}$ item fund. Profiani in Benevent. pago Caelano adf. Gavia Myrtale aest. hs $\overline{XXIIII}$ f(iunt) hs $\overline{XXXXVIII}$ in hs ∞∞∞∞∞ (dare debet) hs C.

L. Longio Pyramo fund. Sestiani finib. Beneventanor. pago Romano adf. Metilio Marcello et pop. aest. hs $\overline{XX}$ in hs ∞ DCL XXX (dare debet) hs XXXXIIX. Annio Rufu fund. Bassiani et Valeriani Caesiani Pliniani cum saltibus XXV pertica Beneventano adf. Caes. n. aest. hs $\overline{CCCCLI}$ f(iunt) hs $\overline{XIIII}$ (dare debet) hs CCCL.

C. Iulio Saturnino fund. Publiani adf. Neratio Marcello aest. hs $\overline{LXXX}$ in hs $\overline{VII}$ (dare debet) hs CLXXV.

Iulia Hecate fund. Caroniani et Cerelliani et casae Crispinill. pago Roma adf. Caes. n. aest. hs $\overline{XXIX}$ in hs ∞∞ item fund. Clodiani pago Herculaneo adf. Turpillio Lupo aest. hs $\overline{XXIII}$ in hs ∞∞ f(iunt) hs $\overline{LII}$ in hs $\overline{IIII}$ (dare debet) hs C.

P. Camurio Fortunato fund. Lusiani et casae Popillianicae pago Mefano adf. Valerio Valeriano aest. hs $\overline{LXXX}$ in hs $\overline{VII}$ (dare debet) hs CL XXV.

Trebonio Primo fund. Apuleani et Cassiani et Arelliani pag. Mefani adf. Marcio Rufino aest. hs $\overline{C}$ in hs $\overline{VIIII}$ (dare debet) hs CC XXV.

Clodio Convenienti fund. Primigeniani et Albiani et Sutoriani et Suelliani pag. Salutari adf. Suellio Flacco et Rufo empt(i) hs $\overline{CVIIII}$ in hs $\overline{VIIII}$ (dare debet) hs CCXXV.

L. Statorio Restituto fund. Marciani cum parietinis adf. caes. n. pag. Salutare aest. hs $\overline{XXV}$ in hs ∞∞ n. Comicus (dare debet) hs L. L. Vibio Anecleto fund. Flaviani pago Meflano adf. Neratio Marcello aest. hs $\overline{XXX}$ in hs ∞∞ D n. Hedone (dare debet) hs LX II S. Nevio Vitali fund. Flaviani pago Meflano adf. Marcio Rufo aest. hs $\overline{XXVII}$ in hs ∞∞ CCCXXXX item fund. Aquiliani pago s. s. adf. Umbrio Primo aest. hs $\overline{XL}$ in hs $\overline{III}$ f(iunt) hs $\overline{LXXXIIII}$ in hs $\overline{V}$CCCXL (dare debet) hs CXXXIII. ... Feroce fund. Valeriani

Vascliani cum [pari]etinis pago Martiale adf. Rutilio Lupo aest. hs $\overline{L}$ in hs ↀↀↀↀↀↀ (dare debet) hs C. ... Tronio Primigenio fund. Deciani pago Martiale adf. Caes. n. aest. hs $\overline{XXX}$ f(iunt) hs ↀↀↀ (dare debet) hs L.

A. Plotio Optato fund. Camuriani pago Romano in Ligustino adf. reip. Ligustinor. et pop. aest. hs $\overline{XVIIII}$ in hs ↀ (dare debet) hs XXV.

P. Tintorio Filicione fund. Calani cum pariet. adf. s. s. aest. hs $\overline{XXXV}$ in hs ↀↀↀ (dare debet) hs LXXV.

Q. Octavio Martiale fund. Aureliani Marciani pago Articulano aest. hs $\overline{LXXXXII}$ f(iunt) hs $\overline{VIII}$ (dare debet) hs CC.

M. Caelio Flacco fund. Antiqui adf. Villio Flacco aest. hs $\overline{XXV}$ in hs ↀↀↀ item oblig. VIIII fund. Capriani pago Salutari. Villio Flacco aest. hs $\overline{L}$ in hs $\overline{IIII}$ f(iunt) hs $\overline{LXXV}$ in hs $\overline{VI}$ (dare debet) hs CL.

C. Valerio Pietate fund. Herculeiani adf. Caes. n. aest. hs $\overline{XXV}$ in hs $\overline{II}$ item obligatione VIIII fund. Vibiani pago s. s. adf. Marcio Rufino aest. hs $\overline{XV}$ in hs ↀ D f(iunt) hs $\overline{XXXX}$ in hs $\overline{III}$ D (dare debet) hs L XXXVIIS.

Re publica Baebianorum fund. Iuliani Maioris et Minoris et Mediani Labeonicae Turriculae aest. hs $\overline{C}$ in hs $\overline{X}$ (dare debet) hs CCL.

Ceio Vestigatore fund. Manliani pago Fasciano campi Calediani adf. Caes. n. aest. hs $\overline{LXXXXIIX}$ in hs $\overline{VIII}$ et fund. Marciani aest. hs $\overline{XLV}$ in hs ↀ ↀ ↀ ↀ f(iunt) hs $\overline{CXXXIII}$ in hs $\overline{XII}$ (dare debet) hs CCC.

Ceio Venatore fund. Antoniani cum casa pag. Beneventano adf. Rutilio Lupo aest. hs $\overline{XL}$ in hs $\overline{III}$ CLX item fund. Postumiani pago Fasciae campi Deciani aest. hs $\overline{XXX}$ in hs $\overline{II}$ D f(iunt) hs $\overline{LXX}$ in hs $\overline{V}$ DCLX (dare debet) hs C XLIS.

Octavio Lybico fund. Petilliani cum casis et parietinis pag. Herculani aest. hs $\overline{C}$ in hs $\overline{VIIII}$ (dare debet) hs CCXXV.

Antio Gamo fund. Terentiani paterni adf. Rutilio Lupo aest hs $\overline{C}$ in hs $\overline{X}$ (dare debet) hs CCL.

Vergilio Proculo fund. Albiani pago Albano adf. Sulpicio Flacco aest. hs $\overline{XX}$ in hs ↀ (dare debet) hs XXV.

Turselio Pudente fund. Caerelliani pag. Meflano adf. Rubrio aest. hs $\overline{L}$ in hs $\overline{III}$ (dare debet) hs LXXV.

Stafonio Secundo fund. Cispelliani pago adf. Rubrio Primo aest. hs $\overline{L}$ in hs $\overline{IIII}$ (dare debet) hs C.

Betuleno Prisco fund. Seneciani pago Martiale adf. Rutilio Lupo aest. hs $\overline{XXX}$ in hs ↀↀↀ D (dare debet) hs LXIIS.

Statoris Prisca et Pudente fund. Luciliani pago Martiale adf. Seppio Feroce aest. hs $\overline{XXXX}$ in hs $\overline{II}$ (dare debet) hs L.

Bebbio Feroce fund. Valeriani pago Martiale adf. Umbrio Primo aest. hs $\overline{XX}$ in hs ↀ (dare debet) hs XXV.

Livinio Proculo fund. Peticiani pago Libicano adf. Vibbio Modesto aest. hs $\overline{XX}$ in hs ↀ (dare debet) hs XXV.

Sosio Secundo fund. Curtiani pago s. s. adf. s. s. aest. hs $\overline{LV}$ in hs $\overline{V}$ (dare debet) hs CXXV. Vibbio Modesto fund. Familiari Kaquaerata pago Libitino adf. Caelio Maximo aest. hs $\overline{CXXII}$ in hs $\overline{X}$ (dare debet) hs CCL.

Helvio Modesto fund. Geminiani Tebani adf. Caelio Maximo aest. $\overline{XLII}$ in hs $\overline{III}$ D (dare debet) LXXX VIIS.

Licinio Liberale fund. Valeriani cum casa Foederna adf. Neratio Marcello aest. hs $\overline{XXVII}$ in hs $\overline{II}$ (dare debet) hs L.

Antistis Prisco et Iusto fund. Lucceiani Galliani pag. Martiale adf. Umbrio Primo aest. hs $\overline{XXX}$ in hs $\overline{II}$ (dare debet) hs L.

M. Septicio Crescente fund. Vettiani minor in Benevent. pag. Meflano adf. Trebio Ampliato aest. hs $\overline{L}$ in hs ↀↀↀↀↀↀ item fund. Domitiani pag. Horticulano adf. Octavio Proculo aest. hs $\overline{L}$ in hs ↀↀↀ f(iunt) hs $\overline{C}$ in hs $\overline{VI}$ (dare debet) hs CL.

Nonio Restituto fund. Noniani in Benevent. adf. Ocvavia Venusta aest. hs $\overline{L}$ in hs $\overline{III}$ (dare debet) hs LXXV.

Cosinio Cosmo fun. Petroniani in Benevent. pag. Meflano adf. Septicio Rufo aest. hs $\overline{L}$ in hs ↀↀↀↀↀ DLX (dare debet) hs LXXXIX.

Trebio Ampliato fund. Vergiliani in Benev. pago s. s. aest. hs $\overline{L}$ in hs $\overline{III}$ (dare debet) hs $\overline{L}$XXV.

Stenio Felice fund. Seniani Valintiani et Octaviani aest. hs $\overline{CC}$ in hs $\overline{XVI}$ (dare debet) hs CCCC.

Badio Saturnino fund. Vediano in Benevent. pago Cetano adf. Folio Oriente aest. hs $\overline{LX}$ f(iunt) hs ↀↀↀↀↀ (dare debet) hs LXXV.

Afinio Cogitato fund. in Benevent. pago Catillino finibus aest. hs $\overline{LX}$ in hs ↀↀↀↀↀↀↀ (dare debet) hs C (CIL, IX, 1455).

В этом списке в каждой рубрике соблюдается следующий порядок: имя владельца имения, название и местоположение имения («в землях Беневента, в таком-то поле и т. д.»), стоимость имения, сумма, полученная под него от императора, сумма процентов, которые должен выплачивать владелец.

№ 50 Ariminum, Италия. Время правления Флавиев.

L. Septimio Liberali VI viro Aug(ustali) vicani vici Cermali ob merita eius quo(d) decurion(ibus) et vicanis vicor(um) VII sing(ulos) in annos ⊀ III in perpet(uum) re[liquit] et in eam rem fundos XXI obligari iussit. Quorum partem (sextam) legis Falc(idiae)[1] nomin(e) deductam ab tutoribus Septimiae Priscae matris suae Lepidia Septimina populo concessit (CIL, XI, 419).

Луцию Септимию Либералу, севиру Августалу, сельчане села Цермала, за его заслуги, потому что он оставил декурионам и сельчанам семи сел навеки по 3 денария на каждый год и для этого дела приказал заложить 21 имение. После того как, согласно закону Фальцидия, шестая их часть была отделена опекунами его матери Септимии Приске, Лепидия Септимина уступила их народу.

[1] Закон 40 г. до н. э., предписывавший оставлять определенную часть имущества законным наследникам.

№ 51 Ager Viterbiensis, Италия.

Mummius Niger Valerius Vegetus consular(is) [1] aquam suam Vegetianam, quae nascitur in fundo Antoniano maiore P. Tulli Varronis[2] cum eo loco, in quo is fons est emancipatus, duxit per millia passum $\overline{V}$DCCCCL in villam suam Calvisianam, quae est ad aquas Passerianas suas, comparatis et emancipatis sibi locis itineribusque eius aquae a possessoribus sui cuiusque fundi, per qua aqua s. s. ducta est, per latitudinem structuris pedes decem, fistulis per latitudinem pedes sex per fundos Antonian(um) maiorem et Antonianum minor(em) P. Tulli Varronis et Baebianum et Philinianum Avilei Commodi et Petronianum P. Tulli Varronis et Volsonianum Herrenni Polybi et Fundanianum Caetenni Proculi et Cuttolonianum Corneli Latini et Serranum inferiorem Quintini Verecundi et Capitonianum Pistrani Celsi et per crepidinem sinisterior(em) viae publicae Ferentiensis [3] et Scirpianum Pistraniae Lepidae et per viam Cassiam in villam Calvisianam suam, item per vias limitesque publicos ex permissu s(enatus) c(onsulto) (CIL, XI, 3003; Dessau, 5771).

Муммий Нигер Валерий Вегет, консуляр, от родника в большем Антониевом имении, [принадлежащем] Публию Туллию Варрону, вместе с тем местом, в котором находится этот уступленный родник, провел свой Вегетиев водопровод протяжением в 5950 шагов в свою Кальвизиеву виллу у своих Пассериевых вод, по приобретенным и уступленным ему каждым владельцем местам и путям этого водопровода, по которым проведен упомянутый водопровод по ширине сооружения в 10 футов, по ширине труб в 6 футов, по большему Антониеву и по меньшему Антониевому имениям Публия Туллия Варрона, по Бебиеву и Филиниеву Авилея Коммода, по Петрони-

еву Публия Туллия Варрона, по Волсониеву Геренния Полибия, по Фунданиеву Цетенния Прокула, по Куттолониеву Корнелия Латина, по нижнему Серранову Квинтиния Верекунда, по Капитониевому Пистрания Цельса, по левой обочине общественной Ферентийской дороги, по Сцирпиевому Пистронии Лепиды, по Кассиевой дороге на свою Кальвизиеву виллу, а равно и по общественным дорогам и межам с разрешения сенатусконсульта.

[1] Консул 91 г.

[2] Публий Туллий Варрон при Веспасиане был легатом 13-го легиона «Близнеца» (Geminae) и проконсулом Македонии.

[3] Ferenti — город в Лации.

№ 52 Thysdrus, Нумидия.

[Aqua adducta curam agente An]nio Ru[fin]o [1] c. v. qui Thysdrum ex indulgentia principis curat et coloniae sufficiens et per plataeas lacubus inpertita domibus etiam certa condicione concessa felicis saeculi providentia et instinctu Mercurii potentis, Thysdritanae col[oniae] praesidis et conservatoris numinis dedicata est (CIL, VIII, 51; Dessau, 5777).

Вода, проведенная под наблюдением светлейшего мужа Анния Руфина, состоящего, по милости принцепса, куратором Тиздра, в количестве, достаточном для колонии, и распределенная по улицам и водохранилищам, а также предоставленная на определенных условиях для домов, посвящена благодаря заботам благого правления и внушению могучего Меркурия, бога — хранителя и защитника колонии Тиздра.

[1] Куратор Тиздра в середине III в.

№ 53 Forum Novum, Италия.

P. Faianius Plebeius II vir. iter. aquam ex agro suo in municipium Forum Novum pecunia sua adduxit et lacus omnes fecit et in piscinam quae in campo est saliendam curavit idemque probavit et cum venditor soli in quo balneum est parum cavisset emptori de aqua ut posset in balneo fluere aquam suam in id balneum ne carerent commodo municipes P. Faianius Plebeius dedit (CIL, IX, 4786; Dessau 5767).

Публий Файаний Плебей, дважды дуумвир, на свой счет провел воду из своей земли в муниципию Новый Форум, сделал все водохранилища, позаботился отвести в пруд на поле, сам это проверил и, так как продавец участка, на котором находится баня, мало заботился для покупателя о том, чтобы вода могла течь в бане, провел свою воду в эту баню, чтобы жители муниципии не терпели неудобств.

№ 54 Ablulae, Мавретания Цезарейская.

Terent(ius) Cutteus et Mai[a] Monnula eius una cum [T]erentiis Cutteo Ianuario Considio Augustino et Feliciano [fi]lis aquagium novo opere a solo extructum suis possessionibus constituerunt et dedicaverunt (CIL, VIII, 21761; Dessau, 5769).

Теренций Куттей и Майя Моннула, его [жена], вместе с Теренциями-сыновьями — Куттеем, Январием, Консидием, Августином и Фелицианом, воздвигнув с основания по-новому водохранилище в своих владениях, устроили его и посвятили.

№ 55 Bononia, Италия.

In praedis C. Legianni Veri [b]alineum more urbico lavat(io) [et] omnia commoda praestantur (CIL, XI, 721; Dessau 5721).

Во владениях Гая Легианния Вера предоставляются баня, (устроенная) по городскому обычаю, ванна и все удобства.

№ 56 Ficulea, Италия.

In his praedis Aureliae Faustinae balineum lavat(io) more urbico et omnis humanitas praestatur (CIL, XIV, 4015; Dessau, 5720).

В этих владениях Аврелии Фаустины предоставляется баня, ванна, устроенная по городскому обычаю и всякие утонченности.

№ 57 Lecvurbe, Мавретания.

In his praediis Cominiorum Montani et Feliciani iun(ioris) et Feliciani patris eorum balneum et omnis humanitas urbico more praebetur (A. E., 1933, № 49).

В этих имениях Коминиев Монтана и Фелициана младшего и Фелициана отца их предоставляется баня и всякие утонченности по городскому обычаю.

№ 58 Henchir el-Gueciret, Тунис.

In his praediis M. M. Ingenus v. d. et Arellia Nepotilla h(onesta) m(atrona) uxor eius et fili nepotes pronepotes quae eorum vivant senescant et meliora perficiant turris perfecta dispositioni eorundem per instantia Arelli Vitalis ser(vi) act(oris) eorum instruentibus a solo Rufino... Senecione quad(ratarius) et sig(natoribus) amatores domus eorum (A. E., 1906, № 11).

В этих имениях Марк Инген, достойный муж и Ареллия Непотилла, почтенная жена, его супруга, и сыновья, внуки, правнуки их пусть живут и старятся и улучшают башни, всегда совершенствуя их устройство. Рачением Арелла Витала, их раба-управителя, строили от основания Руфин... Сенецион каменотес, при свидетелях. Друзья их дома.

№ 59 Ammi Musa, Мавретания Цезарейская.

In his praediis M. Aureli[u]s S[t]efan[u]s v. p. castr[u] m senec[t]u[t]i usque (=ad senectutem usque) comm[o]dum laboribus suis filis nepotibusque (h)abituris perfecit. Coepta nonas... (CIL, VIII, 9725).

В этих имениях Марк Аврелий Стефан, превосходнейший муж, трудясь до самой старости выстроил укрепление, чтобы в нем жили сыновья и внуки. Начато в ноны...

№ 60 Район Милева, Нумидия.

D. M. Q. Statius Caecilius Butra v. a. LXX egit in his praedis annis XXV Antiochis marita Profuturus Imber fili cum sororibus suis patri dignissimo h. s. e (CIL, VIII, 20084).

Богам Манам. Квинт Статий Цецилий Бутра прожил 70 лет; в этих имениях провел 25 лет. Антиохида жена, Профутур, Имбер, сыновья, со своими сестрами достойнейшему отцу.

№ 61 Район Милева, Нумидия.

D. M. S. Profuturus v. a. LVII egit in his praedis cum Butra patre suo annis XXXV et post obitum patris annos XXII Imber cum sororibus suis fratri dignissumo (CIL, VIII, 20085).

Богам Манам посвящено. Профутур 57 лет прожил в этих имениях, провел со своим отцом Бутрой 35 лет и после смерти отца 22. Имбер со своими сестрами достойнейшему брату.

№ 62 Souk-el-Arba, Тунис.

Quod a parentibus datur servare felicitatis est, amplificare virtutis. Flavii Fuscenillus pater... nus filius v. c. Aemiliana c. f. eius et... na... c. p. apothecam amplificuerunt... (A. E., 1909, № 14).

Сохранить то, что дано родителями — счастье, приумножить — добродетель. Флавии — Фусценилл отец... сын, светлейший муж, Эмилиана, светлейшая матрона, его жена и... светлейший мальчик, увеличили амбар...

№ 63 Patavium, Италия.

Villicus aerari quondam nunc cultor agelli
haec tibi perspectus templa Priape dico
pro quibus officieis si fas est sancte paciscor
adsiduus custos ruris ut esse velis
improbus ut si quis nostrum violabit agellum
hunc tu sed taceo scis puto quod sequitur (CIL, V, 2803).

Я, управитель казны когда-то, теперь земледелец,
Этот участок тебе я посвещаю, Приап.
Коль благочестно, святой договор заключаю за это:
Ты неусыпным, прошу, стражем землицы пребудь.
Если какой негодяй именьеце наше попортит,
Ты... но смолкаю: ведь сам знаешь, что будет потом.

№ 64 Castel Doblino, Италия.

Fatis Fatabus Druinus M. Noni Arri Muciani [1] c. v. actor praediorum Tublinat. tegurium[2] a solo inpendio suo fecit et in tutela eius HS n. CC conlustrio fundi Vettiani dedit (CIL, V, 5005; Dessau, 3761).

Богам и богиням судьбы, Друин, управитель Марка Нония Аррия Муциана, светлейшего мужа, в Тублинатских имениях на собственный счет сделал хижину и для охраны ее передал 200 сестерциев коллегии по [религиозному] очищению Веттийского имения.

[1] Консул 201 г.
[2] Вероятно, здесь имеется в виду часовня.

№ 65 Далмация, неизвестного происхождения.

IOM Aug. sacrum C. Valius Festus conditor vineae huius loci qui nunc Valianus a Festo dicitur aeternumque tenet per saecula nomen voto suscepto aram adampliavit et tauro immolando dedicavit (CIL, III, 6423).

Юпитеру Всеблагому Величайшему Священному Гай Валий Фест, основатель виноградника на этом месте, которое теперь Фест называет Валиевым и которое сохраняет во веки веков это имя, по данному обету увеличил алтарь и, принеся в жертву быка, посвятил.

№ 66 Gabali, Аквитания.

L. Sever(ius) Severus L. S(everi) N... f. o[m]nibus honori[b]us in civitate functus qui(que) hanc v[ill]am a solo instit[u]it et D. S(everius) maior filior(um) heroum instituerunt pro salute sua et suorum (CIL, XIII, 1571).

Луций Северий Север, сын Луция Северия Н... наделенный в городе всеми почетными должностями и устроивший с основания эту виллу, и Децим Северий, старший из сыновей, построили [святилище] героям за благополучие свое и своих.

№ 67 Forum Novum, Италия.

Via sive ager est infra fontem Q. Maeli Cerdonis longum p. ∞ CC latum p. X usque ad rivom Consulet[u]m privata est Q. Maeli Cerdonis (CIL, IX, 4791).

Дорога или поле под источником Квинта Мелия Цердона, длиной в 1200 футов, шириной в 10 футов, вплоть до ручья Консулета составляет частную собственность Квинта Мелия Цердона.

№ 68 Forum Novum, Италия,

Per hanc viam fundo C. Marci C. l. Phileronis iter actus debetur (CIL, IX, 4792).

По этой дороге следует идти в имение Гая Марка Филерона, отпущенника Гая.

№ 69 Alba Fucens, Италия, 117 г.

Imp. Caesari divi Nervae fil. Nervae Traiano optimo Aug. Germanico Dacico Parthico pont. max. trib. pot. XXI cos. VI patri patriae senatus populusq. Rom[anus] ob reciperatos agros et possess[ores reductos] quos lacus Fucini violent[ia exturbarat] (CIL, IX, 3915; Dessau, 302).

Императору Цезарю, сыну божественного Нервы, Траяну всеблагому Августу, Германскому, Дакийскому, Парфянскому, великому понтифику, наделенному трибунской властью в XXI раз, консулу в VI раз, отцу отечества, сенат и римский народ, за то, что приведены в порядок поля и возвращены их владельцам, которые были изгнаны свирепостью Фуцинского озера.

№ 70 Varia, Италия.

Val. Maxima mater domnipredia Val. dulcissima filia que vixit annis XXXVI men. VI d. XII, in prediis suis masse Mandelane Sepretorum Hercules quiesq. in pace (CIL, XIV, 3482; Dessau, 7459).

Валерия Максима, мать, госпожа имения, Валерия, любезнейшая дочь, которая жила 36 лет 2 месяца 12 дней в своих имениях, [входящих в состав] земельного владения Манделиева, [принадлежащего] Сепретам. Геркулес. Покойтесь в мире.

№ 71 Perusia, Италия.

Tessera pagana fecit L. Farusanus Favor magisterio suo pub(lico) donavit pago Paetiniano fundo C. Terenti Iunioris l. p. servitor (CIL, XI, 1947; Dessau, 6120).

Тессера для пага. Сделал Луций Фарузан Фавор в бытность общественным магистратом. Преподнес Петинийскому пагу (и) с радостью поставил в имении Гая Теренция Юниора (его) служитель.

№ 72 Lucus Augusti, Нарбонская Галлия.

D. M. liberorum ac coniugibus Publici Calisti et ipsius consecratum cum bes(s)e vineae arep(ennis) [1] cuius reditu omnib. annis prolibari volo ne minus (hs) XV v(ivus) s(ibi) e(rexit) (CIL, XII, 1657).

Богам Манам детей и супругам Публиция Калиста и его самого. Он воздвиг себе при жизни освященное надгробие (?) с $^2/_3$ арпенна виноградника. Я хочу, чтобы из получаемого с него дохода не менее 15 сестерциев ежегодно расходовалось на жертвоприношения.

[1] arpennum — кельтская мера = $^1/_2$ югера.

№ 73 Arva, Бетика.

Q. Fulvio Q. Fulvi Attiani f. Q. Fulvi Rustici n. Gal. Carisiano patrono et pontifici ob merita centuriae[1] Ores(is), Manens(is) Halos(sis?), Erques(is), Peres(is), Arvabores(is) Isines(is) Isurgut(ana) in locum quem ordo m(unicipii) F(lavii) A(rvensis) decrevit posuerunt d. d. (CIL, II, 1064; Dessau, 6919).

Квинту Фульвию Каризиану, сыну Квинта Фульвия Аттиана, внуку Квинта Фульвия Рустика, из Галериевой трибы, патрону и понтифику, за заслуги центурии: Орезская, Маненская, Галозийская (?), Эркезская, Перезская, Арваборезская, Изинезская, Исургутанская — принесли в дар на месте, предоставленном по декрету декурионов муниципия Флавия Арвы.

[1] Здесь, возможно, под центуриями имеются в виду коллегии поссессоров.

№ 74 Ager Aquiensis, Паннония.

a) [Iovi Optimo Maximo] Iunoni Reg. Minervae ceteris dis deabusque omnibus possessores vici Vindoniani ex voto posuerunt quor(um) nom(ina) [scrip]ta sunt. Aur. Aep[ict]etianus Aur. Vettianus eq. R...

(Следует еще 6 или 8 неразборчивых имен.)

b) (Сбоку:) Item M. Aur. Aepictetianus dec(urio) col(oniae) Aq(uinci) sacerdotalis aram donavit, inhonore vican(orum)

c) (Сбоку:) Quae ara consecrata est in possession(ibus) Aurel. Vettiani eq. R. permissu eiusdem precario petentis vicanis Vindoniani (CIL, III, 3626; Dessau, 7127).

a) Юпитеру Всеблагому Величайшему, Юноне Царице, Минерве, и всем остальным богам и богиням, землевладельцы села Виндониана воздвигли [алтарь или храм] по обету. Их имена написаны: Аврелий Эпиктетиан, Аврелий Веттиан, римский всадник...

b) А также Марк Аврелий Эпиктетиан, декурион колонии Аквинка, жрец, принес в дар алтарь в честь сельчан.

c) Этот алтарь посвящен во владениях Аврелия Веттиана, римского всадника, с его разрешения, по его милости, по просьбе сельчан Виндониана.

№ 75 Hr.-Snobbeur, Тунис.

[Imp. Caes. M. Aur. Commodo Antonino Aug. V. et M'.] Acilio Glabrione II cos... pridie. [in civitate... in curia cum conventus haberetur decurionum] et possessorum civium ibi Victor Gallitiosi f. et Honor[atus... f. sufetes verba fecerunt cum audivissemus L. Titium et C. Sei]um questos quod agri suorum pecoribus ovium devas[tarentur et in re praesenti constitisset et agros vastatos et arbores magnam par]tem conrosas esse quod ipsum initium honoris nostri [instabat dominis pecorum ut servos iniuria prohibeant denuntiavimus...] i... sit facta etiam mentione sacrarum litterarum... [illi responderunt servos sua sponte iniuriam fecisse...] on... nostramque denuntiationem initium honoris [nostri antecessisse... cum...] ne... eat eis contu... rum prodesse et aliter ea res... [et contra talem iniuriam iam pri]... sacras... ones actum fuerit quae... [rem vestro decr]eto subiciendam existimavimus. [Exemplum epistulae datae ab imp... ad...] cum mihi desiderium vestrum videtur et exemplo adiuva[ri anteriorum legum... et per se iustum esse. Itaque veto quemquam in agru]m vestrum invitis vobis pecora pascendi gratia indu[cere...] quod si ignorante domino servus induxerit pecora... [in ips]um servum proco(n)s. severe constituet si iusso domini... [induxerit non solum servum ipsum sed] etiam praetium servi ex forma censoria ✕ D. dominus... [praestare debebit. Servi si sciente quidem domino sed s]ua sponte id admiserint a procos. flectentur ita ut in [posterum nemo audeat...] elegentur... quit fieri placeret de ea re universi cen[suere...] passim in territorio uniuscuiu[scum]que pecora pascendi... et cum etiam post ea constitutione... (A. Ep., 1903, № 202).

В пятое консульство императора Цезаря Марка Аврелия Коммода Антонина Августа и во второе консульство Мания Ацилия Глабриона... в день... в городе... когда в курии имело место собрание декурионов и граждан землевладельцев, там Виктор, сын Галлитиоза, и Гонорат... сын, суфеты сказали: Мы слышали, что Луций Титий и Гай Сей жаловались, что их поля были опустошены стадами овец, и в настоящем деле установлено, что и поля опустошены и большая часть деревьев повреждена. Так как в самом начале исполнения нами нашей должности было настоятельно объявлено господам стад, чтобы они удерживали рабов от беззакония, мы решаем... сделано даже упоминанием священнейших рескриптов... они ответили, что рабы совершали беззакония по собственной инициативе... наше объявление в начале отправления нами должностей предшествовало... когда... и против такого беззакония уже ранее... считаем нужным приложить ваш декрет. Письмо, написанное императором... так как мне ясно ваше желание и поддержать прежние законы письмом... и само по себе справедливо. Таким образом, я запрещаю кому-либо против вашего желания приводить пастись скот на ваши поля... если скот приведет раб без ведома господина... проконсул сурово накажет раба, если по приказу господина... приведет не только самого раба, но также цену раба по цензорскому постановлению 500 денариев господин... должен представить. Если рабы с ведома господина, но по собственному побуждению это допустят, должны быть биты проконсулом так, чтобы впоследствии никто не осмеливался... все согласились в том, что надлежит предпринять по этому делу... пасти чей-либо скот на территории... и если даже после этого постановления...

№ 76 El-Harria, Нумидия.

Genio salti Bagatensis M. Pacci VictorisRufini et Maritimae et M. Pacci Rufini Speratus vilicus... (A. E., 1902, № 223).

Гению Багатенского сальтуса Марка Пакция Виктора Руфина и Маритимы и Марка Пакция Руфина, Сперат, вилик...

№ 77 Casae, Африка.

S(enatus) c(onsultum) de nundinis saltus Beguensis in t(erritorio) Casensi. Descriptum et recognitum ex libro sententiarum in senatu dic[ta]rum k(apite) V... T. Iuni Nigri C. Pomponi Camerini cos. in quo scripta erant A[frica]ni iura et id quod i(nfra) s(criptum) est. In comitio in curia... [scr]i bundo adfuerunt Q. Sa[lo]nius Q. f. Qui [Lo]ngus (?)... m... Quar[t]inus, C. Oppius C. f. Val. Severus, C. Fi... [Sex. Eru] cius M. f. Quir. Clarus, P. Cassius L. f. Aem. Dexter q(uaestor) P. Nonnius M. f. Ou [f]. Macrinus q(uaestor); in senatu fuerunt... s(enatus) c(onsultum) per discessionem factum. Quod P. Cassius Secundus, P. Delphius Peregrinus, Aleius Alennius Maximus Curtius Valerianus Proculus M. Nonius Mucianus cos. verba fecerunt de desiderio amicorum Lucili Africani c. v. qui petunt: ut ei permittatur in provincia Afric(a) regione Beguensi, territorio Musulamiorum, ad Casas, nundinas IIII nonas Novem(bres) et XII k(alendas) Dec(embres) ex eo omnibus mensibus IIII non(as) et XII k(alendas) sui cuiusq(ue) mensis instituere habere, quid fieri placeret, de ea re ita censuerunt: permittendum Lucilio Africano c. v. in provinci(a) Afric(a) regione Beguensi, territorio Musulamiorum, ad Casas, nundinas IIII non(as) Novembr(es) et XII k. Decembr. et ex eo omnibus mensibus IIII non. et XII k. sui cuiusq(ue) mensis instituere et habere eoque vicinis advenisq(ue) nundinandi dumtaxat causa coire convenire sine iniuria et incommodo cuiusquam liceat. Actum id(ibus) Octobr (ibus) P. Cassio Secundo M. Nonio Muciano. Eodem exemplo de eadem re duae tabellae signatae sunt... (CIL, VIII, 270).

Сенатское постановление о торговых днях в Бегуенском сальтусе на территории Каз. Списано и подтверждено из книги вынесенных в сенате постановлений, глава V..; в консульство Тита Юния Нигра и Гая Помпония Камерина, где были записаны африканские права и то, что следует далее. В комициях в курии... при написании присутствовали Квинт Салоний, сын Квинта, из Квириниевой трибы Лонг (?)... Квартин, Гай Оппий, сын Гая, из Вольтиниевой трибы Север... Секст Эруций, сын Марка, из Квириниевой трибы Клар, Публий Кассий, сын Луция, из Эмилиевой трибы Декстер квестор, Публий Нонний, сын Марка, из трибы Увфентины Макрин квестор; в сенате были... сенатское постановление, принятое голосованием. Публий Кассий Секунд, Публий Дельфий Перегрин, Алей Аленний Максим, Курций Валериан Прокул, Марк Ноний Муциан консул доложили о желании друзей светлейшего мужа Луцилия Африкана, которые просят, чтобы ему было дозволено в провинции Африке, в районе Бегуенском, на территории Музуламиев, у Каз установить торговые дни за 4 дня до нон ноября и за 12 дней до календ декабря и во все месяцы за 4 дня до нон и за 12 дней до календ каждого месяца. Постановили, что следует делать по этому поводу так: следует разрешить Луцилию Африкану, светлейшему мужу, в провинции Африке, в округе Бегуенском, на территории Музуламиев, у Каз установить и иметь торговые дни за 4 дня до нон ноября и за 12 дней до календ декабря и с тех пор каждый месяц за 4 дня до нон и за 12 дней до календ каждого месяца, и разрешается [туда соседям и посторонним сходиться для торговли без беззаконий и обид в отношении кого бы то ни было. Принято в октябрьские иды в консульство Публия Кассия Секунда и Марка Ноция Муциана.

По этому образцу об этом деле подписаны две таблицы...

№ 78 Roma.

Blesamus hoc Novius requiem sortitus in aevom
| | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
contra locus sanctus plausu qui excepit agresti.
Cum primum fundo venerat hic dominus,
parebat nemo, Fauni Nymphaeque sonabant,
laetitiam divom sensit et ipse locus.
Hic olim statuis urbem decoravit et orbem:
nomen habet populus, corporis hic tumulus (CIL, VI, 23083).

Блезаму Новию здесь уделен покой вековечный
| | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
Но не священной земле, что его по-сельски хранила,
Только лишь прибыл сюда он, как хозяин земли.
Не было тут никого: распевали лишь Фавны да Нимфы.
И ощущало само место веселье богов.
Некогда город и мир изваяньями он разукрасил:
Имя в народе живет, холм это тело хранит.

№ 79 Carthago.

Rure opulens carusque suis Callistratus ipse
interpres voluit nominis esse sui
qui licet et censu dives mansisset et auro
invidiae numquam fervida vela tulit.
Fortunatus olim uni non sibi vixit amicis
auxit congesto praedia rure nova (CIL, VIII, 13535).

Землевладелец-богач и всем своим близким любезный
Имя свое Каллистрат сам оправдать пожелал.
Он, состоятельным быв и золота много имея,
Не поднимал никогда зависти злой парусов.
Жил для друзей, не себя одного ублажая богатством,
Землями новыми он земли свои умножал.

№ 80 Sitifis, Мавретания.

[In his] praediis... s iuridici Hispaniae citerioris et [coni]ugis c. f. item Iuliorum Gaetulici et [Iul]iae Proculae clariss. p(uellae) filiorum... [dispensa]tor eorum dedicavit (CIL, VIII, 8421).

В этих имениях... судьи ближней Испании и его жены, светлейшей матроны, а также Юлиев Гетулика и Юлии Прокулы, светлейшей девицы, детей... их управитель посвятил.

№ 81 Надпись неизвестного происхождения.

Hierus et Asylus Ti, Iulii Aquilini Castricii Saturnini Claudii Liviani [1] praef. pr. ser. vilici aedem Herculi Invicto Esychiano d. s. fecerunt (A. E., 1924, № 15).

Гиер и Азил, рабы вилики Тиберия Юлия Аквилина Кастриция Сатурнина Клавдия Ливиана, префекта претория, на свой счет соорудили храм Гераклу Непобедимому Езихийскому.

[1] Возможно, прокуратор Реции 107 г.

№ 82 Venafrum, Италия.

Nacrissus vilicus T. Tituci Floriani et Teiae, L. f. Gallae vix. ann. XXV.
Debita libertas iuveni mihi lege negata
morte immatura redita perpetua est (CIL, X, 4917).

Нарцисс, вилик Тита Титуция Флориана и Теи Галлы, дочери Луция. Прожил 25 лет.

Был я законом лишен свободы, мне, юноше, должной,
Смертью безвременной мне вольность навеки дана.

№ 83 Ain-el-Tîn, Нумидия.

In his praediis Caeliae Maximae c. f. turres salutem saltus eiusdem dominae meae constituit Numidius ser(vus) act(or) (CIL, VIII, 8209; Dessau, 6020).

В этих имениях Целии Максимы, светлейшей матроны, Нумидий, раб-управитель, соорудил башни для защиты этого же сальтуса моей госпожи.

№ 84 Lugdunum, Галлия.

D. M. Primitivi actoris praediorum horum vivus sibi posterisque suis fecit et sub ascia dedicavit (CIL, XIII, 2243).

Богам Манам. Примитива, управителя этих имений. Он сделал при жизни и посвятил для себя и своих потомков.

№ 85 Ambarri, Галлия.

D. M. memorie eterne Valentinus actor fundi Ammatiaci b(onorum) F(l)avi Stratonis qui vixit ann. XXXXI Sacrobena coniux et Valerius fili(us) ponendum curaverunt (CIL, XIII, 2533; Dessau 7452).

Богам Манам и вечной памяти. Валентин, управитель имения Аммациака из владений Флавия Стратона. Прожил 41 год. Озаботились поставить [надгробие] Сакробена, жена, и Валерий, сын.

№ 86 Locri, Италия.

Quintioni Flacci vilico Philematium sibi et conser(vis) de suo fecit (CIL, X, 25).

Квинтиону, вилику Флакка; Филематия сделала на свой счет для себя и товарищей по рабству.

№ 87 Pagus Filiculanus, Италия.

L(ibero) p(atri) Festus Cati Frontonis [1] vil(icus) (CIL, IX, 3571).

Отцу Либеру, Фест, вилик Катия Фронтона.

[1] Консул 96 г.

№ 88 Salona, Далмация.

D. M. Valentine alumne et Delicate filie Valentionis servi vilici infellicissime que vixit annos IIII Celerinus dom(i)nus posuit (CIL, III, 2130).

Богам Манам. Валентине, питомице, и Деликате, прожившей 4 года, несчастнейшей дочери раба вилика Валентина; поставил [надгробие] Целерин, господин.

№ 89 Luna, Италия.

Menti Bonae sacrum Felix vilicus posuit (CIL, XI, 1327).

Посвящено Чистой Совести. Поставил вилик Феликс.

№ 90 Abdera, Бетика.

C. C. n. (?) Suavis l(ibertus) et Faustus vilic(us) Lar(es) et Genium cum aediculа prim(i) in familia d(e) s(uo) d(onum) d(ederunt) (CIL, II, 1980; Dessau, 3604).

Свавис, отпущенник двух наших Гаев (?), и Фауст вилик, первые в фамилии на свои средства принесли в дар [изображение] Ларов и Гения с часовенкой.

№ 91 Mascula, Нумидия.

Saturno Aug. sacrum Adiectus vilicus de pecoribus [1] vsla (CIL, VIII, 2232).

[1] = ob pecora.

Посвящено Сатурну Августу. Адиект, вилик, за скот по добровольному обету.

№ 92 Nervii, Бельгика.

Tib. Iul. Tiberino II vir(o) Ner(viorum) Q. Titius vilicus lict (CIL, XIII, 3572).

Тиберию Юлию Тиберину, дуумвиру Нервиев, Квинт Титий, вилик.

№ 93 Mediomatrici, Галлия.

D. M. Cam[am]a Celsi vil(ici) lib(erta) Ianuariae filiae... (CIL, XIII, 4352).

Богам Манам. Камама, отпущенница Цельса вилика, дочери Януарии...

№ 94 Roma.

Silvano sancto sacrum Heuretus et Callimorphus vilici aedem s(ua) p(ecunia) a solo restituerunt signumque Silvani Chrysantas et Titus posuerunt (CIL, VI, 679).

Посвящено Святому Сильвану. Геврет и Каллиморф, вилики, восстановили за свой счет храм, а изображение Сильвана поставили Хрисант и Тит.

№ 95 Roma.

Fortunae sanctae Artemidorus vilicus vsl (CIL, VI, 203).

Святой Фортуне, Артемидор, вилик, с радостью исполнил обет.

№ 96 Roma.

Sancto Silvano Restitutori Valeri Euphranides et Pergamus vilici d. d. (CIL, VI, 696).

Святому Сильвану Восстановителю принесли дар вилики Евфранид и Пергам Валерии.

№ 97 Roma.

Alcimus Ti. Cl. Liviani ser. vilic. s(oli) M(ithrae) v. s. d. d. (CIL, VI, 718; Dessau, 4199).

Алцим, раб вилик Тиберия Клавдия Ливиана, исполнил обет [и] принес дар Солнцу Митре.

№ 98 Roma. 154 или 177 г.

Soli invicto Mithrae Victor vilicus praedior(um) Maecianor(um) d(onum) d(edit) et sacerdote M. Staccio Rufo dedicavit VII id. april. Aur. Commodo cos. curante Hermete conser(vo) (CIL, VI, 745).

Солнцу непобедимому, Митре Виктор, вилик Мециевых имений, принес дар и посвятил в то время, когда жрецом был Марк Стаций Руф, за 7 дней до ид апреля, в консульство Аврелия Коммода; под наблюдением товарища по рабству, Гермета.

№ 99 Mactaris, Нумидия. III век.

. . . . . .

Paupere progenitus lare sum parvoq(ue) parente,
cuius nec census neque domus fuerat.
Ex quo sum genitus, ruri mea vixi colendo,
nec ruri pausa nec mihi semper erat.
Et cum maturas segetes produxerat annus,
demessor calami tunc ego primus eram.
Falcifera cum turma virum processerat arvis,
seu Cirtae Nomados seu Iovis arva petens,
demessor cunctos anteibam primus in arvis,
post tergus linquens densa meum gremia.
Bis senas messes rabido sub sole totondi;
ductor et ex opere postea factus eram.
Undecim et turmas messorum duximus annis,
et Numidae campos nostra manus secuit.
Hic labor et vita parva con[ten]ta valere

et dominum fecere domus et villa paratast,
et nullis opibus indiget ipsa domus.
Et nostra vita fructus percepit honorum,
inter conscriptos scribtus et ipse fui.
Ordinis in templo delectus ab ordine sedi
et de rusticulo censor et ipse fui.
Et genui et vidi iuvenes carosq(ue) nepotes.
Vitae pro meritis claros transegimus annos,
quos nullo lingua crimine laedit atrox.
Discite mortales, sine crimine degere vitam.
Sic meruit, vixit qui sine fraude, mori.

(Сбоку:) D. M. S. C. Mulceius Maximus vix. ann. XXX. D. M. S. Aurelius F... nus vix. ann. LX (CIL, VIII, 11824; Dessau, 7457).

. . . . . .

Бедного Лара я сын, рожденный отцом неимущим:
Не было средств у него, не было дома у нас.
Будучи сыном его, я жил земли обработкой
И ни земле отдыхать не позволял, ни себе.
Только лишь вырастит год созревшую на поле ниву,
Первым тогда выходил злаки серпом я срезать.
В пору, когда на поля направлялся отряд серпоносный,
В Цирту к Номадам идя иль на Юпитеров клин,
Опережал я жнецов, впереди всех по полю идя,
И оставлял за спиной связки густые снопов.
После двенадцати жатв, что я срезал под яростным солнцем,
Руководитель я стал из рабочих-жнецов.
Целых одиннадцать лет водил я жнецов за собою,
И с нумидийских полей жатву снимал наш отряд.
Труд мой и скромная жизнь оказали мне сильную помощь
И господином меня они сделали дома и виллы,
И не нуждается дом этот ни в чем у меня.
И наша жизнь принесла мне почестей плод изобильный:
В списке средь прочих внесен декурионом и я.
Избран советом, я стал заседать во храме совета,
Из деревенщины став цензором также и сам.
Я и детей народил, и внуков милых я видел.
И по заслугам своим мы славные прожили годы,
И не язвит никогда нас злоречивый язык.
Смертные, знайте, как жизнь свою провести безупречно;
Умер достойно тот, кто без обмана прожил.

Посвящено богам Манам. Гай Мульцей Максим прожил 30 лет. Посвящено богам Манам. Аврелий Ф... прожил 60 лет.

№ 100 Mogontiacum, Германия.

На обломке сосуда.
Ammius Saturninus rusticus de suo peculio histud scribsit (A. E., 1903, № 140).

Аммий Сатурнин, крестьянин, из своего пекулия, это написал.

№ 101 Forum Livi, Италия.

C. Castricius T. f. Calvus trib. [mil. leg...] Stellatina [Agr]icola, bonoru[m liberto rum] benevolus [patronus] maximeque eorum, qui agros bene [et strenue colant, qui]

corporis cultus, quod maxime opus est [agricolis, curam gerant], qui se alant, cetera quaequ omque habe[nt tueantur]. Praecepta vera, qui volt [ver]e bene et libere v[ivere haec habeto:] primum est pium esse, [domino bene] cupias, ver[ere parentes... f] idem bonam [praestes... noli maledicere ne male] audias. Inn[ocens et fidus qui erit], suavem vitam [et offensa carentem] hon[este l]ae[teque] peraget. Haec non a[docteis vireis institus sed n]atura sua[et]ussu Agricola meminisse docet vos. L. Castricio I (uci)C(ai) l(iberto).. ob merita quod eius mortem dolui et fu[nus feci et locum dedi, ide]mque monumentum hoc ei feci, ut cu[rent omnes liberti fidem pr]aestare patroneis, [item Ca]striciae C(ai) l(ibertae) Helenae quod et [ipsa pia fuit (CIL, XI, 600).

Гай Кастриций, сын Тита, Кальв, трибун легиона... из трибы Стеллантины, Агрикола, благожелательный патрон хороших вольноотпущенников, особенно тех, которые хорошо и тщательно обрабатывают поля, которые заботятся об уходе за телом, что является важным долгом земледельца, которые себя кормят и охраняют то, что имеют.

Те, кто хотят жить свободно, хорошо, справедливо, имейте такие истинные правила: первым делом надо быть благочестивым, желать добра господину, почитать родителей... обнаруживать добрые намерения... ни на кого не злословить, чтобы и ты не услышал худого. Тот, кто будет верным и невинным, проведет приятную жизнь без обид, честно и весело.

Это не учеными мужами установлено, а самой природой и пользой; помните, так учит вас Агрикола. Луцию Кастрицию, вольноотпущеннику Люция и Гая... за заслуги, так как скорбел я о его смерти и устроил похороны и дал место и также этот памятник сделал ему, чтобы все вольноотпущенники старались проявлять верность к господам. А также Кастриции, вольноотпущеннице Гая, Елене, так как она тоже была благочестива.

№ 102 Район Типасы, Мавретания Цезарейская.

...salve. In his praediis privatis [P. Suli Iu]niani Martialiani [1] c. v. ... vectigalia locantur [2] ... vi Tironiliani leontior [3] (S. Gsell, De Tipasa Mauretaniae Caesarienses urbe, Algerie, 1894, стр. 115).

... привет. В этих частных имениях Публия Юлия Юниана Мартиалиана, светлейшего мужа, ... сдаются поземельные взносы... Тиронилиана.

[1] Легат Александра Севера.

[2] По мнению издателя, сдавались арендные платежи колонов владельца.

[3] Значение этого слова не ясно.

№ 103 Roma. 227 г.

Cum sim colonus hortorum olitoriorum qui sunt via Ostiensi, iuris collegi magni arkarum divarum Faustinarum matris et Piae, colens in asse annuis hs $\overline{XXVI}$ et quod excurrit, per aliquod annos in hodiernum pariator, deprecor tuam quoque iustitiam, domine Salui, sic ut Euphrata v(ir) o(ptimus) collega tuus qq Faustinae matris aditus a me permisit, consentias extruere me sub monte memoriolam per ped(es) XX in quadrato, acturus genio vestro gratias, si memoria mea in perpetuo constabit habitu[ra?] itum ambitum — Data a Geminio Eutychete colono. — Euphrata et Salvius Chrysopedi, Pudentiano, Yacintho, Sophroni q(uaestoribus) et Basilio et Hypurgo scrib(is) salutem. Exemplum libelli dati nobis a Geminio Eutychete colono litteris nostris adplicuimus; et cum adleget aliis quoque colonis permissum, curabitis observare, ne ampliorem locum memoriae extruat, quam quod libello suo professus est. Data VIII kal. Aug. Albino et Maximo cos (CIL, VI, 33840).

Так как я колон огородов, находящихся на Остийской дороге, в ведении большой коллегии сокровищниц божественных Фаустин, матери и Пии, обрабатываю в целом на 260 000 сестерциев в год, а что оставалось за несколько лет и до сего дня, уплачено, я взываю и к твоей справедливости, господин Сальвий, чтобы ты так же, как разрешил и твой коллега, квинквеннал Фаустины матери, наилучший муж Эвфрата, по моей просьбе согласился, чтобы я выстроил под горой надгробный памятник себе

в 20 квадратных футов; я принесу благодарность вашему гению, если память обо мне пребудет навечно.

Дано Геминием Эвтихетом, колоном. Эвфрата и Сальвий Кризопеду, Пуденциану, Иацинту, Софрону, квесторам, и Базилию и Гипургу, писцам, привет. Мы прилагаем к нашему письму список заявления, поданного нам колоном Геминием Эвтихетом; и так как он ссылается на разрешение другим колонам, позаботьтесь о наблюдении за тем, чтобы он не выстроил памятника на площади большей, чем он заявляет в своем ходатайстве. Написано за 7 дней до календ августа, в консульство Альбина и Максима.

№ 104 Luna, Италия.

A. Octavio Eroni Maiori coloni et inquilini (CIL, XI, 1346).

Авлу Октавию Эрону Старшему колоны и инквилины.

№ 105 Roma.

C.f.D. M. C. Vergilius Martanus colonus agri Caeli Aenei Anulenae Certae colonae agri s. s. anorum XXII coiugi coiugali castae carae bone piae fideli dulci care amantissime desiderantissime sodaliciaria consili boni b. m. c. f. (CIL, VI, 9275; Dessau, 7454).

Колоны сделали (?) богам Манам. Гай Вергилий Мартан, колон на поле Целия Энея, Анулене Церте, колоне на том же поле, 22 лет, супруге целомудренной, дорогой, хорошей, благочестивой, верной, любезной, дорогой, любимейшей, желаннейшей, подруге в добрых начинаниях на добрую память. Колоны сделали (?)

№ 106 Roma.

D. M. Mariame vix. an. VI, Iaso colonus fundo Mariano filiae suae b. m. (Dessau, 7453)

Богам Манам. Мариане, прожившей 6 лет, Язон колон. в Марианском имении своей достойной дочери.

№ 107 Luceria, Италия.

D. M. S. Ti. Statorio Gemino col(ono) f(undi) Pacciani, homini sanctissimo, animae innocentissimae. Numisia Aug. n. ser. coniugi cum q. v. a. XIIII sine querell(a); Capriolus filius naturalis patri karissimo b. m. f. (CIL, IX, 888; Dessau, 8555).

Посвящено богам Манам. Тиберию Статорию Гемину, колону Пакциева имения, святейшему человеку, невиннейшей души, Нумизия, рабыня нашего Августа, мужу, с которым без ссор прожила 14 лет. Каприол, незаконный сын, дражайшему отцу достойному сделал.

№ 108 Marruvium, Италия.

D. M. S. T. Alfeno Attico sev(iro) Aug(ustali) colono f(undi) Tironiani, quem coluit ann(os) n(umero) L. T. Alfenus Secundus patron(o) b. m. p. (CIL, IX, 3674; Dessau, 7455).

Посвящено богам Манам. Титу Алфену Аттику, севиру Августалу, колону Тирониановского имения, которое он обрабатывал 50 лет. Т. Алфен Секунд патрону достойному поставил.

№ 109 Marruvium, Италия.

D. M. S. Atiliae Restut(a)e Alfenus Atticus coniugi b. m. et familia Tironianensis [= fundi Tironiani] colon(a)e b. m. p. (CIL, IX, 3675; Dessau, 7455[a]).

Посвящено богам Манам. Атилии Рестуте, Алфен Аттик, достойной супруге и фамилия Тиронова имения колоне достойной поставили.

№ 110 Trea, Италия.

Q. Sertorius Q. l. Antiochus colonus pauper fuit aequo animo scibat moriundum sibi. Ex testamento Balbus Antiochi l. Sertoria Q. l. Europa Nonia L. Aspernatis l. Helena Balbi soror. In agr. p. XVI in fr. p. XIIII (CIL, IX, 5659).

Квинт Серторий, вольноотпущенник Квинта, Антиох, был бедным колоном, спокойно сознавал, что он должен умереть. По завещанию Бальб, вольноотпущенник Ан-

тиоха, Сертория, вольноотпущенница Квинта, Европа Нония, вольноотпущенница Луция Асперната, Елена, сестра Бальба. В длину 16 футов, в ширину 14 футов.

№ 111 Treveri, Галлия.

Deo Mercurio coloni Crutiosines ferunt de suo per dannum[1] Giamillum (CIL, XIII 4228).

Богу Меркурию крутиозинские колоны принесли из своих средств через посредство данна Гиамелла.

[1] dannus — должность в селе, plateodanni — лица, заботившиеся об улицах.

№ 112 Mutina, Италия.

Sallustiae Aphhrodite Condidius coniugi benemerenti cum qua vixi annis XXVI mensib. VIII dieb. VI sine querella.

Quod viva merui, moriens quod et ipsa rogavi,
coniugis hoc maesti red[di]dit ecce fides.
Sit licet infernae noctis tristissimus horror,
me tamen illius credo iacere toris.
Te pi[e] possessor, sive colone, precor,
ne patiare meis tumulis increscere silvas:
sic tibi dona Ceres larga de[t] et Bromius [1] (CIL, XI, 911).

Кондидий Саллустии Афродите, достойной супруге, с которой прожил 26 лет, месяцев, 6 дней, без ссор.

Что заслужила, живя, и о чем, умирая, просила,
Верность супруга теперь скорбного мне воздала.
Пусть охватил меня мрак угрюмый ночи подземной,
Верится мне, что лежу с мужем на ложе его.
Честный владелец, тебя или колона прошу:
Не допускай, чтобы лес на могильном холме моем вырос:
Щедро за то наградят Бромий с Церерой тебя.

[1] Одно из наименований Вакха.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ВДИ № 2 1955 г.

АВИИУ — И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту
AEp — Année Epigraphique
AJA — American Journal of Archaeology
AO — «Der alte Orient»
ARB, BCL — Académie Royale de Belgique, Bulletin de la classe des lettres
ARPG — M. H. Griffin, The administration of Roman Province of Kappadocia
ATL — B. D. Meritt, Wade-Gery, Mc. Gregor, The Athenian Tribute Lists, I—III, 1939—1950.
BASOR—Bulletin of the American School of oriental Research in Baghdad
BCMI — Bulletinul Comissiunii Mokumenteilor istorice, Bucureşti
BI — Bellum Iudaicum
BSOAS — Bulletin of the School of oriental and African Studies
Cagnat — Cagnat, R. Inscriptions latines d'Afrique. P. 1923
CAH — Cambridge Ancient History
CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum
GRAI — Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres
ВЦЦ — «Вэньу цанькао цзыляо»
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГХМ — Государственный Херсонесский Музей
GdVI — R. Kittel, Geschichte des Volkes Israel
HG — Histoire générale (G. Glots)
HRA — Handbuch der römischen Alterthümer
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JRS — Journal of Roman Studies
ЗВАХ — Законы Вавилонии, Ассирии и хеттского царства, ВДИ, № 3, 1952
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт, София
ИБАД — Известия на Българското археологическото дружество, София
ИОН — Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук
ИТУАК — Известия Таврической Ученой Археологической Комиссии
IG — Inscriptions Graecae
IGRR — Inscriptiones Graecae ad res Romanes Pertinentes
ILS — Inscriptiones Latinae Selectae
IOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
КСИИМК — Краткие Сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
MDAI — Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung, Athen.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИС — Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского п-ова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3

МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад.
MSI — «Memoriile sectiunii istorice,» Bucureşti
NC — Numismatic Chronicle, London
NH — Naturalis Historia
NNM — Numismatic Notes and Monographs, New York
OGIS — W. Dittenberger, Orientis Graeci Inscriptiones Selectae
OKH — W. Schur, Orientpolitik des Kaisers Nero
PTPN, NHS, PKH — «Posnanskie Towarzystwo Przyjacof Nank, Wydziaf, Historii i Nank Spoļecznich, Prace Komisji Historycznéj», Poznan
РЗОА — Развитие земельных отношений в Ассирии
RGDA — Res gestae divi Augusti
RE — Pauly — Wissowa—Kroll, Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
Rh. M. — Rheinisches Museum für Philologie
RN — Revue numismatique, Paris
СА — Советская археология
SBWA — Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Phil. — hist. Klasse
SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
SIG — Sylloge Inscriptionum Graecarum
SBPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
SCIV — Studii şi cercetari de istorie veche, Bucureşti
ТОАМЭ — Труды отдела Античного мира Государственного Эрмитажа
ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики гос. Эрмитажа
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского Государственного Университета, Ташкент
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
УЗРАНИОН — Ученые записки Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗ МОПИ — Ученые записки Московского Областного Педагогического Иститута
ZAW — Zeitschrift fur alttestamentische Wissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Праздник советской науки и культуры 3
И. Д. Амусин (Ленинград) — «Народ земли» (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии) 14
В. М. Массон (Ленинград) — Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным 37
О. В. Кудрявцев (Москва) — Провинция Каппадокия в системе римской восточной политики (17—72 гг.) 48
Т. Д. Златковская (Москва) — Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. до н. э.) 73

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. *В. Н. Дьяков* (Москва) — А. Г. Бокщанин, Социальный кризис Римской империи в I веке н. э. 92
Проф. *К. М. Колобова* (Ленинград)—С. А. Жебелев, Северное Причерноморье 98
Н. М. Постовская (Москва) — М. Матье, День египетского мальчика . . . 104
Г. Соколов (Москва) — А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья 107
Р. Ф. Итс (Ленинград) — Ценное издание по истории культуры Китая (Обзор журнала «Вэньу цанькао цзыляо» за 1950—1953 гг.) 111
О. А. Ротберг и *В. Н. Ярхо* (Москва) — Lehrbuch für den Geschichtsunterricht 118
В. И. Истрин (Москва) — M. Cohen, L'écriture 124
А. И. Немировский (Пенза) и *А. М. Ременников* (Казань) — F. Altheim, Niedergang der Alten Welt. 132
С. Р. Ким (Москва) — T. Mommsen, Römische Geschichte 140

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Борисова (Севастополь) — К вопросу об астиномах Херсонеса 143
И. Б. Брашинский (Ленинград) — К вопросу о положении Нимфея во второй половине V века до н. э. 148
И. М. Дьяконов, К. Б. Старкова (Ленинград)—Надписи Артаксия, царя Армении 161

ПУБЛИКАЦИИ

Б. А. Шляев (Темрюк) — Стела Гокона 175
А. А. Белецкий (Киев) — Греческая надпись на базе статуи из Ольвии 180
Е. Ф. Покровская (Киев) — Мелитопольский скифский курган 191

ХРОНИКА

Академик Р. Ю. Виппер 200
Иван Иванович Толстой 203
Лян Сы-юн (К годовщине со дня смерти) 205
И. Свентицкая (Москва) — Обзор основных археологических открытий в Греции за послевоенные годы 208

ПРИЛОЖЕНИЕ

Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской Империи. 219

Henker

Подп. к печ. 18.VI. 1955 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Бум. л. 8¹/₄
Печ. л. 22,6+5 вклеек
Заказ № 1084 Уч.-издат. л. 26,5
Тираж 4325 экз. Т-03686

*

2-я типография Издательства
Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ В ВДИ

№ 1 — 1955 г.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
245	14-я строка сверху	(Ташкент)	(Ленинград)

№ 2 — 1955 г.

187	7-я снизу	Отожествление Геросонта, сына Протогена, в обоих памятниках	Отожествление Геросонта в обоих памятниках

Редакционная коллегия:
проф. *В. И. Авдиев*
проф. *Н. Ф. Дератани*
чл.-корр. АН СССР *С. В. Киселев* (главный редактор)
к.и.н. *Н. М. Постовская* (отв. секретарь)
к.и.н. *О. И. Савостьянова*
акад. *В. В. Струве*
к.и.н. *З. В. Удальцова*
проф. *С. Л. Утченко* (зам. гл. редактора)

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, Институт истории АН СССР
Телефон Б 8-81-42

Цена 24 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

Имеются в продаже книги:

***ЛУКАН** Марк Анней*. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. Перевод Л. Е. Остроумова. Редакция, статья и комментарии Ф. А. Петровского (Серия «Литературные памятники»). 1951. 348 стр. Ц. 13 р. 95 к. в переплете.

Поэма освещает один из важных материалов истории зарождения принципата.

Материалы по археологии Советского Причерноморья в античную эпоху. Том I. Под ред. В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 19. Институт истории материальной культуры). 1951. 291 стр. с илл. Ц. 27 р. в переплете.

Сборник статей по древней истории юга нашей Родины, в особенности — Боспора (VI—I вв. до н. э.). Освещены экономика и культура городов Северного Причерноморья.

***МАШКИН** Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. (Институт истории). 1949. 685 стр. Ц. 36 р. в переплете.

Книга посвящена проблеме возникновения в древнем Риме императорской власти — военной диктатуры класса рабовладельцев.

Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна. (Серия «Литературные памятники»)

Том II. Годы 51—46. 1950. 502 стр., Ц. 18 р. 70 в переплете.

Том III. Годы 46—43. 1951. 826 стр., 7 вкл. Ц. 30 р. 60 к. в переплете.

В переписке Цицерона с друзьями и родственниками отражаются политическая и социальная жизнь, быт и нравы Рима той эпохи.

***РАНОВИЧ** А. Б. Эллинизм и его историческая роль*. (Институт истории). 1950. 382 стр. Ц. 18 р. в переплете.

История стран Всесоюзного Средиземноморья от эпохи Александра Македонского до II—III вв. нашей эры.

Эллинистическая техника. Сборник статей под ред. акад. И. И. Толстого. (Научно-популярная серия). 1948. 367 стр. Ц. 17 р. в переплете.

Статьи по истории строительной техники, техники промышленности, военного дела и мореходства и др. (период, приблизительно, от смерти Александра Македонского до образования римского принципата).

КНИГИ ПРОДАЮТСЯ В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПОЧТЕ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, УЛ. КУЙБЫШЕВА, 8, КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА».